АКТЕРСКАЯ КНИГА

НАТАЛЬЯ БОНДАРЧУК

ЕДИНСТВЕННЫЕ ДНИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Единственные дни» – книга известной актрисы и режиссера Натальи Бондарчук, в которой она с предельной, подкупающей откровенностью рассказывает о себе и о людях, с которыми довелось жить и работать.

В книге она пишет об отце – режиссере Сергее Бондарчуке и матери – актрисе Инне Макаровой, учителе Сергее Герасимове, коллегах по актерскому цеху Василии Шукшине, Николае Бурляеве, Сергее Безрукове; режиссерах Андрее Тарковском, Ларисе Шепитько, Владимире Мотыле, о съемках своих фильмов «Бемби», «Пушкин. Последняя дуэль», «Гоголь. Ближайший».

- Наталья Бондарчук
  - «Единственные дни» Натальи Бондарчук
  -
  - Когда не было времени
  - Истоки
  - Волшебный фонарь
  - Космическое явление
  - Сибирь
  - Переделкино
  - Первая любовь
  - Ново-Дарьино
  - Баба Аня – писательница
  - Дети
  - У меня есть брат
  - Встреча
  - Встречи на Солярисе
  - Впервые на Алтае
  - ВГИК
  - Учитель
  - Встречи на Солярисе-2
  - Раннее замужество
  - Канны
  - Встреча с Бурляевым
  - Из дневника
  - Феллини и Тарковский
  - Сорренто
  - Первый фильм
  - «Звезда пленительного счастья»
  - «Живая радуга»
  - «Детство Бемби»

- Невозвращенец
- Лермонтов
- «Юность Бемби»
- V съезд кинематографистов СССР
- Прощание с Тарковским
- Клубы «Бемби». Дочь
- Беловодье. Путем Учителей
- Путь к прекрасному. Святослав Рерих
- Печальники земли русской
- Театр «Бемби»
- Отец
- «Одна любовь души моей…»
- 10 мая 2003 года. День рождения
- «Любовь и правда Федора Тютчева»
- «Дуэль и смерть Пушкина»
- Встреча с юностью
- Дорога уходит вдаль
- Единственные дни
- Пушкин (продолжение)
- Египет
- Пушкин путешествует по миру
- Фестиваль Тарковского в Лондоне
- Почему я решила вступить в партию
- Нужно любить Россию
- В гостях у Пушкиных
- Путешествие на землю обетованную
- Гоголь
- Чрезвычайный съезд
- Свет нездешней жизни. Молитва
- Гоголь (продолжение)
- Ново-Дарьино
- Фото

- notes
  - 1

Наталья Бондарчук
Единственные дни

«Единственные дни» Натальи Бондарчук

В Московском Доме кино шла премьера фильма Андрея Тарковского «Солярис». На экране прекрасная молодая женщина Хари, созданная фантазией авторов, доказывала, что она имеет право называться Человеком.

Она – человек, потому что может любить…

И вот теперь для Натальи Бондарчук, актрисы, сыгравшей Хари, а потом много других ролей, ставшей режиссером, пришло время воспоминаний. Она взялась за трудное и ответственное дело – как свидетель былого она должна говорить «правду, только правду, ничего, кроме правды». И Наталья Сергеевна выбирает свою правду, ее правда – правда личная, семейная, творческая. Она не ставит перед собой задачу оценивать сложную и трагическую историю советского кино. Людей, о которых рассказывает автор, объединяет теперь только ее личная судьба – так глубока пропасть, разделяющая эти имена: Тарковский, Герасимов и Бондарчук. Не подчинившийся идеологии режиссер и фавориты этой идеологии… И все трое – учителя и любимые люди Натальи Бондарчук, о которых она рассказывает с присущим ей эмоциональным подъемом.

Книга Натальи Бондарчук – очень женская. Книга дочери, жены, матери. Книга человека любящего, прощающего, пристрастного, готового защитить, заслонить собой своих близких. Книга женщины, умудренной жизненным опытом.

Но мы видим здесь и другую Наталью Бондарчук, ту безрассудную девочку Наташу, которая совершает поступки по велению не разума, а сердца, не думая о последствиях. В духовной и в творческой жизни Натальи Бондарчук присутствует это «безрассудство», тут ее ничто не сдерживает. В поисках духовного идеала она, православная христианка, обращается к учению Рерихов… и строит на Алтае часовню Преподобного Сергия Радонежского. Как режиссер осуществляет свою мечту – снимает фильм о Бемби, и это после всемирно известного мультфильма Диснея! Затем – фильмы о Пушкине («Одна любовь души моей», «Пушкин. Последняя дуэль»), о Тютчеве («Любовь и правда Федора Тютчева») и теперь – «Гоголь. Ближайший»…

В наше прагматичное время, возможно, многие отнесут к безрассудству и то, что Наталья Бондарчук бескорыстно делает для детей – клубы «Бемби», детский театр, спектакли с детьми и

для детей.

Андрей Тарковский говорил когда-то, что фильм – это поступок. Книга «Единственные дни» – тоже поступок.

М. Тарковская

И целая их череда
Составилась мало-помалу,
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.

Борис Пастернак

Когда не было времени

Вы будете смеяться, но я помню свое рождение. Помню первую кроватку из плетенки… Хорошо помню нашу первую квартиру, где жила вместе с мамой, папой и бабушкой.

Родители решили назвать меня Натальей, что в переводе с древнегреческого означает «природная».

Конечно, «природная» не подозревала, что родилась у известных актеров – Инны Макаровой и Сергея Бондарчука. Родители успели к этому времени закончить Институт кинематографии и сняться у своего учителя Сергея Герасимова в фильме «Молодая гвардия». Она – в роли Любки Шевцовой, он – в роли Валько.

Мама, по старинному поверью, к рождению ребенка не готовилась, и «природную» по приезде из роддома положили в чемоданчик, укутав ватой и чистыми тряпочками. Позже была куплена плетеная кроватка, и «природная» сразу отправилась в первое путешествие на балкон.

И сегодня вся моя жизнь проходит на чемоданах, в бесконечных поездках и общении с природой.

Наша семья жила в Москве на Новопесчаной улице в кирпичном доме, построенном пленными немцами. Получить отдельную однокомнатную квартиру по тому времени – началу пятидесятых годов – было почти роскошью. До этого папа и мама жили в полуподвальном помещении, тесном и мокром, где однажды по отцу даже пробежала крыса, что, впрочем, говорят, к счастью.

Я, бабушка и моя няня спали на кухне, мама и папа – в единственной комнате. Днем я царила везде, ползая по всей квартире, трогая и вытаскивая на свет все доступное рукам – особенно книги. К книгам у меня с детства развилось чувство глубокого почтения. Особенно меня привлекали две. Большая поваренная книга с красочными иллюстрациями – «О вкусной и здоровой пище». И «Божественная комедия» Данте Алигьери. Я с интересом рассматривала гравюры Дорэ, пугающие и таинственные. На многих из них люди были изображены свободно парящими в воздухе. Это парение и привлекало, и завораживало мое детское воображение – будто какая-то остаточная память о мире ином. Я и вправду помнила свои ощущения от быстрого полета куда-то вниз, к земле. Я летела вниз головой, что было не особенно приятно, и меня окружало бесчисленное множество полупрозрачных фигур. Иногда родители брали меня вечером к себе в комнату, и тогда в

полутьме я видела нечто похожее над их кроватью (я совершенно не выносила темноту и засыпала только при свете настольной лампы). А еще тот, другой, мир был иным по красочности. Светоносные полупрозрачные и в то же время яркие тона, как крылья бабочки, редко присутствовали в реальном, пока еще скучноватом сереньком мире. И только в Новый год разноцветные шары и лампочки на елке напоминали тот наполненный красотой мир. А еще меня завораживали витражи. Моя любимая станция метро «Новослободская» даже подобием витражей вызывала восторг и чувство радости.

В одном итальянском документальном фильме снят будущий младенец во внутриутробном состоянии. Его глаза мелкомелко подергиваются, приборы фиксируют состояние парадоксальной фазы сна. Еще не родившийся на свет ребенок *видит* сны. «Какие сны в том смертном сне приснятся, когда покров земного чувства снят?» – вопрошает Гамлет. А если еще нет земного чувства, а ребенок видит сны?

Когда моему собственному сыну исполнилось четыре года, я не удержалась, спросила:

– Где ты был, когда тебя не было?

– Я был в океане душ, – ответил Ваня.

Заговорила я поздно. В самом раннем возрасте меня напугала одна знакомая, и родители уже начали волноваться из-за моего упорного молчания. Однажды мама несла меня на руках, переходя по мостику через речушку.

– Мама, не упади в речку вместе с Наташкой, – вдруг сказала я, и мама, тихо охнув, чуть не выпустила ребенка из рук. А я замолчала – снова надолго.

В майский погожий денек бабушка Аня повезла меня кататься на катере по Москве-реке. На обратном пути, завидев знакомые дома, я отчетливо произнесла: «И родимая страна вот уж издали видна». И потом уже болтала без умолку и наизусть читала сказки Пушкина.

Пушкин! Он был всегда рядом со мной, с нами. Вот подул сильный ветер, как хорошо было ему вторить:

Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч…

Папа нарисовал море и веселый парусник, а я уже радуюсь его движению:

Он бежит себе в волнах

На раздутых парусах.

Пушкин – чудо! Вот уже больше двух столетий дарит он нашему народу особый ритм бессмертных стихов – детям, взрослым, старикам. Работая над фильмом об Александре Сергеевиче Пушкине, я снова касалась волшебного источника жизни, из которого привыкла пить с детства.

Перед сном мне рассказывали сказки. Моя добрая любимая няня Нюра пришла без паспорта в город из глухой деревни, приютилась у нас и жила до восьми моих лет, став нам родной. Поначалу в городе все ей было чуждо, слишком сильна была ее привязанность к деревне. Запомнился ее рассказ о людях-оборотнях. Да-да, в глубинках есть еще это чудо-юдо.

«И обернулся один из них кабанчиком, другой – псом, а третий – птицей. Собирались они у большого дуба, один на ветке сидит, другой в дупло залез, а третий в корнях притаился. Друг дружку они понимают, хоть и в зверином обличье. Многие там их подмечали, а как светать станет, петух прокукарекает – так снова людьми оборачиваются и по домам расходятся».

Ну чем не «Вечера на хуторе близ Диканьки»! Верил ли сам Гоголь подобным рассказам? Думаю, не только верил, но и знал многие.

Однажды увидела я над своей кроваткой склоненную няню Нюру, а рядом с ней… корову. Самую настоящую, с мокрым носом, даже запах коровий был и дыхание. Что это было? Только не сон. Видение? А может быть, я увидела ту корову, по которой тосковала моя няня Нюра?

Думаю, что детство каждого ребенка окутано плотной мантией иного бытия. Часто ребенок сам сознает себя частью сказочного мира и пробует свои колдовские штучки. Например, я была убеждена в том, что, надавливая на металлический шпингалетик на окошке трамвая, сама закрываю двери и отправляю всех пассажиров в путь. А дяденька впереди, за стеклянной перегородкой – тоже волшебник, и все мы делаем с ним вместе.

Летом, по возможности, бабушка Аня водила меня по грибы. Видимо, скучая по своей родной Сибири, она могла целый день провести в лесу, взяв с собой немного хлеба, картошки и воды. Так вот там, в лесу, я находила волшебную палочку, которая сама искала мне грибы. Я с ней внутренне беседовала, уговаривала искать хорошо и не лениться. Если грибов в корзинке было много, я не бросала палочку, а старательно пристраивала ее к самой зеленой ветке, окутав листьями, чтобы она не горевала, что такая

голая, чтобы ощутила себя, как прежде, живой. Ведь живым было все вокруг: добродушно улыбалось солнце, сверкал серебряными рожками месяц, сияли и лучились волшебные камни. Но, что самое главное, в детстве еще не было времени – были события, они просто сменяли друг друга.

Истоки

Происхождение моей бабушки, Анны Ивановны Герман, было таинственным. Ее совсем крошечной положили на порог сибирского дома. Удочерили ее Ирина Самсоновна, в девичестве Варакина, и Иван Михайлович Герман. Своих детей у них не было. Но поговаривали, и скорее всего так и было, что дочь Аннушка была настоящей, кровной дочерью Ивана Михайловича. Он был из австрийских поляков, сосланных в Сибирь, был католиком, а при венчании с Ириной Самсоновной принял православие, но сохранил европейские привычки: любил пить по утрам кофе и выписывал газеты.

Все это я выведала у взрослых гораздо позже.

Позже узнала и то, что моя бабушка, моя голубоглазая Буся с косой до пят – известная сибирская писательница, журналист, бесстрашная исследовательница горного Алтая. Работала она и литературным редактором на радио, а мой дедушка – Владимир Степанович Макаров, обладавший редким по тембру голосом, – был диктором и писателем. Публиковались его поэмы, стихи. В 1934 году он стал членом Союза писателей. Но я дедушку не знала, так как прожил он свою яркую жизнь за тридцать четыре года. Его отец, мой прадед, Степан Родионович Макаров, переселенец из Вятской губернии, отправился вместе с братом в Сибирь и жил в Мариинске. Говорят, хорошо делал гармошки и сам на них играл.

Там, в Мариинске, на высоком крыльце построенного дедушкой дома состоялось первое выступление будущей народной артистки СССР – шестилетней Инны Макаровой. Вот как она описывает это в своей книге «Благодарение»:

«Задача была одна: собрать, усадить, а потом удержать зрителя на местах любыми средствами. Стулья выносились из дома и ставились перед крыльцом, и сидели на них почти все взрослые обитатели дома. А народ у нас был театральный. О папе и маме говорить нечего – они работали в Новосибирском радиокомитете.

Давался фрагмент из пьесы “Клад”. На крыльцо я затащила огромный куст полыни, за который пряталась. Когда началось действие, одна из девочек крикнула: “Птаха, ты где?” Я из-за полыни кричала: “Ау, я здесь!” И так несколько раз, пока в первом ряду на стуле не остался один дедушка по причине безмерной своей доброты. Но лиха беда начало. Я поняла, что одним “искусством” неблагодарную публику не удержишь, нужен буфет!»

В раннем детстве мы с двоюродным братом Андрюшей Малюковым (ныне известным кинорежиссером, снявшим такие фильмы как «В зоне особого внимания», «Бабочки», «Я русский солдат», «Империя под ударом», «Спецназ») собирали землянику, делали морс, затем устраивали театральный буфет и созывали публику на наше представление. Тогда я, конечно, не подозревала, что мы в точности повторяем забавы маленькой Инны, сибирской девочки, ставшей впоследствии знаменитой актрисой.

Мой папа родился 25 сентября 1920 года в селе Белозерка Херсонской области на Украине. Дедушка – Федор Петрович Бондарчук – руководил большим колхозом в Приазовье, работал и на кожевенном заводе в Таганроге, где были свой театр и кинотеатр. Его маленького сына Сергея увлекал театр, где иногда выступал его родной дядя, а потому выпадала возможность проникнуть за кулисы.

Так увлечение театром мальчика Сергея из Украины и девочки Инны из Сибири предопределило их дальнейшую судьбу. В детстве мне казалось, что родители мои встретились, конечно, только для того, чтобы я появилась на свет.

Волшебный фонарь

Мне было года три. В Катуарах, где снимали на лето комнатку с верандой, я впервые увидела фильмы с участием Чарли Чаплина. У наших соседей была трофейная киноустановка. Почти каждый вечер собиралось человек десять, включалась волшебная лампа, и с сильным треском под музыку шли самые лучшие фильмы Чарли Чаплина.

Я хохотала от души, но один фильм, «Огни большого города», вызывал у меня неизменно самые горючие слезы. История слепой девушки и влюбленного в нее Чарли полностью завладела моим сердцем. Как я радовалась, что Чарли, притворившись миллионером, помогает девушке, делает все, чтобы она прозрела.

И вот оно, чудо: девушка вновь обретает зрение. Узнает ли она, кто был ее благодетелем? И я с замиранием сердца смотрю финал фильма – уже прозревшая девушка ощупывает лицо Чарли, дальше картинка с надписью, кто-то читает вслух: «Это вы? – Да, это я». Я плакала еще и потому, что с нами в доме жил слепой юноша семнадцати лет. Он был красив, легко вьющиеся волосы обрамляли почти детское лицо с большими карими, казалось, совершенно зрячими глазами. Ослеп он, видимо, не так давно и был беспомощен, его везде и всюду водила за руку мать. Конечно, в моей детской фантазии я так же, как и Чарли, освобождаю юношу от слепоты, но это была только моя мечта.

Как-то стремительно наступила осень и зима. Мы вновь перебрались в наш дом на Новопесчаной улице. Война закончилась, но люди еще долго помнили о ней: пели военные песни, смотрели военные фильмы.

Подвиг молодогвардейцев был еще свеж в памяти людей и артистов, сыгравших в фильме Сергея Аполлинариевича Герасимова «Молодая гвардия». Многие отождествляли артистов с персонажами, бесконечно их любили и почитали за героев. И я сама, посмотрев тяжелый для детского восприятия фильм, пролив слезы, беззаветно была предана молодогвардейцам. Я любила мою маму, Любку Шевцову, и даже нафантазировала себе, что Люба и есть моя мама.

Ведь Любка хотела стать артисткой, размышляла я, и разве могли ее, такую яркую, радостную, убить фашисты, она была ранена, потом попала в больницу, изменила имя и фамилию, стала Макаровой и родила меня. Ну, а если я родилась от героев (роль Валько играл мой отец Сергей Бондарчук), стало быть, я сама непременно должна стать героем. Потому, выходя зимой во двор, я низко, почти на глаза, нахлобучивала на себя шапку-

ушанку, надевала валенки с калошами, короткую шубенку и туго затягивала на себе широкий ремень со звездой. Главное, чтобы никто не догадался, что я девочка. И когда кто-нибудь говорил мне: «Эй, пацан», – я была счастлива.

Космическое явление

Однажды мы все узнали, что умер Сталин. Не знаю уж почему, но отношение к «вождю» у меня с детских лет было негативным. А вечером того памятного дня, выйдя с няней Нюрой погулять, я увидела в небе яркую крупную звезду с хвостиком и рядом с ней такую же поменьше. Они быстро передвигались и вскоре скрылись. Долгие годы я была убеждена, что в этот день видела комету, но, понаблюдав за реальными кометами и их медленным продвижением, так и не смогла понять, с каким именно космическим явлением встретилась я в день смерти Сталина. А тогда во дворе, увидев лежащего на лавке пьяного мужчину, ткнула на него пальцем и сказала Нюре недружелюбно: «Вот он, Сталин, умер, а лежит здесь…»

Нюра поспешно увела меня домой.

Вообще смерти я не боялась. В лихие же минуты, когда мне казалось, что меня сильно обижают взрослые, воображала себя мертвой: «Вот умру и все увижу, как они меня жалеть будут и плакать». И я тоже начинала реветь.

– Что ты плачешь, Ната? – спрашивала меня обеспокоенная бабушка. Я, конечно, молчала, да и что было сказать – что я плачу от того, что умерла?

– Тебе что-нибудь нужно? – не отставала бабушка.

– Да, куклу, – врала я.

В детстве не было не только времени, но и пространства. Вернее, не существовало его разграничения, и дом в Новосибирске был где-то рядом. Там же, недалеко от города, было озеро с мальками и лягушками, и все это было со мной долго-долго и после того, как мы уехали из Сибири. Мир фантазии и реальности тоже имел условные границы, ведь во сне, в книгах солнце улыбалось, а звери разговаривали.

Сибирь

Мне четыре года. И живу я теперь в доме Малюковых – у маминой сестры, тети Нины, ее мужа, дяди Игоря, и моего брата Андрея. Игорь Михайлович Малюков был художником, тетя Нина работала редактором в журнале «Сибирские огни».

В большой квартире старого дома Малюковых жила еще собака, немецкая овчарка. Запомнился в коридоре большой сундук, а на кухне – смешная сахарница с улыбающимся лицом. А еще во дворе росло огромное дерево, усыпанное ранетками, маленькими кислыми яблочками. С покатой крыши сарая можно было великолепно, с визгом, скатываться вниз.

Вскоре я, бабушка с тетей и дядей, с Андрюшкой (он старше меня на два года) переехали на стареньком грузовичке на дачу, где жарились на солнце и ловили мальков, а дядя Игорь писал свои этюды. К этому я привыкла, потому что мой папа тоже любил писать картины, и запах масляной краски мне с детства приятен.

В Сибири меня манили большие качели. Они стояли у самого леса, и, если сильно раскачаться, можно было лететь почти вровень с макушками елок – дух захватывало от таких полетов. Хозяйские дети, как и все дети, любили страшные рассказы. Как только солнышко клонилось к закату, мы, конечно, начинали пугать друг друга. На печке собирались все пятеро ребятишек, и кто-нибудь самым заунывным и тихим голосом принимался рассказывать о черном-черном гробе и белом-белом скелете, и в конце таинственного рассказа гроб раскрывался. Это произносилось очень громко, все визжали от страха, скатывались с печки и кидались вон из дома на качели. Там, немного успокоившись, начинали петь жалостными голосами «Катюшу» и снова визжали, эхом отдавался лес, страшно ухали вспугнутые совы, и вновь вся ватага бежала в дом на печку. Все бы ничего, но я была настолько мала, что не успевала вовремя слезть с печи и прибегала к ребятам как раз тогда, когда они с визгом срывались с качелей. В одиночку взобраться на печь – тоже большая проблема. Так и носилась я за детворой, не успевая вдоволь насладиться страшилками.

Однажды пошел сильный-сильный дождь, и неожиданно выглянуло солнце. Никого не спросясь, мы с Андрюшкой, босые, в одних трусиках выбежали на улицу и стали отплясывать под дождем. Ах, как чудесно хлюпала грязь под ногами, какие прохладные струйки скатывались по лицу и спине… А как дышалось лесом, травой, влагой… детством.

Удивительно, как детство осторожными штрихами предопределяет будущее. Бабушка Аня рассказывала мне о своих путешествиях по Алтаю, по горным дорогам которого мне предстояло проехать на коне к таинственной и прекрасной горе Белухе. Папа, усадив на колени, рисовал мои любимые парусники, готовя меня к далеким путешествиям (я впоследствии объездила полмира, от Исландии до Новой Зеландии, Канады и Перу). А мама рассказывала мне историю о маленьком олененке Бемби, ставшую моей любимой темой в кинематографе.

А пока я знакомилась с миром моих родителей. Ох, до чего же он был разнообразным и шумным. Артисты, среди которых были Николай Рыбников, Алла Ларионова, Сергей Лукьянов, Клара Лучко, Иван Переверзев и много-много других замечательных личностей, буквально с колыбели вошли в мою жизнь. А благодаря бабушке я познакомилась и с известными писателями.

Переделкино

Не имея собственной дачи, на лето бабушка вывозила меня и брата Андрюшу в Переделкино. Я навсегда полюбила это смешное название. Там мы жили на даче Лидии Сейфуллиной, известной писательницы и бабушкиной подруги. Деревянный дом окружал еловый лес, в овраге был большой малинник. А еще недалеко от нас жил замечательный и любимый дедушка, звали его Корней Иванович Чуковский. Стихи Чуковского я обожала. А его «Муху-Цокотуху», которая пошла на базар и купила самовар, знала наизусть.

Как-то папа решил сделать домашний радиоспектакль, опробовать только что купленный магнитофон. Была выбрана «Муха-Цокотуха», и мне досталась первая в жизни главная роль в папиной постановке – роль Мухи. Мне очень понравился сам процесс создания спектакля – мы по-настоящему чокались лимонадом, разлитым по бокалам, шуршали юбками, когда собирались гости, и громко топали, когда убегали от паука. Папа двумя кухонными ножами изобразил звон сабли Комара, спасающего Муху. Я была в восторге от всего этого шума и гама, но вот мы уселись, чтобы прослушать наш спектакль. И когда я услышала какие-то жалкие звуки, похожие на голос простудившейся мыши: «Дорогие гости, помогите, паука-злодея зарубите», – с ужасом поняла, что это мой собственный голос. Я разрыдалась так, что меня долго успокаивали.

Но вот он, Корней Иванович Чуковский, знаменитый автор «Мухи-Цокотухи», живет рядом и даже приглашает к себе на дачу ребятишек, чтобы посидеть с ними у костра. Но для того, чтобы получить пропуск к костру, нужно было набрать много-много шишек. С соседской девочкой Таней я насобирала целый передник шишек и принесла Чуковскому. «Дедушка Корней» утопал в ребятишках и внимательно выслушивал каждого, у него был большой нос и добрые, чуть лукавые глаза. Танюша сразу освоилась, уселась на колени к Корнею Ивановичу и стала ему рассказывать что-то про то, как Мишка свалился с кровати. Мне стало за нее стыдно, я уже понимала, что это совсем нескладно, и вовсе не стихи, но сама я читать стихи не стала, а сидела и слушала. Откуда мне было знать, что Корней Иванович в это время писал свою знаменитую книгу «От двух до пяти» и из нашей дребедени вылавливал жемчужины.

– Кто муж у стрекозы?

– Стрекозел.

– А кто такая гусеница?

– Жена гуся.

Когда у меня появился сын Ваня, то к двум его годам я вспомнила и эту книгу, и наш лепет.

– Вот видишь, Ванюша, – предлагала я рассмотреть сыну игрушечную белку, – вот что это у белочки блестящее?

– Глазки, – говорил сын.

– Правильно, а вот черный круглый?

– Носик.

– А вот сзади смотри, какой пушистый?

– Щетка! – убежденно ответил Ваня.

Идем по улице, а сынок задирает голову:

– Смотри, мама, видишь, завод облака делает.

Проезжаем мимо церкви, на которой нет крестов, Ваня обращает на это внимание и говорит рассерженно:

– Какое кащейство!

Милый, добрый Корней Иванович, сколько тогда ребячьих сердец наполнялось радостью от встреч с ним.

Однажды мы с бабушкой Аней проходили мимо одной дачи, огороженной невысоким штакетником. Баба Аня поздоровалась с работающим на своем участке человеком.

– Это кто? – поинтересовалась я.

– Это Борис Леонидович Пастернак яблоньки окучивает.

– Тоже детский писатель? – спросила я, привыкшая к тому, что живу в поселке среди писателей.

– Нет, он взрослый писатель, очень взрослый, – как-то по-особенному произнесла бабушка. – Хороший писатель и поэт, – прибавила она.

Разве могла я тогда знать, что над Борисом Леонидовичем уже сгустились черные тучи. Его исключили из Союза писателей за то, что за границей был издан его роман «Доктор Живаго».

Много позже бабушка рассказала мне по секрету, что во время собрания на стадионе в Лужниках, которое транслировалось по телевидению, Семичастный кричал в микрофон: «Вон из России!», и толпа подхватывала этот рев: «Вон из России!» Хотя, конечно, романа никто не читал. Моя мама была на этом собрании, и бабушка увидела по телевидению орущую толпу и мамино скорбное лицо и сжатые руки. Она была из тех немногих, которые не подняли свой голос против любимого поэта.

Конечно, мамин поступок, за который она могла поплатиться, погоды не сделал, но важно было не поддаться общей подлой травле.

«Промолчи, промолчи, попадешь в палачи…» Сколько раз в жизни я получала подтверждение этим строкам Александра

Галича, проверяя их на других и на себе. А тогда, в далеком детстве, мы с бабушкой прошли дачу Пастернака, перешли по мосту через речку и поднялись на холм к церкви с голубыми куполами.

Этот храм любил мой отец, он приходил с этюдником и работал маслом. До сих пор у меня хранится этюд «Голубые купола Переделкинского храма». Разве я могла знать, что в девятнадцать лет, заканчивая съемки у Тарковского в «Солярисе», я захочу креститься и выберу этот храм. А пока мы с бабой Аней гуляли вдоль монастырских стен и Борис Леонидович Пастернак писал стихи у себя в Переделкине:

В церковной росписи оконниц
Так в вечность смотрят изнутри
В мерцающих венцах бессонниц
Святые, схимники, цари.

Как будто внутренность собора —
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.

Природа, мир, тайник Вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою.

Первая любовь

В Переделкине случилось со мной чрезвычайное происшествие – я влюбилась. Раньше я влюблялась только в киногероев – например, моим кумиром был Роберт Грант в исполнении Яши Сегеля, я даже свою чахлую панамку гордо сдвигала на затылок, как это проделывал Роберт со своей соломенной шляпой. Но в Переделкине тот, в кого я влюбилась, был мальчик лет двенадцати, а мне-то только четыре. Его звали Митхат, у него были карие глаза, слегка вьющиеся волосы. Главным было то, что у него был свой велосипед. Настоящий двухколесный, взрослый велосипед, он даже однажды посадил меня и провез немного на нем.

И вот тут-то все и началось… Мне казалось, что я непременно должна первая выказать свое чувство к нему. Обычно мы вместе смотрели телевизор, сидя на деревянной лестнице, ведущей на второй этаж. Крошечное окошечко одного из первых в моей жизни телевизоров таинственно мерцало, передавая нам историю чужой жизни, и тут я решилась. Митхат сидел рядом, взрослые на нас не смотрели, и я положила свою руку ему на плечо и замерла. Он моей руки не откинул, и я поняла, что моя любовь не была безответной. На следующий вечер мы с бабой Аней шли пешком от станции через поле, над нами сияли звезды, и я призналась.

– Баба Аня, знаешь, я должна тебе раскрыть страшную тайну, только никому, слово?

– Слово, – пообещала бабушка.

– Я женюсь! – выпалила я.

– Наверное, все-таки выходишь замуж, – спокойно поправила меня бабушка. – А кто жених? За кого замуж собралась?

– За Митхата. Мы поженимся, и у нас будет много-много детей.

– А он что, тоже хочет жениться? – спросила бабушка. Этого я не знала и замолчала. Бабушка поняла, как всё-то у меня непросто складывается, и начала рассказывать про себя.

– Знаешь, Ната, я в твоем возрасте тоже влюбилась, в одну красивую пятилетнюю татарочку.

– Так она же девочка? – удивилась я.

– Ну и что ж, я тогда еще не вполне различала разницу между девочками и мальчиками. Я решила на ней жениться и сообщила об этом своей маме, а та мне объяснила: «Видишь на ней монисты?»

– Монисты – это что? – спросила я.

– Это такое красивое украшение, ожерелье из монеток. Так

вот: «Она просватана», – сообщила мне мама.

– Просватана – это как?

– У нее уже есть жених, их обручили родители, как только они родились, и подарили в знак этого события монисты маленькой невесте. Так что свадьба моя расстроилась.

– А у меня монисты есть? – забеспокоилась я.

– У тебя нет, у нас, русских людей, это не принято.

Больше мы об этом не говорили, но от бабушкиного рассказа во мне возникло легкое сомнение в близкости свадьбы.

Как только мой сын Ваня достиг четырехлетнего возраста, он тоже влюбился в свою воспитательницу детского сада, которой было лет тридцать.

– Мама, можно мне ей об этом сказать? – спросил он.

– Не знаю, Ванюша, может быть, – уклончиво ответила я.

– Я уже сказал, – выдал мне свою сердечную тайну сын.

– А она? – заинтересовалась я.

– Она мне ничего не ответила, – вздохнул Ваня.

Я подумала про себя: странная женщина, ей ребенок в любви признается, а она с ним не разговаривает. Ваня, словно услышав мои мысли, поднял на меня глаза и добавил:

– Ведь я ей сказал про себя, а не вслух.

Ново-Дарьино

К шести моим годам родителям выделили участок в поселке Ново-Дарьино. Как только мы прибыли на участок, я тут же собрала мелкий хворост и шишки для будущего самовара. Средств на дом не было, и пока на лето построили времянку из горбыля. В ней мы и жили с бабушкой, готовили на керосинке «щи да кашу – пищу нашу».

Двор участка был не огорожен, и к нам часто заходили разные люди собирать грибы. Однажды, когда мы улеглись спать, бабушка меня разбудила.

«Вставай, вставай, Ната, к нам гости пожаловали». Какие, думаю, гости ночью. Смотрю, а в дверь времянки просунулась большая лосиная морда. Лосиха, содрав кору с яблонь колхозного сада, привела с собой на подкорм к нам трех лосят, и мы с бабушкой кормили их кашей из кастрюльки.

Как только был поставлен маленький домик, к нам из Сибири приехали тетя Нина, дядя Игорь и мой брат Андрюша. Он мечтал быть клоуном, и мы с ним затеяли театр, вернее – представление.

Ходили в гости по соседям и выступали. Программа была разнообразная. Вначале мы показывали сложный цирковой номер – пирамиду. Андрюшка вставал на одно колено, а на другое его колено я опиралась одной ногой и широко раскидывала руки – зрители аплодировали и почему-то смеялись.

Мы кланялись. Потом композиция менялась и я, опираясь на Андрюшку, высоко поднимала ногу – это была ласточка, – и все проходило хорошо, если с ноги не падал сандалик.

Дальше в нашей программе были фокусы. С огромным успехом я показывала один фокус, которому меня научил папа. У хозяев дачи, где мы выступали, брался стаканчик. На глазах у всех присутствующих я накрывала его газетным листом, и бумага принимала его форму. Кто-нибудь должен был проверить стаканчик, постучав по нему карандашом до звона. Затем я произносила заклинание, во время которого возила стаканчик кругами по столу, и, наконец, хлопала по стаканчику рукой, и он исчезал, оставалась только одна бумага. Аплодисменты, восторги. После обязательного угощения артистов я торжественно возвращала целый и невредимый стаканчик хозяевам.

Андрюшка понимал, что фокус пользуется огромным успехом, и, конечно, знал, что, улучив момент, я незаметно скидывала стаканчик себе в юбку, а бумага продолжала поддерживать форму, хлоп – и нет стаканчика. И вот в одном доме он решил сам показать этот фокус и потребовал стакан. Все

хорошо, но вот он – момент незаметного скидывания стакана в юбку, а юбки-то у Андрюшки не было, были штанишки, и – бац… Стакан на полу, пришлось извиняться перед хозяевами за порчу посуды, больше Андрюшка на мои фокусы не покушался. Зато показывать клоуна – в этом равных ему не было…

Через несколько лет Андрей Малюков станет известным кинорежиссером, снимет фильм «Тридцать четвертый скорый». Главным героем фильма будет старый полуослепший клоун, его блестяще сыграет Лев Дуров. Так Андрюшкин клоун получит новое воплощение. Исполнилась твоя мечта, братишка!

Баба Аня – писательница

Итак, с самого раннего детства я знала, что моя бабушка Аня – писательница. Она вставала рано-рано, еще до зари, пила чай вприкуску с двумя кусочками сахара, и садилась за свою трофейную пишущую машинку, в которой немецкий шрифт был переделан на русский, и усердно печатала свои рассказы и очерки. Утро было ее: все еще спали, а она работала.

Правда, в детстве я не знала, что бабушкины листки с печатным текстом в большинстве случаев попадали в ее же стол и больше никуда. Не знала я и того, что бесстрашная исследовательница Горного Алтая Анна Ивановна Герман, написавшая интересные очерки и книги о Сибири, боялась публиковать свои новые работы. Многие хорошо ей знакомые писатели и писательницы в страшные сталинские времена были под арестом, а иные расстреляны. Про саму же Анну Ивановну было написано в газете так: «Нам не нужны Анна Герман и Жюль Верн». Конечно, Анна Ивановна внутренне была горда, что ее сравнивали с Жюлем Верном, но, как только у младшей дочери Инны появилась на свет я, бабушка навсегда уехала из Новосибирска в Москву помогать маме меня воспитывать. Но привычку к писательскому труду бабушка не оставила, иногда выпуская «статейки», как сама говорила, с горькой иронией.

К нам в гости в Ново-Дарьино приезжала ее подруга, поэтесса Елизавета Константиновна Стюарт. Голубоглазая Стюарт была дворянского происхождения, с королевской осанкой, красивая и нежная. Она очень любила мою бабушку, маму и меня. Мы часто вместе ходили гулять в лес к озеру, и Елизавета Константиновна обращала мое внимание на лесные цветы и голубых стрекоз над водой. Именно там, около нашего озера, при мне рождались ее удивительные стихи:

Большие синие стрекозы
В лесу над озером летят.
Еще зеленые березы
В него по-летнему глядят.

И лишь одна, в сторонке стоя,
Опередила всех подруг:
Надела платье золотое
И вышла первая на круг!

Как только я научилась писать, пока еще печатными буквами, то сразу задумала создать свою книгу. И название придумала: «Звездный мальчик» – меня не смущало то обстоятельство, что мотив был навеян фильмом с аналогичным названием. Что такое плагиат, я в это время еще не знала. Первым делом я принялась за обложку.

Вырезав из светлого картона небольшой листок и сложив его пополам, я взялась за краски. Изобразила чернильное небо и желтые звезды, потом большими печатными буквами написала заглавие, затем из более тонкой бумаги я вырезала листочки поменьше и вклеила в обложку: получилась приличная книжица, но на все это ушло дня четыре, и дело дальше как-то не пошло.

Бабушка и мама решили посадить свой сад. Вскоре были доставлены на участок первые саженцы, и началось. Мы все рыли ямки, клали подкормку для корней, осторожно опускали небольшие деревца, в основном «антоновку» и «белый налив», присыпали землей и поливали. С водой было туго, ее приходилось носить из пруда – издалека. Но наши труды увенчались успехом, и через два года появились первые бутоны на деревьях. Много лет спустя я обнаружила в бабушкином архиве две небольшие, чудом уцелевшие книжечки «опального» автора Анны Ивановны Герман, прочитала нехитрую историю старого Левченко, который задумал развести яблоневый сад в Сибири, а его друг написал об этом и пришел к нему с рукописью.

«Намерение рассказать о моем старом друге Игнате Левченко появилось у меня давно. Началось с малого. Я прихожу к тебе и застаю тебя за необыкновенным занятием. Мурлыча по обыкновению, ты высаживаешь яблоньки в нашу сибирскую землю. Первые – по эту сторону Урала. Весной они принялись. Мы – соседи – с интересом следили за твоей затеей. (Заглядывали через изгороди, с удивлением замечали, что твои питомцы просыпаются, раскрывают почки.) Некоторые жители нашей улицы смотрели на твою попытку, как на чудачество. (Над тобой посмеивались.) Находились такие, что пророчили плохой конец твоей затее. Особенно, когда от суровых морозов померзли все твои саженцы. Но ты, упрямец, привез новые.

Помню, глубокой зимой на постой к тебе заехали отступившие колчаковцы. В твоем садике устроили стоянку коней. А когда ты, в запальчивости, замахнулся палкой на коня, под копытами которого сломалась хрупкая на морозе вершинка старшей яблоньки, казачий хорунжий огрел тебя, человека уже немолодого, нагайкой по лицу…

С приходом новой зимы ты пригнул саженцы к земле, пришпилил колышками и прикрыл соломой. Яблоньки

благополучно зазимовали. Я возвращался с Западных дорог, где мы восстанавливали движение. Возле твоей усадьбы меня остановил аромат созревающих яблок. Я направился к тебе и вошел в твой фруктовый сад. Там, на ветвях, разостланных по земле, благоухали румяные плоды. К тебе приводили детей и показывали им, как растут и зреют яблоки. А весной и мы, ближние твои соседи, посадили на своих участках первые фруктовые деревья.

Повсюду за деревянными заборами старых домишек появились плодовые деревца и цветники.

Лучшим из всех был и остается твой сад. Туда охотнее по зимам прилетают птицы. Весной в белом убранстве стоят новые, невиданные породы деревьев…»

Сейчас, когда я пишу эти строки, ко мне в окна заглядывают яблоньки, сливы и вишни, посаженные моей бабушкой. Каждые два года мы собираем урожай душистых яблок, а я благодарю ее за любовь к нам и нашему саду. В детстве, поздравляя мою любимую бабу Аню с днем рождения, я писала в открытке: «Здоровья и желаю тебе написать твою книгу…» Книга так и не была написана тогда, но сегодня…

Мы вместе пишем эту книгу, ведь в ней будут и твои строки. С книгой тебя, моя милая баба Аня!

К моим семи годам мама, снявшаяся у режиссера А. Зархи в «Высоте» и поднявшаяся еще на одну высоту, получила двухкомнатную квартиру на Большой Дорогомиловской. Квартира, окна которой выходили на Бородинский мост, была просто опасна для здоровья из-за шума.

Я очень любила и папу, и маму. И не представляла, что счастье видеть их вместе может когда-нибудь закончиться. Когда мне исполнилось восемь лет, мои родители расстались. У меня остался мой портрет, нарисованный папой. Видимо он хотел его взять с собой, но портрет остался у нас, а вот с папой я не виделась после его ухода целых пять лет.

Позже я узнала, что у него есть еще один сын (от первого брака). Алеша жил в Ростове.

Всем этим драматическим событиям была посвящена моя первая литературная работа, написанная в семнадцать лет.

Дети

В первые годы моей жизни никто и не собирался сообщать мне о брате. Я очень любила своих родителей и чувствовала себя вполне счастливой, хотя мама и папа уезжали на съемки на долгие месяцы. Но вот они возвращаются, они дома, и наступают самые блаженные мгновения, мы втроем идем гулять. Я шла между ними, иногда, поджимая ноги, повисала у них на руках, как любимый мной Тарзан. Часто в нашей маленькой однокомнатной квартире на Новопесчаной улице появлялись чужие люди, в основном актеры, их было особенно много, когда уезжала мама. Они галдели, тискали меня, женщины сюсюкали, а мужчины подбрасывали к потолку, что я не особенно любила. Когда становилось слишком шумно, бабушка уводила меня на кухню и рассказывала о родной Сибири, о своих путешествиях по Алтаю.

Больше всего на свете я боялась остаться одна.

Помню, как однажды мы ехали на дачу, бабушка привела меня на платформу, усадила на скамейку с двумя сумками и ушла за билетом. Но тут пришла электричка, и мне показалось, что бабушка вошла в вагон. Когда электричка тронулась, я, схватив сумки, которые были вдвое больше меня, кинулась за ней. Я бежала и умоляла бабушку взять меня с собой. Если бы не какой-то мужчина, я бы упала с платформы. Он подхватил меня на руки там, где она кончалась, и передал меня перепуганной насмерть бабушке.

Меня редко наказывали в детстве, помню два или три таких случая, но один – наивно смешной – остался в памяти всех домашних.

Бабушка мыла пол, а я приставала к ней, требуя разрешить и мне немножко его помыть. Так как мне было три года, бабушка, понимая, что от моей помощи будет лишняя грязь, не говоря ни слова, продолжала заниматься делом. Я опять попросила вымыть пол, не получив никакого ответа. Тогда в голову бабушки полетела ее черная выходная сумочка, и по всей квартире раздался свирепый крик: «Убирайся в свой Новосибирск и там мой свой пол». Бабушка даже села на пол от неожиданности, а я, испугавшись своих слов, горько заплакала. И тут меня позвал папа. Он что-то долго и строго говорил, а потом, разложив меня на коленях, снял штанишки и отпустил три легких шлепка.

То, что последовало дальше, напугало весь дом, я заорала так, будто меня облили кипятком, потом стремглав, даже не натянув штанишки, бросилась к бабушке и уткнулась ей в колени.

Я так долго и истово плакала, что все стали смотреть на отца как на изверга, и он, красный и растерянный, ушел проветриться на улицу.

– Ну, что ты, Ната, – утешала меня бабушка, – что с тобой? Папа больно тебя ударил?

– Не-ет, – наконец вырвалось у меня из горла. – Нет-нет, не больно.

– Ну, так что же ты плачешь? – удивилась бабушка.

– Да он ведь… – захлебывалась я от негодования. – Он ведь – мужик.

Все очень смеялись над моей внезапной стыдливостью, потому что хорошо знали, что я обожала ползать по отцу в чем мать родила.

Я вообще любила оставаться с отцом, потому что именно с ним обретала полную свободу действий, следовательно, проказам моим не было конца. После очередного просмотра Тарзана я забиралась на шкаф и прыгала с него на тахту, вопя во все горло тарзаньим криком. В свободное время отец писал картины и, по моей просьбе, рисовал мне парусники и жаркие страны.

Вскоре мы переехали на новую квартиру. Детям не жалко покидать старые места, слишком мало пережито, чтобы дорожить прошлым. Но бабушке было очень трудно уже в который раз расставаться со своими привычками, с налаженным кое-как бытом, где худо-бедно прожита часть жизни, где на свет появилась я, самая главная на сегодняшний день ее забота. Ну а мне был важен сам факт свершения – переезд. Помню день, когда грузовая машина, в кабине которой сидели мы с бабушкой, въехала в серый колодец высоченных каменных домов. Наш дом был типичной постройкой сталинского периода.

Вход, по своим размерам напоминающий триумфальную арку, был сплошь украшен гипсовыми фруктами и овощами. Эти детали архитектурного излишества показались мне маленькими круглыми попками, выставленными напоказ, и очень рассмешили. Около подъезда валялись вдребезги разбитые облицовочные плитки, которые уже тогда начали сыпаться с нашего дома. Только после того, как спустя два года такой же плиткой убило женщину, огромное парадное заколотили навсегда, по всему первому этажу протянули металлическую сетку, ну а жители проникали в дом через черный ход.

Но тогда мы вошли через парадный вход и очутились в большом пустом и очень холодном холле. В полутьме вырисовывалась металлическая клетка пока еще бездействующего лифта. Лестница нового дома была ему под стать – гигантской. Совершив восхождение на четвертый этаж нашего колосса, мы

поблагодарили судьбу, что живем не на последнем четырнадцатом.

Новая квартира состояла из двух продолговатых комнат с огромными окнами до самого потолка, от которых равномерными волнами исходил гул. Под окнами был Бородинский мост, по нему неостановимым потоком шли машины. Приложив нос к оконному стеклу, я ощутила сильную вибрацию всего дома.

Новой мебели еще не было, и мы расположились прямо на полу. Единственная вещь, которая была куплена сразу – маленькое ореховое пианино. Оно торчало посреди пустой комнаты, как намек на мои будущие мучения.

В семь лет я отправилась в школу с большим букетом цветов. Провожал меня папа. Мама была в Ленинграде на съемках фильма «Дорогой мой человек». В этот день мне казалось, что все люди смотрят только на меня и на мой прекрасный букет. Конечно, люди смотрели не на меня, а на моего отца, которого к тому времени уже знали по фильмам, но я была так счастлива, что не хотела замечать этих мелочей. По ошибке я попала не в тот класс – вместо 1 «А», во 2 «Б», где у меня отняли букет, но потом, разобравшись, отвели к первоклассникам, правда уже без букета.

Так началась моя трудовая жизнь.

Но не голая квартира, не потеря привычек и привязанностей прошлого вносили в нашу семью щемящую тоскливую нотку, а что-то совсем другое. Это что-то, тщательно скрываемое от меня, проникало через закрытые двери, где мама с бабушкой вели продолжительные беседы, являлось в тревожных, измученных бессонницей родных лицах, в пасмурной и тяжелой атмосфере, царившей в нашей семье.

Но не все удавалось скрыть от меня. Помню, как к нам неожиданно приехал дедушка, отец моего отца – Федор Петрович Бондарчук. Мама была в отъезде. В родительской комнате папа, бабушка и дедушка Федя что-то громко обсуждали. Я сидела в смежной комнате и лепила что-то из пластилина. Разговор уже длился около часа, мне давно хотелось есть, но я не решалась войти в комнату взрослых. Неожиданно тон голосов настолько повысился, что моментально была перейдена грань между разговором и криком, особенно кричал дедушка, ему вторил басок отца, раздраженный, неприятно резкий, затем я услышала бабушкин голос, и вот эти жалобные болезненные нотки в ее голосе подняли меня и заставили войти к ним в комнату.

Я вошла, но красные, распаленные криками взрослые не заметили моего появления. Я забралась на крышку пианино и стала слушать. Из всего, что происходило, я поняла только то, что обижают мою бабушку. На нее кричали мужчины, она куда-то

позвонила и сообщила, что это дело житейское, и мама ничего не должна знать. Из васильковых глаз бабушки по морщинкам текли слезы, она что-то попыталась сказать, но не смогла, только посмотрела на папу такими странными и больными глазами, что меня всю начало трясти.

И тогда закричала я, нет, не закричала, а заорала – что-то несуразное. И только тут обнаружилось мое присутствие. Отец снял меня с пианино. «Зачем же ребенка мучить», – сказал он, прижимая меня к себе, но впервые в жизни я не почувствовала радости от его прикосновения, мне было жалко бабушку.

Через две недели от меня перестали скрывать случившееся, слишком все было очевидным. Но не сам факт исчезновения отца поразил меня, а то, что я узнала от бабушки: что еще до нас у папы была семья и что у меня есть брат по отцу Алеша. Как раз то, о чем я всегда мечтала – старший брат.

Из бабушкиного архива были извлечены на свет старые, тщательно хранимые фотографии. На них я увидела на коленях у моей мамы трехлетнего малыша, с курчавыми темными волосами и большущими темными глазами. Он был очень похож на меня в трехлетнем возрасте. По секрету бабушка поведала мне историю первой семьи отца.

– Уж не знаю, как там у них было, только встретились они в Ростове накануне войны. И совсем немного-то вместе и были, а тут ему ружьишко выдали и на войну… – рассказывала бабушка. – А когда он отслужил, да сразу на третий курс к Герасимову во ВГИК попал, Инну встретил и полюбил, тут-то ему в письме карточку сына и прислали. А он-то не верит, что это его сын, да и бумаги в военное время о том, что он женат, не сохранились.

Я слушала бабушку затаив дыхание. А та всматривалась в фотографию ребенка, чему-то улыбаясь.

– Мама Алеши привезла его из Ростова в Москву. Нашла по адресу дом и оставила ребенка отцу. Тут-то ему все пришлось рассказать. Инне малыш сразу понравился и полюбился. Она за ним, как за родным, ходила и заявила отцу твоему, что ребенок очень на него похож и сомнений быть не может. Сергей официально усыновил сына и стал выплачивать алименты на его содержание. Ну, ребенка, естественно, мать забрала, а Инна по нему так тосковала, что вскоре и ты родилась.

«Ну вот, – думала я, – всегда так, самое главное не рассказывают. Что же получается? Получается, что я своим появлением на свет обязана брату Алеше. Значит, вначале отец мать Алеши оставил, а потом…»

Я не сразу начала тосковать по отцу, мне казалось немыслимым, невозможным, что отец ушел от нас навсегда. И

действительно, видимо, совсем не просто все это было, потому что однажды он вернулся к нам. Это случилось в Ново-Дарьине.

Лил дождь. Бабушка, боясь грозы, не позволила нам включить свет, и мы сидели с мамой в сумерках, прислушиваясь, как тоненькой струйкой, дребеденя, льется вода в бочку. Я сидела у окна и смотрела на мокрый сад. С детства любила дождь и особенно воздух после дождя. Вдыхаю, впитываю его в себя во всю полноту легких, и мной овладевает такое пьянящее и прекрасное чувство, что, кажется, можно подняться вместе с ветерком – сначала над травой… потом выше к вершинам берез, и еще выше… Мама о чем-то тихо говорила с бабушкой, и я, выждав момент, когда на меня не обращали внимание, незаметно вышла на террасу и настежь открыла окно. Лицо сразу сделалось мокрым от мелких капелек, и я стала усиленно дышать грозой.

Молнии полыхали совсем рядом, но наслаждение было так велико, что оно уничтожило страх перед грозой. На террасе еще слышнее был дождь, стучавший по крыше, хлопавший по лужам в саду, все звуки слились для меня в стройную и прекрасную мелодию, я даже начала в такт ей раскачиваться, взмахивая руками, как крыльями.

Скрипнула калитка, вошел какой-то человек с чемоданом. Несмотря на то что дождь лил как из ведра, он не спешил к дому, старательно прикрыл калитку, прошел несколько шагов и остановился напротив моего окна. Наши взгляды встретились, из-за сетки дождя на меня смотрели глаза отца. Он вглядывался в мое лицо, потом невесело подмигнул и вошел в дом.

– Вернулся, – тихонько торжествовала бабушка, – с чемоданишком сбежал.

Отец действительно был похож на беженца, похудевший, даже почерневший от щетины на щеках.

Дождь поутих, и на полчаса выглянуло вечернее рыжее солнце. Отец взял столярные инструменты, вышел во двор и стал мастерить садовый столик, но прежде под березой соорудил себе верстак, на котором стал тесать еловые доски. Доски были мокроватые и от этого благоухали еще больше. Я вдыхала свежий еловый аромат и даже пробовала сосать еловые стружки. В последний раз солнечные лучи брызнули в мокрый сад и осветили и наш дом, и белый, только что срубленный верстак, и черную кудрявую голову отца, и мое мокрое и счастливое лицо. Медленно погасли веселые огоньки, всё погрузилось в темноту. Снова стал накрапывать дождик, и хрипло заворчал гром. Отец в полутьме продолжал мастерить столик в саду, долго сквозь сон я слышала стук молотка. На другой день он уехал в город.

И после этого отца я не видела в течение пяти лет!

Много позже я узнала от мамы, что развели их сплетни, какие-то подмётные письма. В конце концов мама сказала отцу: «Сережа, мы с тобой должны расстаться. Я больше с тобой жить не могу…».

С трудом произнеся эти слова, мама опустилась на диван и мгновенно заснула на короткое время. Когда она очнулась, перед ней сидел отец, плечи его ходили ходуном от рыданий.

Конечно, для них обоих расставание вылилось в настоящую драму. Мама снова уехала в Ленинград на съемки фильма «Дорогой мой человек», а папа некоторое время жил у друзей.

Но всего этого я, конечно, не знала.

Вскоре мы с бабушкой остались вдвоем, я не очень беспокоилась, где мама, ведь она так часто уезжала на съемки. Дела мои в школе шли скверно, дети и взрослые беспощадно, каждодневно мучили меня расспросами о моей семье. А когда в течение недели нам три раза задавали написать сочинение «Моя семья», «Мои родители» и «Мой дом», я стала пропускать занятия, но чтобы иметь право оставаться дома, наглатывалась на морозе мороженого и заболевала ангиной. Какие-то женщины подходили ко мне прямо на улице, говорили, где и с кем находится мой отец и просили сообщить маме, а ее не было.

Наконец бабушка призналась, что мама в больнице, что ей сделана операция и что все страшное уже позади. И вот мы едем в больницу к маме. Это было мое первое в жизни посещение больницы. Я не помню, где она находилась и как выглядела снаружи, но внутри она была обшарпана и вся пропитана тем специфическим больничным запахом, от которого кружилась голова и сильно мутило.

Мы вошли в палату, где было много женщин. Одни лежали, другие сидели на кроватях, о чем-то переговаривались, но мамы среди них не было. Бабушка подошла к какой-то лежавшей женщине и нагнулась над ней: «Инна, я привела Нату». Я застыла в недоумении, женщина слабо шевельнула рукой, что-то прошептала.

– Ната, ну что же ты, подойди к маме.

Я подошла к женщине и склонилась над ней, лицо землистого оттенка было совершенно оплывшим, глаза из-за набухших век казались щелками, но за всей этой маской страдания угадывались родные черты моей мамы.

И тут мое детское воображение, подчиненное какой-то своей логике, подсказало мне, что меня привели прощаться с мамой. Да, именно прощаться, навсегда, в этой страшной палате с металлическими кроватями и серыми стенами, где потолок был покрыт темными рваными трещинами в подтеках. Я прикоснулась

к маминой руке и увидела ее совсем другую, веселую, озорную, умеющую радоваться жизни. Мамины руки, теплые, необыкновенно нежные, гладили меня по лицу и будто что-то говорили, объясняли, уговаривали, плакали вместе со мной.

Позже я узнала, что мои детские страхи были оправданы: мама плохо перенесла операцию и еще долго не поправлялась.

У меня есть брат

Вам никогда не приходилось разбирать этюд Черни?

Нет, не играть, а именно разбирать его с учительницей музыки, по складам, по бемолям и диезам, по смеющимся над тобой черным нотным точкам.

Занятие это более чем тягостное, особенно когда тебе тринадцать и у тебя слабые мизинцы. Вера Казимировна снова и снова заставляет извлекать из инструмента хилые, далеко не музыкальные звуки. Мне стыдно и больно. Стыдно от своей беспомощности и больно оттого, что руки Веры Казимировны, такие же твердые, как клавиши, и, когда рука попадает между двумя этими поверхностями, хочется визжать, как мартовская кошка. Из этого совсем не следует, что я не люблю музыку. Я чувствую ее всей душой, особенно когда в доме никого нет и можно включить проигрыватель на полную мощь. Тогда кажется, что музыка живет в каждой клетке твоего тела, что свет из окна и пылинки в воздухе, все это – музыка. И, подхваченный неведомой силой, ты можешь улететь далеко-далеко и увидеть что-то неведомое, непостижимое, которое поднимет тебя с места и заставит закружиться в танце.

Но слушать – это одно, а вот самой вытащить из нотного листа и инструмента хилый звук – совсем другое. Попытка – окрик, снова попытка, и вот уже нервные клещевидные руки впихивают мои пальцы в нужный аккорд.

Чтение с нотного листа никогда не давалось мне, единственное, чем одарила меня природа – чувство ритма. Мне рассказывали, что годика в три я увидела из окна машины маленького голого цыганенка, лихо отплясывающего у таборного шатра. Дома, неожиданно для всех, я повторила танец, заявив после этого, что меня украли из табора, и настойчиво просила вернуть меня законным владельцам. Но меня не вернули, и я навсегда утратила связь со стихийной свободой.

«Раз – и, два – и…», – звучит над самым ухом голос Веры Казимировны, а в голове одна мысль: скорей бы это все кончилось! Иногда, конечно, занятия проходят довольно гладко – это когда играет сама Вера Казимировна, а я ее слушаю, или когда урок превращается в вокал. Петь я не умею, но очень люблю. Год назад, когда состоялся наш межквартирный концерт, я даже произвела некоторое впечатление на зрителей. Вера Казимировна давала уроки музыки многим детям нашего гигантского многоэтажного дома. Весной, каждый год, одна из квартир наполнялась дедушками, бабушками, тетями и дядями,

приходившими взглянуть на успехи своих чад. И вот в прошлом году, после моего хилого исполнения полонеза Огинского я встала у рояля, а Вера Казимировна объявила романс и бодро ударила по клавишам. И я запела: «Милый мой, о, мой кумир, нас давно уж лодка ждет, слышишь, как Гвадалквивир и бушует, и ревет». По рядам родителей прошло заметное оживление, а я вытягивала во всю грудную клетку: «Сердце полно ожиданий, и горю я, как в огне, не откла-а-а-ды-ы-вай свиданья, выходи, о, друг, ко мне, выходи, о, друг, ко мне…».

Кто-то что-то сказал, и явственно послышался грубоватый смех. Схватив ртом побольше воздуха, я закончила: «Там, в долине, среди гор, мы найдем себе усла-а-ду, нас чужой не встретит взор». Зрители плакали от смеха и от души аплодировали. Пунцовая и гордая, я пробиралась на свое место и, проходя мимо зеркала, увидела, что мой белый бант сполз от усердия на ухо и вся я была очень похожа на взъерошенного щенка, долго гонявшегося за своим хвостом.

– Раз – и, два – и… – нет, это невыносимо, ну хоть что-нибудь случилось бы… что-нибудь. В прихожей звякнул звонок. Неожиданно открылась дверь, и вошла бабушка. Это уже необычайное происшествие. Моя бабушка никогда не входит в комнату во время занятий, отчасти чтобы не помешать, но главным образом чтобы не испереживаться, видя мое пунцовое лицо и мокрые глаза музмученика.

Нет, на самом деле что-то произошло, я отчетливо это вижу по бабушкиному лицу, выражающему таинственную печаль. Она, склонясь над Верой Казимировной, что-то шепчет ей на ухо, и у той, вздрогнув, поползли вверх седые брови.

– Наташенька, – торжественно начала бабушка, – к нам приехал твой брат Алеша.

Теперь и мои брови поползли вверх. Да, я слышала, что у меня есть родной брат по отцу, но никогда его не видела. Бабушка увела Веру Казимировну на кухню, а я осталась одна. Я прислушивалась к голосам в передней, но от волнения ничего не понимала. Шум машин за окном, крик ребенка за стеной, стук моего собственного сердца слились в какой-то один монотонный звук и обволокли мое сознание, не позволяя встать.

– Ната, иди же к брату! – прервал мои грустные мысли бабушкин голос. Я встала и раскрыла дверь в прихожую. Там около дивана стоял рослый девятнадцатилетний парень и, улыбаясь, смотрел прямо на меня.

– Вот ты какая у меня, сеструха! – воскликнул он и прижал к себе. Я неловко поцеловала его в щеку.

И только тут в зеркале, увидев нас обоих, я поняла, что мы

похожи друг на друга как две капли воды, а Алексей еще больше, чем я, похож на отца. Мы устроили брата в нашей с бабушкой комнате.

Алеша оказался очень веселым и озорным. Его занимали две вещи: плавание, он имел первый разряд и даже участвовал в соревнованиях, и ритмическая музыка, в просторечье – Битлы. Он привез с собой несколько записей, которые тут же стал прокручивать на мамином магнитофоне, включив звук на полную. Я не удержалась от соблазна, стала танцевать.

Никогда я так не ощущаю полноту жизни, как в танце. Я чувствую, как все тело сливается с ритмом, и воздух, как бы утратив свою пустоту, приобретает вид невидимых глазом граней, ступенек, площадок, на которые поднимаются и с которых спускаются руки, ноги, что-то заставляет все тело подниматься в воздух, и под лопатками становится щекотно, как будто и впрямь там отрастают крылья. Больше всего на свете я люблю танцевать вот так, свободно, сама по себе.

Алексей смотрел во все глаза на меня, и конечно, сам поддался ритму, но его танец был скорее пантомимой: вот он, изображая какого-то странного и гибкого зверя, собрался в одну точку, вдруг прыгнул вверх, вытянувшись струной, а вот он осторожно и мягко двигается, как большая кошка. А вот веселая забавная обезьяна. Он так смешно копировал обезьяну, ее походку, почесывания, мимику, что я расхохоталась.

К нам вошла мама. Алексей в том же образе обезьяны подскочил к маме и потерся о ее плечо. Она на секунду прижала Алексея к себе и вышла из комнаты. Мы остались вдвоем. Алексей выключил магнитофон.

– Ты давно виделась с ним?

– С кем? – спросила я, хотя и прекрасно поняла.

– С отцом.

– Давно, мы не виделись пять лет.

– Но есть же телефон?

– Он не звонил.

– А ты?

– Я не хочу… не могу, – добавила я.

Алексей сел на тахту и, не глядя на меня, стал рассказывать.

– Мои не знают, что я в Москве, они думают, что я поехал на соревнования по плаванию в Киев… Я ждал… все время ждал, что он приедет, или позвонит, или напишет. Все лезут ко мне с известиями об отце: где он бывал, что сделал, и спрашивают подробности, а я отвечаю то, что слышал от других или читал в газетах, будто это он мне рассказывал, ведь никому в голову не приходит, что я его и не вижу совсем…

Я вспомнила свои школьные мучения. Однажды нас позвали в школьный кинотеатр, где мы с удовольствием смотрели узкопленочные фильмы. Я не знала, какой ждет меня «подарок». Учительница привезла фильм «Судьба человека». Так я «встретилась» с отцом. И вот она, сцена, где главный герой, потеряв свою семью, находит беспризорного мальчишку и сообщает ему, что он его отец. «Папа, папка родненький, наконец-то ты меня нашел, я знал, что ты меня найдешь…» – кричал мальчик…

В этот момент я чуть не потеряла сознание от невыносимой боли. На экране мой отец находит себе сына, а я… Почему же меня он оставил, совсем оставил? С того дня я заболела сильной мигренью, что, впрочем, освобождало меня от многих занятий в школе.

Но Алеше было труднее в маленьком городе, где каждый старался узнать все о ближнем, особенно если дело касалось знаменитости. Сколько же историй пришлось ему насочинять, чтобы никто не догадался, что, кроме фамилии, у них с отцом нет ничего общего. Алексей словно почувствовал мои мысли и продолжал рассказывать, поглядывая на меня:

– Я попросил денег у деда и приехал… приехал к нему. Адрес узнал в справочном. Мне открыла какая-то старая женщина, сказала, что его нет дома, ну тут я ей и сказал, что я его сын и мне необходимо с ним повидаться. Старая позвала женщину помоложе, это оказалась его теперешняя жена, ты ее видела?

– Нет, только на экране, я ее совсем не знаю.

– Зачем тебе ее знать? – усмехнулся Алексей.

– Ну, ведь ты же хорошо относишься к моей маме.

– Здесь другое, во-первых, твоя мама даже не знала, что он был женат до войны, ну, а потом… – Алексей замялся. – Тебе рановато об этом знать, когда-нибудь расскажут.

Я поняла, что он знает, как мама к нему отнеслась, когда он был совсем маленьким… Алексей продолжал рассказывать.

– Ну вот, вышла эта, что помоложе, и говорит то же самое: что отца в Москве нет и не скоро будет, а сама смотрит на меня. «Вы, – говорит, – где остановились?» Со мной еще в жизни никто на вы не говорил. «Вам помочь с гостиницей?» Ну, думаю, у меня от дедушкиных запасов один рубль остался, какая гостиница? «Нет, – говорю, – не надо гостиницу».

Алексей даже крякнул как-то по-стариковски от обиды.

Увидев мое скисшее лицо, он добавил бодрым тоном:

– Знаешь, у меня абсолютный слух.

И, продолжая вглядываться в мое лицо, он вдруг запел густым баритоном:

На другой день Алексей отправился в Калинин на съемки к отцу. Алеша оставил свои фотографии, а бабушка достала откуда-то его детские снимки. Мама с грустными глазами рассматривала и те и другие.

– Посмотри, – мама показала бабушке одну фотографию, где на обратной стороне Алексей подписал имя и фамилию. – Он даже почерк его выучил и расписывается, как Сергей.

– Да-да, – согласилась бабушка, – его почерк. Лицо, фигура, даже ходит, как он. Откуда же? Он ведь не мог этого запомнить.

– Мне писали, что он изучает почерк отца по старым письмам, а походку по фильмам, каждую его картину просматривает столько раз, сколько сеансов показывают. Но когда он стал показывать обезьяну, я не выдержала, ведь это же было любимым развлечением Сергея… и так похож.

– Ну, конечно, я и сама теперь это вспомнила, – заулыбалась бабушка. – А ты, Ната, не помнишь?

Нет, я не помнила и даже не очень понимала в этот момент, о чем меня спрашивают. Я смотрела в окно, за которым был вечер и шел мелкий дождь, и неожиданно для себя увидела или представила все, что происходило там, в Калинине, где мой брат искал моего отца.

Встреча

Огромное, подсвеченное прожекторами поле было совершенно размыто дождем. Алексей шел, увязая по щиколотку в вязкой глине. Спереди и сзади его окружали суетливые люди, чем-то недовольные. Они на мгновения составляли группы из трех-четырех человек, и тут же распадались, и, как казалось, бессмысленно топтались на месте.

Неожиданно появились люди, лошади, какие-то громоздкие телеги. Все грохотало, роптало, суетилось. Но вот над полем пронеслась команда, заглушив все остальные звуки.

– Внимание! – звучал требовательный голос. – Внимание! Подготовиться к съемке!

И тут, повинуясь команде, все люди, лошади, телеги, все вдруг выстроилось в шеренги и замерло.

– Мотор! – прокатилось над всем полем, и Алексею показалось, что земля дрогнула под ногами, все со страшным скрежетом и шумом устремилось вперед, и он сам бросился бежать, и если бы этого не произошло, его бы сбили с ног, а, может быть, и раздавили бы сзади бегущие. Алексею стало страшно, он видел перед собой огонь, настоящий огонь, полыхающий над какими-то строениями, и именно туда его несла толпа, он уже видел падающие обугленные бревна, желтые, горячие языки пламени.

– Сто-о-оп! – пронеслось над полем, и все мгновенно распалось, унялось, погасло.

– Снято, – услышал Алексей. Три пожарника старательно поливали обугленное строение, шипя, гасли последние искры пожара. Алексей огляделся, невдалеке увидел возвышение из деревянных балок, на которых была установлена большая кинокамера. Дождь усилился, стало совсем темно, Алексей неуверенно пробирался, увязая в грязи, к деревянному помосту.

– Завтра придется повторить, Сергей Федорович, – услышал он чей-то голос, – я не уверен, при такой чувствительности пленки…

– Господи, а когда ты был уверен и в чем, – услышал Алексей другой голос и насторожился. – Два дня уже здесь сидим и двух полезных метров не высидели, – говорил коренастый седой человек, спускаясь с помоста.

Он прошел совсем близко от Алексея, их взгляды встретились… и ничего не произошло. Алексей попытался что-то сказать и неожиданно взял его за локоть.

– Что, что еще? – отец сердито смотрел на него, по всему

лицу его была разлита усталость. Алексей, не отпуская его, смотрел в чужое и очень родное лицо.

– Я твой сын, – тихо сказал он и, прижимаясь к нему всем телом, захлебнулся от слез. Все как будто замерло: перестали галдеть люди, погасли прожекторы, дождь приутих и последними тяжелыми каплями беззвучно падал на землю.

– Это я, папа, – вырвалось впервые произнесенное мучительное слово.

Через два дня Алексей приехал к нам. Он был немного пьян, мама уложила его в постель. Из его сумбурного рассказа мы поняли только, что Алексей встретился с отцом под дождем на поле, что вместе они приехали с ним в Москву, что он слушал его стерео и еще что-то о пластинках.

Было уже поздно, все легли спать. Я лежала в кровати и смотрела, как по темному потолку пробегали белые светящиеся полоски света фар последних ночных машин. Мне не хотелось спать, я прислушивалась к дыханию бабушки и Алеши и еще и еще раз представляла встречу брата с отцом.

– Ты спишь? – услышала я тихий голос.

– Не сплю.

Я увидела, как Алексей сел на кровати и закутался в одеяло. Видимо, его знобило.

– Он мне деньги дал, на гостиницу, – говорил Алеша простуженным голосом, – а я их пропил. Пошел и купил что-то самое дорогое, липкое, тягучее и сразу у магазина с кем-то выпил всю бутылку. Я же в первый раз к нему… Приехал… а он – «гостиницу». Нат, а Нат, а ты его видеть хочешь? – задал он, видимо, мучивший его вопрос.

– Не знаю, – сказала я неуверенно. – Иногда хочу, иногда даже очень хочу. Я даже с ним разговариваю, когда трудно, и будто он мне отвечает и понимает меня лучше всех. А то вдруг – пожар, и я его спасаю…

– И я его спасал, много раз, – отозвался Алеша. – Один раз так все это увидел, что самому страшно стало. Будто он сидит на поляне и медленно в землю погружается, а люди вокруг него бегают и ничего сделать не могут. А он как будто и не просит их помочь, а просто смотрит, как земля его со всех сторон охватывает… И понимаешь, не болото это, а именно земля, с травой, цветами, и держит его крепко. И тут будто я подхожу к нему, а он меня узнал, обрадовался, и я его беру за руки, и земля его отпускает. А сам он легкий-легкий, и я несу его на руках, а он ко мне прижимается, как ребенок.

Горло мое сдавило жгутом, хотелось плакать навзрыд, но что-то не давало расплакаться, и от этого еще больше давило и

болело в груди. Из-за занавески выглянул серебристый новорожденный месяц. «Месяц, месяц, тебе – серебряные рожки, мне – доброго здоровья», – вспомнила я вдруг детскую присказку.

– Алеша, знаешь, в этом году умер наш дедушка, отец отца, Федор Петрович.

– Я не знал, я его совсем не знал, какой он был?

– Острый такой, резкий. Я видела его молодым на портретах, совсем как в «Тихом Доне» Мелехов, читал?

– Читал. Он что, казак?

– Да, кубанский казак, и бабушка тоже. Только он в последнее время с другой жил. Он за что-то сильно обиделся на отца и написал ему письмо, ужасное, где он отца во всем обвиняет, а письмо не успел отправить, умер. Когда отец приехал его хоронить, ему, прямо на кладбище, это последнее письмо отца и вручили. Я на следующий год туда приехала, и мне рассказывали, как плакал отец, после этого он очень долго болел…

– Ты его любишь… – неожиданно сказал Алексей, и в голосе у него не было вопроса.

Кончились короткие каникулы, и вот я снова в школе. Разложив тетради на подоконнике в туалете, спешу хоть что-нибудь списать в свою тетрадь из домашних заданий.

Пронзительно звенит звонок, от которого мой лоб покрывается капельками пота.

На математике старательно прячусь за спины впереди сидящих и надеюсь, что пронесет. В конце урока Анна Сергеевна, по сообщению с первой парты, поставила в журнале против моей фамилии точку, значит, спрашивать намерена завтра, придется срочно заболеть.

На английском с грехом пополам прочла какой-то текст о велосипедистах. Но вот – история, мой любимый предмет и любимая учительница Ирина Гурьевна. Я просто не могу прятаться от нее и всегда смотрю в ее доброе и красивое лицо.

И надо было так случиться, что она спросила именно сегодня, когда я даже не имела представления, что нам задавали.

Я встала и косо взглянула на учебник, открытый на странице, где была картинка. На ней пирамиды и рабы, тянущие на полозьях огромные камни.

– Наташа, что же ты нам расскажешь о Древнем Египте? – ласково спросила Ирина Гурьевна.

И тут смешалось все: и атмосфера ночного разговора с братом, и то, что я когда-то читала о Египте, но скорее это была чистая фантазия, я начала рассказывать, стараясь ясно видеть, о чем говорю.

«Была светлая душная ночь. Молодой, только что народившийся месяц повис на остром краю недостроенной пирамиды, заставив песчаное пространство светиться под холодными белыми лучами. Нат тянул свою лямку, закрыв глаза, но даже с закрытыми глазами он не мог уберечь их от песка и разъедавшего их пота. Песок был везде, он втерся в поры кожи и нестерпимо жег ее. Нат с трудом просунул ладонь под кожаный ремень лямки, привязанный к плечам, и попытался его ослабить: ремень в кровь стер ему плечо, и Нат чувствовал под рукой липкую кровавую массу.

Двадцать рабов тянули за ремни деревянные полозья, на которых возвышалась каменная громада. От трения о песок между полозьями проскакивали огненные искры. И поэтому через каждые двадцать метров под полозья лили воду. Эти минутные задержки давали возможность немного отдохнуть, незаметно рабы ставили свои горевшие от песка ступни около полозьев, и часть воды проливалась и на них, и, опять напрягая тела до изнеможения, они продолжали двигаться к пирамиде.

Нат ощущал горячее дыхание идущих сзади, он ненавидел каменную ношу и все это пространство с колючим песком и великими пирамидами, которые построили такие же, как он, и которые своей величиной как бы говорили о его ничтожности. Шаг за шагом рабы приближались к своей цели – недостроенной пирамиде, которая, как гигантский сломанный зуб, светилась в пустых пространствах.

Надсмотрщик, измученный этой небывало душной ночью, стремился скорее достичь цели и отдохнуть, выпив сонного зелья, которое всегда носил с собой в кожаном сосуде в виде головы кобры, привязанном за бечевку к поясу. Из последних сил он размахнулся плетью и ударил по обнаженным и мокрым от пота спинам рабов. Казалось, боль проникла во все тела одновременно, люди рывком подались вперед, каменная глыба накренилась и стала медленно сползать с полозьев.

Надсмотрщик кричал, бил рабов, призывал богов-покровителей, но ничего нельзя было сделать. Рабы даже не могли развернуться назад, прикованные к полозьям. Стоявший ближе всех к камню спокойно наблюдал, как глыба медленно сползает на песок, раздавливая деревянные полозья.

Неожиданно Нат почувствовал, как ремень, стягивавший все его тело, порвался. Пока смотритель бранился и тщетно пытался заставить рабов поднять камень, Нат упал на песок и отполз на несколько метров.

Эта ночь была самой счастливой в жизни, в нем пробудились такие силы, о которых он даже не подозревал. Он был свободен, и

тело его было свободно и полно удивительной энергии жизни.

Быстрыми легкими шагами он приближался к Великой пирамиде, чья вершина упиралась в небо. Безумная мысль захватила его сознание: все смотрели на него сверху вниз – и эти каменные громады, и люди, и беспощадные боги, – но сегодня он сам будет смотреть на всех сверху. Стремительно, словно за спиной у него выросли крылья, он стал подниматься по пирамиде к небу, все в эту ночь удавалось ему легко, как во сне.

Он достиг вершины пирамиды и встал на маленькой каменной площадке, над ним были звезды, тело овевала приятная прохлада. Нат посмотрел вниз, под белым сиянием месяца он видел огромное песчаное поле, усеянное каменными изваяниями и пирамидами, между которыми еле различимо передвигались темные группы людей, напоминающие уставших муравьев. Нат понял, что не спустится вниз, его место здесь, рядом с серебряным месяцем и звездами, и об этом ему захотелось крикнуть всем людям.

– Эй, вы! – закричал он, вдыхая прохладный воздух свободы. – Я здесь, я никогда не спущусь к вам и буду вечно здесь – на вершине великой пирамиды. Вы строили ее для мертвечины, а оказалось, что она годится для меня, для живого. – И он запел странным гортанным звуком песню без слов, песню живого.

До людей долетали звуки песни, и они в страхе склонили свои головы наверху жили только боги, но никто еще из смертных не слышал их голосов.

В ритм песни Нат двигался по маленькой площадке, здесь, на вершине, страх перестал владеть им и *остерегать* его. Сделав резкое движение в сторону, Нат почувствовал, что теряет опору, но он даже не пытался ухватиться за каменные края площадки. Сознание своей великой силы не покинуло его, и даже тогда, когда он понял, что падает, он продолжал видеть звезды и был уверен, что падает вверх…»

Пронзительно зазвенел звонок, я очнулась от рассказа, как от сна. Ирина Гурьевна смотрела на меня с улыбкой и удивлением.

– Я тоже увлекалась в твоем возрасте подобной литературой. Что это за книга, из которой ты нам рассказала эту историю?

Я молчала, мне было грустно. Грустно, что видение ушло, грустно, что никто не понял, что это была не книга, а видение.

– В твоем рассказе много исторических неточностей, но есть атмосфера действия. Где же ты это прочла? – настаивала учительница.

– Я не помню, это было давно, – выдавила я из себя. Ирина Гурьевна рассмеялась.

– В твоем возрасте не может быть давно. Ну хорошо, урок

окончен, можете идти на перемену. Наташа, я ставлю отлично, но не забудь в следующий раз запомнить автора и название книги.

За окном опять стал накрапывать мелкий скучный дождик. Моя авторучка давно сползла с тетрадного листка, на котором иксы и игреки вели свои нудные, ничего для меня не значащие разговоры, и с удовольствием рисовала забавных человечков на моей домашней зеленой парте. Вернее, бывшей зеленой, потому что постепенно она покрылась густым слоем чернильных рисунков. Я часто ловила себя на том, что совершенно не замечаю этого перехода от страниц учебника и тетрадных листов на мое зеленое поле, где рука сама собой выводила всевозможную чепуху.

В прихожей зазвонил телефон, и через минуту в комнату вошла мама.

– Ната, – сказала она, плохо скрыв волнение в голосе, – звонит твой папа, он хочет с тобой поговорить…

Это было так неожиданно и так долгожданно, что смысл маминых слов доходил до меня несколько минут. В дверях появилось улыбающееся бабушкино лицо.

– Надо же, это он, глядя на Алешу, о ней вспомнил, – чему-то радовалась она.

– Ну, что же ты сидишь, Ната?

Я вышла в прихожую, прижала телефонную трубку к уху и от волнения забыла, что нужно что-то сказать или поздороваться. Но, видимо, услышав мое сопение, отец все понял и заговорил сам.

– Наташа, это я… твой папа, ты меня еще не забыла?

– Нет, папа.

– Я сейчас приеду к тебе, слышишь, приеду повидаться. Ты не уходи никуда.

– Хорошо, папа.

Он повесил трубку, около меня стояли в ожидании мама и бабушка.

– Ну, что он сказал? – не выдержала бабушка.

– Что сейчас приедет, – ответила я.

– Ну наконец-то, видимо, правда из-за Алеши вспомнил, – вздохнула бабушка. Мама молча смотрела куда-то перед собой.

Я еще не ушла из прихожей, как снова зазвонил телефон. Я взяла трубку.

– Ната, – услышала я голос отца, – это я… знаешь, давай лучше встретимся в Нескучном саду. Знаешь, где это? Приезжай туда…

Я крепко, до боли прижала телефонную трубку к щеке, боль убивает беспомощность перед обидой.

– Нет, папа, я никуда не поеду, ты же пять лет не вспоминал обо мне, не звонил… не приходил… а хочешь, чтобы я…

Я говорила, чувствуя такое напряжение, что перед глазами поплыли белые полоски, как при сильной головной боли.

– Приезжай к нам… если хочешь.

Наступила мучительная пауза.

– Хорошо, я приеду, сейчас приеду.

Чтобы скрыть свое волнение от мамы, я машинально взяла книгу с полки и ушла с ней на кухню. Открыла «Мир приключений» и увидела картинку – легкий парусник приближался к берегу с тропическими деревьями.

И тут я вспомнила рисунки моего отца, легкие парусники, которыми я любовалась перед сном и брала их в свои сновидения. И, как яркая лента, стали один за другим проноситься в моей памяти забытые эпизоды детства. Вот мы бежим с ним по веселой майской траве, и он позволяет мне скатиться вниз к речке, и вот вода смыкается над моей головой, и сильные руки поднимают меня наверх, к солнцу. Было ли это со мной, с нами, я не знаю, может быть, это была память моих снов об отце…

В дверь позвонили, я встала, услышала голос брата и вышла к нему.

– Алеша, к нам приедет папа, – сообщила ему бабушка.

Посмотрев на мое взъерошенное лицо, Алексей улыбнулся и снова надел плащ.

– Прекрасно, пусть они побудут вдвоем, а потом и я приду.

– Я хочу быть с тобой, Алеша, – протестовала я, – мы должны быть вместе.

– Мы и будем вместе, я скоро приду, – и Алексей ушел.

Я заставила себя не подходить к окну, в котором был виден двор и с минуты на минуту мог появиться отец. Но бабушка, не утерпев, села у окна. Прошло несколько минут, и она оповестила, что подъехала черная машина и из нее вышел отец.

– А в машине кто-то остался, – продолжала передавать нам сообщения бабушка. Но вот раздался звонок в дверь, и мама пошла открывать. Спохватившись, я взглянула на себя в зеркало и очень себе не понравилась. Чтобы хоть как-то украсить свою жалкую физиономию, лихорадочно завязала на голове розовый бант.

Открылась дверь, и большой седой человек обнял меня. Прижавшись к нему, я ощутила родной папин запах – так пахли оставленные им вещи. Он отвел руками мою голову и стал вглядываться в лицо.

– Чем это ты сделала? – спросил он, дотронувшись до моих

бровей.

– Ничем, сами так растут.

– Сами… – как эхо повторил отец. – А я тебе карандаши принес, вот… цветные… – он протянул мне коробку.

– Спасибо, папа. – Как странно звучит это слово – «папа».

Нет, я не буду ему говорить, что уже два года пишу масляными красками из его этюдника, оставленного на даче. Что я училась по его работам, копируя каждую картину по несколько раз.

Вошла мама и, глядя на мой розовый бант, улыбнулась.

– Ната, может быть, ты что-нибудь сыграешь? – предложила она.

– Да, что-нибудь, – живо откликнулся отец.

Я послушно пошла к инструменту и стала играть Бетховена «К Элизе». Мне очень не хотелось сидеть к нему спиной. Руки совершенно не слушались и были холодны, как льдинки, и все-таки я играла с удовольствием, с тем редким чувством, когда не существует нот, отдельных звуков, музыкальная тема словно стекает с рук и глубоко трогает чувства.

Отзвучал последний аккорд, и я обернулась к отцу. Рука его спешно отерла влажные глаза.

– Если бы ты была чуть постарше, я мог бы тебя снять в роли пятнадцатилетней Наташи Ростовой. У тебя её глаза, – неожиданно сказал отец, по-доброму заглядывая мне в лицо. – Да, да, я скоро умру, и тогда все простится, и вам всем будет легче… – стал он говорить, глядя в пол…

– Ну что за ерунда, Сергей, – не выдержала мама.

– Ну, не буду, не буду, – как-то совсем слабо сказал отец.

– Наверное, скоро придет Алеша, – предположила я, чтобы переменить тему.

– Да? – удивился отец. – А что, ты с ним видишься? – и от хандры его не осталось заметного следа.

– Ну конечно, он же здесь живет, – сказала мама.

– Вот как. Здесь? Я не знал… – на лице отца появилась жесткая складка у губ. – Испорченный парень, хулиган какой-то, без разрешения включает проигрыватель, кривляется, совершенно невоспитан…

– Не тебе говорить о его воспитании, – заступилась мама.

– Пойдем, – неожиданно схватил меня за руку отец, – пойдем, там меня ждут внизу, там машина, мы поедем ко мне сейчас…

– Но Алеша, он придет, – пыталась я остановить отца.

– Не надо Алешу, пошли, поедем ко мне.

Отец суетливо подбежал к двери, открыл, потом снова схватил меня за руку и потянул за собой. Слезы душили меня,

мне было страшно смотреть на изменившееся лицо отца. Увидев мои слезы, мама обняла меня за плечи и закрыла от отца.

– Ну пойдем, пойдем, – и он двинулся ко мне.

– Папа, что же ты со всеми нами делаешь? – внезапно вырвалось у меня. – Ты же не сможешь быть счастлив без нас…

– Пойдем, пойдем, – твердил отец.

– Нет, я не пойду с тобой, – сказала я и ушла из комнаты.

Отец уехал.

«Что, что это было? – проносилось у меня в голове. – Моя встреча с отцом, которую я так ждала. Он говорил, но о чем? О том, что скоро умрет, что мы будем рады, он говорил только о себе, почему же у меня он ничего не спросил?»…

Вошла бабушка и протянула мне куклу в голубом платье:

– Вот это он в прихожей оставил… для тебя, – неуверенно добавила она.

Я взяла куклу, и вдруг глаза ее упали внутрь. Я смотрела на обезображенное кукольное лицо, и мне хотелось кричать от обиды… как кричат маленькие дети.

Неожиданно передо мной появился Алексей.

– Дверь была не заперта, а где отец?

– Он уехал, Алеша, – сказала мама, – он, видимо, очень спешил, – поцеловав меня в лоб, мама оставила нас одних.

Алеша молча рассматривал мое мокрое от слез лицо, стараясь понять, что произошло.

Я посмотрела на брата и увидела в его руках букет незабудок. «Это он отцу принес цветы», – пронеслось у меня в голове. «Плохо воспитан», – вспомнила я слова отца, и слезы хлынули из глаз.

Алексей подошел ко мне и обнял.

– Ну что ты, милая моя сеструха, не переживай так, мы ведь теперь нашлись, мы же есть друг у друга, а он поймет, когда-нибудь поймет, что без нас счастья у него не будет, ведь мы его дети.

– А цветы эти, – сказал он, перехватив мой взгляд, – я тебе принес.

Мы стояли, прижавшись друг к другу, и смотрели в окно, за ним был город, в котором живет наш отец.

Эти события, преломленные временем, сегодня я воспринимаю совсем по-другому. Я прошла свой собственный путь, и теперь мне легче понять моего отца. Теперь я точно знаю, что все его дети были одинаково им любимы.

Встречи на Солярисе

Накрапывал дождь, глухо стучал по крыше. Нужно было перебежать в соседний дом и отдать книгу. А так не хотелось. Хотелось еще и еще раз пролететь сквозь звезды к мерцающему океану Соляриса, увидеть огромного странного младенца, покачивающегося на волнах космического Разума, встретиться с хрупкой страдающей Хари и вместе с ней прожить странную и прекрасную в своих самоотречении и любви жизнь. Тринадцать лет – возраст особенный: первые записи в дневнике, первые стихи, странные вопросы самой себе: «Что было, когда тебя не было? А что будет потом, когда тебя не будет?» Нужно завязать бант, перебежать дорогу и вернуть книгу.

Молодых шумных людей пригрел дачный дом нашей соседки в Ново-Дарьине. Дом находился в вечной разрухе, в нем всегда что-то капало, трещало, жалобно постанывало, и все-таки он всегда приветливо принимал всех, кто в него попадал. Гости рассаживались по табуретам, скамейкам, а счастливчикам удавалось завладеть плетеным креслом-качалкой. Ставился самовар, тонкий смолистый аромат вливался в легкие, на время освобождая от забот и волнений. В этот день Ирина Александровна Жигалко – педагог Михаила Ильича Ромма – пригласила ребят со своего курса режиссерского отделения ВГИКа к себе на дачу, чтобы еще раз обсудить дипломные фильмы. Не имея своих собственных детей, Ирина Александровна пригревала многих поселковых ребят. Дача моей мамы находилась по соседству, строительством и благоустройством дач занимались исключительно женщины, так что соседки жили как бы одной женской коммуной, а я, как переходящий приз, кочевала от одного дома к другому.

– Наташа пришла, – представила меня своим студентам Ирина Александровна Жигалко.

– Вот, принесла, – протянула я свое книжное сокровище.

– Передай Андрею. Он хотел почитать.

Неохотно, из рук в руки, передаю черный томик со светлой полоской – «Солярис» Станислава Лема – молодому человеку, сидящему в моем любимом кресле-качалке. Он, не глядя на меня, берет книгу, покусывая кончики топорщащихся усов и глядя в не желающий разгораться камин. Выглядывает солнце, и одновременно вспыхивает в камине огонь, освещая молодые лица.

Со мной говорили на «вы», предлагали сыграть в настольный теннис. Андрей, Андрон, Василий… Разве тогда, в свои

тринадцать лет, я могла заглянуть в будущее и за неясной пеленой дождя увидеть и услышать Тарковского, Кончаловского, Шукшина?..

Я была счастлива детской радостью, что строгий студент с прической «под ежик» говорит со мной на «вы», но все-таки простить его, забравшего мою любимую книгу, я не могла.

Разве я знала тогда, что мы еще встретимся на планете Солярис?

Впервые на Алтае

Сколько времени нужно человеку, чтобы распознать, что он суть более космическое существо, чем земное? Очень люблю сказку Андерсена о гадком утенке. Вот он вылупился из яйца, огляделся и сказал: «А ведь мир гораздо больше, чем я предполагал, когда сидел в яйце».

Думаю, что не раз это с нами со всеми произойдет, когда мы скинем с себя одну из телесных скорлупок.

Впервые я услышала об Алтае и Чуйском тракте от бабушки. В моей детской фантазии переплелись тогда волшебные травы выше всадника на коне, лабиринты таинственных пещер, где сталагмиты и сталактиты таили облики людей и животных, сказания о красавице Катуни и волшебных рогах маралов. Бабушка рассказывала, как, посадив мою маму – ей тогда было семь лет – на лошадь и привязав ее к седлу, она совершала многодневные путешествия по Горному Алтаю и писала очерки в журнал «Сибирские огни».

А. Герман «Путь в Монголию»

Когда попадаешь в Сибирь первый раз в жизни, она оказывается совсем не такой, как ты ее представлял.

Обходя географические сведения, воображение всегда рисовало Сибирь как что-то очень однообразное, суровое, северное, трудно переносимое, малокрасочное. Между тем Сибирь – это грандиозный материк, где есть свой собственный север, свой юг с неимоверно жарким южным солнцем, с переменами климата от высокогорного, как на курортах Швейцарии, до степного, как в ковылях Кубани.

На Чек-Атаманском перевале в Ойротии вы собираете во множестве редчайший альпийский цветок эдельвейс, ради которого швейцарцы рискуют головой, ища его над пропастью. А через несколько часов, в той же Ойротии, вы на границе пустыни Гоби и под вами, через какой-то метр в глубину, вечная мерзлота.

Но вот вы спускаетесь по течению горных рек ниже и ниже, на уровень примерно Железноводска, и тут, в садах Чомала, можете видеть медленно созревающие грозди сибирского винограда.

Нельзя представить себе более красочной страны, чем Сибирь. Даже земля здесь горит, она – «ярь», багрово-малиновая под Красноярском, голубая, желтая, розовая в Кош-Агаче от

окисей металла. Даже вода здесь горит: в Кулунде есть озеро цвета рубина – от густой примеси йода.

Книга о Сибири еще не написана, обаяние Сибири еще не раскрыто, это до сих пор «спящая красавица», которую не поцеловало искусство.

Но мы живем в грозные дни войны. И красота земли отступает перед нашим требовательным, критическим отношением к тому, что происходит.

Шестнадцатилетней девчонкой ступила я впервые на алтайскую землю. В дальнее путешествие отправились мы с моей тетушкой Ниной, родной сестрой мамы, работавшей в то время редактором в журнале «Сибирские огни», дядей Игорем Малюковым, художником, и моим братом Андреем, который в то время уже учился во ВГИКе на режиссерском факультете у Ефима Дзигана.

Мы добрались до Бийска и далее на автобусе до Чуйского тракта. Выйдя из автобуса в горах и впервые увидев кедры над головой, я ощутила то, что более никогда со мной не происходило. Сильное впечатление от торжественных кедров вызвало во мне какое-то глубинное воспоминание, наполнило душу восторгом. Я почувствовала мощную вибрацию, которая стремительно пронеслась по всему организму и затронула сердце. Из глаз потоком вырвались слезы радости. В сознании пронеслась мысль: «Я здесь была, это моя родина». Состояние неземного счастья продолжалось несколько минут и запомнилось навсегда.

Остановились мы в поселке Элекманар на Чуйском тракте. Еще в автобусе узнали от молодого корреспондента о таинственной местности, где люди сохраняют древние традиции, ходят в старинных одеждах и, что нас с Андреем особенно поразило, даже не знают о существовании советской власти.

Молодой корреспондент хотел прыгнуть с парашютом в эту местность, потому что подъездов к ней никто не знает.

– Может быть, Вы со мной? – с надеждой предложил парень.

– А обратно-то как? – спросила я.

– Обратно?

– Ну да, как мы вернемся?

Видимо, этот вопрос не стоял на повестке дня, главное было – попасть туда. Я представила, какое впечатление окажет наше исчезновение с братом на тетю Нину и дядю Игоря, и мы с Андреем порешили прыгнуть как-нибудь в другой раз.

От Элекманара мы уходили в тайгу на семь-восемь километров, собирая горную клубнику и исследуя пещеры.

Раз забрели на стоянку ойротов, державших овец и коров.

Две белобрысые девчушки шести-восьми лет встретили нас с

восторгом. Они спрашивали нас о Москве, о Кремле, о Ленине. Я очень жалела, что у нас не было с собой открыток. Палочкой на песке я рисовала и Кремль, и Мавзолей, и многоэтажные дома. Никак не могла объяснить алтайским девочкам, для чего нужны балконы, домов выше двухэтажных они никогда не видели. Девочки были одни в ожидании взрослых и играли камешками и щепками, выяснилось, что и кукол они никогда не видели.

Младшая ввела меня в дощатый сарай с земляным полом и одной большой деревянной лежанкой, вокруг нас жужжали зеленые мухи.

– Вот, – с гордостью сказала она, показывая на земляной пол и приговаривая, – здесь ляжешь ты…

Старшенькая девочка, видимо, уже сознавая убогость ночлега, вздыхала и опускала глаза.

– А почему же вы в доме не живете? – спросила я, углядев невдалеке хороший, рубленный из лиственницы, дом.

– Так там же змеи, – отмахнулась младшая. И заявила таинственно: – Я сейчас тебя угощу – вкусно!

В жилище стояла длинная долбленная из дерева посудина. Девочка подхватила немытую банку и залезла с ней по локоть в долбленку. То, что она зачерпнула и извлекла наружу, было желто-беловатое и пахло кислым.

– На, пей, – протянула мне жидкость девчушка.

– А это что?

– Чигень! – сказала девочка и причмокнула губами. – Да пей же.

Понимая, что я с собой делаю, я не могла отказать гостеприимному ребенку и отпила глоток. Это было похоже на перекисшую простоквашу. Много позже я узнала подробности изготовления этого напитка. Когда рождается теленок, кусочек последа закладывается в молоко, и оно стоит и бродит в деревянном сосуде. Ну, впрочем, хорошо, что тогда я не знала эти подробности.

После угощения нужно было что-то похвалить в доме. Я увидела над лежанкой мощный охотничий нож.

– С таким отличным ножом можно и на охоту ходить, – сказала я.

– А папа и ходит, почти каждый день ходит. Здесь рысей много. Они на ветках сидят, – улыбаясь, сообщила младшая.

Домой в Элекманар мы вернулись поздно с полным бидоном горной клубники и золотистой форелью – уловом дяди Игоря.

Много лет спустя, когда я пришла на кинопремьеру брата «34-й скорый», только мне было понятно, куда отправляет свой состав мой брат Андрей.

«34-й скорый» отправлялся по маршруту Москва-Элекманар.

А тогда, в далеком далеке, мы с Андреем поклялись вернуться на Алтай.

ВГИК

Рассказывают, что, когда Сергей Апполинариевич Герасимов впервые взял меня, годовалую, на руки, я, увидев на его груди сверкающую под солнцем звездочку, схватила ее и не желала отпускать. Откуда ребенку знать, что это была Звезда Героя Социалистического труда.

– Вот это хватка, – смеялся Герасимов. Тамара Федоровна Макарова и Сергей Апполинариевич своих детей не имели и подумывали удочерить мою маму. Мой дедушка, мамин папа, умер в тридцать четыре года, и я его не знала, да и фамилии у мамы и Тамары Федоровны были одинаковые. Но после съемок «Молодой гвардии» мои родители расписались и удочерение отпало. Несмотря на близкое знакомство, виделись мы с мастерами нечасто. Но вот однажды маму пригласили во ВГИК в Государственную комиссию на выпускные вечера знаменитой мастерской. И я в тринадцать лет впервые попала во ВГИК. В актовом зале юные артисты играли фрагменты из великих пьес. Я увидела первого в своей жизни Гамлета.

Его играл Сергей Никоненко. Мне досталось место в первом ряду. Милое, такое русское, лицо принца Датского с чуть оттопыренными ушами и пунцовыми щеками покорило мое сердце.

Меня поразили слезы Гамлета – огромные, подсвеченные софитами, они падали прямо на меня. Мне неудержимо захотелось подставить руку и поймать одну из слезинок. Я сострадала юному Гамлету всей своей детской душой.

И еще один образ поразил меня. Безмолвный палач, полуголый, вышел на сцену, съел вареную морковь и, не говоря ни слова, удалился. Но, боже мой, как ему аплодировал зал! Много лет позднее я узнала, что Николай Губенко за очередной инцидент не был допущен к выпускным экзаменам, ему даже запретили играть главную роль в пьесе Брехта «Карьера Артура Уи», но Коля появился в немом эпизоде, и ему выставили отличную оценку в диплом.

Надо было так случиться, что мама задержалась во ВГИКе, и я очутилась в одной аудитории с молодыми актерами – выпускниками. Не помню, что им говорил Герасимов, потому что со мной сидел Сережа – Гамлет! Я вся сжалась от сознания, что сижу рядом с великим актером, с которым мы вместе плакали. Вдруг слышу его шепот: «Девочка, хочешь клюкву в сахаре?» – и Гамлет протянул мне маленькие кругляшки в сахарной пудре.

Я очень любила и люблю клюкву в сахаре, но в тот момент

принять клюкву из рук Сережи – Гамлета не посмела.

Поступая во ВГИК на актерский факультет, я дрожала как осиновый лист. К этому дню, впервые в моей жизни, мне сшили в ателье на заказ платье из крепдешина.

Мне было тогда семнадцать лет. Хорошо помню время экзаменов, как волновалась мама (папа ничего не знал о моем решении встать на тернистый путь служения кинематографу).

На отборочных экзаменах нас просили играть этюды, а я уже года три играла в самодеятельном театре и, конечно, знала, что это такое.

В этюде мне досталась роль продавщицы в магазине. Я живо представила себе продавщицу в нашем поселковом магазине и на все просьбы покупателей отвечала обоснованным отказом, занимаясь все время собой и своей прической.

На основной отборочный экзамен по актерскому мастерству, где будут мастера, я приготовила стихи Заболоцкого «Журавли».

Никто не предупреждал, что одновременно со сдачей экзаменов нас будут проверять на фотогеничность, то есть снимать.

Я открыла дверь и вступила в ярчайший свет. Никогда до этого я не снималась и была пригвождена от ужаса к месту. Откуда-то сбоку спросили:

– Так сколько вам лет?

А я молчу. На меня буквально столбняк напал.

– Вам семнадцать? – кто-то из сверкающего мира пытался мне помочь.

– Угу, – все, что я могла вымолвить.

– Ну, прочтите, что вы для нас приготовили, – уже вяло попросил кто-то.

Еще секунда – и меня прогонят. Я зажмурилась и начала читать:

Вылетев из Африки в апреле
К берегам отеческой земли,
Длинным треугольником летели,
Утопая в небе, журавли…

И тут только я поняла, что мне очень хорошо читать, когда я не вижу ничьих глаз. Более того, я стала четко видеть внутренним взором и журавлей, и черное зияющее дуло, которое поднялось на красоту.

Луч огня ударил в сердце птичье,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,

И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас…
А вожак в рубашке из металла
Опускался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно…

Я закончила читать… Было тихо-тихо, и кто-то сказал: «Спасибо».

Боже мой, сколько ребят поступало, и как мало нас осталось. В первый день учебы, счастливые и взволнованные, мы собрались в мастерской для знакомства друг с другом и мастерами.

Первой встала девочка с длинной русой косой, высоким лбом и светлыми глазами.

– У меня очень смешная фамилия, – сказала она. – Я – Наташа Белохвостикова.

Легкий смешок прошелестел по рядам.

Встала другая девочка со стрижкой и бойко сообщила:

– И у меня фамилия смешная. Я – Наташа Гвоздикова.

Все захохотали.

Поднялась со своего места еще одна девушка с тонкими, необыкновенно выразительными азиатскими чертами лица.

– А я – Наталья Аринбасарова.

Четвертой встала я:

– Меня тоже зовут Наташей, фамилия у меня не смешная – Бондарчук.

Позже наш курс так и прозвали: «Курс четырех Наташ». Курс объединил будущих актеров и кинорежиссеров. На актерском факультете учились: Николай Еременко, Толгат Нигматулин, Вадим Спиридонов, Александр Сныков, Сергей Малишевский, Игорь Вознесенский, Гарри Чирева, Юрий Николаенко, Анатолий Переверзев, Нина Маслова, Надя Репина, Ира Азер, Ольга Прохорова. На режиссерском были Майя Симон, Борис Шадурский, Борис Фрумин, Семен Галкин, Леонид Бердичевский, Валерий Харченко, Ходжа Нарлиев, Роман Виеру, Мухаммед Абуель Уакар, Александр Рехвиашвили. Вторично учились, уже на режиссерском факультете, Сергей Никоненко и Николай Губенко. В тесном сотрудничестве с Сергеем и Колей я сделала большинство своих работ на сценической площадке.

Учитель

Учитель! Какое великое, всеобъемлющее понятие. Учитель – тот, кто подаст тебе наилучший совет, тот, кто поведет к знанию, тот, кто явится примером, кого почитаешь и сердечно любишь. Великий закон, связующий малое с большим, большое с великим, и так – к бесконечности. Герасимов оставил завет своим ученикам: «Художник должен быть одержим идеей усовершенствовать мир».

С детства кинематограф вошел в мою жизнь и стал полноценной ее частью. Фильм «Молодая гвардия», вышедший на экраны в год моего рождения, дал главные устои всей моей жизни и во многом ее определил.

Такие понятия общечеловеческого значения, как верность, преданность, неустрашимость, сопротивление общемировому злу (носителем которого в фильме является фашизм) сразу вошли в мое детское сознание.

Сегодня я спрашиваю себя, а много ли у нас таких картин? Много ли их в мировом кинематографе, где так четко и глубоко выражена идея самоотречения во имя общего блага? И отвечаю: нет, их очень и очень мало! Но как они нужны формирующейся душе! И потому мы должны беречь такие фильмы как сокровище.

Более всего Герасимов ценил качество мысли в классических произведениях, в студенческих работах, в актерской игре. Обучая нас, актеров, он настаивал на первенстве мысли. «От мысли к действию, а не наоборот, – говорил он, – можно внешне ничего не делать, но мыслить, и на это будет интересно смотреть».

Так как отношения между моими родителями не сложились и я на долгие годы потеряла контакт с моим любимым отцом, часть отеческого, так необходимого в юности тепла подарил мне Герасимов.

Герасимов старался привить нам любовь к классическим произведениям, прохладно относясь к любым иным. Мы учились на классике. С конца первого курса обучения нам были доверены такие шедевры, как «Отелло» Шекспира, где в роли Дездемоны выступила Наталья Белохвостикова, и «Мертвые души» Гоголя, где мне довелось в семнадцать лет играть Коробочку, а Коле Еременко – Плюшкина.

Со второго курса мы приступили к работе над «Красным и черным», даже и не мечтая воплотить эти образы на экране, но через пять лет наш учитель поставит спектакль «Красное и черное» на сцене Театра киноактера, а потом и четырехсерийный фильм, где эти же студенческие роли достанутся нам: Наталья

Белохвостикова сыграет роль Матильды де ля Моль, Николай Еременко – Жюльена Сореля, а мне будет доверена моя любимая госпожа де Реналь.

К концу второго курса началась работа над романом А. Толстого «Юность Петра».

Помню репетицию и работу с Сергеем Апполинариевичем над ролью царевны Софьи. Он видел ее натурой страстной, мощной, соответствующей самому Петру по силе характера.

Он снимал только то, что хорошо знал и любил, будь то Байкал в фильме «У озера», или уклад дворянской семьи XIX века в романе Стендаля, или то, как готовится тюря в глухой деревне… Настоящее искусство, учил он нас, рождается из правильно подобранных деталей, как мозаичное полотно.

Вместе с ним трудились такие же самоотверженные люди. На «Красном и черном» оператор Роман Цурцумия в каждом кадре добивался тональности, присущей великим живописцам, Элла Маклакова с особой тщательностью создавала костюмы. Все были заняты творчеством, и всех объединял талант учителя.

Зная его удивительный дар чтеца, мне удалось снять учителя в телевизионном фильме-концерте «Медный всадник». Пожалуй, никто, кроме Герасимова, не мог так точно передать пушкинское слово. Он весь был захвачен грандиозностью образов и творил, иногда даже не справляясь с нахлынувшими на него чувствами. Помню, никак не давалось ему одно четверостишье о помешавшемся от горя Евгении:

…К сердцу своему
он прижимал поспешно руку,
как бы его смиряя муку,
картуз изношенный сымал,
смущенных глаз не подымал…

На этих строках Сергей Апполинариевич срывался и рыдал. И только с третьего дубля Герасимов взял «пушкинскую высоту» и прочел эти строки на пределе чувств.

В поисках единственно верной интонации мучился и мой отец. Как коллеги мы стали общаться, когда я заканчивала актерский факультет ВГИКа. Он увидел меня в роли мадам де Реналь.

Боже мой, как волновались мы в эти дни. Единственный раз на сцене ВГИКа мы должны были сыграть пять актов пьесы «Власть тьмы» Льва Толстого, поставленной Сергеем Никоненко, где я играла Матрену, и «Красное и черное» в постановке

Герасимова.

Последние пять дней мы буквально не выходили из стен института, репетиции шли за репетициями, и это, конечно, сказалось на спектакле.

Первый акт прошел без помех. Во втором я в образе мадам де Реналь находилась на втором этаже нашей декорации в спальне. Коля Еременко – Жюльен Сорель – должен был подняться сзади меня по ступенькам лестницы. И вот все идет хорошо, я слышу скрип лестницы, сейчас Коля проникнет в спальню и начнется его монолог о любви, я буду упорствовать, обращаться к Богу, но потом сдамся, а затем присутствие Жюльена Сореля заметят и в него будут стрелять.

Я стояла в одной белой рубашке и ждала страстных слов Сореля, но вместо них услышала какие-то всхлипы. Я обернулась и увидела, как у Коли Еременко хлынула носом кровь и прямо мне на белую рубашку. Первые ряды это заметили и ахнули, но зал ждал. В мыслях промелькнуло: «…Экзамен! Один раз в жизни…». Я развернула Колю от зала и стала его гладить по лицу, пытаясь унять кровь, а второй рукой я перекрыла кровавый участок рубашки и стала что-то говорить… Я сочиняла текст за Стендаля, говорила, что люблю его (Сореля), но не могу принять, говорила часть текста Жюльена и сама же ему отвечала. Напряжение росло, в зале тишина и полное внимание. Но вот Коля заговорил, сначала тихо и слабо, потом все сильнее. Так мы не играли никогда в жизни.

Многие из зрителей рассказывали, что в зале не было сухих лиц, все плакали, сострадая нашим героям. Занавес закрылся – антракт. В антракте пришел Герасимов, обнял меня и Колю, вызвали «скорую». Но после антракта мы доиграли спектакль.

Я знала, что среди зрителей был мой отец. Сергей Федорович впервые видел меня на сцене. После спектакля он обнял меня и заплакал, долго не отпуская от своей груди. Так и стояли мы вместе, отец и дочь… Вспомнились строчки моей любимой Марины Цветаевой.

Жестока слеза мужская:
Обухом по темени!
Плачь, с другими наверстаешь
Стыд, со мной потерянный.

Одинакового
Моря – рыбы! Взмах:
…Мертвой раковиной
Губы на губах.

* * *

В слезах.
Лебеда —
На вкус.
– А завтра,
Когда
Проснусь?

Тогда же во ВГИКе у нас с папой состоялся первый серьезный разговор об искусстве, о моей роли. Кажется, он почувствовал во мне актрису. И все же меня не покидало ощущение, что ему тяжело смотреть на меня, повзрослевшую без него. И еще я почувствовала любовь и сердечность и постепенно начала освобождаться от своей боли. Наши отношения всё росли, вплоть до самых откровенных бесед, в которых всегда ощущалось его трепетное отношение ко мне.

Много позже, после ухода отца из семьи, я, выступая однажды в Киеве перед зрителями, рассказывала о нем, и, наверное, столько во мне было нежности, что потом вышла женщина моих лет и произнесла, вытирая слезы: «Вы так говорили о своем отце, что я только сейчас, послушав вас, окончательно простила своего».

Я счастлива, что у меня были моменты истинного контакта с отцом, которым ничто не мешало. Даже между родными людьми иногда возникает напряжение, не сразу подбирается тон разговора… а мы – как будто вечно существовали вместе, и не было этого разрыва…

Встречи на Солярисе-2

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине…

1 Кор. 13: 4-8

Тихонько потрескивали лампы. Слепящий свет «юпитера» мешал видеть лицо режиссера, но помогал отстраниться, стать по ту сторону бытия, где впервые пыталась говорить с людьми Хари.

– Не перебивайте меня, я все-таки женщина! – умоляла я слепящий свет, откуда, не совсем правильно выговаривая звук «л», подавал реплики режиссер.

– Да вы не женщина и не человек, поймите вы… Хари нет. Она умерла. А вы только ее повторение. Механическое повторение. Копия! Матрица!

Как тепло на меня смотрит Донатас Банионис. От доброго, участливого взгляда сами собой текут слезы.

– Да, может быть… Но я становлюсь человеком, и чувствую я нисколько не меньше, чем вы… Поверьте!

Конец пробы. Гаснет свет. Сонм лиц, кто-то что-то говорит, поздравляет, утешает, но я все еще там, я что-то не сказала… кажется, главное… По-прежнему текут слезы. Режиссера в павильоне нет. Меня уводят в гримерную.

В напряженном ожидании день, два, неделя, и, с беспощадностью сухой информации, – не утвердили!

И снова «Мосфильм». Маленькая комната с фотографиями актеров. Ласковые, сосредоточенные глаза на прекрасном женском лице. Она говорит со мной так, как будто знает всю жизнь, а еще мне кажется, что она и впрямь знает всю жизнь наперед – и свою, и мою… И где-то там, впереди, что-то прервется, чтобы жить вечно.

– Я видела твои пробы у Андрея, он очень хорошо отзывается о тебе, – ласково говорит со мной, неудавшейся Хари, Лариса Ефимовна Шепитько. Видимо, заметив следы недавнего отчаяния, добавляет: – Он и сам бы тебя снимал, да ты слишком молода для этой роли. Прочитай сценарий, – вложила она мне в руки тонкую книжку под заглавием «Ты и я».

Лариса утвердила меня на роль Нади без проб, доверяя своему другу Андрею.

Мало кто знает, что сценарий, написанный Ларисой Шепитько и Геннадием Шпаликовым, кристаллизовался под влиянием личности Тарковского, что это был фильм о нем самом, о его поиске истины в творчестве. Лариса распознавала и более всего ценила талант в людях. Как она говорила: «До него ангел дотронулся». В чем-то главном Андрей и Лариса были очень похожи. Они были если не единомышленниками, то едино чувствующими людьми, их искусство вне времени, ибо оно только для души, души страдающей, души верующей.

Человек един в творчестве и в жизни. С первых дней в искусстве Лариса шла к «Восхождению», так же как Андрей – к своему «Жертвоприношению».

– Наталья, наш материал смотрел Тарковский. Он снова хочет попробовать тебя, – как-то по-домашнему сказала Лариса. И добавила тихо: – Я верю, что эту роль будешь играть ты!

И снова жужжат осветительные приборы. Спокойно и весело ладит свою кинокамеру «Родина» Вадим Иванович Юсов. И снова я на планете Солярис, где Хари пытается защитить своего любимого:

– А Крис меня любит?! Может быть, он не меня любит, а просто защищается от самого себя… Это неважно, почему человек любит, это у всех по-разному…

– Хорошо! Молодец!

И впервые Тарковский смотрит на меня не отчужденно, а как-то радостно и спокойно. И тут же начинает давать указания гримерам, как должна выглядеть Хари, и художникам по костюмам, в каком платье должна быть героиня «Соляриса». Так началась работа над фильмом. Здесь же, в павильоне, была Лариса Шепитько. Она обняла меня.

– Ну, вот я и вернула тебе твой подарок, Андрей, – шутливо сказала она и тихо, только мне одной: – Я верила, что так будет!

Спасибо тебе за эту веру, Лариса.

Когда-то я уже это видела в каком-то сне или наяву: летящую навстречу дорогу, розовым цветом подернутые абрикосовые деревья и море, сливающееся с небесами. Потом, много лет спустя, я услышала слова об этом чувстве, слова мальчика из фильма Тарковского «Зеркало»: «Как будто это уже было все когда-то». Так казалось мне, когда впервые вместе с киногруппой «Соляриса» мы переехали через перевал и нас встретила весенняя Ялта. Не успев забросить чемоданы, все дружно отправились к морю. Тарковский был весел и неутомим в рассказах. Он дарил друзьям Ялту, дарил чудный день, море. Он настоял, чтобы была

снята ярмарочная ялтинская фотография, с обязательной фразой «Привет из Ялты!» Он шутил, даже пел, радуясь, как ребенок, что снова, после шестилетнего «простоя» – у любимого дела.

– Иудино дерево цветет, – неожиданно произнес он, застыв у небольшого дерева с пряно пахнущими сиреневыми цветами.

Видя мое удивление, объяснил:

– Вот на каком дереве повесился Иуда. – И как бы самому себе добавил: – Только тогда оно, наверное, не цвело.

И вдруг стал читать стихи:

И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник,
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник…

Кто-то из группы услужливо спросил:

– Это ваши стихи, Андрей Арсеньевич?

Тарковский засмеялся и неожиданно всерьез ответил, глядя прямо в глаза собеседнику:

– Если бы я мог писать такие стихи, я бы никогда не снимал. Это стихи Бориса Пастернака.

А на другой день киногруппа отправилась к декорации, которую должны были приготовить месяц назад. Выяснилось, что в ней масса недоделок.

Тарковский внимательно обследовал каждый угол декорации, страдальчески морщась при виде халтуры. Сколько подобных недоработок было почти во всех съемочных группах, в которых мне приходилось работать. И всегда начинались съемки в надежде на «потом», в надежде на доделывание, но только у Тарковского нельзя было начать съемки, если что-нибудь не соответствовало его планам. Он мучил себя и других, но всегда добивался полной готовности.

– Снимать не буду! – резко ответил он своему директору, а на его жалобы прибавил: – У вас был месяц, и вы ничего не сделали. Халтура.

На обратном пути молчал, нервно кусая ногти. И вдруг, взяв газету «Правда», расхохотался.

– Послушайте, что про нас пишут: «Тарковский начал снимать свой фильм “Солярис”. У Мыса Кошки к небу устремились серебристые ракеты. Астронавты Донатас Банионис и Наталья Бондарчук готовы занять свои места. Их ждет Космос». Ну, все «правда», – хохотал Тарковский. – Мыс Кошки и ракеты! Эй, астронавты, там местечко для меня есть, чтобы улететь к…?

Съемки начались через две недели… Комната Кельвина, за

окнами живой океан Соляриса. Напряженные поиски внешнего облика, репетиции – и снова съемки. После съемок – совместные с группой вечера.

Тарковский был внушаем и тяготел ко всякой мистике и к пророчествам. Рассказал однажды, что был участником спиритического сеанса и что ему удалось вызвать, как он считал, дух Пастернака и спросить его:

– Сколько картин я поставлю?

– Семь! – был дан ответ.

– Так мало? – спросил Тарковский.

– Семь, зато хороших! – сказал дух великого поэта.

Он поставил семь картин: «Иваново детство», «Андрей Рублев», «Солярис», «Зеркало», «Сталкер», «Ностальгия», «Жертвоприношение».

К лету 1970 года картина «Солярис» раскинула свои отливающие металлом и разноцветием контрольных ламп космические коридоры в павильоне «Мосфильма». Декорации к фильму были созданы прекрасным художником, другом Тарковского, Михаилом Ромадиным. Тарковский не терпел бутафории, добиваясь от каждой детали образа. Так в холодной функциональности космического бытия возникли трогательные островки духовности, живые миры людей, добровольно покинувших Землю ради вечного поиска вселенского Контакта.

В комнатах космических отшельников, ведущих эксперименты над собственной душой, должны были быть самые дорогие их сердцу предметы. Так, благодаря настойчивым требованиям Тарковского, в комнате Гибаряна появился старинный армянский ковер ручной работы. Очагом земной жизни, жизни человеческого духа стала библиотека. Парадоксальность появления в космосе старинной мебели, свечей в бронзовых подсвечниках, светящихся витражей и картины Брейгеля подчеркивала тяготение людей к земному.

– Нам не нужен никакой космос, нам нужно Зеркало! – проповедует добрый и несчастный Снаут, блистательно сыгранный Юри Ярветом.

Роман Станислава Лема и фильм Андрея Тарковского отличаются в главном: Лем создал произведение о возможном контакте с космическим разумом, а Тарковский сделал фильм о Земле, о земном. В конструкции его «будущего» основными проблемами незыблемо остаются проблемы человеческой Совести, вечная оплата грехов человеческих, которые, материализуясь, предстают перед героями «Соляриса».

Искусство земных художников, вливаясь в сознание космической матрицы живого человека, какой является моя

героиня, формирует ее человеческую, обреченную на страдание и любовь душу. Посмертная маска Пушкина, фолианты старинных книг, фарфоровый китайский дракон – детали, глубоко продуманные Тарковским, наполняют космическую героиню Земным Теплом, светом земной Культуры.

Андрей Арсеньевич редко репетировал с актерами до съемок, но к решающей сцене в библиотеке подводил нас, начиная с кинопроб. Его работа с актерами была построена на тонких вибрациях подсознания, трудно уловимых сторонним наблюдателем. Неожиданно во время репетиции он подходил ко мне и решительно останавливал мой трагический пафос, казалось бы, абсурдными замечаниями:

– Понимаешь, она говорит, как будто хлопает старыми дверцами шкафа. Слова не имеют значения. И вообще, умоляю тебя, ничего не играй!

Настраивая меня на длинные крупные планы, Тарковский тихонько наговаривал, как деревенская бабка-вещунья:

– Не играй, не играй, живи, дыши. Представляешь, как это прекрасно, ты сейчас живешь, хлопаешь ресницами, вот улыбнулась сама себе…

Через минуту шла команда: «Мотор»!

Совсем по-другому Тарковский работал с Анатолием Солоницыным, доводя его до крайнего перевозбуждения, физического переутомления, часто ругал его, что для Анатолия, обожавшего Тарковского, было невыносимо. Но когда у Толи появлялись слезы на глазах и вся его суть приходила в движение, Тарковский начинал снимать. Подобное выведение подсознательного я видела только еще у одного киномастера, любимого режиссера Андрея Арсеньевича – Брессона. В фильмах «Дневник сельского священника», «Мушетт» актеры не играют, а медитируют перед кинокамерой. Все внешнее убрано, разговор ведет душа. Это не значит, что Тарковский вносил на площадку дух мистицизма, наоборот, он как будто мешал актерам сосредоточиться на «идейном содержании роли», сбивая фразами типа:

– Играй гениально! У меня сердце болит от твоей игры.

Раннее замужество

К моим девятнадцати годам я уже успела выскочить замуж. Именно не выйти, а выскочить. Все друзья отговаривали меня от такого поспешного решения. Но я, к сожалению, всегда и во всем была и, наверное, остаюсь максималисткой, и первое же чувство приняла за «вечную любовь». И испортила человеку жизнь, причем хорошему человеку. Мой первый муж для многих женщин был бы идеальным мужем. Добрый, внимательный, любящий, что еще нужно? Правда, очень ревнив. Стоило мне сесть за столик во ВГИКе к своим ребятам по курсу, у него тут же портилось настроение, он ничего не говорил мне, да этого и не нужно было. Настроение портилось и у меня. И все же… мы любили друг друга и были почти счастливы целых полтора года.

Мужу

Я голову твою держала на коленях,
И плавал запах леса и цветов.
Земля держала нас законом притяженья,
Но нет закона
Выше, чем любовь.
Случилось чудо, мы могли летать,
И плавать в воздухе, и растворяться,
И гриву облаков любимого ласкать,
В поток волос душистых устремляться.

16 июня 1969 года

И совсем другие стихи, полные юношеской нетерпимости – ему же.

Отпусти меня в ясную даль.
Не хочу больше быть в тесноте,
И угрюмости стен и печаль мою
Отдаю за бесценок тебе.
Мне не нужно отвернутых лиц,
Безучастьем, безверьем пропитанных,
Убаюкивающих мертвецов, ясновидящих,
В меру упитанных…
Я прорвусь сквозь завесу теней,
Обретя себя в яростном свете,

Ускакав на лихом скакуне,
Растворившись с мечтой на рассвете.

12.11.1970. Репино

Страданье – искупленье зла
Прожитых дней, ушедших вех
И жизни всей…
Как дань природе, одарившей на
Разорение себя —
И страсть, и муку породившей,
И поглотившей всю себя.

24 февраля. Репино

В этих пропитанных болью строчках выливалась трагедия моего юношеского миропонимания. Вспыхнула яркой звездой другая любовь и поглотила все…

А.Т.

Как мне глаза твои увидеть,
Как мне почувствовать твой вздох
На расстоянии, не увидеть

Твоих неразрешенных снов,
С какою силою связаться..?
Преодолеть пространство дней,
Предстать. И кинуться в объятья
Судьбы и мудрости твоей.

Как-то Андрей Арсеньевич мне сказал: «Настоящая любовь не бывает безответной, иначе она не настоящая».

Звонок. Пригласила к себе Лариса Ефимовна Шепитько. Иду с радостью. Идти недалеко, дома рядом. Пришла, встречают Элем Климов, муж Ларисы, и Андрей. Это он попросил Ларису позвать меня в гости. Сели за стол, немного выпили, читали стихи. Вышли с Андреем в соседнюю комнату. Я села в кресло. Он долго на меня смотрел, потом быстро ко мне подошел, неожиданно встал на колени и уткнул свое лицо в мои. Признался, что любит меня уже целый год, нежно и преданно. Я сняла с себя цепочку с моим знаком зодиака – Тельцом, которую подарил мне мой отец,

и надела на него, и еще вручила Андрею самую дорогую для меня иконку Владимирской Божьей матери. Эта иконка всегда висела над моей кроватью.

Сели за стол. Выпили немного коньяку. А в висках стучало: что дальше? Уйти к себе я уже не могла… Верно почувствовав мое настроение, Лариса Ефимовна пригласила меня в свою спальню. Она говорила откровенно, пытаясь оградить меня от несчастья. Тепло говорила о моем муже: «Ты еще не в том возрасте, когда можешь оценить хороших людей», – эта фраза запомнилась мне навсегда. «И у Андрея, и у тебя чувства пройдут, он несвободен, так же, как и ты».

Андрей поставил пластинку Баха, музыку из «Соляриса», которую я так любила. Я прошла в ванную комнату. В зеркале я увидела свое лицо, лицо Хари – женщины, которая любила, но у которой не было ни единого шанса на счастье с любимым, ни единого… И чтобы спасти его от безумия… взгляд мой упал на оставленное лезвие бритвы… чтобы спасти всех нас от безумия… нужно уйти, немедленно уйти из жизни. Я схватила бритву и рубанула себя по венам, боль заставила меня прийти в себя… Где я? В доме у Ларисы… нет, нет… только не здесь… Продолжая сжимать рукой лезвие бритвы, я выбралась из ванны, закрыв длинным рукавом свою раненую руку.

– Мне нужно идти.

– Сейчас? – спросил Андрей Арсеньевич. – Но почему сейчас?..

– Мы только начали ужинать… – весело сказал Элем Климов и взял меня за руку. Предательская кровь хлынула на ковер. – Это что еще такое? – нахмурился Элем…

– Ну, началось, – схватился за голову Андрей. – Кому и что ты хочешь доказать?.. Это же несерьезно…

Последние его слова затмили мой разум. Пограничное состояние, вызванное мучительными съемками, переживания вспыхнувшей любви… Нет, это было серьезно. Серьезней не бывает. И я рубанула бритвой по венам так, что фонтан крови взметнулся к стене и обрызгал ее – боли я уже не почувствовала… Климов отпустил мне весомую и вполне заслуженную оплеуху, вырвав лезвие, Лариса немедленно завязала руку полотенцем. Они что-то обсуждали, но я уже не могла их слышать… Дальше я видела происходившее как бы со стороны. Зима… мы идем по ночной Москве, везде сугробы, куда-то делся Андрей, я стала его звать… яростно, с болью… Он появился, прижав меня к себе, так мы дошли до врача…

Я по-прежнему не чувствовала боли… И тогда, когда накладывали шов на локтевом сгибе… Позже я узнала от врача,

что это было пограничное состояние разума… еще немного – и безумие…

Дома узнали обо всем, прочтя мой дневник. Мой муж тоже прочел, он попытался поговорить со мной, но я не дала. Так, мгновенно, он стал для меня чужим… Больше всех негодовала бабушка… Как я посмела покуситься на свою жизнь… Она любила меня всей душой, всем сердцем и восприняла мой поступок как предательство…

Да так оно и было. Теперь, взрослая, я понимаю: почти еще детей толкает к суициду максимализм. И временное безумие, очень опасное. Своим поведением я могла сразу погубить многих: Тарковского, Ларису, Климова, мою семью… Сейчас почти всех участников этих событий нет в живых. Но я прошу у них прощения.

Мое жалкое человеческое сознание, цепляясь за жизнь, искало выхода и нашло. Я решила креститься. Тайно. В советское время крещение могло привести к концу карьеры. Ведь нужно было предъявлять паспорт, и это тут же становилось известно «инстанциям».

А где взять крестик? Его просто негде было купить, в советское время они не продавались, так же как и Евангелие. Я обратилась за помощью к Ипполиту Новодережкину. Он был художником у моего отца на картине «Судьба человека», работал с Тарковским над «Рублевым». Он внял моим мольбам и приготовил маленькую формочку для креста, я отдала ему свое золотое колечко – и вскоре крестик был готов. Для крещения я выбрала храм в Переделкине. Эту церковь я очень любила. На кладбище рядом покоились Борис Пастернак и Корней Чуковский.

Ипполит Новодережкин и стал моим крестным отцом. Рыжеволосый священник с добрыми глазами совершил таинство. Для взрослых в храме была купель-бассейн, я вошла в него, сама три раза окунулась и прочитала молитву. После миропомазания причастилась…

Не знаю, что все это значило для моей души, но и сегодня считаю, что это был самый правильный шаг к спасению.

А пока сами собой слагались пропитанные болью строки.

Мне снился голос твой, и слезы
Текли из сном одетых глаз.
Всё разрешающие грезы,
Все разрушающий соблазн…

Апрель, 1972 год

За окном шел густой мокрый снег.

– Я всем приношу несчастье, – тихо сказал Андрей. – И тебе!

За этими словами была безысходная боль и ответственность за людей, которые верили и шли за ним. Тем временем Госкино начало свою атаку на «Солярис».

Фильм получил 32 замечания, и вот уже полгода его не выпускали на экран, даже на премьерный показ. Я пыталась возразить, убедить Андрея, что главное счастье – это сама работа, но он не дал мне говорить.

– Почему, почему они так меня ненавидят?

Художник и работодатели. Вечен их конфликт. Кинорежиссер, обреченный на кинопроизводство, полностью зависит от работодателей. Не участь долгого лежания фильма «на полке» так волновала Тарковского, а многолетнее ожидание нового дела.

И все-таки премьера состоялась: вначале в малых залах «Мосфильма», а затем в Доме кино. На один из просмотров пришел Сергей Федорович Бондарчук. Очень часто впечатление от фильма усиливается или уменьшается от того, с кем ты находишься рядом во время просмотра. В этот день со мной впервые смотрели фильм Донатас Банионис и мой отец. После первых же моих сцен отец крепко сжал мою руку и тихо произнес:

– Хорошо.

Тарковский, словно проверяя самого себя, вглядывался в мокрые от слез лица Донатаса и Сергея Федоровича. Это был какой-то странный и счастливый для меня день. После просмотра отец обнял Тарковского и поблагодарил за те чувства, которые вошли в него вместе с «Солярисом». Они шли по длинным мосфильмовским коридорам. Может быть, это наивно и не нужно, но мне всегда хотелось соединить тех, чье творчество я любила. Мне было больно от сознания, что всегда находятся люди, несущие ложь, сплетни, плетущие интриги, настраивающие художников друг против друга. Это они «сочувствовали гению Тарковского» и внушали, что все у него «украл Герасимов» и использовал в своих фильмах. Как будто можно украсть душу…

Тарковский был раним и внушаем, многолетние невзгоды усиливали его болезненную подозрительность, на которой ловко играли прилипшие к его судьбе люди.

Но в тот далекий день Андрей был открыт и счастлив единочувствованием, пониманием, таким редким для него приятием его труда. Мы остановились на лестничной площадке. Отец с тревогой спросил меня:

– Что же ты будешь играть после такой роли? Я не знаю таких ролей.

– А я знаю! – выдохнула я.

Тарковский улыбнулся, и, приняв это как одобрение, я произнесла:

– Вам нужно снимать вместе фильм по роману Достоевского «Униженные и оскорбленные».

Еще не придя в себя от гипноза-просмотра «Соляриса», отец закивал головой.

– Да, это было бы прекрасно, прекрасно.

Тарковский улыбнулся и сказал:

– Можно и не по роману, можно снять фильм о самом Достоевском.

Канны

К маю 1971 года фильм «Солярис» был отобран для участия в конкурсном показе Каннского кинофестиваля. Знаменитая набережная французского курорта – Круазетт – встретила нашу маленькую делегацию разноголосицей отдыхающей публики и толпами зевак. Тарковский выискивал в толпе интересные типажи, радовался всему необычному, яркому. «Посмотрите, как он счастлив!» – неожиданно восклицал Андрей Арсеньевич. Его взор выхватил из потока машин хрупкий старый велосипедик и восседающего на нем, как на троне, пятидесятилетнего мужчину с шапкой светлых вьющихся волос. Круглое лицо его обрамляла широченная русая борода, увитая полевыми васильками, он смело лавировал в сплошном потоке машин и во весь голос пел песню.

Наступил конкурсный день. Еще утром журналистам по радио было сообщено, что вечером зрителям будет показан фильм «Солярис» Андрея Тарковского – основного претендента на главный приз фестиваля.

Выйдя из отеля, мы увидели, что огромное число машин и толпы людей загораживают подъезд к просмотровому залу, и решили пробираться пешком. Неожиданно пролился светлый грибной дождь. Единственный смокинг Андрея и мое вечернее платье оказались под угрозой. Впереди, куда ни кинь взгляд, шевелилась толпа. Положение становилось критическим – мы явно опаздывали. Помощь пришла неожиданно, со стороны принцессы Монако. Как только бесчисленные зрители увидели машину с принцессой, они невольно расступились, и мы, взявшись за руки, побежали.

Наверное, это были наши самые счастливые мгновения, пережитые вместе. На душе было легко, как бывает только в светлом сне, казалось, еще мгновение – и мы полетим или превратимся сами в сверкающие капли дождя. Мы бежали, как дети, не для того, чтобы куда-то успеть, мы бежали, чтобы продлились эти мгновения полного счастья. К началу церемонии мы успели.

В зале рассаживалась чопорная публика, нас усадили на балконе, откуда просматривался весь зал. Перед началом демонстрации фильма мы встали – Тарковский, Банионис и я. Раздались вежливые жидкие хлопки. Просмотр начался, и вместе с ним начались наши муки. Мы с ужасом прислушивались к дыханию зала: поймут ли, не покажется ли наш фильм чересчур длинным, скучным, ненужным. И действительно, первую часть

публика смотрела не очень внимательно. Единственный раз аплодисменты отметили страшный образ бесконечного туннеля дороги будущего. Но со второй части началась магия воздействия картины, и мы все это почувствовали. И снова на экране моя героиня защищает любимого. «Но я становлюсь человеком и чувствую нисколько не меньше, чем вы, поверьте, я… я люблю его, я – человек!» Неожиданно раздался смех в зрительном зале, потом хохот, шум, возня. У меня оборвалось сердце. Только после показа мы узнали, что группа гошистов, проникнув на просмотр советской картины, решила таким образом сорвать показ, и, пока их не вывела полиция, юнцы продолжали бесчинствовать. После окончания фильма раздались дружные овации и началась основная пытка. Нас окружила плотная толпа журналистов и фотокорреспондентов. «Терпи», – прошептал мне Андрей Арсеньевич. Почти теряя сознание, поддерживаемая Тарковским и Банионисом, я кожей ощущала натиск людских волн, едва сдерживаемый полицией. Журналисты дружно кричали: «Смайл! Улыбнись!» – и гоняли нас по лестнице вверх и вниз.

Фильму присудили Специальный приз международного Каннского кинофестиваля. Он назывался «Гран-при спесьяль де жюри» – «Большой специальный приз жюри». Мне казалось, что Тарковский будет счастлив одержанной победой, но я ошиблась. Он был удручен, обижен, как ребенок, что фильму не дали первую премию, обвинял жюри в явной подтасовке. Доброжелательный бизнесмен Сергей Гамбаров объяснял Тарковскому, что так бывает почти всегда на Каннском фестивале: первую премию дают только коммерческому фильму, а вторую получали в свое время Антониони, Феллини… Андрей не хотел слушать объяснений, мучительно переживая эту, как он считал, несправедливость.

Сергей Гамбаров, долгое время живший во Франции, был главным инициатором приглашения нашей картины в Канны, он опекал ранимого Тарковского. Сергей пригласил нас с Андреем в самый известный ресторан. Его стены украшали фотографии победителей Каннского фестиваля, и тут же на стенах были их автографы. Мы тоже расписались. И подняли бокалы шампанского за наш фильм… Андрей наклонился над ухом Гамбарова и сказал по-французски: «C’est ma femme». («Это моя женщина». – *Прим. ред.*) Сергей посмотрел на меня, неловко улыбнулся, и в глазах его я заметила слезы.

К концу нашего пребывания во Франции мы узнали, что «Солярис» получил еще Приз протестантской и католической церквей, и это немного успокоило Тарковского. В дни фестиваля я видела, как к Андрею Арсеньевичу льнут эмигранты. Его

приглашали в частные дома, открыто заявляли, что поддержат его творчество, если он останется во Франции. Тарковский отвечал на эти предложения корректно, никого не обижая, с юмором, тревожно вглядываясь в лица эмигрантов. «Бедные, бедные, – говорил он, – лишить себя всего». Одна эмигрантка, услышав наш разговор, воскликнула: «Вы не можете себе представить, как за семь лет изменился язык, есть слова, которые мне неизвестны». И заплакала. Позже я спросила Тарковского, что за семь лет могло измениться в русском языке? «Многое, – ответил он, – очень многое. Ведь живой язык вечно дополняется, видоизменяется, нам это незаметно, а люди, вырванные из языковой сферы, это ощущают».

В аэропорту мы немного задержались, чтобы купить духи, вбежали, запыхавшись, в салон самолета и увидели красные, возбужденные лица сопровождавших нас в поездке людей. «Они решили, что мы остались», – тихонько смеялся Тарковский. «Как это – остались?» – ужаснулась я от такого предположения. «А так. Они думают, что я могу остаться. Абсурд. Я не смог бы ни жить, ни работать здесь, на Западе. Только дома, – и, неожиданно переключившись на полет, Тарковский с ужасом произнес: – Лучше б на телеге везли, честное слово. Человек не летает и не должен этого делать».

В аэропорту нас встречала Лариса Тарковская с маленьким Андрюшей на руках. Андрей поцеловал сына и обернулся ко мне… Глазами попрощался и… всё.

Явись, пророк души моей!
Ты мне откроешь жизнь людей,
И страсть, и муки вдохновенья,
Прорвешь усталость серых дней,
Откроешь тайну Воскресенья,
Весь смысл природы с дня творенья…
Огнем заменишь жизни тленье
И бросишь яростно в костер
Вселенских бурь, безумств прозренья
Пройдя сквозь гордость отрешенья,
И в мыслях не найдя покор
Судьбе, природе, жизни целой…
Узрев твой облик на земле
И обретя тебя в себе,
Я жизни цвет отдам тебе.

Апрель, 1972 год

Встреча с Бурляевым

С Николаем Бурляевым нас познакомил кинематограф. Снимаясь у Ларисы Шепитько в фильме «Ты и я» в городе Норильске, я увидела фильм «Мама вышла замуж» режиссера Мельникова, где роль строптивого и трогательного подростка блестяще сыграл Николай Бурляев. Всем, кто видел фильм, запомнился момент, когда в магазине на последние гроши Колин герой покупает 75 граммов колбасы, а милая девушка-продавщица спрашивает у него: «Вам кусочком или порезать?».

– Куском! – отвечает ей голодный, как волк, парень.

Господи, как мне захотелось пригреть этого строптивого худого мальчишку и, главное, накормить досыта.

Позже, снимаясь в «Солярисе» у Тарковского, я увидела Колю в «Рублеве», в роли колокольных дел мастера, для меня этот образ и сам Коля навсегда слились с образом Тарковского. А Николай, увидев меня в «Солярисе» в момент просмотра фильма, неожиданно заявил своему другу Василию Ливанову: «Эта женщина будет со мной».

А вот реальная наша встреча произошла в Киеве на съемках картины «Как закалялась сталь», где нам было предложено сняться в главных ролях.

Конечно, главной темой для разговоров был кинематограф и Тарковский.

Николай только что снялся в фильме Алексея Баталова «Игрок» по Ф.М. Достоевскому. А я ему рассказывала, что однажды Андрей Тарковский, вспомнив о Николае, вдруг сказал: «Конечно, Бурляев должен был бы сниматься у меня в роли “Подростка”, по Достоевскому». Эту идею подхватил Вадим Юсов, который очень хорошо к Коле относится.

– Вряд ли бы это допустила Лариса Павловна, – заметил Николай.

Как мы позже выяснили, много было сделано, чтобы разрушить дружбу Тарковского и Бурляева. Наши отношения развивались бурно, и очень скоро Николай стал для меня очень близким и дорогим человеком. Готовясь к фильму, мы оба должны были хорошо освоить верховую езду. Под Киев был переведен Алабинский конный полк, который в свое время создал мой отец специально для съемок «Войны и мира».

Однажды Николай предложил мне конную прогулку. Конечно, мне хотелось выглядеть романтично. Я надела белоснежную тонкую кофточку и обвязала волосы алым шифоновым шарфом, который обязан был развеваться, как у

лихой наездницы. Правда, на лошади я сидела достаточно редко, только на занятиях во ВГИКе, но Коле, конечно, об этом не сообщила.

Нам дали хороших лошадок – семилеток, и мы выехали в чистое поле. Попробовали идти легкой рысцой. Хорошо. Весна, степь, ковыль – красотища. Мой алый шарфик развевается на ветру, рядом смелый джигит… а тут… коровы идут.

Моя лошадь, испугавшись коров, метнулась в сторону. Левая нога тут же соскочила со стремени и… лошадь в галоп, а я сижу на ней безвольным кульком и совершенно ей не управляю. В моей голове пронеслось: «Если она на этом же галопе внесет меня в конюшню… мне конец. Совсем недавно я видела разбитую голову солдатика, которого вот так же внесла в конюшню лошадь, значит, необходимо соскочить с лошади… страшно». Перед глазами – копыта и земля, потому что я уже вишу вниз головой где-то под пузом лошади. Боковым зрением я увидела речку. Мелькнула мысль: «У воды лошадь может остановиться», но натянуть повод не удается, и вот он, еще один косогор, я отпускаю повод и лечу куда-то. Больно стукаюсь о твердую землю, потом еще и качусь куда-то вниз и – всё… покой и отдаленные крики солдатиков: «Актриса разбилась, актриса разбилась»… А я лежу и думаю, про кого это они кричат? Вскоре надо мной появилось испуганное Колино лицо. Он осторожно поднял меня с земли. Переломов не было, только ушибы и ссадины. Но на кого была похожа романтическая всадница! Изорванная, вся в крови белая кофточка, синяки и подтеки на лице, и довершал все это хозяйство истерзанный в клочья воздушный шарфик.

Наступил день съемок. Коля должен был скакать впереди, а за ним весь полк, потом падать с лошади и лежать под копытами бегущих лошадей. Как я все это выдержала – не знаю. Коля скакал несколько дублей впереди полка, впереди вихря из лошадей и людей. Даже близко нельзя было подойти к этому единому, мощному организму конной атаки – срывало головные уборы. Все, что попадалось под копыта, вдребезги разлеталось. Но это не самое страшное… А вот когда Колю положили на землю и прогнали перед его лицом в полевом галопе лошадей… Повторить это, видимо, было трудно, потому что все эти кадры остались в фильме «Как закалялась сталь», несмотря на то что Колю Бурляева сняли с роли Павла Корчагина. Пришла разнарядка сверху, из ЦК партии: рефлексирующего героя Достоевского не снимать в главных ролях социальных героев. Утвердили Конкина. Я без Бурляева сниматься отказалась, и мы оба ушли с картины. Перед отъездом заглянули еще раз к Сергею

Параджанову, Колиному другу. Двери квартиры Параджанова никогда и ни от кого не закрывались. Просто толкнешь – и входишь.

– Ох, как ты мне понравилась в «Солярисе», – говорил Параджанов, – и фильм очень, очень хорош, я его посмотрел на корабле…

Оказалось, Параджанов посмотрел «Солярис» на стареньком проекторе, заряженном узкой черно-белой пленкой, что не помешало впечатлению. Коля пел под гитару свою песню, посвященную расставанию с первой женой Натальей Варлей: «Я люблю тебя всю, всю, всю, ты мое божество…». В ней был отголосок недавней трагедии, потерянной любви… Параджанов слушал Колю внимательно, даже восторженно. Гостям он непременно что-то дарил. Вот и мне он вручил полотняную гуцульскую рубашку, расшитую бисером, и домотканую юбку.

Мы уехали на съемки другой картины, в Ленинград. Там были возмущены тем, что Колю сняли с главной роли какой-то разнарядкой сверху. Но… начали снимать – и опять письмо-«указивка» из Госкино о том, что Бурляева нельзя снимать в главной роли. Позже мы узнали, что в эту же группу «рефлексирующих» актеров попали Ролан Быков, Инна Чурикова, Станислав Любшин и еще кто-то. В общем, я опять вслед за Колей ушла с картины. На последние гроши мы отправились к Колиным знакомым в Кижи, жили в простом деревянном доме, ели простую кашу, много думали, мечтали, переплывали в лодке с острова на остров и читали вслух «Фауста» Гёте.

Беспокоили нас только крысы. Выходя ночью из своих нор, они бегали по нашему земляному полу. Тогда я брала керосиновую лампу и, наклонясь над норой, приказывала «Крыс, выходи». Но они были трусливее меня и не появлялись.

Каждый из нас вел свой дневник. Однажды, описывая очередной день, Коля внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Знаешь, на кого ты сейчас похожа?

– На кого?

– На Христа!

– На распятого? – улыбнулась я.

– На живого, – буркнул он.

Мы много говорили о творчестве, и Коля любил повторять: «Я хочу подставить тебе свои крылья, и мы вместе будем летать».

Из дневника

5 августа 1972 г.

Я верю этому хрупкому, нежному детскому лицу, этим мудрым, светлым и печальным глазам, этой незащищенной светлой душе.

Как бережно и откровенно вывел меня мой Николушка из тупика страданий, сделавшихся привычкой. Бережно мы начинаем постигать глубину наших отношений, необычность и схожесть наших отдельных жизней, в стремлении к Богу и Истине, к прорыву через наше временное пребывание здесь, на земле, к бесконечности. Мы живем в почти библейски простом жилище, где все просто и натурально – земляной пол, дощатая кровать, простой деревенский стол и скамейки. Пять дней из этого кровавого года, где было больно и хотелось страдать. Я не видела ничего впереди, кроме страдания, а радость и счастье казались невозможными и даже кощунственно ненужными. И вот она – гармония счастья. То, что даже не грезилось, дано мне и будет со мною всегда, пусть только в прошлом.

Все здесь просто и искренне. Люди, с которыми легко общаться и так же легко не общаться. 3 августа Коле исполнилось 26 лет. Его день рождения мы провели тихо, спокойно, как все дни здесь.

Электричества у нас нет. Вечером светит коптилка или свеча. Когда мы ее зажигаем, на бревенчатых стенах появляются наши тени.

Просыпаемся от криков чаек.

Я знаю, нам уготована жизнь непростая и всего будет много, но даже за эти прекрасные счастливые дни я не буду жалеть о покинутом мною скупом мире, дающем так мало душе. У меня еще будет время оценить прошлое, а пока я хочу жить настоящим.

…Они с порожка бани ярой
В Онегу кувыркались парой
И плавали на острова,
Где гнулась сочная трава…

7 августа

Эти Колины стихи появились потом, по воспоминаниям. А вот мои, не прочитанные ему тогда:

Онега дышит влажным сном,
Расправив воды под луной.
Уснул на острове наш дом,
Природой царствует покой.

5 августа 1972 года

Записываю эти воспоминания 8 августа 2004 года. Как будто почувствовав это, Николай позвонил мне из Болгарии, спросил, как там Маша и Ваня, наши дети.

– Машенька с подругами в Турции…

– Да, я знаю, Ваня с Юлей в Египте, – отдыхают дети. А ты?

– Я тоже отдыхаю, на даче.

– Ну, пока! Здоровья всем вам!

Вот так, почувствовал на расстоянии, что о нем, о нас вспоминаю? А сыну нашему, Ванюше Бурляеву, уже 27 лет. Мы с Николаем были примерно его ровесники, когда встретили друг друга. Припомнились его стихи той поры:

…Сгорело лето,
В лесу так тихо.
Бредем тропою.
Немного солнца.
Вороны… Ветер…
Да мы с тобою.
Вечерний вызвезд
Пленён до срока
Голубизною.
Вдыхаю запах
Смолы и хвои
С твоих ладоней.

…Вернулись домой в совершенно пустую Колину квартиру в Нагатине. В Москве горел торф, из-за дыма порой нельзя было разглядеть друг друга на улице. После кристальной чистоты Онежского озера и Кижей нам это казалось чудовищным. А люди ничего не замечали. Адольф Гуревич, начальник актерского отдела «Мосфильма», за то, что я посмела уйти с двух картин, лишил меня зарплаты. Денег осталось 20 рублей. Моя мама Колю еще не признавала, ведь я оставила первого мужа, так что жить стало не на что.

В то время когда наши с Колей фильмы шли во всем мире, завоевывали призы на международных фестивалях, собирая

валюту, на которую госкиношные сынки ездили в Африку охотиться на львов, герои «Соляриса» и «Рублева» должны были жить в пустой квартире без крошки хлеба. Но тут – помощь сверху, подтверждающая необыкновенную притягательную силу Коли Бурляева. Он где-то познакомился с монахом, тот, видимо, почувствовал, что Коля нуждается. И помог. Не только деньгами. Он подарил ему крест – необычный, старинный золотой крест. Вот так мы и продержались. И надумали снова пойти учиться вместе – теперь уже режиссуре. Двадцать рублей стипендии, а мне даже сорок – училась на «отлично» – нам хватало. Да еще были подарки Госкино в виде зарубежных поездок: у меня – с «Солярисом», у Коли – с «Игроком».

В то время что есть деньги, что их нет – переживалось не так остро. У всех были обеспеченные государством жилье, лечение, образование. Займи у соседа 10–20 рублей и живи. Денег у всех было мало, вещей и того меньше, но жили как-то без страха за завтрашний день.

Может быть, социализм больше напоминал несколько искаженную христианскую общину, где все было общее и ничье. Но раз ничье, значит, и не твое, что вело к безответственности. Для истинной общины необходима духовная и душевная зрелость общества… А когда она будет?

Если мы с Колей и не были явными диссидентами, то варились именно в этой среде. Мы читали запрещенные книги: Мандельштама, Набокова, Цветаеву, «Доктора Живаго» Пастернака. Мы пели запрещенные песни, с удовольствием слушали нашего Галича-Нелегалича и ходили на Таганку.

Феллини и Тарковский

«Солярис» закупили многие страны. Премьера была и в Италии. Тарковский любил Италию. «Они – как наши. – Это была высшая оценка итальянцам. – И у них душа нараспашку». В Риме мы пошли на просмотр новой картины Федерико Феллини «Амаркорд». Мы сидели в небольшом полупустом зале, где показывали удивительно земной шедевр Феллини. Тарковский смеялся, иногда восхищенно восклицал или бурно возражал, словно сам создал эту картину и теперь пытается ее подправить. «Вот так никогда не режь кадр», – неожиданно сказал он мне. По этой реплике я поняла, что Тарковский знает, что я учусь на режиссерском факультете. «Он режет сам себя», – громко возмущался Тарковский, вызывая удивленные взгляды итальянских зрителей. Но фильм ему очень понравился. Через день Федерико Феллини пригласил нас к себе в офис. Он принял Тарковского тепло, по-братски. Весело рассказывал нам о своих новых замыслах, связанных с фильмом «Казанова».

– Я смотрел твой фильм, Андрей, не весь, конечно, он очень длинный, но то, что я видел, это гениально, – сказал Феллини.

– Длинный фильм? – возмутился Тарковский. – А у тебя что – много коротких фильмов? А я смотрел их все до конца!

– Не переживай, я знаю: ты и я, мы – гении! – улыбнулся Феллини. – Вы, русские, вообще гениальный народ. Как вы ухитряетесь снимать свои фильмы? О чем? У вас же ни о чем нельзя снимать! Я бы не снял у вас ни одной своей картины, потому что все мои картины о проститутках.

– А почему ты перестал занимать в своих картинах профессиональных актеров? – поинтересовался Тарковский.

– Дорого, – ответил маэстро, – и потом, я не знаю, как у вас, но у нас «звезды», заключающие контракт, могут диктовать, что и как снимать режиссеру. И даже сколько должно быть в картине крупных планов.

– Да, вы, итальянцы, гениальный народ, я бы так не смог, – парировал Тарковский.

– И я не смог, поэтому и снимаю вместо актеров… – Феллини протянул Андрею Арсеньевичу кипу фотографий, отобранных для «Казановы», – удивительные типажи. – Они ведь у меня даже текст не говорят, – улыбнулся Феллини, – я их прошу считать: раз, два, три… а потом, во время тонировки, подкладываю любой текст, какой мне нужно. Трудно сейчас снимать фильмы, – неожиданно сказал он, – денег нет, прокатчики горят на моих фильмах; трудно, брат, но мы с тобой, конечно, – гении…

Вечером Феллини пригласил нас в ресторан. К нашему столу приблизилась полная шестидесятилетняя женщина.

– Ну что, опять привел гостей, Федерико? – неожиданно фамильярно обратилась она к мастеру. – Ну, а сам что будешь есть?

– Ой, будто ты не знаешь, кашу, конечно, мою кашу, – ответил Феллини.

– Так я и думала, – произнесла женщина и царственно удалилась.

– Когда-то, в юности, я был так беден, что у меня часто не хватало денег расплатиться даже за обед, – рассказал нам Феллини, – и Тереза кормила меня. С тех пор я стал известным режиссером, а она – владелицей одного из лучших ресторанов в Риме, но мы по-прежнему играем в эту игру: я – нищий Федерико, а она – моя благодетельница.

– Отличный, добрый, умный мужик, – отозвался Тарковский о Феллини, когда мы с ним попрощались. – И картины у него такие же, как и он сам.

Сорренто

Вид ночного Неаполя с самолета поразителен. Город кажется хрустальным из-за обилия огоньков и огней. В самолете меня усадили с отцом. Впервые летим вместе. Говорили о невозможности снимать в наше время честную картину о современности.

– Даже для тебя это невозможно? – спросила я.

– Для меня особенно…

– Но почему? Тебя все уважают, ценят.

Сергей Федорович иронично улыбнулся:

– И ненавидят, пока тихо…

К нам подошел Тарковский с вином, предложил выпить. Я отказалась. Улучив мгновение, Андрей наклонился и прошептал:

– Не защищайся, все хорошо…

Из дневника

22 сентября 1972 г., пятница

Утром проснулась от шума. Спала плохо, во сне видела Андрея, гостиницу во Франции.

Проснулась с ощущением летнего дождя.

В Италии поразительно высокое небо. Приехали в Помпеи. Музей в Помпеях уникален. Окаменевшие останки мгновенно погибших от извержения Везувия людей. Одна единая фигура так и застыла, сжав горло. Влюбленная пара, застигнутая стихией.

23 сентября, суббота

Первый официальный день фестиваля. Когда еще будешь в такой компании: Ростоцкий, Смоктуновский, Тарковский, Бондарчук, Герасимов, Шукшин с женой, Храбровицкий, Голубкина, Вия Артмане, Озеров, Сизов, Гайдай, Ильенко, Володина, Банионис и еще многие-многие артисты и режиссеры! Но чувствую себя почти одиноко, нет моего Николушки. Италия меня покорила. Ароматный воздух, пение птиц, лошади, украшенные от хвоста до ушей. Сорренто – в чаше гор, и только с одной стороны – Средиземное море. От французского курорта отличается улочками, полными простого люда, и почти цыганской жизнью. Наш фестиваль бойкотируют и правые, и левые, хотя внешне все прилично. Изредка звонят колокола, но их заглушает рев машин.

И вот, наконец, вся наша артистическая громада двинулась

по улицам Сорренто. Импульсивные итальянцы кричали «браво», мне кричали «тре бель». Вошли в фестивальный зал, везде репортеры.

24 сентября

Узнали о смерти Бориса Ливанова. Рак и глубокий инфаркт. Бедный Вася, сейчас с ним Николай, он поддержит друга в тяжелый момент. Вспомнились Колины слова: «Вместе с этим человеком уходит целая эпоха». Андрей Тарковский специально на моих глазах отчаянно ухаживает за Г. и при этом кидает на меня пристальные взоры, наконец, он не выдержал и во время обеда пригласил меня за их столик, стоявший совсем рядом с нашим. Я отказалась. Тогда он встал, подошел ко мне, взял мою сумочку, чтобы перенести ее на другое место, но я отказалась с ним идти, он от растерянности уронил сумку, и тогда состоялся наш диалог.

– Не суетись, Андрей…

Он сел на свое место и, глядя на меня, произнес:

– Это самый грустный день в моей жизни…

Я показала ему глазами на Г. и ответила:

– Не думаю. Уж если говорить правду, то всегда…

– Я тебя обожаю и всегда защищаю…

К нашему разговору невольно подключились Г. и И. Они тоже предлагали мне сесть за их столик.

– Она не хочет… – обиженно протянул Андрей.

Принесли бульон, я еле отхлебнула несколько ложек, сжало горло, почувствовала подступающие слезы и, не выдержав, встала и ушла под возглас Андрея:

– Куда ты, Наташа?

Быстро шла по улице неведомо куда, догнал наш переводчик, стукач, но очень хороший человек, он не стал ни о чем меня расспрашивать, просто предложил поездку в Солерно, к нам присоединился и Иннокентий Михайлович Смоктуновский.

Италия стала меня исцелять. Повсюду фруктовые сады с апельсинами, лимонами, черным виноградом. Впервые увидела громадные кактусы. Дорога крутая и очень опасная в горах. Остановились у мраморной статуи Мадонны, она повернута лицом к морю. На лице кротость, невинность, пьедестал покрыт кусочками фаты. Это девушки, выходя замуж, благодарят свою покровительницу за женихов. Внизу отвесные скалы и иссиня-синее Средиземное море. Справа виден Крит. А наверху уже собирались дымчатые тучи, поднимаясь до горных вершин, и от этого горы казались беспредельно высокими. Такие горы у Данте – пугающие и великолепные.

Следующая наша остановка в городке Молено. Мы прошли в собор – главную достопримечательность города. Везде скульптурные изображения святых и мучеников, правда, скверно сделанные, из гипса или воска, в рост человека и в настоящих одеждах, лица их кажутся жестокими и пахнут инквизицией. Всё это несколько чуждо православной душе. Картины и роспись много лучше, очень хороша «Тайная вечеря». Внизу первоначальная церковь. В центре небольшого помещения – великолепная статуя святого Андрея, выполненная учениками Микеланджело. На глубине двух метров, как сказал нам священник, похоронен Святой Андрей. И все это XIII век. Вышли из темноты собора, и опять – юг, солнце.

Выбрали местечко около пристани, сели за столик. С Иннокентием Михайловичем очень интересно и весело. Шутили, говорили об искусстве, о дневниках. Здесь же, в моем дневнике, он написал пушкинские строки, знакомые по передаче «Очевидное-невероятное». Смоктуновский возмущался, что последних, самых замечательных, строк нет, а все потому, что избегают слова «Бог».

О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух,
И опыт – сын ошибок трудных,
И гений – парадоксов друг,
И случай – Бог-изобретатель.

«Как все это можно было втиснуть в три последние строки – мудрость, боль и надежду человечества в продолжительности всего его существования!!!» – приписал от себя Иннокентий Михайлович.

И снова дорога. Море и небо на горизонте слились, и от этого пространство ушло в бесконечность, все дышало ароматом цветов и плодов. Дома лепились в скалах, как осиные гнезда, каждый клочок земли использован и ухожен. Мимо проносятся огромные, нависшие над пропастью, мосты, застывшие в скалах храмы. Наш водитель напевает неаполитанские песни.

Солерно встретил нас дождем. Нашли турецкую кофейню. Сели за столик. Нам подали в каменных белых чашечках капельку коричневой жидкости – и все. Мы разочарованно посмотрели на странную по советским меркам порцию кофе, но, когда мы сделали глоток, наши сердца чуть не выскочили из груди. Это был настоящий кофе! Турецкий!

Иннокентий Михайлович неожиданно стал говорить о «Солярисе», об Андрее… Рассказал, что ему первому была

предложена роль Рублева, но он отказался: «Ведь предлагал-то совсем неизвестный режиссер, и я… Простить себе этого не могу, отказался, а если бы снимался у него, то и в “Солярисе“ вместо Банионисa играл бы». Я улыбнулась этому предположению. Конечно, для меня Смоктуновский – гениальный актер, но когда сидишь рядом и пьешь с ним кофе в Солерно, об этом забываешь. Возвращались под проливной дождь и полыхание молний. В ночи увидели над высокой горой сверкающий крест. Сегодня я действительно была в Италии.

Ты поешь о себе,
Италия —
В звуках света и шуме морском,
Где слагаются сами предания
О великом бессмертье твоем.
В скалах вьются седые туманы,
И топорщатся кактусы рук.
Каждый камень – причина обвала,
Древность мира – и Дантовский круг.

25 сентября, понедельник

Утром встала пораньше, чтобы купить подарок отцу. Сегодня у него день рождения. Купила красивую табакерку с музыкой из фильма «Доктор Живаго».

Днем вся делегация отправилась на остров Капри. На острове были возложены цветы к единственному в Европе памятнику Ленина, кстати, совершенно на него не похожему. Втихаря мне рассказали такую байку.

Когда Ильич посетил Горького, тот все подстроил, как будто его берут жандармы под арест, конечно, это была шутка, но Ильичу она очень не понравилась, он был злопамятен и в свою очередь сослал Горького на Капри. Отель, где Горький встречался с Лениным, сохранился.

Возвращались в плохую погоду, дул сильный ветер, и я простыла. Андрей сидел один, очень грустный и постаревший. Вернувшись в отель, отправила открытку Николушке. Вечером – ужин в честь отца. Я первая ему вручила подарок. За столом сидели Люся Савельева, Герасимов, Сизов, Ирина Константиновна, Гайдай и я.

Сергей Апполинариевич предложил тост за династию Бондарчуков, Гайдай весело поддержал. Много говорили, под конец я предложила тост «за одного из самых близких нам людей», нашего дорогого учителя Сергея Апполинариевича Герасимова. Учитель был растроган. Тепло попрощалась с отцом,

он обещал меня найти после конференции. Только зашла в свой номер – стук в дверь и передо мной моя мамочка, она только что приехала на фестиваль, в ее команде Шукшин, Хуциев и многие другие. Проводила ее до их гостиницы.

26 сентября

Утром сообразила. Уникальный момент: здесь в Италии мы все – мама, отец, Герасимов, Тарковский. Я по-прежнему немного простужена. Отец повел меня лечиться и напоил какой-то крепкой наливкой с полынью. Вечером ко мне в номер явилась вся мамина группа – Хуциев, Шукшин, Гурченко, Лида Шукшина и еще актеры, набралось человек десять. Заказала в номер вина, фруктов. Василий Макарович хандрил, сразу начал тосковать по Родине. Видно было, невмоготу ему эта заграничная жизнь. Мамочка осталась у меня ночевать.

28 сентября

Путешествие в Неаполь.

Привезли нас к Везувию. Последнее извержение было в 1945 году. Вышли из автобуса, жуткий холод, ветер. На вершину нужно подниматься пешком, многие остались в автобусе, я, конечно, несмотря на простуду, потащилась. Ветер чуть ли не сносил нас вниз, тропинка крутая, в мои босоножки набились острые камни и ранили ноги, поднимались долго и мучительно. Наконец мы на вершине, перед нами гигантский кратер вулкана, а с боков – я так и не поняла – то ли пыль от ветра, то ли дымок.

Зрелище необыкновенное, величественное и страшноватое. А внизу простирался Неаполь. Обратно спускаться было еще труднее и холоднее. Помощь пришла неожиданно. Один из наших провожатых, переводчик, завернул меня в свой плащ и буквально стащил вниз. Неожиданно он сказал: «Ветер, не дуй, ребенка простудишь». А между прочим, ребенку уже двадцать два года!

Внизу, в портовом ресторанчике, подарила моему Сергею Апполинариевичу кусочек лавы с Везувия. Он был очень рад. Как тепло, когда рядом Учитель. Везде иллюминация, празднуется день Святого Михаила. Фонарики, цветы, ангелы с трубами, карусели, веселые базары игрушек – мир Феллини и Антониони. Осталось всего три дня в Италии, а кажется – уехала давным-давно, там мой родной мир, по которому я тоскую.

29 сентября

Дала интервью итальянскому телевидению, говорила об отце, Герасимове и Тарковском. «Их объединяет интерес к жизни человеческого духа», – может быть, наивно пыталась я объединить

трех таких разных художников.

В «Найтклубе» был дан в честь нашей делегации неплохой концерт неаполитанских песен и танцев. Было весело. Я танцевала тарантеллу и веселилась как могла.

Вечером собрались на «Рублева». Перед началом фильма нас с Андреем Арсеньевичем должен был представлять Юрий Ильенко. Почему-то в последний момент переменили время показа фильма, и к началу никто не пришел. Андрей страшно разволновался и решил уйти, я попросила его остаться, он улыбнулся. «Я оставлю вместо себя какого-нибудь мужчину». И ушел в бар. Ильенко и я тоже ушли к нему в бар, вместе пытались, как могли, его приободрить. Ровно через час, как и было объявлено ранее, набралось много зрителей. Пустили картину, так нас и не представив на сцене. Посмотрев две части, мы уехали в гостиницу, но к концу фильма за нами прислали машину, и мы вновь поехали в кинотеатр. Ждали финала за дверью в коридоре. Я спросила Андрея:

– Угадай, какая сцена сейчас идет?

Из-за дверей доносились всхлипы…

– Ну, и какая? – переспросил меня Андрей.

– Сейчас там Коля плачет… – ответила я и приоткрыла дверь.

На экране Рублев – Анатолий Солоницын, – обнимал мальчишку, колокольных дел мастера, – Николая Бурляева.

– Верно чувствуешь! – отметил Андрей.

Фильм окончился под бурные аплодисменты. Мы с Тарковским вышли на сцену. Ильенко представил нас зрителям.

Вечером ко мне в номер пришел Андрей.

– Завтра премьера «Соляриса»…

– Да. Я знаю.

Андрей уселся в кресло, стал крутить свой ус и быстро говорить:

– Ты дурочка, я не… не мог бы не прийти к тебе… Знаешь, я чувствую, как будто я тебя родил, нет, не как актрису, а как человека…

Неожиданно он уткнулся мне в руку и поцеловал. Я погладила его по волосам.

– Твоя мама так на меня смотрит… – неожиданно сказал он.

– Она считает, что ты разрушил мою жизнь с мужем, – вздохнула я.

– А разве это не так?..

– Нет, не так… Я сама ушла от него, и сейчас…

– Что сейчас?

– Сейчас все другое… Я очень рано потеряла связь с моим отцом.

– Да, я помню, знаю…

– И ты для меня был всем…

– Был?

– Я начала страдать синдромом Хари, я должна была тебя все время видеть или слышать…

– Я не мог…

– Я знаю… Я никогда с тобой не расстаюсь, я научилась быть без тебя, но с тобой… я уже человек… – попыталась я пошутить. – Скоро придет мама…

Андрей вскочил.

– Да, да, и я все время с тобой…

– Спокойной ночи…

Андрей тотчас вышел и не закрыл за собой дверь. Конечно, то, что мама сейчас придет, я сочинила.

30 сентября

Все разъехались, кроме меня, Тарковского, Баниониса и Вии Артмане. К началу «Соляриса» опоздали, пришли, когда начался сеанс. Пошли, по моему предложению, в храм. Донатас стал молиться, стоя на коленях, при нашем стукаче-переводчике. Андрей сидел на скамье и о чем-то думал.

Медленно прошлись в последний раз по Сорренто.

В отеле я помогла Андрею собрать его чемодан – он самый непрактичный в мире человек. Заключительная часть фестиваля проходила в королевском театре в Неаполе. Вручались красивые призы всем участникам, одновременно велась трансляция по телевидению. После церемонии нас отвезли в королевский дворец на прием.

1 октября

Мы в Риме. Приехали в Ватикан. Это самостоятельное государство в два квадратных километра и с двумя тысячами жителей. Посетили знаменитый собор Петра и Павла. Была воскресная служба, играл орган необыкновенной мощи и красоты. Величие духа во всем: в скульптуре, живописи, архитектуре. Великолепное пение, служба с кардиналом.

Рим прекрасен, и в нем так чувствуются время и история, что становится как-то не по себе.

Проезжали мимо фонтана Треви из фильма «Сладкая жизнь». Улицы Феллини и Антониони. Остановились у Колизея развалины древнего театра, в которых сейчас живут кошки. Рим стар и мудр.

2 октября

С утра поехала в аэропорт. В самолете сидела вместе с Иннокентием Михайловичем, который меня смешил всю дорогу. Андрей посматривал в нашу сторону, но был печален.

В аэропорту меня встречал мой брат Андрюша Малюков. В последний раз оглянулась и встретилась глазами с Андреем. Он стоял в углу с Ларисой и Машей Чугуновой. Кивнул мне, чуть улыбнувшись, и все.

Дома бабушка встречала меня и маму. Вскоре приехал Николай. Боже, как мы радовались друг другу. Он рассказал мне, что сдал коллоквиум во ВГИКе, писал стихи. «Ты не представляешь себе, как у нас все будет хорошо, прекрасно».

18 ноября

Приехала в Нагатино одна. Коля в Праге. Стала убираться, и на меня неожиданно свалился Колин дневник. Не удержалась – прочла несколько страниц. До нашей встречи много поверхностного, насмешливого, даже пошлого. И только первой жене и мне – строки прекрасные и чистые. Склонность с малолетства к богемной жизни, вино, любовь к успеху, некоторое самодовольство и самовосхваление… Будет трудно. Но счастье, каким я ему уже обязана, и наше будущее в наших руках. Я тоже не сахар, и мои грехи тяжелы и давят. Будем вместе бороться за счастье, чтобы не поглотила нас эта «общелягушачья икра», грязь внешнего мира.

Мы склонны к добру и надеемся творить добро. Мы признаем прекрасное и стараемся быть честными. Думаю, я старше его по страданию и вижу немного дальше, но не настолько, чтобы предсказывать будущее. Будущее должно быть в творчестве, в наших детях, в нас, лучших, чем мы есть сейчас, в нас, мудрых и просветленных, в нас верующих и верящих.

Если в любой момент нашей жизни, в любом деле мы испытываем момент творчества, то это и есть счастье. Полное соединение – творческое. Оно рождает в нас и нашей жизни это обновление и приносит радость и счастье.

Спаси меня, Боже,
Спаси, сохрани…
И в лютую стужу
Мне дверь отвори.
Всё в соли от слез,
Всё от крови черно,
Агония чувств —
И смерти зерно.
Возьми мою душу

И вновь сотвори,
И чистой водою ее окрести.
Покрой меня светом
В покое любви
И звездную мглу
Только мне подари.

5 января 1974 г.

Первый фильм

Уже через два года мы с Колей закончили ВГИК, режиссерский факультет, и начали снимать дипломную работу по Салтыкову-Щедрину – «Пошехонская старина».

Эта книга была настольной в нашем доме. И часто у нас можно было услышать фразы типа: «Маменька, для какого декольте сегодня шею мыть – для малого али для большого?»

Мы выбрали три сюжета из книги. Я стала снимать «Бессчастную Матрену», Коля – новеллу «Ванька-Каин», а Игорь Хуциев – «Братец Федос».

Ректор ВГИКа Ждан не подписывал нам сценарий для дипломов, боясь ответственности, ведь была еще актуальна фраза: «Нам нужны… Щедрины и такие Гоголи, чтобы нас не трогали». Сатира опасна любому режиму, она всегда актуальна и вызывает так называемые неконтролируемые ассоциации. То есть: над чем раньше смеялись, то и ныне смешно, несмотря на Великую Октябрьскую революцию.

Мы так и начали снимать свои дипломы без визы ректора. Помогли нам наши мастера и еще – добрая ему память – директор студии «Мосфильм» Николай Сизов. А еще удивительный чуткий режиссер и художественный руководитель объединения, где мы снимали наши дипломные работы, – Лев Арнштам.

Из дневника режиссера

К началу съемочного периода в одном из мосфильмовских павильонов возник двухэтажный барский дом с маленьким двориком и конюшней.

Сам дом должен был стать символом крепостного права, символом власти над душами и телами людей. Помню свое первое впечатление, когда я вошла в декорацию. Вошла в девичью, в которой предстояло мне прожить короткую трагичную жизнь моей героини – крепостной Матрены – и ощутила тяжесть этих стен, их безысходную угрюмость и жестокость.

Ипполит Николаевич Новодережкин, главный художник картины, сумел создать для нашего диплома главное – атмосферу, в которой должно было возникнуть действие.

Ипполит Николаевич вместе с Александром Толкачевым доводили каждый объект собственноручно, старили дерево, приклеивали плесень и паутину, творя атмосферу дома на каждом сантиметре пространства.

Я благодарна судьбе, подарившей мне время работы с Ипполитом Николаевичем Новодережкиным, ставшим в моей жизни примером истинного мастера, творящим искусство не только своими руками, но и душой. Так искусство становится жизнью.

В нашей дипломной работе согласились сниматься замечательные актеры: Лев Дуров, Светлана Крючкова, Инна Макарова, в последней своей роли снимался Эраст Павлович Гарин.

Все три диплома: мой, Игоря Хуциева и Николая Бурляева, – составившие единую картину, получили высокую оценку на VI кинофестивале «Мосфильма» молодых кинематографистов и были признаны лучшим режиссерским дебютом. А фильм «Ванька-Каин» Николая Бурляева получил премию за режиссуру на XXIII фестивале в Оберхаузене (ФРГ). «Пошехонская старина», по сути, – роман автобиографический, и фильм был высоко оценен на родине Салтыкова-Щедрина. Наша работа и поныне является единственной кинобиографией великого писателя.

Я рада, что в ней принимал участие и мой отец, Сергей Федорович Бондарчук, он озвучил слова Щедрина, с особым чувством читая последние слова великого писателя: «Я люблю Россию до боли сердечной и желал бы видеть мое отечество счастливым».

Из дневника матери

13 сентября 1976 года у нас с Николаем Бурляевым родился сын Иван. Что такое рождение ребенка в творческой семье? Это нужно пережить. Оба мы были поглощены чудом, которым является младенец. Ваня стал плавать в ванной с девятого дня от рождения. Находился в воде по девять часов. Профессор Аршавский утверждал, что мы прекрасно скорректировали ребенка после родовой травмы и по сути его спасли. К счастью, до появления своего малыша я отправила в такое же первое плавание племянника Кирилла, сына Андрея Малюкова. И вот теперь с неутомимым помощником Чарковским (который в свое время водой спас своего ребенка) мы тренировали свое чадо.

С рождением сына вся моя жизнь началась как бы заново, я почувствовала такую ответственность, о которой и понятия не имела, проблемы других матерей стали моими собственными.

Мой ребенок пока ничем не отличается от остальных. Он не феномен, у него нет никаких выдающихся способностей, плавать так же, как он, могут абсолютно все дети, только нужно дать им

эту возможность.

Ивану 4 месяца. Снимаю с головки сына шапочку из надувных шариков и, поддерживая его рукой, провожу по всей ванной. Пристально смотрю на сына, пытаясь угадать его настроение, и постепенно убираю руку. На мгновение малыш погружается в воду. Инстинкт велит выхватить его из воды, помочь. Но вот он всплывает на поверхность. Видно, как трудно даются ему эти мгновения. Он отплевывает часть воды, попавшей в горло, и, широко открыв рот, таким образом помогает себе сбалансировать все тело. Ручки его раскинуты по сторонам, плечики далеко отведены назад. Кажется, что он застыл на воде, и только ножки выдают едва уловимые волнообразные движения. Но он плывет сам, безо всякой поддержки! Еще мгновение – и я выхватываю родное мокрое существо из воды, и мы оба смеемся нашей первой победе.

«Звезда пленительного счастья»

В начале 1974 года я прочла в журнале «Советский экран» заметку о том, что режиссер Владимир Яковлевич Мотыль собирается снимать фильм «Звезда пленительного счастья» о женах декабристов. Вместе с журналом влетаю в комнату мамы и буквально кричу: «Мамочка, о моей Волконской будут снимать фильм! О моей!»

Дело в том, что еще в одиннадцать лет в мою детскую руку легла голубенькая книжка «Записки Марии Волконской», которую подарила мне моя тетушка Нина Владимировна Макарова. Судьба Волконской так увлекла меня, что книга стала талисманом на всю жизнь.

Мне не пришлось напрашиваться на эту роль: вскоре мне позвонили с Ленфильма, и Владимир Яковлевич Мотыль предложил мне роль Волконской. В фильме снимались Олег Стриженов, Ирина Купченко, Алексей Баталов, Игорь Костолевский, Эва Шикульска, Олег Янковский, Иннокентий Смоктуновский.

Исторический фильм всегда снимается долго и трудно. «Звезда пленительного счастья» не исключение, но он стал одной из любимых картин нашего народа. А это ли не успех?

Владимир Яковлевич Мотыль к началу съемок был уже историком и написал не один, а несколько сценариев о декабристах. Но пропустили только «женскую» тему. Тема собственно декабристов в советское время не очень-то приветствовалась, срабатывала ленинская формулировка – «страшно далеки они от народа».

Для меня же эти люди всегда олицетворяли честь и достоинство, терпение и служение долгу. Я рассматриваю их подвижническую жизнь в целом. Да, выход на Сенатскую площадь – поступок обреченных. Настоящая их деятельность началась в Сибири, после каторги. Выйдя на поселение, декабристы стали строить храмы, создавать школы и даже первые «кооперативы». Они принесли в Сибирь культуру: музыку, пение, театр, книги. Они оставили после себя огромное литературное и историческое наследие.

Мой интерес к декабристам всецело был поддержан Владимиром Яковлевичем Мотылём. Он даже давал мне читать запрещенные в то время книги. Например, переписку Николая I с членами его семьи.

Я прочла удивительную фразу императрицы Александры. Она обращалась к своему венценосному супругу с просьбой разрешить

жёнам декабристов следовать за мужьями. И, в частности, писала: «Если бы Богу было угодно и с Вами (то есть с Николаем I) произошло такое (то есть если бы его сослали. – *Н. Б.*), я бы последовала за Вами».

Мария Николаевна Волконская до сих пор является для меня любимым женским образом.

«Живая радуга»

В 1982 году в Ялтинском филиале студии имени М. Горького я начала снимать свой первый детский фильм. Моими соратниками на долгие годы стали оператор-постановщик Александр Филатов, художник-постановщик Татьяна Филатова, второй режиссер Аркадий Покосов, композитор Борис Петров. Мне достался очень слабый сценарий по рассказу Николая Носова «Веселая семейка».

Пришлось переделывать его от первой до последней буквы. Получился немного веселый, немного грустный фильм для самого нежного возраста.

В фильме снимались Роман Генералов, Стефания Станюта, Катя Лычева, Лиза Волкова, Николай Бурляев, Инна Макарова.

Образ учительницы начальных классов должен был ассоциироваться с мамой главного героя, рано ушедшей из жизни. Мы должны были быть похожи, и я пригласила на эту роль Алену Бондарчук, свою сестру по отцу. Это была ее первая роль в кино. Когда главный редактор картины увидел ее на экране в подвенечном платье, красивую, молодую, он сказал мне:

– Я все понимаю, Наталья Сергеевна, вы меняетесь из фильма в фильм, но как вы себе рост увеличили?

Я говорю:

– Это не я.

– Как не вы?!

– Это Алена Бондарчук, моя сестра.

– Как?! Вы так похожи?

Дома у меня на столе лежали фотографии из фильма. Увидев их, мама на ходу бросила:

– Ну, хорошо ты здесь получилась.

Я говорю:

– Это не я.

– Как не ты?

– Это Алена.

– Боже мой, вы двойники!

Я рассмеялась:

– Нет, мама, мы похожи только на фотографиях.

На премьеру фильма в Доме кино собралась вся группа. Приехала и Алена, и Инна Владимировна Макарова. Здесь-то и произошла их встреча. Увидев Алену, мама подошла к ней и поцеловала.

«Детство Бемби»

Начало

Фильм «Живая радуга» подготовил меня и всю нашу киногруппу к следующему, более крупному кинопроекту – экранизации сказки Феликса Зальтена «Бемби» в авторском пересказе Юрия Нагибина. Именно с ним, настоящим классиком литературы Юрием Марковичем Нагибиным мне довелось работать над сценарием дилогии «Детство и юность Бемби» за одним письменным столом. Однажды мы заработались и просидели над сценарием одиннадцать часов, почти без перерыва. Нагибин любил читать написанный текст, проверяя диалоги на слух.

– Вам не страшно? – спросил он так естественно, что я тут же ответила:

– Нет, Юрий Маркович, не страшно.

Довольный писатель от души рассмеялся.

– Это я от имени дядюшки Саввы спросил… А твой ответ, Наталья, отдадим Бемби.

Сценарий был написан за месяц. А вот утверждение его к производству заняло почти два года. Никто не верил, что в одних и тех же ролях могут сниматься актеры и животные.

Но мы победили. В нашем фильме снимались Марис Лиепа, Лев Дуров, Инна Макарова, Дмитрий Золотухин, Гедиминас Таранда, Илзе Лиепа, Николай Бурляев, Галина Беляева, Ольга Кабо… Юные артисты: Ваня Бурляев, Катя Лычева; балетные коллективы, мировые чемпионы по прыжкам на батуте, каскадеры —парашютисты… А вместе с ними в одних и тех же ролях играли олени, косули, лоси, зубробизоны, зайцы, фазаны, лебеди – всего более ста видов животных и птиц. В период озвучивания фильма наши герои-животные, не получившие человеческое воплощение на экране, были спародированы Михаилом Евдокимовым под известных актеров: Леонова, Папанова, Этуша.

Фильм снимался в заповедниках Крыма, Кавказа, Латвии и Чехословакии, где мы нашли белых благородных оленей с голубыми глазами.

Впоследствии наш фильм был представлен на многих кинофестивалях, получил 12 наград, в том числе «Золотого голубя» на фестивале в Вали-Пьяно в Италии.

Встреча в Москве

29 марта вместе с Владимиром Токмаковым, ассистентом режиссера по актерам, мы направились в театр зверей имени Дурова. Нас принял в своем кабинете заместитель директора театра Виктор Павлович Борисов. Рядом с его столом в клетке восседал большой зеленый попугай, который сразу пошел ко мне на руки, потом протопал по руке на плечо и уселся на спине, категорически отказываясь покинуть занятую позицию. Общими усилиями его заставили покинуть мою спину, перейти на палочку, и вернули в клетку.

Разговор велся ровно, почти медлительно, пока в кабинет не влетела Наталья Юрьевна Дурова. Ураганом пронеслась она, увлекая за собой людей, дела и сигаретный дым. Через минуту мы уже были в огромном кабинете Дуровой, в котором мягко светились золотыми буквами старинные фолианты, со стен смотрели фотографии дедушки Дурова и всей его многочисленной семьи, а в углу красовался большой попугай ара, который поглядывал на другую большую клетку, плотно завешенную платком.

– Посмотрите, Наташа, – предложила мне Дурова, – это самая маленькая «обезьянка» на свете. – Я осторожно приблизилась к клетке и приподняла край платка. В клетке сидело крохотное, величиной с детскую ладошку, существо на двух лапках. Передние же лапки оно страдальчески прижимало к мордашке с огромными, невыразимо грустными, навыкате, глазами. Существо в клетке, а оно, конечно, было крошечным лемуром, выглядело скорбно и беззащитно.

Неожиданно раздался сильный грохот в кабинете и настойчивый стук в стену. «Сейчас, сейчас, мой мальчик», – запела Наталья Юрьевна и бросилась к боковым потайным дверям кабинета.

За ними в отдельной комнате в просторной клетке сидел Мальчик – детеныш человекообразной обезьяны. «Идет, идет твоя мамочка», – закричала Дурова, и я на секунду проникла за ней в потайную комнату и увидела здорового, крепкого обезьяньего мальчишку. «Ну, поцелуй, поцелуй мамочку», – Наталья Юрьевна подставила лицо, взявшись за клетку руками. Мальчишка невозможно уморительно вытянул губы трубочкой и чмокнул Дурову. Не успели мы выйти, как раздался звон – это Мальчик расколотил банку с вареньем.

И мы снова понеслись по темным подземным коридорам здания.

– Когда умер мой муж, – рассказывала Дурова, – он был

актером, я стала загружать себя непомерно, хочу умереть стоя, в деле.

Сегодня у Натальи Юрьевны была «премьера» ее нового черного платья с плащом. Когда она была уже на сцене и вела спектакль, я заметила, что на одной руке ее не хватает пальца. Все шло гладко. Центром программы было появление на сцене слонихи. Номер был прекрасно выстроен. Слониха работала с удовольствием. Но вот наступил центральный момент: Дурова ложится на сцене, а слониха должна через нее перешагнуть. Дурова лежит, а слониха стоит и не перешагивает. Я сидела близко к сцене и услышала, как Наталья Юрьевна произнесла: «Новое платье, ты его еще не знаешь». За эти мгновения мои руки стали мокрыми. Что такое новое платье, в котором еще не проходили репетиции с животными, знают лишь дрессировщики. Слониха вытянула хобот, провела нежным пальчиком на его конце по платью и лицу Дуровой и, удостоверившись, что это она, осторожно переступила через дрессировщицу.

После спектакля Наталья Юрьевна рассказывала, что три дня назад, когда они выступали, под ними провалилась сцена, не выдержав тяжести слонихи. Мы побывали за кулисами, погладили доброго поющего волка, увидели множество зверей-артистов знаменитого театра и познакомились с новоприбывшим актером. В высокой клетке стоял небольшой белый жираф со светло-коричневыми пятнами и огромными карими глазами, оттененными длинными белыми ресницами. «Это карликовый белый жираф. Он есть только у нас, в нашем театре», – с гордостью сказала Дурова. Договорившись с Натальей Юрьевной об их участии в фильме, мы попрощались с живой легендой театра зверей.

В субботу, 31 марта, собрались все вместе у нас дома: Филатовы, Андрей Дразнин, постановщик пластических сцен, Борис Петров, композитор картины, и я. Все чувствовали себя отлично, находясь в творческом азарте. Только Боря Петров сидел красный, опухший, воспаленный от недосыпа. Вчера положили его жену Ирину в роддом. При нас звонил, тревожился, и вот наконец известие: Ирина родила в 12 часов 1 апреля, в момент перевода времени, в воскресенье, двух богатырей – 3.400 и 2.600 граммов. У Бори два сына! Прекрасная примета для начала нашей работы!

3 апреля были во ВГИКе на четвертом этаже у художников. В комнату вошел Иванов-Вано, 86-летний старец с живыми умными глазами. Мы рады были знакомству с удивительным человеком, снявшим «Времена года», «Конек-горбунок», «Левшу» и многие другие известные во всем мире мультфильмы. Наша киногруппа,

как видно, ему понравилась, а мы его просто полюбили. «Погодите, – хитро посмотрев на нас, сказал Иванов-Вано, – я сейчас пойду к моим ребятам-студентам и распущу их. Они совсем не работают, ленятся, вот я и накажу их, а то, извините за выражение, ни хрена не делают». Он сказал это так, что сразу было видно: он не умеет ругаться, настоящий, классический интеллигент. Когда же он вновь появился через десять минут, то успел шепнуть женщинам: «Они хорошие», – и попросил напоить нас чаем. Я прочитала ему отрывок из сценария – разговор двух листьев.

«Как все изменилось», – сказал один лист другому. «Да, – подтвердил другой, – многие ушли сегодня ночью, кажется, мы последние остались на нашей ветке». «А что будет, когда мы опадем?» – «Мы окажемся внизу». – «А что там, внизу?» – «Не знаю, одни говорят одно, другие другое. Разве узнаешь, где правда?» – «Правда, я очень изменился?» – жалобно спросил другой лист. «Нисколько! – убежденно сказал первый. – Это я пожелтел и сморщился, а ты – все такой же, ты красив, как в первый день. А маленькие прожилочки, еле-еле приметные, тебе очень идут». – «Спасибо тебе за твою доброту. Я только сейчас понял, какой ты добрый». – «Замолчи!» – сказал первый и замолчал сам. Потому что боль его была слишком сильна. Порыв мокрого ветра просквозил лес. «Ах, вот оно! – проговорил второй, – я…».

Глаза Иванова-Вано наполнились слезами. И я перестала читать.

– Удивительно, я тоже сейчас об этом думаю. Так похоже… Может быть, я найду время и сделаю эту сцену сам.

Мы и не надеялись на то, чтобы наша задумка – небольшой отрывок мультипликации в игровом кино – будет сделан таким мастером. Иванов-Вано в восемьдесят шесть лет ведет курс молодых мультипликаторов во ВГИКе, снимает полнометражный фильм «Сказка о царе Салтане» и еще предлагает нам свою помощь. Когда стали прощаться, стоя у двери, он признался нам:

– Я потерял на восемьдесят втором году свою жену. Прожили мы вместе пятьдесят шесть лет. Отпраздновали «золотую» свадьбу. – Глаза его заблестели. – Понимаете, вся жизнь… Вначале я никак не мог привыкнуть к потере. Но потом – работа, студенты… Вот и вы для меня – тоже важны. Все это держит меня на земле.

Стоя на лестнице втроем – я, Таня и Саша Филатовы, – радовались, что у нас необыкновенные профессии, позволяющие знакомиться с удивительными людьми, а то как бы мы нашли друг друга в этом мире?

Вечером я позвонила Николаю Николаевичу Дроздову, у которого, по слухам, в доме живут ядовитые змеи и даже крокодилиха в ванной. Но об этом я спрашивать его как-то постеснялась. Оказалось, что у нас одни истоки. Я с семи лет воспитывалась в поселке Ново-Дарьино, и он с четырех лет жил на Николиной горе, рядом с нами, там он учился и вел свои первые дневники наблюдений за природой. Еще в Крыму, когда я была в гостях в Артеке, увидела его на телеэкране. Дроздов общался с оленями из латвийского национального парка «Гауя». Николай Николаевич посоветовал мне туда поехать, снабдил телефонами и рекомендацией.

Итак, путь наш лежал через Ригу в Сигулду.

Национальный парк «Гауя»

Мы слышали много добрых слов о национальном парке, но увидеть его собственными глазами – совсем иное дело.

Янис, главный охотовед, вручил нам карточки-открытки для гостей парка. Там написано: «Вы находитесь в национальном парке “Гауя”. Свое превосходство над природой вы можете доказать уважением и бережным отношением к ней».

В первом вольере находилась ручная самочка, олениха Ница. С нее и начался десять лет назад национальный парк. Кроме Ницы, в вольере два ее взрослых ребенка – диких оленя.

Здесь, в заповеднике, я поняла, что рассчитывать при съемках можно только на ручных животных, отобранных у матери и вскормленных самим человеком в первые дни жизни, когда «инпринтинг» (от английского слова «впечатывание») падает на людей. Человека они считают своей мамой. А может быть, они считают себя людьми?

Когда мы вошли в вольер, Ница сразу же подбежала к нам, стала ластиться, с удовольствием брала хлеб из рук.

– «Корова» – она хитрая, – сказал Янис. – Если ее детям что-нибудь не понравится, она уведет их.

Вскоре мы увидели, как олени – дети Ницы – грациозно выскочили в центр поляны. Не спеша, к ним вышла мать. Она нежно дотронулась до носика младшего олененка, поцеловала его и как бы что-то сказала. И все олени тут же успокоились. Унялась дрожь, опустились уши, наступил покой. Когда мы вновь пришли на поляну, нагруженные киноаппаратурой, олени бесследно исчезли. Мы увидели отогнутый край металлической сетки, через которую хитрая олениха увела всех своих детей.

Лебединое озеро

Орнитолог Юрис громким бодрым голосом посвящал нас в тайну лебяжьей жизни.

– Дикий лебедь… Он сразу учует чужаков. Сейчас брачные игры кончаются, они строят гнезда, это очень интересно, – лицо Юриса засветилось, щеки покрылись алым румянцем. – Представьте: самец достает стройматериалы, а самка тщательно вытаптывает место для гнезда и берет у супруга камыш. Строит она гнездо старательно, с мастерством. А бывает, – с восторгом продолжал Юрис, – лебедиха уже высиживает, а лебедь продолжает достраивать гнездо.

– Все как у людей, – заметил наш оператор Саша Филатов. – Сегодня Филипку девять лет, а мы с Татьяной все еще строимся.

– Это он про бесконечный ремонт в нашем доме, – пояснила Татьяна Филатова, наш художник фильма.

– Вы не представляете, – продолжил Юрис, – ведь ночью-то лебеди продолжают активную жизнь, кормятся, учат детей летать. Особенно интересны ночные звуки лебедей, их разговоры…

– И не стыдно было подслушивать чужие разговоры! – возмутился Шура Крупников.

Не успели мы охнуть, как Юрис ловко и быстро, как это делают африканские мальчишки, поднялся на дерево, на самую его вершину.

– Есть! Пара лебедей, – Юрис царственно восседал на кроне дерева, словно сам стал птицей.

Как только орнитолог почувствовал себя в своей родной стихии, им овладел поисковый инстинкт, и лодка мгновенно скрылась в зарослях камыша. Почти сразу мы увидели лебедей и целый птичий базар над гладью озера. Кого здесь только не было! Реяли чайки, вереницы уток, стайки нырков.

Вскоре мы увидели лодку Юриса. Он что-то держал в руках. Мы подплыли ближе и рассмотрели: это был мертвый лебедь. Юрис поднял его над водой, осторожно положил на сухой тростник и прикрыл камышом.

– Отчего умер лебедь? – спросила я.

– Скорее всего, потерял свою пару. Одинокие лебеди долго не живут, тоскуют и вот, видите, умирают.

Танюша Филатова с упоением рассказывала, как увидели они с Юрисом лебяжью кладку и как смешно взлетал лебедь, разбегаясь по воде.

День выдался прекрасный, дневник пишу в поезде. Здесь же, прямо с поезда, даем поздравительную телеграмму Филипку, сыну Татьяны и Саши Филатовых, у него день рождения.

Бемби родился

В понедельник, 13 мая, в Москве, в конце рабочего дня на всякий случай позвонила в национальный парк «Гауя». Секретарша на мой вопрос о самочувствии оленихи Ницы спокойно и весело ответила:

– Родила. В 11 часов утра.

– Как родила? – глупо переспросила я.

– Хорошо. Все хорошо. Нормально родила. Оленушку, – ответила секретарша.

Я чуть не заплакала от огорчения. Ведь по старым нашим планам мы должны быть уже в Сигулде и успели бы к первому дню рождения.

Вечером мы уже сидели в поезде «Москва-Рига».

Только к четырем часам вечера были у Велги Витолы – хранительницы заповедника.

– Ой, какая я на вас злая, – улыбаясь во все свое доброе открытое лицо, запричитала Велга, – и какой же он вчера был: мокренький, забавный, и как он вставал, и солнышко было.

Я сразу же разглядела крошечного олененка, лежащего, свернувшись клубочком, в весенней изумрудной траве. Группа из трех операторов осторожно вошла в вольер.

Мама Ница отгоняла от новорожденной дочки других оленей. Мне было смешно, как она, вытянув по-гусиному шею, щипала их за бока. Велга принесла, нежно прижимая к себе, Оленушку – девочку и положила перед нами. Я назвала ее Одуванчик.

Олениха подошла к малышке и стала ее тихонько лизать, и вот уже над травой поднялась и закачалась ее головенка. Дальше олениха действовала носом. Она буквально поднимала олененка сильным волевым движением морды снизу вверх, и ей на секунду удалось приподнять ее. Но, не устояв, малышка свалилась в траву. Мать снова подняла ее, и Оленушка встала, а через мгновение уже шла, чуть покачиваясь на своих тоненьких ножках. Не знаю, как у мужчин, но у нас с Велгой подступали к горлу слезы, когда мы смотрели, как Ница целует свою дочку и кормит ее. Мы тихонько стали подходить, и нам удалось снять кормление совсем крупно. Видно было, с каким удовольствием сосет малышка материнское молоко, а в это время мама нежно мыла и массировала ее шерстку с крупными белыми пятнышками. Снять подобную сценку можно только с ручной оленихой, дикая никогда не подпустит к себе. Так что спасибо тебе, Ница! Невольно вспомнился мне самый счастливый день в моей жизни, день рождения моего сына Ванечки, когда принесли мне его показать после родов и мне неудержимо захотелось его не только

поцеловать, но даже лизнуть. Теперь я понимаю, почему. Видимо, это древнейший материнский инстинкт.

Сели под деревья перекусить, а Ница улеглась прямо около нас, лениво пожевывая что-то свое. Ну просто лесная идиллия. Неожиданно Ница встала, подошла к нам с Велгой, подняла свое копыто и нежно стала прижимать им к себе меня, стараясь пониже наклонить мою голову.

– Это она накормить вас хочет, – засмеялась Велга, – уж больно вы ей понравились. Олененку ничего плохого не сделали, вот она и полюбила вас.

Мы решили снять проходы Ницы с олененком в весеннем лесу во втором вольере. Велга несла малышку на руках, а я немного подгоняла олениху Ницу. Как вдруг Велга громко сказала:

– Осторожно, здесь гадюка.

От испуга я подскочила. Справа от меня проползла маленькая черная змейка.

– Она опасна? – спросила я.

– Конечно, опасна, – спокойно сказала Велга. – В мае они смертельно опасны, – и прибавила, – здесь их очень много.

Я с ужасом вспомнила, что только что сидела на голой земле, где вполне могли быть эти несимпатичные мне животные.

– А это мой любимец, лосенок, – предварила нашу встречу Велга. – Зовут его, если по-русски, «парень» – Буцис.

Углядев Велгу, Буцис буквально кинулся на вольерную сетку, как это делают собаки, завидев хозяина, он стал прижиматься к ее рукам всей своей недюжинной силой.

– Ну вот, это мой ребенок, – с гордостью сказала Велга. – Я нашла его раненым на дороге. Он совсем не ходил. Я кормила его из соски. Он жил у меня дома у печки, а зимой, когда поправился, всегда ходил со мной рядом по лесу. Я хотела познакомить его с сородичами и привела к огромной доброй лосихе. Увидев ее, он шарахнулся в сторону, испуганно завопил и прижался ко мне. Он не узнал в ней свою, понимаете? Я для него – мама.

Несколько раз за сегодняшний день мне приходила на ум одна и та же мысль: как много происходит за такие «природные» дни. Жизнь как бы замедляется, становится намного длиннее, столько событий – и все это только один счастливый день! Даже не верится.

Половина второго ночи. Мы с Велгой совершенно одни в ее доме, в лесу. Часто Велга видит диких оленей. Они подходят к самым окнам, даже не боятся собак, а зимой они подкармливаются остатками еды, которые Велга заботливо кладет на порог. Она живет здесь совершенно одна три года. Это

всех поражает, но факт остается фактом. За эти три года ее ни разу никто не испугал и не побеспокоил. Говорит она певуче, нараспев, с милым мягким акцентом.

– Знаете, я так хочу, чтобы вы знали, я ведь лесная, как это, колдунья, я могу попросить у леса, и он позволит спать, – и она улыбнулась своим словам.

Я стала расспрашивать ее, не было ли каких-то странностей в этих местах.

– Полно! – заявила она. – Полно странностей. Как-то одна моя знакомая не могла попасть к себе домой, хотя ходит по этой дорожке каждый день, но что-то уводило ее от дома.

– Как же ты живешь одна? И не страшно? – спросила я.

– Нет, что ты. Главное, я здесь абсолютно счастлива. Первый год здесь не было воды. Зима – холодная-прехолодная. Но я, я летала над крышей от счастья, – смеясь, рассказывала Велга. – И сейчас летаю. Потому что я знаю, кто-то работает за квартиру, кто-то за деньги, кто-то потому, что детский сад рядом, а вот так, как я… как мне повезло – это редко…

Когда Велга рассказывает, ее крепкое крестьянское лицо становится очень красивым. Чуть вьются темно-каштановые волосы, светятся прозрачно-зеленые глаза; рослая, сильная, интересная.

– Ты знаешь, я ведь предвижу многое, что будет, – говорила Велга. – Вот увидишь, что-то помешает нам спать.

Не успела она произнести эти слова, как погас свет. Мы хохотали над даром предсказания Велги, пока врубали пробки.

Пока рано

У Велги великолепная библиотека о природе и животных. Много книг и на русском языке. Взяла одну из них: автор – знаменитый путешественник и естествоиспытатель Гржимек. Не удержалась и записала несколько фраз из его великолепной книги: «Первозданную природу надо беречь не меньше, чем мы бережем картины Рафаэля. Кельнский собор, Акрополь можно при желании восстановить, ту или иную картину – реставрировать, а вот уничтоженную стеллерову корову или зебру-квагту никогда больше не увидит ни один человек».

По поводу дамочек, носящих тигровые манто, Гржимек сказал: «Тигровые шкуры лучше сидят на тиграх, чем на коровах».

Младший сын Гржимека погиб в авиакатастрофе: самолет столкнулся с гигантским грифом. Его похоронили на краю кратера вулкана в Африке. «Я был счастлив, что прожил столько

лет рядом с этим прекрасным человеком», – сказал Гржимек о нем.

Я отложила книгу. Дом Велги звенел тишиной. Закрыв глаза, я начала засыпать. Во сне я увидела улицу, по которой шла, пританцовывая, взявшись за руки с другими людьми. Узнала только Диму Золотухина, потому что он шел впереди меня. Было как-то необычайно легко и хорошо. Звучала бесхитростная мелодия из фильма «Вам и не снилось». Очень скоро она приобрела какую-то надмирность, ритм и темп стали чрезвычайно яркими. Стало невероятно хорошо, сердце преисполнилось какой-то неземной радости, и я почувствовала, что стремительно лечу куда-то вверх. Некий голос внутри меня сказал: «Пока рано». И еще: «Нужно жить чисто».

Я раскрыла глаза и не увидела – почувствовала, что вишу в воздухе, метрах в двух над кроватью. В сознании еще звучала божественная музыка, и было очень хорошо и совсем не страшно. Вдруг раздался треск, как от электрического разряда, сильно и больно защипало в верхней части головы, и от меня кругами пошло сильное радужное свечение. Полыхание и треск продолжались считаные секунды, но они осветили всю комнату. Я даже подумала, что в меня попала шаровая молния. Но вот явление прекратилось, и я вновь лежу на своей подушке лицом вниз, а жжение, но уже не сильное, продолжается.

Первые мысли: «А есть ли у меня волосы на голове? Или, может быть, они сожжены?» Я осторожно высвободила руку и потрогала свою голову: волосы на месте. Я повернулась на бок, включила свет и записала в дневник это происшествие.

Было это в 4 часа утра. Состояние нормальное, голова ясная. Но жжение продолжалось недели две, чтобы я не забыла и не посчитала это сном.

Утром пришел Саша Филатов, и я ему рассказала, что было со мной этой ночью.

– Ну, и что же изменилось в тебе после этого? – спросил он.

– Я и раньше не очень-то боялась смерти, а теперь точно знаю, что это некий процесс, скорее рождение в новую жизнь.

Саша закурил свою трубку.

– Ну что ж… когда-нибудь это с тобой должно было произойти, вот и произошло.

После этих слов я почему-то сразу успокоилась.

Утром прощались с Велгой, ее домом. В Риге у нас всего несколько часов, но мы с Сашей Филатовым выяснили, где выставка работ Николая Константиновича Рериха, и через несколько минут уже были в просторном, залитом солнцем зале.

В зале были картины и Святослава Рериха, сына. Меня

поразила картина «Чаша Будды» 1934 года. Горы, синева ночи, над головой Будды яркое свечение, в руках чаша, а внутри – тот же свет. А над самой головой, над горами – яркое созвездие Ориона.

Картина «Путь» 1936 года. Большое полотно, поток как бы льющейся с небес воды, неприступные скалы и человек, идущий вверх по самой острой, почти непроходимой кромке скалы. Любимый цвет Рериха – прозрачно-синий и светящийся голубой. Поток воды переливается, краски насыщенны, космичны. Очертания скал причудливы и как будто напоминают старинные иероглифы. Фигура человека в белом. Он бос, руки раскинуты для баланса. Путь, который он прошел, невероятно труден, но пройти осталось самый трудный участок пути. Картина необыкновенно живописна, точна и энергетически сильна. А вот две картины на наши темы: «Охота» и «Сострадание» – 1936 года. Горы, расцвеченные зарей облака, два всадника и две убегающие лани. «Сострадание» – как бы итог «Охоты». Вот он, охотник. Он написан в однотонных красках, расположен в углу композиции, его лицо – маска, его почти нет. А в другой стороне – лань и святой, который подставил руку, а в ней стрела. Лань прижимается к нему, благодарит за спасение. Лицо у святого спокойно и сострадательно.

Мы провели с Сашей в зале до шести часов вечера. Ушли последними. Было что-то для нас важное, что остались мы одни с Рерихом, этим великим человеком – писателем, художником, мыслителем, путешественником. Ведь и пытались мы в каждом кадре приблизиться к его светящейся палитре, думали о нем, читая его книги, разделяя его мысли о величии культуры и природы.

Так прощались мы с Ригой в весенние дни, когда цвели сирень и черемуха.

Крым – май

Утром отправились на поиски цветов – я, Алексей Храбров, Саша Филатов и Шура Крупников. Заведующий лесничеством, Алеша Храбров, много рассказывал о себе, откровенно и интересно. О своем детстве, когда он был за старшего в семье, вынянчил своих братьев и сестру – малолеток. В заповеднике работает давно и знает все красивые места. Лучшего помощника нам не найти!

Храбров предупредил, что дорога будет плохая, тряская. Поднялись почти вертикально вверх.

Неожиданно в траве увидели дикий лесной пион, как маленький пожар, в густой корзинке собственных листьев. И вот все мы разлетелись по долине и стали собирать аленькие цветочки.

Наш «газик» превратился в передвижной маленький ботанический сад: Шура держал пионы, Саша и Алеша – букеты мяты, я – белый шиповник, и только водитель держал баранку, вдыхая ароматы наших букетов.

В Краснолесье поместили цветы в детскую ванночку и перенесли на площадку. Затем Храбров, поглаживая олениху, надел ей на шею что-то вроде ошейника, и мы осторожно перевели олениху на поводке в вольер, олененок бежал рядом с ней.

Олениха Лена наслаждается жизнью в нашем зеленом вольере, ведь до этого она была в железобетонной тюрьме в зоопарке, а траву видела только сухой и жадно ждала подачек зрителей. Олениха наклонилась к цветам, но есть их не стала, только понюхала. Олененок несколько раз выходил к нам на крупный план. Весело скакал по полянке.

Приехали Коля с Ванюшкой, которому предстояло прожить непростую судьбу оленёнка Бемби. Ваня подготовил самый дорогой для меня подарок – дневник с отличными оценками. Костюмов для съемок Вани нет, пришлось буквально засунуть его в цветы, из которых он забавно выглядывал.

Приехала Оля Матлахова, наша дрессировщица, со зверушками – хорьком, кроликом, черепахой. Утром следующего дня поехали с Олей в зоопарк, но троллейбус увез нас в другую сторону, и мы прибыли на главный рынок. Здесь я за крупную сумму, 2 рубля 50 копеек, купила «нового друга» Ивану и нового актера – кролика Пушистика. Пушистик благополучно прибыл в гостиницу. Здесь он уморительно привел себя в порядок: умылся двумя лапками сразу, почистил брюшко и очень смешно чесал лапкой за ухом. Наш пес Чудик его охранял, и у них сразу установились прекрасные отношения.

Наблюдая за уморительной крошкой, страшно было вспоминать, как нам его выбросили за шкирку, как кусок мяса на съедение, как страдала крольчиха на жаре с новорожденными крольчатами. А как изнывали на бетонированном полу олени, мучились волки и медведи в пионерском зоосаде. Все острее я чувствую боль и страдание животных, их страшное положение. Где выход? Сделать всех людей вегетарианцами?..

Июнь

Вот и начало первых съемок с актерами.

После первого кадра, как и полагается, разбили тарелку.

Бемби-Ванюшку сняли висящим вниз головой. Шура Крупников шутил: «Сейчас увидим, чем ты пообедал». Ванюшку посадили на стул, я собственноручно засунула пару карасей ему за пазуху и окатила водой. Сверкая каплями на лице и глазищами, Ванюшка счастливо улыбался, просил извинения у рыб и отправлял их в ведро. После съемок Ванюшка сам отправил оставшихся карасей в озеро.

Я окончательно переселилась в Краснолесье. Пошла гулять, несмотря на дождь. У вольера стояла олениха Лена, обнюхала мои руки. А я полюбовалась, как она грациозно ест мокрые веточки и листья, окатывая себя брызгами. Все больше прихожу к выводу, что необходимо создавать национальные парки, а не зоопарки, где дети видят зверей в клетках. «Детки в клетке» – это звучит чудовищно. Вечером устроили цирковые номера с нашим кроликом Пушком. Он лизал мне подбородок, потом хозяйничал на столе, вставал на задние лапы и ел ромашки из букета. Играл с грецкими орехами, потешно мылся язычком и тер свою головенку, чесал лапкой за ухом. Ольга принесла хорька, и он танцевал по всей комнате. В общем, живем в мире животных: две собаки – Дина и Чудик, котенок, кролик, два совенка и шкодливая ворона Дези.

На следующий день в невыносимой жаре мы с Ванюшкой вышли на поляну. Маки еще буйно цветут, Саня снимал с крыши камервагена. Оленушка чувствовала себя под солнцем тяжело и была строптивой, а крольчонка пришлось всего вымазать, пока он стал чуть-чуть облизываться.

После трудового дня поехали купаться на речку. Вода сняла усталость. Обратно счастливый Ванюшка ехал на лошади с Олей. «Это самое счастливое время, хоть бы “Бемби” не кончался», – сказала Ольга.

Так у меня в памяти и останется навсегда: невообразимый простор, горы вдали, цветущий нежно-розовый шиповник, двое на лошади – малыш и девушка – и черная собака, путающаяся под ногами.

Вчера ночью кто-то срезал 30 метров сетки с вольера, Оленку отловили на соседней поляне. Кому это было нужно?

Олениха Ленка никогда не была в воде – ни в большой, ни в малой. А тут ее прикрепили к лодке веревкой и стали тянуть в озеро. Она упиралась изо всех сил, как могла. Пятеро мужиков не могли загнать олениху в воду, пока Марк не взял ее под уздцы и не вошел с ней в озеро. Ленка рванула к берегу, вынесла Марка из воды, но он перетянул ее и снова направил в озеро. Марк плыл с

Ленкой, буквально оседлав ее. На середине озера Марк освободил Ленку, и она быстро и решительно поплыла прямо на камеру. Приплыла к берегу, но выходить не стала, отряхнулась, стоя в воде. Видимо, купание ей наконец-то понравилось. В природе олени с удовольствием купаются. Но наша Ленка, выросшая в затворе, в кутузке из железобетона, об этом не знала.

Оленушка без капризов была спущена на воду и проплыла невдалеке от лебедей. Из воды торчала головенка с поднятыми ушками.

Зайцы прекрасно плавают, в этом мы убедились сами: наш заяц спокойно поплыл, выбрался на сушу и отряхнулся. А второй, когда ему надоело сидеть на дереве, прыгнул в воду и поплыл к берегу. Затем мы поместили лебедя вблизи дерева с зайцем. Марк, придерживая лебедя, подвел его к зайцу, лебедь положил голову на зайчонка и даже погладил его своей головой. По сценарию лебедь усыновил зайца, и этот кадр нам был очень нужен. Картина понемногу складывается, обретает свою сказочную особенность, и это именно то, что нам хотелось сделать.

Сигулда – Гауя

Опять я у Велги, в ее доме. Пасмурно, дождь, а на душе уверенность, что все будет хорошо.

И вот мы уже у оленя Демона в гостях. Вместо смешных роговых вилок на голове у Демона красуется большая корона в коричневых меховых чехлах, рога прекрасные, но еще мягкие, температура в них 40 градусов. Велга смело вошла в вольер. Мы закупили Демона, тем самым сохранили ему жизнь.

Разложили костер, ребята, стоя по колено в воде, нашли точку, вот и появился наш герой. Костер полили бензином, и я бросила спичку. Он вспыхнул так быстро, что меня чуть не опалило, ребята взяли камеру, а мы с Велгой остались один на один с Демоном. Никто не пожелал нам помочь, как мы ни возмущались.

– Возьми палку, – предложила мне Велга изрядный кусок древесины.

– Это еще зачем? – почти возмутилась я.

– Если ты увидишь, что Демон заложил уши, выкатил глаза, вот так, – Велга выпучила глаза, – то даже не сомневайся, это он идет тебя убивать, тогда ты ему со всей силы бей этой палкой промеж рогов…

– Я? – еще больше возмутилась я. – Палкой, оленя?

– Или ты его, или он тебя, – серьезно сказала Велга, – если он почувствует твою слабость, тебе конец. А снимать надо?

– Надо, – мрачно согласилась я и взяла дубину.

Я сделала всего несколько шагов по направлению к Демону, как тот буквально вырос передо мной во всю свою оленью стать.

– Вот, видишь, – грозно сказала я и показала ему палку.

Мне показалось, что олень ухмыльнулся, он заложил уши, выпучил глаза и пошел прямо на меня – «убивать». В последнюю секунду между мной и оленем встала Велга и так на него посмотрела, что у него даже ноги разъехались, он опустил голову и буквально подсунул ее Велге, чтобы та его почесала за ухом.

Демон по-прежнему злобно реагировал на меня, и я встала по другую сторону ручья в качестве приманки. Он действительно прыгнул ко мне, а я стремглав кинулась на другую сторону. Довольные зрители сверху давали советы: «Не оставайся одна, а то он тебя догонит». Демон красиво сделал несколько движений в дыму, активно работал рогами, как бы разгребая дым и огонь. Возможно, получился лучший кадр. А потом перепрыгнул ко мне, на другую строну ручья.

«Приманка», то бишь я, осталась жива, и мы продолжили съемки.

По сюжету олень-вожак спасает своего сына Бемби, выбивая из рук охотника ружье, и это должен был сделать не Марис Лиепа, исполнитель этой роли в человеческом образе, а именно олень. Велга дождалась, когда Демон улегся в орешнике, подошла к нему. Пряча за спиной ружье, чтобы Демон не принял его за палку и не удрал, Велга погнала Демона и, когда мы скомандовали, положила ружье ему на рога. Демон вскочил и скинул ружье, – состоялось! Мы радовались удачному кадру, но необходимо было повторить трюк. Напуганный происшедшим, Демон побаивался теперь даже Велги, и ей никак не удавалось снова положить ружье на рога. Но вот Демон выбрался из кустов и улегся на открытой поляне. Велга осторожно подошла к нему, присела рядом, долго ворковала, потом быстро просунула ружье между рогов. Демон вскочил, закрутился, пытаясь скинуть ружье, и, сделав полный поворот вокруг себя, далеко отшвырнул его. Снято!

Наш композитор

Вчера была запись оркестра на «Мосфильме». Прекрасная запись, я была очень рада, что со мной Ванюша и Николай, которому в этот день исполнилось тридцать восемь лет. Оркестр

первый раз проиграл «Танец Солнца», и все изменилось. Музыканты почувствовали рождение нового композитора.

Нам очень понравился звукорежиссер Владимир Владимирович Виноградов. Он с упоением работал над музыкой, восседая за великолепным столом с электронным мозгом. Он гладил чудо-машину руками, ласково разговаривал с ней. Виноградов шутил, но за его шутками чувствовалось уважение к авторам, любовь к чистоте замысла и нескрываемый интерес. После одного проигрыша оркестра даже крякнул: «Могли бы и поаплодировать. Оркестр сегодня играет слаженно, а это случается не всегда». Несколько раз похвалил Бориса Петрова. Атмосфера была доброжелательной, и мы наслаждались музыкой, ее гармонией и мощью.

3 августа 1984 года в актовом зале «Мосфильма» родился прекрасный композитор Борис Петров.

Вместе

Ночью сели в поезд. Нас сорок человек: группа, дети, актеры. К поезду подцепили дополнительный вагон. И вот впервые в жизни только с нашими отправилась в путь. Вагон старого типа, жесткий, холодный, но упоительно ехать так – всем вместе. С нами Илзе Лиепа, ее провожала мама и с благодарностью смотрела на меня. Встретились старые друзья – Катя Лычева и Иван. И тут же возродились «старые» чувства к Кате. Появились и новые действующие лица: белокурый, с сапфировыми глазами Гобо – Шальнев, шаловливая Белочка – Лиза Киселева.

Просидели с Гедиминасом Тарандой до трех часов ночи. Он с упоением рассказывал о Болгарии, где только что побывал. Гена – солист Большого театра. В нашем фильме он будет играть роль Лебедя в паре с Илзе Лиепой.

С утра малыши носились по вагонам, залезали на полки, хохотали и бесились. Поездка необыкновенно длинная, как будто специально для того, чтобы произошло всеобщее знакомство. Очень скоро купе наполнились запахами первых абрикосов, груш, дынь. Пили чай, кормились чем бог послал, поездка длиною в жизнь. Все наше с нами: дети, общие планы на этот месяц, наши надежды.

Марис Лиепа

Первый съемочный день на водопаде. Марис Лиепа долго

гримировался, тщательно одевался, проверял на себе каждую деталь туалета. Первым кадром снимем его прыжок через ущелье. Это хорошо, что начали с того, в чем он силен. Прыжок получился красивый, и еще будет подхвачен рапидом. Вслед за ним прыгал Максим, дублер Вани. Будет интересный план, так как видно, что ребенок без дураков прыгает через обрыв.

Забрались на самый верх водопада и сняли основную сцену – встречу с отцом. Марис хорошо играл, тепло относился к малышу, Ванюшка от него не отходил. Как повезло Ивану, что он с детства видит и даже сотрудничает с такими удивительными личностями, как Марис Лиепа или Лев Дуров. Конечно, сейчас он не вполне сознает, что перед ним гениальный, признанный во всем мире артист балета. Но он чувствует эту стать, это благородство и сам тянется к ним. А в кадре – великолепный, волшебный Вожак оленей и его сын, их первая встреча.

После съемки я вышла на «нашу поляну» и была поражена – исчезли красные маки: поляна была небесного цвета, вся в голубых васильках. Как обновляется природа с каждым месяцем, и какое буйство красок повсюду. Оленята живут под нашим окном в маленьком вольере, на террасе два повзрослевших совенка, проказница ворона, которая подтибривает все, что плохо лежит: то ножницы унесла и сбросила к оленям, то мыльницу у меня подхватила, вывалила мыло на пол и стала его клевать и радоваться пузырям. А когда к нам пожаловала проверочная комиссия, ворона Дези ухитрилась схватить мокрый Ванин носок, который только что повесили сушиться, и сбросить его на лысину главного проверяльщика. Пришлось нашу артистку отправить в зоопарк с сопроводительным письмом: «Артистка ворона Дези дружелюбна и изобретательна».

Позже я получила ответное письмо из зоопарка. «Спасибо за “артистку”, наш дворник собирает мусор в урну, а Ваша “артистка” всё распределяет обратно».

Лебеди

Утром наш автобус отошел в сторону «Малого озера». Пассажиров было много, среди других мои актеры – Марис Лиепа, Илзе Лиепа, Гедиминас Таранда и полный кузовок их «детишек» – лебедят. Всего, по прибытии на озеро, оказалось около шестидесяти человек. В автобусе у всех было превосходное настроение, и наш цыганский табор весело передвигался по тропам букового леса.

И опять вокруг все изменилось: листва темно-зеленая, трава

высокая, цветы голубые и сиреневые. Лиепа пел по-тирольски, потом перешел на «Колокольчик», позвякивая своим, который ему подарили на день рождения, когда узнали, что он будет играть оленя – чтобы не потерялся.

Прибыли на озеро, наш пес Чудик сразу же полез купаться.

Спустили на воду плот, долго примерялись, как снимать. На земле было установлено большое гнездо, а в нем два-три огромных яйца. В эти яйца мы посадили крошечных годовалых малышей-лебедят, и к ним на плоту подплыли взрослые лебеди с детенышами. Гедиминас кружил над водой с детишками, поднимал их на поддержке и передавал на руки Илзе. Потом она выскакивала с плота в гнездо и «знакомилась» со своими новорожденными. Самый маленький «лебеденок» вначале раздухарился, приплясывал в яйце, покачивал братца, потом он задремал, стал качаться в яйце и уснул. Со спящим малышом мы снимали дальше молодых родителей. Зрелище зачаровывало.

Гедиминас сказал: «Я вам уже за то благодарен, что вы привезли нас в это прекрасное место». А потом в машине прибавил: «Двадцать лет готов отдать за один такой день». А я сказала, что такой день двадцать лет прибавит.

Лиепа был счастлив, проведя день в полном покое с красавицей дочерью, которую любил всей душой. Колюня лихо прыгал на батуте, так что «Большой театр» его похвалил. И Коля считает, что это был один из лучших дней нашей жизни.

Когда мы ехали в автобусе к моему дому, появилась огромная радуга, я давно такой не видела.

Вошла в дом и почувствовала, что мама уже здесь. Она действительно сидела за столом и пила чай. Я показала ей своих оленят. Мама собственноручно покормила их молоком.

– Как здесь хорошо, горы, какой воздух, – радовалась она.

Повзрослевшие на год Катюша и Иван немного постеснялись, но потом неплохо сыграли сценку. Забавно терлись щечка о щечку, и я вспомнила любимое стихотворение Сергея Герасимова, которое он часто нам цитировал из Заболоцкого:

Два щенка, щека к щеке,
Грызли щетку в уголке.

Перешли на батут. Тут нас ждало целое пиршество, каскад возможностей Гедиминаса. Он взмывал в воздух в различных «па», переворачивался в воздухе. Все замерли на съемочной площадке, когда поднимался в воздух наш лебедь. Потом взошла на батут Илзе. Немного поупражнявшись, она смогла синхронно с Гедиминасом взлетать. При этом лицо ее наполнилось радостью и

светом. Эта мгновенная концентрация духовных сил – тоже свойство лучших артистов балета.

В конце смены Гедиминас, Гена, быстро скинул с себя лебединые крылья и проделал самое удивительное в этот день. Раскачавшись на батуте, выпрыгнул с него в воду по красивой огромной дуге. Все, даже те, кто спешил домой, замерли на площадке. Отточенное тело разрезало воздух, пролетело над водой и почти перпендикулярно вошло в воду, выбросив сильную волну. «Мне даже самому понравилось», – улыбаясь мокрым лицом, сказал Гена. Видела бы этот прыжок моя мама! Она у меня спортсменка, мастер спорта по прыжкам в воду. Мы с Колей все больше и больше очаровываемся Геной. Стоит посмотреть, как лучится теплом его лицо, когда он работает с детьми. Наверное, он будет в балете незаурядной фигурой, все задатки крупной личности у него есть.

Вместе с солнцем

Этот день мы начали на плоту. Коля был кормчим. Дело не из легких. Когда на плот встали Гена и Илзе, нас потихоньку начало заливать водой. Саша сидел на подставочке с новой ручной камерой, вода поднялась до его ног. «У меня что-то подмокло», – игриво заметил он, когда вода дошла до штанов. А лебеди наши танцевали и танцевали. Кто бы только это видел: двое в белом, лучезарные и прекрасные на одном конце плота и пятеро, включая меня, на противоположном, залитые водой, скрючившись и съежившись, чтобы не попасть в кадр. «Стоп!» – скомандовала я, и все, кто был на плоту, разразились неудержимым хохотом. На берегу из-за кустов выглядывали члены группы, желая узнать, что так развеселило «тварюг».

Всю ночь бегала смотреть на небо, нервничала ужасно, даже вспыхнула аллергия; а небо затянуло тучами, и появились всего две звездочки. Утром проснулась рано, и было боязно посмотреть в окно, есть ли солнце.

Но солнышко было! Последний день с Илзе, и последняя возможность ее снимать. С котомками, детьми и собаками поехали на съемки. Вчера успела сходить в поле, нарвала мяты для Илзе и Мариса. Вручила им букеты, розу и груши. На площадке был полуодетый народ. Задействовали фазу три точки, помогал готовить Николай. Стали снимать смерть лебедушки.

Скалы, горы в сизо-голубоватой дымке, два белых лебедя, смертельно раненная лебедушка Илзе на земле на коленях у Гены, а подальше Ваня и Катя Лычева. Ваня обнял плачущую

Катю за головку, как ребенка. Илзе играла хорошо, сверкали глаза, у Гены было беззащитное лицо. Наш директор Виктор Золотарев все время нервничал, мы практически висели над пропастью, а он ходил с мотком веревки в руках, которую и привязывать-то было не к чему, и требовал привязать оператора. Наконец Саньку Филатова, как курицу, привязали за одну лапу. Потом директор, увидев, как стоят актеры, крикнул, чтобы отвязали оператора, а привязали Илзе, но подстраховать так никого и не удалось. А Марис просто стоял на краю пропасти. Сняли его наверху и спустились вниз.

Люди-олени сжались тесным кругом, над ними проплывал Гена с мертвой лебедушкой, медленно поднимались руки в знак прощания. Я заменила музыку и сделала это вовремя, смена настроения произошла, многие плакали в кадре, многие – за кадром.

Гена признался, что когда они ушли за пределы кадра и он оглянулся, то и у него подступило к горлу.

Уезжали, а солнышко все еще светило.

Марис оставил мне открытку с оленем, надписав: *«С дикой радостью творческой встречи. Ваш Вожак-отец, или просто Марис Лиепа».*

Беседка ветров

Это было на съемках «Этюда Бемби». Наши актеры стояли на краю скалы – внизу лес, дальше море. Но все это неожиданно закрылось клубящимся туманом. И на белом полотне вспыхнула радуга, небольшая, но необычайно яркая.

Впоследствии выяснилось, что многие видели ее абсолютно круглой. Только нижняя половина ее была намного бледней. Кто-то почувствовал повышение температуры, кто-то заметил, что ветер утих, чего почти никогда не бывает в этом месте, отсюда и название – «Беседка ветров».

Вся киногруппа собралась у края обрыва. К кольцу радуги потянулись протуберанцы света – от рук, ног, головы. Если кто-то поднимал и опускал руку, лучи, как струны, перемещались в радуге. Полупрозрачные тени можно было увидеть за два, потом за девять и более метров от человека, они уходили к радуге, а в центре ее стояли все мы в четких теневых изображениях. Если кто-то оставался в стороне, слева или справа от нашего места, все равно тени попадали в центр радужного круга. Нам удалось снять последние секунды радуги, когда интенсивность ее красок снизилась. Через мгновение она растворилась, облачность ушла,

задул пронзительно холодный ветер.

Конечно, все мы делились своими впечатлениями от увиденного и старались выяснить, с каким явлением мы столкнулись. И вот что через неделю поведал нам наш второй режиссер Аркадий Локосов. Над Крымом, особенно в районе заповедника, часто появлялись неопознанные летающие объекты. Случаев было так много, что решено было поставить станции слежения на Ай-Петри. Как только станции были поставлены, объекты больше не появлялись, а специалисты остались, с ними и встретился Аркадий. Возможно, увиденное нами было связано с НЛО, только объект был, похоже, за облаками, а мы видели только круглую радугу. А лучи – от того, что нас снимали, что-то вроде голограммы. Когда я услышала эту версию, то заявила группе: «Ну вот и хорошо. Они нас снимали, а мы их?»

Радуга осталась у всех нас в памяти навсегда.

Я вновь и вновь рассказываю о ней актерам, стоя на том же месте. Вид поразительный. Воздух прохладный, над нами летают орлы, крылья у них метровые. Таких больших птиц мне еще не приходилось видеть. Подошла к краю обрыва, там внизу, в сине-зеленой дымке, четыре огромных рогача. Олени ушли не сразу, только тогда, когда людей стало больше.

Неожиданно погода стала меняться. Снизу все пространство заволакивали синие лапы тумана, туман был настолько силен, что я по рации велела актерам немедленно идти к машинам. Через несколько секунд видимость сократилась до метра. Решили ночевать в заповеднике и ехать на верховину к егерю Антонычу. Выехали, когда чуть развиднелось, и потихонечку добрались до верховины. На наше предложение ночевать в сеннике у муфлонов Антоныч сказал: «Даже и не думайте, пола в доме много, разместитесь». Собрались вечерять всем, что у кого было – тушенка, консервы. Когда приняли по второй, я сообщила нашему хозяину, что у него в гостях Марис Лиепа – «Большой театр». На это Антоныч сказал: «Ну, а у нас Малый». Снял со стены гитару и запел во всю ширь «…тот, кто рожден был у моря…». Голос у него бархатный, гортанный, мы все подпевали как могли. И, конечно, лучше всех Марис. Не будь он связан судьбой с балетом, стал бы прекрасным певцом.

Все мы устроились: кто на полу, кто на полатях, а нам, трем женщинам и Ванюше, Антоныч выделил две кровати. Мы улеглись поперек, и к нам присоединился Николай. Коля очень важничал и покрикивал на нас: «Гарем, тихо!». В соседней комнате пели смешные не совсем приличные частушки. Под конец Санька Филатов, переодевшийся старухой, приковылял к нам, и мы опять долго хохотали. Утром чуть не проспали,

проснулись в 6.30, за считаные минуты похватали вещи и без завтрака скорее по машинам. Буквально на ходу одевали актеров. Рассвет в горах начался стремительно. Сняли план Лиепы и Вани на фоне солнца. Все делалось впопыхах, солнце всходило очень быстро.

Несмотря на жуткий холод, сняли красивые кадры на скале. Музыка помогала настраиваться, работали хорошо. Стоя над обрывом, Гена Таранда сказал: «Когда стоишь вот так, чувствуешь себя каким-то… всемогущим, очень значительным».

– Так оно и есть, – подхватила я. – Просто многое в нас мельчится городской жизнью.

В этот день снимался Лева Дуров, душа общества. На площадке царил юмор. Лева без чьей-либо помощи забрался на дерево и работал там дядюшкой Саввой, попросту говоря – совой… Приехал он позднее всех, но посмотрел материал, почувствовал нашу сказку и настроился на трагическую сцену – проводы лебедей и мою гибель. Сыграл прекрасно, плакал. Это видел Иван. Я немного помогала ему, как обычно, и вдруг заметила, что Иван плачет сам. Дернулись губы, задрожал подбородок и… кончилась пленка, перезарядка десять минут. Я чуть с ума не сошла: ребенок в таком состоянии, а тут… Шура торопился как мог, я побежала за ним, торопила, думала, что придем к разбитому корыту. Но Ваня стоял перед камерой и «держал» состояние. Кончилась смена, мы шли вместе, я держала Ванюшу за руку, и он сказал: «Мама, теперь я понял, как это… музыка мне очень помогла».

– Молодец, – похвалила я сына, – запомни, это был твой первый по-настоящему актерский план.

Целый день разбирала с Галиной Петровной дубли в нашей маленькой ялтинской монтажной. «Народец» – так тепло называет Галина Петровна наших актеров-животных.

Вот увидят фильм и будут спрашивать, где живет такой народ. А он живет в душе у каждого.

Ванино детство

Ваня в соседней комнате играет любимую «Неаполитанскую песенку». Коля читает. Сын пришел торговаться за минутку, чтобы не спать.

На фотографиях, которые отдала наш фотограф Маша, удивительные эффекты. Световые столбы над детьми и взрослыми видны на полтора метра, на всех фотографиях.

Полупрозрачные лучи идут от рук и головы. Место, в котором

мы снимали, очень чистое, что же мы сняли – ауру или какое-то природное явление?

Вечером снимали маму – рассказ Неттлы о празднике солнца. Мы играли, а за нами свершалось чудо: ныряло в тучи малиновое солнце, ярко расцвечивая облака. Закончили съемки к ночи. Перешли в домик к Антонычу. Весь прошлый день и этот Ванюшка ухаживал за Катькой и попросил оставить ее у нас. Наши приготовили на керогазе супчик. Маму я положила на раскладушку. Антоныч взял гитару и стал петь песни, а я наблюдала в небольшой телескоп планеты и созвездия. Звезды необыкновенно яркие, ночь теплая.

Ровно в 5 утра нас разбудил Антоныч. Завозился Ванюшка. И я спросила: «У кого сегодня день рождения?» Коля привез завязанный в мешок складной велосипед, который был специально для этого дня привезен из Москвы. И хотя Ванюшка догадывался о подарке, он был счастлив. «Ну вот, ты встаешь в свой день рождения в 5 утра, тогда же ты и родился», – поздравили мы сына.

На дворе светила луна и горели звезды, было красиво и волшебно. Позавтракав, отправились на площадку. По дороге нам встретились три оленя-рогача и зайчишка. Стремительно начался рассвет. Я вывела к солнцу Ваню и Катю – Бемби и Фалину. Съемка шла несколько минут. Я счастлива, что в свой день рождения Ванюшка встретил рассвет в «Беседке ветров», что он ощутил красоту этого утра.

Тогда я не могла и предположить, что летом 2004 года, когда Ване будет двадцать восемь лет, он поднимется сюда со своей невестой Юлей и покажет ей «Беседку ветров» – памятное место своего детства.

Утром в Краснолесье Ванюша честно играл все заданные ему произведения, этюды Моцарта. Я вышла во двор к розовому полю. Моцарт звучал и здесь, согласуясь с горами, лесом и великолепием цветов.

Съемки со светлячком Саша Филатов и Владимир Лазовский, наш оператор комбинированных съемок, выстраивали два дня. Кадры на совмещение очень трудны. Светлячок должен был быть сначала на веточке, а потом спрыгнуть на ладонь к Бемби и улететь. Получилось. Настенька прыгала на ладошку к Ивану и играла на своей дудочке, Ванюшка чихал, а Настя делала вид, что ее сдувает, и улетала.

Как мне хочется посмотреть эту сценку, в ней все мое детство: моя страстная любовь к сказкам, к Андерсену, к его Дюймовочке, принцу Эльфу, моя детская привязанность ко всему крошечному. И вот я сама снимаю эти кадры, настоящую

волшебную, поэтическую сказку, где есть светлячок – девочка с волшебной дудочкой.

Дома Ванюшка не на шутку разболелся – температура 38,7 ˚С. Сделали все возможное для лечения, уснул, но когда я села писать дневник, отчаянно заплакал:

– Больно, больно…

– Что больно? – спрашиваю.

Не знает.

– Хочу сниматься.

Слушая его бред, я поняла, что кроме инфекции наложился еще и эмоциональный фон, споры перед отъездом. Он не хочет уезжать, хочет продолжения съемок. Я его успокоила:

– Ты будешь сниматься, будешь… Всё впереди – и Сигулда, и пещеры…

Ваня болел недолго. И вскоре все мы уехали на съемки в Эски-Кермен.

Пещерный город

Наш автобус с двух сторон окружают каменистые склоны. Детишки-актеры с восторгом рассматривают скалы, похожие на слонов.

Веду детей через каменные «ворота» Эски-Кермена, бывшего средневекового города. Дети осторожно ступают по глубокой колее, выбитой в камне колесами повозок много сотен лет назад… Пещерный город с каменными банями, храмами и залами суда. Ванюша и Катя уселись вдвоем на каменный трон в центре обширной пещеры, с глазницами в бесконечный природный мир.

Да, здесь, в камне, сохранились плоды тяжелого труда древних мастеров, строителей, художников. К ним прибавился и труд нашего кинохудожника Татьяны Филатовой. Одна из пещер расписана как бы доисторическими фресками, в них отражен весь путь древнего человека, связи его с природой. На каменном полотне – олениха кормит младенца-олененка, олень и человек рядом. Но вот удар копьем – и олень повержен к ногам человека… Первая жертва.

Здесь, в одной из пещер, снимаем «сцену с листьями». В тайнике пещеры мама Бемби и он сам. Бемби протягивает маме поблекший дубовый листок:

– А этот листок навеки умолк.
Что, мамочка, с ним случится?

Мама показывает ему на распускающуюся почку:

– Вот этот росток даст новый листок,
И снова все повторится.

Бемби вновь спрашивает:

– А этот лесной ковер золотой,
Во что же он превратится?
– Он станет землей, пробьется травой,
И снова все повторится.
– И значит, тогда жизнь будет всегда?
И снова все повторится?
– Всегда, всегда, жизнь будет всегда!
И снова все повторится!

Стихи написаны Николаем Бурляевым специально для фильма.

Вечером мы были «дома» в Краснолесье и смотрели телевизор. Собралась вся киногруппа: впервые по украинской программе покажут сюжет о нашем Бемби. Съели в ожидании ведро вишни. Но вот заставка программы «Красная книга Крыма». На экране новорожденный олененок Бемби стоит, чуть пошатываясь, делает первые шаги, пьет материнское молоко.

К дереву с дядюшкой Саввой подходят Бемби с мамой. Савва пугает Бемби… «Зрители» смеются. Хорошо вот так, всем вместе, смотреть «первые шаги» нашего фильма. А на экране у кинокамеры – олененок Катька и все наши ребятишки-актеры. Они поят из соски доверчивого ласкового олененка, обнимают его, и олененок не уходит, он тянется к детским рукам…

Фалина

В середине съемочного дня Аркадий Локосов подвел ко мне незнакомую девушку:

– Вот, Наталья Сергеевна, наша Галя.

Мгновение я еще не понимала и неожиданно признала в девушке увиденный на экране образ Анны Павловой. Передо мной стояла улыбающаяся застенчивая Галя Беляева. Она сразу полюбилась группе, а ей понравились наши дети, особенно маленькая Фалина. «Мне даже страшновато», – откровенно говорила мне Галя, наблюдая за живой непосредственной

маленькой Фалиной, роль которой предстояло продолжить Галине.

Все отметили некоторое сходство наших Фалин, даже глаза у обеих зеленые. Ванюша просто обомлел, когда перед ним предстала живая Анна Павлова – его мечта, та, чей портрет висит над кроваткой. И она не обманула его чувств, была с ним нежна и проста. Сняли с Галей первые кадры на фоне красного диска солнца. А через день Галине предстояло познакомиться с «Беседкой ветров» на утренней заре.

Выезд в четыре утра. Как всегда холодно. Галя мужественно осталась в тонком игровом костюме и «пролетела» в оленьих прыжках к краю скалы навстречу солнцу. Галина взмывала вверх, в ее беге была энергия, озорство Фалины и целеустремленность. Но вот появился край солнца.

– Скорее! – взволнованно крикнул Филатов. Из автобуса выбежал Бемби – Николай Бурляев. Актеры встали на фоне восходящего солнца. Саша Филатов, видевший сцену через тысячекратный объектив, сказал, что было хорошо, и добавил: «Бегом на батут!» Коля с Галей кинулись к снаряду. Галина очень скоро освоилась на батуте, Николай Бурляев не отставал и взмывал в синее небо, как будто занимался этим всю жизнь. А Галя, почувствовав красоту свободного полета, делала чудеса, оттачивая с каждым прыжком выразительность и грацию. С первого дня Галина заявила о себе как необыкновенно трудолюбивый, приветливый и очень теплый человек.

Кончился режим. Я собрала всю группу. Первого октября на вершине Крымских гор в 9 часов утра мы поздравляли с днем рождения сразу двух наших операторов – Александра Филатова и Владимира Лозовского.

Коля Бурляев прочел написанную специально для этого дня оду в честь наших дорогих операторов. Торжественно были вручены подарки от группы. Головы Филатова и Лозовского венчали короны «вожаков».

«Это самый прекрасный день рождения в моей жизни», – отметил Владимир Лозовский.

Из-за облаков упали на землю гигантские светящиеся лучи, два световых потока. Солнце скрылось за тучами, но огненные краски осени еще горели, и только минутой позже все погрузилось в однотонный голубоватый туман.

Окончился последний съемочный день такого важного съемочного периода. Но грусти нет – впереди продолжение.

Остров Бирючий

В октябре наша киногруппа выехала на остров Бирючий в надежде снять олений гон и турниры.

Нас поселили в маленьких фанерных домиках. Выплыл месяц, небо звездное, слышно, как ревут олени.

Утром егерь Миша открыл нам железные ворота, за которыми начиналось оленье царство. Степь еще не совсем отцвела, кое-где встречаются сиреневые цветы. Миша сказал, что еще совсем недавно они покрывали фиолетовым ковром всю степь. По раздольной степи то тут, то там вспыхивали в прыжках олени. В камышах, совсем рядом, увидели огромные оленьи рога. «Наверное, рогач их сбросил», – предположил звукооператор Миша Деркач. Когда мы почти поравнялись с ними, рога приподнялись, и из камыша вырос огромный рогач, серебристо-коричневый мех его поблескивал сединой. Неторопливо олень снялся с места, дал полюбоваться на себя и плавно исчез в камышах. Везде слышно, как ревут олени: гортанно, призывно, не переставая. Время гона, турниров и свадеб. У нас на глазах завели поединок два молодых рогача, вначале боролись вяло, но потом разошлись. Особенно интересно было, когда они стояли в озере, окатывая друг друга водой. В другом стаде было голов тридцать самок, среди них вожак – матерый рогач. Он ни с кем не боролся, да никто из рогачей близко к нему и не подходил. Правда, его рев был больше похож на верещание, мы предположили, что он охрип. Временами он делал невероятно мощные и стремительные вылеты в сторону чуть приблизившегося к его гарему чужака и гнал его в кусты или наподдавал какой-нибудь зазевавшейся и чуть отошедшей самочке. Несмотря на это, две самки оторвались от стада и скрылись в ближайших камышах.

– Не жалей! – засмеялся Лозовский. – Их у тебя и так много.

– Есть кому постирать, – подшучивала я, – и обед приготовить.

Тут и обед подоспел. Танюша Филатова и фотограф Марина Герасимова постарались на славу. Было и первое – борщ, второе – картошка с мясом и даже третье – компот. Столовую тщательно убрали. А на десерт Носов привез арбузы и яблоки. Группа с благодарностью отметила самый вкусный обед за весь съемочный период.

Игорь Носов прогнал всех из кухни и жарил оладьи сам. Глядя на него, я вспомнила тетушку Хлою из любимой детской книги «Хижина дяди Тома», которая переворачивала оладьи на лету.

– Товарищи островитяне! – обратилась я к группе. – Несмотря на плохую погоду, настроение у нас прекрасное, как прекрасен этот обед.

Утром дул холодный пронзительный ветер. На берегу в 7 часов встретила Лозовского, который грустно взирал на серое море.

– Ничего, не надо отчаиваться, – сказал он мне и отчасти себе. – Солнце мы можем и в Ялте снять, не за этим мы сюда приехали.

Выехали мы двумя машинами – «уазиком» и «камервагеном». И вот егерь Миша сказал «стоп». Мы вместе с ним, выйдя из машины, пошли к лиману.

– Есть! – радостно сообщил Миша.

Действительно, это были лебеди. Из-за камышей виднелись их белые тельца. Я оглянулась. Саша уже шел во всеоружии – в руках камера, провод аккумулятора у Шуры Крутикова и рядом помощник оператора Виктор Байдетский со штативом, «связанные одной камерой».

Осторожно стали подбираться к лебедям и… вот оно.

Десятки, а может быть, и сотни лебедей спокойно кормились в лимане водорослями. Решено было поставить две камеры – Филатова и комбинированную Лозовского, и только тогда вспугнуть птиц. Саша едва успел поставить камеру на штатив, как пролетел первый лебедь.

– Ах ты! – нервничал Лозовский, потому что его камера, более сложная, еще не была готова к работе. Лебеди, словно поддразнивая, пролетели над нашими головами и сели на воду.

– Ничего, – успокаиваю я Лозовского, – раз пролетели и еще полетят.

Но они не полетели. Мы решили переменить место и напугать их. Точка выбрана, операторы готовы. Александр Засименко (администратор) сел в «уазик» и стал ездить по берегу, отчаянно сигналя. Безрезультатно – ни один лебедь не тронулся с места.

– Чихать они на него хотят! – в сердцах сказал Лозовский. «Уазик» не сдавался, он уже ездил по самому краю лимана. Увы, результат тот же. Тогда «уазик» рванул по мелководью, еще раз бибикнул и… зарылся в трясине метрах в тридцати от берега. Войдя в раж, Засименко поднялся на крышу «уазика» и отчаянно замахал руками, но лебеди и «пером не повели». Поднялся холодный ветер, солнце закрыло, нужно было спасать «уазик», в котором остались два ребенка – четырехлетняя дочка егеря Миши и соседский мальчик. Несколько товарищей разулись и полезли в воду. Это был мужественный акт: вода была ледяной, градусов шесть, да еще ветер. Воротилин первый дошел до «уазика» и

вынес обоих ребятишек. Дети были веселы, фотограф Марина увековечила момент спасения. Но вытащить «уазик» так и не удалось, нужен был трактор.

Проходя мимо камышей, я увидела, как Виктор Байдетский, которого в группе прозвали Корнет Байдетский, сооружает огромный веник из камыша.

– Сейчас я их, Наталья Сергеевна, – сказал он и отправился в воду.

– Может быть, не стоит, – пыталась я остановить Виктора. – Вода ледяная, сильный ветер… а идти далеко…

– Но снимать-то ведь нужно? – улыбнулся Виктор. – Я их подниму, а вы только не пропустите момент. – Оставив в «уазике» свитер, в трусах и майке Виктор устремился к лебедям, до которых было примерно двести метров. Мы видели фигуру Виктора, но чем ближе он подходил к лебедям, тем дальше они отплывали от него. Правда, все они заинтересованно повернули к Виктору головы.

– А-а-а, – злорадно почти пропел Лозовский, – вытянули свои змеиные головы.

Так белоснежные царственные лебеди за один день превратились в подколодных змеюк.

Проходило время, фигура Байдетского таяла в лимане, его можно было разглядеть только трехсотым объективом. Обессилев от напрасного хождения, он поднял над собой веник и отчаянно им замахал. И неожиданно большая стая лебедей взмыла в воздух. Операторы бросились к камерам.

– Мотор! – застрекотали камеры, лебеди красиво пролетели немного и сели на воду.

– Молодец! – кричали мы все. Но корнет Байдетский и не думал выходить, он побрел со своим веником ко второй стае, и вскоре она тоже взмыла в воздух.

– Все! Снято! – И у Лозовского, и у Филатова.

Но Корнет продолжал махать веником.

– Все-е-е, – завопили мы, – вылезай!

Но не тут-то было, ветер дул в нашу сторону, и наши отчаянные жесты Виктор воспринимал как призыв продолжать в том же духе. Минут двадцать мы безуспешно жестикулировали. Тогда в голову нам пришла спасительная идея. Операторы оставили камеры, вместе со мной вышли к краю лимана и, скрестив над собой руки, застыли в монументальных композициях.

Байдетский все понял и пошел к берегу. Все сняли с себя свитера, приготовили одеяло. Но наш Корнет выскочил из моря счастливый и улыбающийся, сказав, что ему нужно только

немного побегать, и рысцой припустил по степи. Мы поехали за ним. Пробежав стометровку, Виктор залез в «камерваген»:

– Я пытался плыть, но не мог из-за водорослей. Их там полно, и они жгутся, как крапива. И ямы там есть, два раза глотнул.

– А вода какая? – спрашиваем рассказчика.

– Вода не совсем пресная, солоноватая.

– Мы тебе кричали, кричали «выходи».

– Да не слыхал я, хотелось еще их поднять, чтобы вместе с утками: эх, красиво летели!..

Байдетский стал героем дня. Растерли ему спину, напоили горячим чаем.

Спустя час мы были уже под заботливым крылом Игоря Носова, который перенервничал из-за нашего долгого отсутствия, но зато приготовил вкуснейший ужин. Столовая превращена в «Харчевню острова Бирючий» и украшена плакатом, на котором красовалось меню из четырех блюд.

За столом местная жительница, Валя Забелина, рассказывала нам, что в лимане есть глубокие ямы до четырех-пяти метров, да еще в водорослях обитает ядовитая рыба, похожая на ската, с длинным хвостом. Ужаленные этой рыбой люди мучаются около года сильными болями. Байдетский благодушно прислушивался к рассказу и неожиданно воскликнул:

– Но как они летели! Как летели надо мной!

Наши рогачи

Рано утром выехали с шиком на операторской «Чайке».

– Ну, как мы выглядим? – красуясь, спросил Саша Филатов оторопевшего от нашего вида егеря Мишу.

– Здорово! – искренне порадовался за нас Миша. «Чайка» двинулась в путь.

Появились первые олени, лани, и пошла наша киноохота. Но вот – очередная лужа, что-то треснуло, и машина остановилась. «Чайка» отказалась следовать дальше. Мимо нас проносились удивленные олени, а мы перетаскивали вещи, теряя драгоценное время. Скромно пересев в «камерваген», мы продолжили съемку из окон машины.

Подъехав к косе, которая отделяла озерцо от азовского лимана, Филатов с Крупниковым пошли ловить счастье в камыши, а мы с Лозовским и его камерой остались на берегу. Дул пронзительный ветер. Неожиданно зашевелились камыши и выскочила оленья пара. Лозовский приник к кинокамере.

– Прекрасно шли, брызги из-под копыт так и летели, –

восхищался он. Опять закачались камыши.

– Вот они! – вскричал Лозовский.

– Владимир Ефимович, скорее снимайте! – не выдержала и я. Оператор наклонился к камере и вдруг захохотал.

– Это же наши – наши рогачи!

Тут и я разглядела. Над камышами, высоко подняв над собой раздвоенный штатив от кинокамеры, «плыла» горделивая тройка: Филатов, Крупников и Байдетский. Они не спеша приближались к нам, удивленные громким хохотом с нашей стороны.

На закате егерь Миша выгнал на нас великолепное оленье стадо. Огромный рогач, трубя во всю ширь своих легких, провел стадо совсем близко от нас. Затем олени развернулись и устремились к багровым облакам заходящего солнца.

С чувством выполненного долга мы тронулись в обратный путь. Наши герои олени, словно прощаясь с нами, выстроились рядом с дорогой, как бы приглашая и показывая – «вот так можно нас снимать».

– Мы только учимся их снимать по-настоящему, – сказал Лозовский.

Чуть светилось море, плыли последние розовые облака, стояли наши герои, а я благословляла в душе этот чудесный край. «Подарки Бирючего острова», как назвал этот день Саша Филатов.

Невоспитанное сердце

Наших оленят предстояло перевезти в Национальный парк Гауя. Ольга готовилась к трудному пути, запасаясь комбикормом для оленей и мышами для прожорливых совят. Оленята подросли, они стайкой бегали за Ванюшей, выпрашивая подсоленный хлеб. В киновольере удалось снять оленьи игры. Ольга пряталась в кусты, а оленята искали и всегда находили ее, прыгая вокруг куста, где была дрессировщица.

Попрощавшись с Краснолесьем, я отправилась в Ялту, чтобы успеть смонтировать часть полученного материала.

И вот он – первый показ группе пока еще вчерне собранного материала. Постепенно заполняется просмотровый зал Ялтинской киностудии. Вся наша киногруппа здесь: актеры, рабочие цехов, наши водители. Волнуется Филатов, курит свою трубку, беседуя в сторонке с Лозовским. Меня позвали в группу к телефону – звонок из Краснолесья. В трубке – срывающийся от слез голос дрессировщицы Ольги:

– Убили наших оленят!

– Как убили? – переспросила я.

– Вечером оленята пропали из нашего вольера, – рассказывала Ольга, – тут же была вызвана милиция и нашли… нашли тех, кто вошел в вольер и убил.

– Но зачем? – спросила я.

– У одного из них был день рождения, они напились и захотели жареного мяса на праздник. Тот, «именинник», взял топор и зарубил сначала одного, потом вернулся за двумя другими. Бирючанской оленушке Ленке удалось бежать, я нашла ее в лесу, она забилась в кусты и долго ко мне не выходила…

Я пошла в просмотровый зал, весть о гибели оленят мгновенно облетела всех. В это время вспыхнул экран, появился маленький Бемби в окружении желтых одуванчиков…

…Бежала по цветущему лугу наша Лада, оленушка Катька, наклонялась над ручьем, «разговаривала» с зайцем ласковая Оленка… В висках стучало…

…Убили, зарезали наших ручных оленят, тех, что, как дети, подходили к любым рукам за лаской. Они и к убийце подбежали… Топором! По детским глазам! По доверию! По живому бьющемуся сердцу! Топором! А на экране шел праздник солнца. Плыли прекрасные лебеди. Но вот выстрел, бегут олени, бегут дети-олени, бьется, истекая кровью, прекрасная лебедушка. Рядом со мной плакал Шура Крупников, утирал мокрые глаза Аркадий Покосов – плакали все… все, кто был в зале в день первого просмотра материала, в день гибели наших актеров-оленят.

После просмотра ко мне подошел Аркадий Покосов. В его добрых глазах были слезы.

– Получится, получится наш фильм. И, ох, как же он нужен! Как нужен!

Сижу одна в гостиничном номере, смотрю на экран телевизора. И снова заставка: «Красная книга Крыма», и вновь кадры нашего фильма и хроника, снятая на киноплощадке. К детям подходит оленушка Катька, тянется к их рукам, дети поят ее молоком. Следующий кадр – письменный стол, по одну сторону сидит следователь, по другую – красивый двадцатишестилетний парень с копной вьющихся темных волос.

– Вы сознавали, что вы делали? – задает вопрос следователь.

– Да… – нехотя отвечает парень.

– Расскажите, как это было…

– Ну как, я их приметил еще раньше…

– Вы знали, что это киновольер, предназначенный для съемок?

– Ну, знал… а тут как раз день рождения… ну, взял топор, вошел, они от меня в разные стороны. Ну, одного нагнал, кинул

топор…

Я слушала показания этого парня, убившего оленят, и вспоминала… Вспоминала, как однажды пошла я по саду, где жил будущий убийца наших оленят, нигде не работая, живя на пенсию своей слепой восьмидесятилетней бабушки. Я искала для Ванюши детскую книжку почитать, взятые из Москвы он уже прочел. Заходила я в дома, во многих семьях видела цветные телевизоры, стереопроигрыватели с усилителями, на полированной мебели красовался хрусталь, а вот детской книжки ни одной не могла найти, кроме разорванной прошлогодней «Мурзилки». Зато слышала, как однажды чья-то жена в отместку мужу вылила за окно пятьдесят литров самогона, наказала его, непутевого. Вспомнила и о нашей помощнице по уходу за оленятами Марии, доброй женщине, которую сын спьяну избил, да так сильно, что ей жить оставалось часы, а она, чтобы скрыть преступление сына, решила повеситься…

Все эти горькие, страшные воспоминания проносились у меня в голове.

А парень продолжал говорить… А следователь – задавать вопросы…

– Вы были судимы?

– Да…

– За что?

– За браконьерство.

Следователь открывает дело.

– В прошлый раз вы убили тридцать оленей в заповеднике?

– Не помню, может быть…

– У вас есть друзья? – неожиданно спросил следователь.

– Друзья? – удивился парень.

А в мыслях у меня проносились какие-то далекие воспоминания детства. Вот мы стайкой детей хороним кем-то подстреленного воробья… Мальчишки кидают камнями в белоснежного котенка…

Сердце! Невоспитанное сердце – вот то, что ведет человека к пропасти. Если не научить ребенка в первые три года человеческой речи, он никогда не заговорит, а если не успеть развить его сердце и душу? Что будет тогда?

Ко мне вошел Алеша Храбров, по лицу его было видно, как он переживал гибель наших героев.

– Больше это не повторится, я должен был это предвидеть, – с болью говорил он.

– Это повторяется каждый день и каждый час, Алеша, – вздохнула я. – Да, это ужасно, что погибли наши оленята. Но скажи, Алеша, чем хуже телята, которые обычно воспитываются

чуть ли не с детьми, у них почти человеческие глаза, а их отдают на бойни?.. Нужно воспитывать сердце человеческое, мы не хищники и можем обойтись без мяса…

Алеша смотрел куда-то перед собой и повторял:

– Больше я этого не допущу…

Я не знала тогда, что этими словами он подписывает себе приговор.

Это случилось месяца через три, когда мы были на съемках в Национальном парке под Ригой. А в это время в Крыму Алексей Храбров поймал на браконьерстве своих егерей, пригрозил им судом, они грозили ему…

Еще через неделю Алеша Храбров был сброшен кем-то неизвестным в колодец.

Алексей чудом остался жив, но лицо, тело были изуродованы. Он пролежал в реанимации полгода, постепенно выходил из паралича. Его спасло то, что он был природным человеком, хорошо знал травы и смог себя вытащить с того света.

Обо всем этом мы узнали уже после съемок фильма. Так наша сказка обретала себя в реальном, жестоком мире, мире, где защита беззащитного – будь то природа или человек – всегда на первом плане.

Заяц и Лебедь

Первый съемочный день последнего зимнего периода. Художник картины Таня Филатова со своим ассистентом Евгением Скрипченко готовили «ледяную» пещеру. Пещера была найдена на водопаде Кизил-Коба. Когда-то сталактитовой, разграбленной туристами и закопченной бесчисленными кострами пещере вернули ее первоначальный блеск талант и усердие наших художников. Белоснежная, со сверкающим инеем на камне, прозрачной бахромой льда, сталактитами и сталагмитами, она обрела сказочность и драматизм. Гедиминас Таранда в образе лебедя вошел в ледяной склеп. Лег под каменный навес, раскрыл крылья, и мы увидели необыкновенное зрелище: в царстве льда лежал сказочный человек-птица.

Все слилось воедино: одинокий лебедь, желающий навсегда остаться в ледяном царстве, дети – Бемби, Фалина, Гобо и Зайчик, мечтающие во что бы то ни стало спасти лебедя, вырвать его из плена сна и холода, растопить его заледеневшее от горя сердце…

Гедиминас прекрасно играл крупные планы. Это свойство лучших исполнителей балета, в нем была сконцентрирована, сжата до предела духовная сила и красота.

Давид Юлис, четырехлетний артист, знал текст и был готов в любую минуту стать Зайчиком. Он подошел к Гене и тихо сказал:

– У меня папы нет… его лиса скушала еще летом… А я его и не видел… Вы не можете стать моим папой? – и наш зайчонок залился слезами.

Я увидела, как у Таранды дрогнули губы и заблестели глаза, и он не смог вымолвить ни слова.

Давид с утра был серьезен, он готовился, он знал, что в кадре ему предстоит плакать. И плакал навзрыд, произнося свой текст:

– Это моя самая большая мечта… хоть немножечко… хоть чуть-чуть… полетать!..

Лебедь тянулся к Зайчонку, брал его на руки и выходил из ледяной пещеры, из царства теней и снов к солнцу, потому что он был нужен этому малышу, нужны были его крылья.

Летать они будут позже, в Сигулде.

После Гена признался мне, что если бы это произошло с ним не на съемке, а в жизни, на улице, он схватил бы малыша в охапку и утащил бы домой.

Сигулда

И опять дорога, полный вагон артистов, детей. Дрессировщица Ольга с бирючанской оленушкой и совятами выехала еще раньше грузовой машиной. На вокзале в Риге нас встречал с цветами Носов. Обычную встречу актеров он сумел превратить в праздник. Группа выпила по чашечке кофе в ресторанчике старого города, потом была небольшая экскурсия по Риге, и только после этого наш автобус отправился в Сигулду, где на туристической базе были готовы номера для проживания группы.

Однако нас тревожило то обстоятельство, что снега ни в Риге, ни в Сигулде не было. Как же снимать зимнюю натуру? Ждать? Но в Латвии бывают бесснежные зимы. Уехать в Подмосковье? Но там нет животных…

Решение было принято: снега не ждем, будем снимать облаву в обнаженной природе, раз так распорядилась судьба, а сцену на льду и снежной горке – потом, вдруг счастье улыбнется…

Влажно и холодно. Пытаемся утеплиться. Детей одевали, как капусту. Берем термосы. Привезли целый автобус ребятишек из Риги для массовых сцен.

Место для съемок выбрали на берегу полноводной реки Гауи под упавшим с крутого берега деревом, крона его утопала в бурной реке, а ствол и корни образовали арку или шалаш, под

которой разместились лесные жители: Бемби и его мама, Карус, Энна с детьми и Неттла.

– Куда же девался снег? – спрашивала Фалина.

– Его почти не стало… – удивлялся Бемби.

– Так бывает в начале зимы, его смыло дождем, – отвечала детям мама Бемби, олениха Агни.

Через минуту должна была начаться страшная зимняя охота, облава.

– Волки! Это его волки! – кричала мама Бемби, пытаясь вместе со всеми поднять обессилевшего олененка Гобо.

– Собаки! – гневно уточняет Неттла. – Уходите, я их отвлеку.

Неттла выбегает на поляну и кричит охотничьей своре:

– Предатели, предатели леса!

Инне Владимировне Макаровой не просто дался этот кадр. Ведь в жизни она обожает четвероногих друзей, особенно нашего лохматого Чудика. Но для оленей собака хуже волка, собака наводит охотника на след, собака выдает лесных братьев и предает их.

Десять пар рук держали охотничьих собак и выпускали по команде на актрису. Бесстрашная и веселая в своей отваге Неттла увлекала их за собой. Что-то было в этом кадре от прежних ролей мамы, от ее светлой и отважной Любки Шевцовой.

А в вольере готовили непростой для меня кадр – одного из оленей должны были ранить. Для этого мы воспользовались проверенным во всех заповедниках приемом временного усыпления животных. Через полчаса после введения строго рассчитанной дозы снотворного олень Демон зашатался и упал. С ним мы и сняли все необходимые падения якобы застреленных человеком животных. Демон пытался встать на ноги, но сон одолевал его, и он снова и снова падал. Через час Демон проснулся окончательно и резво бегал, пытаясь поиграть с нашими операторами, наскакивая на плечи или покусывая наши бока.

Поздно вечером я пришла к Велге поблагодарить ее за помощь. Возвращаясь от нее к автобусу, три раза упала – так было скользко. Началось обледенение. Асфальтовая дорога стала сплошным ледяным катком. Я вошла в автобус и предупредила всех взрослых о сильном гололеде, попросила взять детей на руки и сделать упор ногами. Автобус тронулся, но, проехав тридцать метров по ледяной дороге, вдруг накренился и плавно осел на бок, упираясь в ближайшие деревья. Пострадала только мама Кати Лычевой, Марина, которая не услышала моего предупреждения, так как сидела в конце автобуса. Она сильно ушиблась головой о железный угол, пошла кровь.

Положение было не из легких. У нас оставался еще один микроавтобус. Пересадив туда раненую Марину и всех детей, мы стали пробираться к выходу из заповедника. Автобус был быстро поднят и следовал за нами до развилки, но потом… Водитель, видимо от пережитого шока, поехал другой дорогой. А мы напрасно ждали его у единственного выхода.

Пришлось развести костер, оставить детей и ехать на поиски автобуса. Другая дорога вела в тридцатиметровый карьер, то есть обрыв. Мы нашли автобус за двадцать метров до обрыва, его опять завалило на бок. Подняв машину, метр за метром мы стали продвигаться к выходу, члены группы и взрослые актеры шли по лесу пешком.

Только к середине ночи мы добрались с Катиной мамой до больницы. К счастью, травма оказалась не опасной.

Сложные сцены

Я стояла с мегафоном, окруженная детьми и взрослыми – исполнителями одной из самых трудных сцен в фильме, сцены охоты, вернее, беспощадного «гона» людей-оленей. Пальцы мои щипало от прикосновения к металлу мегафона, люди, одетые в сказочные костюмы, топтались на месте: мороз небольшой, но сильная влажность, от этого холодно и зябко.

Через минуту всей этой массе людей, более ста человек, приехавшим на первые в жизни съемки, предстояло выполнить важную актерскую задачу: на общем плане создать мятущийся, беззащитный образ людей-оленей.

Я начала со стихов, написанных Николаем Бурляевым для этой сцены:

Живое единение губя,
Зло бумерангом в сердце возвращаешь.
И разрушая жизнь вокруг себя,
В себе самом ты душу разрушаешь.
Убить для развлечения, поверь,
Себе не позволяет даже зверь.
Лишь Человек – Венец и Царь Природы —
Встал вне закона над лесным народом!..

«Их гнали долго, через бурелом и болота, через пронизанный сыростью лес. Малыши выбивались из сил, взрослые падали и вновь поднимались. Черная сила гнала их по родному лесу и сеяла смерть. Люди-олени никого никогда не убивали, им

непонятны мотивы жестокости, зла и насилия. Они не могут сопротивляться, по своей природной сути, они могут только бежать… Уже есть раненые и убитые, перепуганные насмерть дети, есть общая беда – охота на всех без исключения, без сострадания к слабым и беззащитным…»

Я читала текст и видела, как постепенно люди теснились друг к другу, как прижимали к себе чужих детей, и продолжала объяснять сцену…

– Мы будем снимать сверху, с подвесной дороги, но сильные объективы камеры способны выделить каждого исполнителя, взрослого или ребенка. Можно падать и вновь бежать, натыкаться (но осторожно!) на преграды, помогать раненым и детям, можно звать на помощь, искать пропавших. Но главное… вырваться из кольца ужаса и смерти – спасти детей! Во что бы то ни стало спасти!

Подвесная дорога в Сигулде проходит над холмами, поросшими лесом, спускается к бурной реке Гауи и тянется дальше через речной берег и поляны к новому лесу. Мы расположили людей так, чтобы в одной из фаз оказаться вертикально над ними и увидеть бегущих как бы с птичьего полета.

Вместе с операторами Филатовым и Лозовским и их помощниками мы вошли в железные кабины подвесной дороги и облачились в спасательные монтажные пояса. Только после того как нас приковали цепями к железным стойкам, был открыт люк в центре пола кабины. Саша Филатов лег на пол и, почти нырнув в люк, свесился наполовину вниз с кинокамерой.

Внизу остался Локосов – второй режиссер – с ассистентами, с которыми мы поддерживали связь по рации.

Итак, все готово. Звякнул предупредительный сигнал, и наша кабина поплыла над верхушками берез и сосен. Нас охватило удивительное состояние плавного вертикального полета, какое бывает только во сне… Мы приближались к отметке, большому упавшему дереву, и я увидела через окно кабины бегущих актеров.

«Внимание! Мотор!» Филатов включил камеру. Внизу, под нами, бежали люди-олени, и вот чудо: с высоты птичьего полета не было разницы между человеком и животным. На светлом фоне призрачного, обнаженного леса выделялись живые фигуры, объятые общим страхом.

Мамы-оленихи метались среди объятых ужасом детей, некоторые фигуры падали и не поднимались. Мы обогнали актеров, и только один бежавший впереди всех был виден из люка кабины. Он бежал вниз с холма, огромными нервными прыжками

перепрыгивая через кусты и поваленные деревья, но вот он на краю берега, дальше бурная река, фигура заметалась в отчаянии и замерла у обрыва… А мы поплыли дальше через темные воды Гауи.

…Стоп! От резкого торможения кабину нашу сильно закачало, пришлось закрыть люк.

Вернулись на исходную точку, и я спустилась к новоиспеченным актерам, чтобы поздравить их с первыми в жизни съемками. Я увидела розовые счастливые лица, на которых светились восторженные глаза… Я поняла, что им удалось в первом же дубле достичь актерского состояния, веры в обстоятельства и что сейчас все они переживают катарсис, который мгновенно восстанавливает силы, тянет на повтор… И я не ошиблась! «Нужно еще раз!», «Здорово!», «Как в жизни!», «Мне даже казалось, я слышу лай собак, которые идут по следу», «И мне!», «И мне!»

Мы обменялись общими впечатлениями, я рассказала о том, что мы видели сверху, сделала небольшие поправки в направлении бега, и мы снова приступили к съемкам. Девять раз мы снимали в этот день сцену гона с разных точек, перемещая актеров к краю берега или на поляны, и во всех вариантах люди-олени поражали своей беззащитностью перед стихией зла. И, как бывает при сильном впечатлении, то, что так поразило в первом кадре, не оставляло и вечером. И перед сном я видела пронизанный холодом, обнаженный, сиротливый лес и тех, кто бежал между стволами деревьев. Кто же они? Кого беспощадно гнали по родному лесу?

Жители Земли, неразрывные части единой матери-природы, перед строгим лицом которой нет разницы между живыми существами. Значит, чем выше, чем общее взгляд, тем яснее наше единство с миром! Вот она – голубая планета, впервые увиденная Гагариным из космоса. Именно тогда впервые человек смог ощутить ее единым взглядом и поразиться ее лучезарности, красоте и вместе с тем беззащитности.

Ощутить себя единым целым с миром – не это ли главная задача будущего человечества? Ощутить ответственность за каждую мысль, каждый поступок, найти единый камертон устремленности к свету, любви и добру! Да, именно красота может спасти мир, если человек не обособится от нее в личном минутном эгоцентризме, а постарается постичь красоту гармонии в себе и мире!..

Огонь! Везде огонь!

…И вот – впереди река, за ней лес… Надежда на спасение… Но нет! Река отрезана кольцом огня, повсюду трещат костры. И над всем этим грозным пространством навис, пылая огненными глазами, старый Замок. Под ним мелькают факелы загонщиков, бешено лают собаки…

– Назад! – кричит Неттла, мгновенно оценив новую опасность. – Назад! Это ЕГО логово! Назад!

Кадр снят, погасли огни костров. Пиротехники готовят новые факелы, собаководы усмиряют собак, вся группа подчинена единому ритму сложных и опасных съемок. На площадке дежурит врач, неусыпно следит за детьми педагог, за кострищем расположились пожарные машины, весь коллектив напряженно и четко работает. Гримируемся на площадке, в автобусах одеваемся. Операторы готовят кран-стрелку и плавно взмывают над актерами…

Стою перед исполнителями в таком же, как и у них, костюме, сжимая руку сына… Еще и еще раз проверяю внутреннюю готовность к сцене.

Огонь! Вечный великий символ! Огонь истребляющий и огонь созидающий. Огонь ненависти и огонь любви! Да, люди-олени беззащитны перед огнем, ставшим преградой перед их возможным спасением, но они свято верят в добрый огонь, идущий от сердца их вожака, отца Бемби…

Всё готово к съемкам! Вспыхивает кольцо огня, рвутся в небо клубы черного дыма… и теперь я не режиссер, оценивающий обстановку как бы общим планом, нет, я включена в жизнь внутреннюю, в стихию актерского состояния… я – Агни, мама Бемби.

Впереди бежит, падает и вновь поднимается сын – Бемби, нельзя приблизиться к нему, нельзя дозволить и ему прижаться к себе – это опасно. Но вот край обрыва, дальше река и… Стена огня на пути! Нужно искать выход, но огонь везде! Гудит пламя, как бы вырываясь из земных недр. Плачут дети, зовут матерей. В кольцо огня врывается обезумевшая от потери сына Энна.

– ОН унес его, ОН унес моего Гобо! – кричит она в отчаянии.

– Мамочка! Мамочка! – плачет маленькая Фалина, но Энна словно не видит дочери.

– Перестань, Энна! – увещевает ее Неттла. – Разве ты не видишь, всех нас может спасти только чудо!

В мареве костра появляется отец Бемби. Он берет в руки огненную ветвь, она взмывает над ним, как огненная корона.

– В каждом из вас есть частица огня, – обращается он к сердцу каждого. – Вспомните это во время прыжка, и огонь не опалит вас!..

– Вперед, Бемби! – прошу я сына. – Вперед, и ничего не бойся!

Малыш приготовился к прыжку… и тут грянул выстрел… Я падаю…

Конечно, сыграть всю эту сцену целиком было бы невозможно, она требует детального рассмотрения отдельных частей, групп, лиц, состояний… Кинематограф позволяет растянуть и почти остановить время…

Вот общий план. Кольцо пожара, люди-олени один за другим минуют огненную черту, они даже не слышат за гулом огня и треском сучьев выстрела, поразившего мать Бемби. И только сам маленький Бемби видит, как падает мама, как она делает попытку встать и не может.

– Мамочка! – кричит он в отчаянии, стараясь ее поднять, напрягая все свои детские силы, но тщетно… Они остаются вдвоем в кольце огня…

…Необходимо сменить точку, выстроить новый кадр – более крупный, где были бы видны лица, детали, глаза… Но на это уходит время…

Я поднимаюсь с колен, на снегу кровь… И хотя все сознают, что мы с сыном только играем сцену, на площадке царит тишина, прерываемая лишь чьими-то всхлипами… Я не ищу эти лица, сейчас главное – состояние Вани, которое необходимо сохранить. Отвожу его в сторону и тихонько рассказываю:

– Сейчас будем снимать главное! Наше с тобой прощание, отец тебя уведет, нас разделит огонь… Первый кадр на меня, ты встанешь у кинокамеры и поможешь мне сыграть…

Операторы готовы. Вновь зажигаются огни костров. Вновь звучит выстрел… Я падаю, пытаюсь встать, вижу лицо сына…

– Прыгай, Бемби! Прыгай, ты должен спастись!

Но малыш борется за мать, борется со смертью, я чувствую, как сын пытается оттащить меня к краю огня.

– Только с тобой, мамочка, только с тобой, – говорит он, захлебываясь от слез…

Эти слова не заучены, они родились в момент съемок, родились потому, что нельзя иначе.

В кругу пламени появляется отец Бемби, он склоняется надо мной:

– Агни! Ты ранена, можешь встать?

Одними глазами, так, чтобы не увидел сын, отвечаю: не могу. Молю отца:

– Спаси Бемби! Спаси нашего сына!

– Я вернусь за тобой. Я вернусь, любимая, – с отчаянием говорит отец только для сына, понимая, что расстаемся мы навсегда.

Бемби и отец взмывают над огнем. Я приподнимаюсь, стараясь в последний раз увидеть сына…

Ваня встал у кинокамеры, нас разделяет огонь и еще одна невидимая граница – граница кадра… Я – Агни – прощаюсь с сыном, в последний раз вижу его лицо, глаза, дрогнувшие губы. Он – Ваня, восьмилетний ребенок, видит, как я играю эту сцену…

Но вот между нами натянулась ниточка общего чувства: стоя спиной к кинокамере, Ваня плакал, он прощался, он был маленьким Бемби, оставляющим мать в кругу пламени, но сердцем он с нею… «Мама!» – шептали его губы.

В бесконечно изменяющихся огненных всполохах я видела лицо сына, пыталась улыбнуться ему…

– Прощай, мой маленький…

Что это было? Съемки сказочного фильма, где мы играли оленей?.. Где та грань, разделяющая искусство и жизнь? А может быть, это и есть вторая реальность? Ведь то, что было с нами в этот день, навсегда останется в сердце.

Последний съемочный день!

За три дня до окончания съемок ударил мороз и нам на радость пошел снег. Каждый день специальными бурами мы проверяли толщину льда, способного выдержать фигуристов. И, наконец, отметка 30 см – можно снимать. Весь фильм природа была с нами и за нас!

На лед одна за другой выходили фигуристки в бледно-голубых с серебром сказочных костюмах. Ева Гротусе, руководитель балета на льду, придирчиво посматривала на своих учеников, но когда мы подключили музыку и среди берез появились будто сотканные из инея и снежинок фигуры, она улыбнулась и сказала:

– Прекрасно. Среди природы они смотрятся гораздо лучше, чем в спортзале.

Наши ребятишки – Бемби, Фалина и Гобо – друг за другом выкатили на лед, держа малыша Зайчишку за длинные уши. С наслаждением дети вертелись и катались на льду, а рядом, словно сказочные зимние птицы, взлетали юные фигуристки.

Этой сказочной феерией закончился наш съемочный день.

А вечером мы опять были вместе – осветители и техники, водители и гримеры, большие и маленькие актеры. Из заповедника приехали Велга с подругой Агритой – и начался праздник.

Была представлена детская самодеятельность, были сказаны

сердечные слова благодарности, но все-таки главное произошло, когда вспыхнул крошечный экран, и мы стали показывать слайды, сделанные из киноматериала нашего фильма.

На цветущей поляне олененок и… Велга с соской, случайно попавшая в кадр…

– Такой кадр испортила! – застенчиво смеется Велга и краснеет.

Я успокаиваю Велгу и дарю кинокадр под дружные аплодисменты группы.

– На экране бесстрашный спасатель детей Воротилин! – продолжаю я комментировать события, запечатленные в кинокадре. На экране под мышкой у Воротилина улыбающиеся дети. Он встает и принимает на память остановленные мгновения жизни.

– Не менее бесстрашный, – продолжаю я, – всемирно известный укротитель лебединой стаи Корнет Байдетский! – На слайде – крошечная фигура Виктора Байдетского, застывшая среди лимана с вознесенным над головой веником и взмывшими к небесам белокрылыми птицами… Кадр за кадром раскрывался наш путь, по которому мы шли вместе с нашими товарищами.

А наутро автобус увозил нас из Сигулды в Ригу и далее в Москву. У детишек были заплаканные лица, все вдруг поняли и осознали, что съемки закончились, настал конец путешествиям, общению с удивительным миром природы. Мне пришлось подавить грусть и переключить мысли детей на будущее. Ведь как бы прекрасно и интересно ни было настоящее, впереди у детей вся жизнь!

Впереди и продолжение нашей картины – «Юность Бемби».

Премьера

Закончены съемки, но работа над фильмом продолжается. Монтажно-тонировочный период – один из самых ответственных: именно тогда решается судьба фильма, его стройность, доступность зрителям, его поэзия и музыкальность.

В конце монтажного периода я решилась на эксперимент – показала первый монтажный вариант детям. В кинозал Ялтинской студии пришли дети всех возрастов, мы начали смотреть: они на экран, я – на их лица.

Во время просмотра шестилетний малыш сошел с места и сел рядом на пол. Я подошла к нему и спросила:

– Что сидишь? Устал смотреть?

– Не-е, просто очень красиво и длинно, – честно признался

малыш.

Да, многие красивые кадры полетели в корзину из-за того, что сняты они были взрослыми людьми из расчета на взрослое восприятие, зато другие кадры пришлось удлинять в два, а то и в три раза. Например, вызывающие бурную реакцию детей, взлетающие над зайчиком длинные уши. Дети охотно делились впечатлениями о фильме. Через день после просмотра я получила письмо от девятилетнего Бориса Хитрика. «Я читал книгу, и мне было легче, я знал, что мама Бемби погибнет… Но когда я посмотрел фильм, то я не выдержал и заплакал… И тогда я оглянулся и увидел, что плачу не один я. Значит, так оно и должно быть, значит, должны быть фильмы, над которыми мы плачем».

Так наш фильм обрел жизнь. Дальнейшая его судьба нам неподвластна, фильм обретает себя в зрителях – маленьких и больших.

Первая премьера состоялась на неделе детского фильма в Тбилиси. Около тысячи ребятишек смотрели нашу картину. Они смеялись и заражали своим смехом зрительный зал, они плакали, и взрослые плакали вместе с ними. Пятилетний мальчик с яркими черными глазами чуть покачивался на месте, на экране шла сцена с опавшими листьями, и на словах Бемби и его мамы «Жизнь будет всегда, и снова все повторится» я увидела, как малыш встал и, зачарованно глядя на экран, повторял вместе с героями: «Жизнь будет всегда, и снова все повторится». Всегда? Всегда! Всегда! Все его маленькое существо было слито с экраном, он повторял слова, которые в его детских устах звучали заклинанием: «Жизнь будет всегда!»

Дети! Верящие во все, что происходит на экране, верящие в сказку, в обязательную победу добрых сил над злыми – как хорошо делать фильмы для них.

Тбилисские дети наградили фильм «Детство Бемби» своим призом и Почетной грамотой, где детским почерком было написано: «За светлый, нежный и красивый фильм», и еще один приз и грамота были вручены исполнителю главной роли Ване Бурляеву «За чуткое и доброе отношение к ближним».

В конце праздничных новогодних дней наш фильм вышел на экраны страны. Премьера в кинотеатре «Октябрь» вылилась в целое представление и открытие фестиваля сказки. В фойе были представлены эскизы художника кинокартины Татьяны Филатовой и фотовыставка Марины Герасимовой. Стенды также украшали и рисунки детей, успевших посмотреть фильм. Они нарисовали Бемби – мальчика и олененка, зайчика, раскрашенного во все цвета радуги, белокрылых лебедей. Не

забыты были и самые маленькие зрители: в буфете их ждал сюрприз – конфеты «Бемби», а в фойе – встреча с артистом, лохматым четвероногим Чудиком.

Мои маленькие, но подросшие за год артисты – Ваня Бурляев, Катя Лычева, Лиза Волкова – с трудом влезли в свои кинокостюмы. Пятилетний Давид Юлис с наслаждением натянул на головку свои длинные заячьи уши и безбоязненно вышел на огромную сцену кинотеатра «Октябрь».

Зрители собирались под музыку песни, специально написанную для этого дня, – песни о Бемби. Музыку к ней написал и исполнил на синтезаторе Ваня Бурляев. На сцене главный волшебник – актер Дмитрий Золотухин – знакомил детей с участниками фильма. Писатель Юрий Маркович Нагибин обратился к зрительному залу и был сердечно принят маленькими зрителями. Вместе с двухтысячным залом мы вновь смотрели наш фильм, слышали смех, прислушивались ко вздохам, видели слезы на глазах.

Катюша в Америке

Сижу дома у телевизора, рядом Ванюша, розовый от переживания за свою подругу. С телеэкрана улыбается нам и многомиллионному зрителю наша Катюша Лычева, сыгравшая в семь лет главную роль в фильме «Живая радуга», а позже маленькую задорную Фалину в нашем «Бемби». Катюша в Америке! Она награждена премией Саманты Смит и теперь поехала с советской делегацией в Соединенные Штаты, где ей будет вручена премия. Одиннадцатилетней Катюше поручена самая ответственная роль – роль быть самой собой, ребенком, рано научившимся взрослому актерскому труду и ответственности.

Я за нее спокойна: Катюша выдержит сложную поездку и останется такой же, какая она есть.

За детьми – будущее, им жить, им решать, каким оно будет, а пока они рисуют на школьных листках доброго олененка Бемби на цветущей поляне, его лесных друзей и солнце с доброй улыбкой и яркими лучами… Дети ждут продолжения сказки, и мы не вправе их обмануть!

Последний раз Катюшу Лычеву я видела вместе с ее мамой в Париже в начале 1990-х. Она училась в Сорбонне, не меняя гражданства. Красивая, рослая и, как всегда, независимая. Залюбовавшись девушкой, я спросила:

– Кто за тобой ухаживает?

– Я сама, – ответила Катюша, которой в это время даже в голову не могло прийти, что слово «ухаживает» может иметь совсем другой смысл.

Невозвращенец

10 июля 1984 года в Милане Тарковский на пресс-конференции объявляет себя невозвращенцем.

Остался! Остался там, на чужой земле!

Разумом понимаю: доведен до отчаяния. Годы на пробивание картин, годы бескартинья, неустроенность быта, но и это не главное… Но сердце мое не приемлет, отказывается смириться.

Вновь и вновь в памяти встают слова Андрея, сказанные в самолете по возвращении с Каннского фестиваля:

– Я могу работать только в России. Там я никому не нужен, я нужен здесь… дома.

Тарковскому были очень близки и важны понятия «Родина», «дом». А в этот момент в России у него оставался сын. Нет, это не предательство, это было насилие над собой, граничащее с самоубийством. Кто подвел его к этой роковой черте, будет со временем ясно, ибо нет ничего тайного, что не стало бы явным.

Когда Тарковские, Андрей Арсеньевич и Лариса Павловна, дали интервью и сообщили корреспондентам о решении остаться в Италии, было горько и непереносимо сознавать, что на все творчество Тарковского, на все фильмы, которые он создал, в России наложат табу. Так и произошло. Тарковский – «невозвращенец». Даже в концертных программах (а я много выступала с концертами) было не рекомендовано говорить о его творчестве и показывать фрагменты из фильмов.

Как я боялась в эти дни, что отнимут хранящиеся у меня пленки с фрагментами из «Соляриса». Ведь все, что мы делали в кино, нам не принадлежит. Режиссер не имеет авторского права на свой фильм, а актер не имеет прав на свое изображение.

Я даже присмотрела в огороде тайник, чтобы спрятать туда пленки, если будет обыск.

Разве я могла заглянуть в будущее, увидеть себя на юбилее Тарковского в 2002 году, приветствующих меня Вадима Юсова, Михаила Ромадина, молодежный ВГИКовский зал, заполненный до отказа!

Но тогда, в 1984-м, имя Тарковского мгновенно стало запрещенным.

А время уже отсчитывало дни жизни Андрея Арсеньевича.

Лермонтов

Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея десять лет от роду.

М. Ю. Лермонтов

13 сентября, в день рождения Вани были приглашены дети, снимавшиеся в фильме «Детство Бемби», и среди них – Катюша Лычева. Весь вечер Коля всматривался в тонкое личико Кати. Одиннадцатилетняя Катюша, оставшаяся такой же маленькой, но очень похорошевшая, с удивительными янтарными глазами, белокурыми, подстриженными под мальчика волосиками, хрупкая и прозрачная, все больше очаровывала взрослых и детей. В ней угадывались и женственность, и милое детское кокетство, незаурядный ум и непростой характер.

В конце вечера Коля неожиданно спросил Катюшу:

– Хочешь сниматься в «Лермонтове»?

От неожиданности Катюша порозовела и закачала своей хорошенькой головкой.

– Будешь играть первую любовь поэта – десятилетнюю девочку, увиденную им на Кавказе.

– Опять любовь с Катькой! – завопил счастливый Иван, втайне он уже пять лет был беззаветно влюблен в Катерину.

И вот я еду на Кавказ! Вся дорога полна воспоминаний о съемках «Бемби» и о нашем Крыме и предчувствием чудес Кавказа. Волнуюсь за Колю, как он там. Никаких известий с тех пор, как он и дети уехали. Необходимость соответствовать двадцатишестилетнему возрасту поэта сложна, даже для такого опытного актера.

И вот в ущелье двух гор неожиданно открыли маленький туристический поселок «Долина нарзанов». Вышли из машины. Ошеломил пряный горный, напоенный озоном воздух. В костюме Лермонтова, в черкеске, появился Николай. С двух сторон его сопровождали восторженные Катюша и Ванюша. Обнялись. Колино лицо забрызгано «кровью». Хорошо еще, что я привыкла к кинематографическим превращениям и сама неоднократно обливалась «кровью» на съемках, а то бы… И все-таки видеть окровавленным Колино лицо сил не было, осторожно оттерла платком грим. Николай весел, здоров, азартен. «Эх, что тут было, какое сражение! Хорошо, что пригласил участвовать в съемках местное население. Все захвачены идеей картины, всё и все

помогают».

Из дневника

17 октября 1985 года

Утро солнечное. Вышла на крыльцо домика, вдохнула живительный глоток горного воздуха и сбежала вниз попить нарзана. Минеральные воды окрашивают дно ручья буро-красным налетом и текут до самой горной речки, резво бегущей по камням ущелья. Горы при солнечном освещении выглядят весело и нарядно в осеннем убранстве.

Николай познакомил ребятишек со своим Серым, тонконогим жеребцом, покатав поочередно Ванюшу и Катюшку. Они гордо восседали на любимце «самого» Лермонтова. Конь был добрым и снисходительным к юным кавалеристам.

Днем счастливые Катюша и Ваня появились в нарядных костюмчиках детей XIX века. На Катюше атласное палевое платьице в розовых бантиках и белая с кружевами шапочка. На Ванюше малиновый бархатный костюмчик, шитый золотом, копия мундира с портрета восьмилетнего Лермонтова.

Выехали на съемку днем, чтобы успеть снять вечерний режим в горах. Скалистые горы почти лишены растительности, везде выгоревшая желто-бурая трава, витками поднимает нас дорога в горы, как будто нарочно давая полюбоваться пейзажем, – то справа, то слева. На каждом очередном подъеме автобусик сердито закипает. Приходится останавливаться и стоять минут по пять. Дети вскакивают на остановках и стараются быть детьми XIX века. Чинно расхаживают по дорожке. Катюша придерживает за руку Ивана. Оба многозначительно и уморительно серьезно любуются горным пейзажем. Автобус не на шутку забастовал и, отчаянно зашипев, окончательно остановился.

– Здесь совсем близко, только на эту гору подняться, – сказал Николай и направил операторскую группу наверх. Дети азартно бросились за режиссером, не слушая более никого, как ни старались их остановить предусмотрительные взрослые. Прихватив теплые детские вещи, я стала подниматься наверх. Подъем был достаточно крутым, из-под ног дождем сыпались кремнистые камешки. Через несколько метров пришлось остановиться и передохнуть.

Я взглянула вперед, и эти мгновения я никогда не забуду. В темном черкесском костюме, заложив руки за спину, шел Лермонтов. Спокойно и привычно, к горам, поднимаясь шаг за шагом к вершине. За ним шли погруженные в свои думы люди,

привыкшие, что впереди идет с ними Лермонтов, а сзади, карабкаясь в неудобной обуви XIX века, поднимались на вершину дети – маленький Миша и белокурая девочка в атласном платье. И вот все они переступили через границу вершины и скрылись за ней. Вслед за ними поднялась и я.

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный.
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной!
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере – в стране тебе чужой —
Я сердцем твой – всегда и всюду твой…

Возвышенность, на которой мы стояли, скатывалась каменистой волной книзу, заканчиваясь обрывом. Дальше, из пропасти, скалистым островом вырастала темно-коричневая гора, за ней виднелся сиреневый безлесый утес. А еще дальше, набычив покатый каменный лоб, смотрел на нас белоснежный далекий Эльбрус.

Здесь и решили снимать. Посадив детей на плетеные стулья и укрыв одеялом, Николай что-то тихонько им нашептывал. Дети, как два воробушка, пригрелись, притихли перед удивительной красотой панорамы Кавказских гор. На мгновение появилось солнце, и все преобразилось: скалы покрылись розовато-оранжевым светом. Казалось, горы сделались прозрачными, и сквозь них просвечивает живое пурпурное солнце. Это состояние длилось секунды и – ушло. Погасли праздничные огни. Так бывает только в горах, на камеру к нашей вершине быстро поднимался грязно-серый туман. Приняли решение уехать. Спустились вниз с детьми и тронулись в обратный путь, уместившись в «камервагене» кто на чем. Наш автобус так и не пришел в себя. Так мы ничего и не сняли в этот день. Но он отпечатался в сердце навсегда. А что может быть важнее?

Заветный перстень

Михаил Юрьевич Лермонтов приезжал в Пятигорск пять раз.

Почему-то верится, что в 1820 году мальчик Лермонтов и двадцатилетний Пушкин встречались здесь. Может быть, у одного источника, а может быть, в горах?

Пушкин был на Кавказе только два раза. Первый – в 1820 году. Он путешествовал в кругу семьи генерала Николая Николаевича Раевского. Вместе с ним была на Кавказе юная Мария Раевская. Вместе со многими пушкинистами я разделяю мнение, что именно Мария Раевская была потаенной любовью Пушкина. Снимаясь в «Звезде пленительного счастья» у режиссера Владимира Яковлевича Мотыля, я искала вместе с ним материалы о Пушкине и Марии Раевской, будущей жене декабриста Волконского. В одной из книг я прочла, что именно здесь, на Кавказе, Пушкин вручил Марии золотое кольцо с сердоликовой печатью.

…Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой…

А в ранней редакции есть и такие строки:

Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд, и без желаний.
Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

Тайна утаенной любви Пушкина – в его поэзии. А свидетель «встречи» Лермонтова и Пушкина – величавый Эльбрус. А о том, что оба поэта были страстно влюблены в природу Кавказа, говорят гениальные стихи.

Чувствовала ли я тогда, занося в дневник эти строки, что буду снимать фильм о Пушкине и Марии Волконской? Что это станет моей судьбой на многие годы? А кольцо, переданное Пушкиным Марии, будет моим талисманом.

Мама Лермонтова

Мой первый съемочный день в павильоне на «Мосфильме». Декорация усадьбы Тарханы точна и насыщена живыми деталями. По правде сказать, я жалела поначалу, что мы не снимали внутри музея, в самой, подлинной усадьбе, но вот теперь не жалею. Декорация тепла, естественна, обжита. Несколько раз в этот день я подходила к измученному трудами Виктору Юшину и хвалила павильон. Мебель, занавеси, пол и потолок, детская лошадка, зеркала, портреты отца, матери и бабушки Лермонтова, живые

цветы на окнах, рояль и ноты – любая деталь к месту, она украшает кадр и в то же время функциональна.

Вошла в детскую, в постели лежит трехлетний Мишенька – Вова Файбышев. Сыграли с ним сцену его болезни. Удивительно, но Володя все понимал. Он послушно закрыл глаза, глубоко дышал, судорожно шевелил головкой, как в бреду, и даже постанывал. Он так входил в роль, что мне его приходилось каждый раз останавливать.

Над просторной деревянной кроватью два портрета: Пушкина и Марии Михайловны – мамы поэта (портрет написан с меня и с учетом её облика).

Зажгли свечу, за зеленым экраном вспыхнул желтый огонек в черном траурном круге, на столе в хрустальном стакане – вода. Мишенька мечется в бреду. Мне подают мокрый платок, я прикладываю его к головке.

Следующий кадр снимаем в гостиной. Ссора, из-за которой и заболел Мишенька. Я стою у рояля, беспомощная среди разразившегося скандала. Арсеньева-бабушка, ее играет моя мама, предъявляет своему зятю (Борис Плотников) какие-то письма, они оба кричат. Письма разлетаются в клочья. Я плачу. Ко мне подходит муж, пытается что-то сказать, но я не в состоянии его слушать, только вырывается:

– Что же вы со мной делаете…

И неожиданно вижу лицо трехлетнего Мишеньки.

…Сидела одна в темной лермонтовской комнате и собиралась. Сосредоточилась на мыслях о детях. Мимо в костюме Лермонтова прошел Ванюша, он видел мою собранность и не стал ко мне подходить. Что-то было в его фигурке, невероятно значительное для меня. Душевное и духовное. Мальчик, несущий в девять лет понимание многих внутренних законов.

После первого дня съемок Борис Плотников поцеловал мне руку, в его глазах светилась благодарность. Я тоже чувствую контакт с большим актером. У Плотникова невероятно подвижная духовная структура – недаром за него так билась Лариса Шепитько, чтобы именно он сыграл Сотникова в «Восхождении».

Маме играть было сложнее всех. Она не могла не уважать свою героиню – бабушку Лермонтова, которая, конечно, безумно любила внука и боролась за его здоровье. Но Николай трактовал Арсеньеву как разлучницу отца и сына, виновницу чуть ли не всех несчастий Лермонтова. Думаю, что у обоих несколько субъективная оценка Арсеньевой, что, конечно, неизбежно.

С утра тщательно сделали мне прическу, опираясь на портрет матери. А в актерских комнатах уже ждало новое платье. В гостиной зажгли утренний мягкий свет, и платье заиграло,

засветилось. Николай посмотрел на меня через глазок камеры и успокоился.

Я взяла на колени маленького Вовочку – трехлетнего Лермонтова – с такими же, как у поэта, удивленными глубокими черными глазами. Мы играли сцену, где мама будущего поэта играет на рояле и поет своему сыну. Лермонтов не помнил мотива и слов песни, но воспоминание об этом эпизоде пронес через всю свою недолгую жизнь.

Из окон падали лучи, наполняя гостиную золотистым светом. На коленях у Марии Михайловны в белой ночной рубашке сидел Мишенька и слушал, слушал чарующие, волшебные звуки, льющиеся из-под рук любимой матери. Звуки уносили его в беспредельность, говорили о красоте мира, пророчествовали жизненную драму, готовили к творческому подвигу. В глазах трехлетнего Миши блестели слезы, он тихонько обернулся на мать. Мария Михайловна пребывала во власти музыки – в ней было все несбывшееся и пророчество скорого ухода из жизни.

В этот же день снимался Ванюша. Ему пришлось повторить сцену, которую он так хорошо сыграл на пробе. Девятилетний Миша Лермонтов сидит в той же гостиной за тем же роялем. Вещи сохраняются дольше, чем люди. Он прикоснулся к клавишам, и в душе зазвучала мелодия, слышанная тогда на коленях у мамы. В глазах его загорелись слезы и потекли свободными ручейками по лицу. А он смотрел перед собой и видел пустую комнату, из которой навсегда ушла его мама.

Второй эпизод Ванюша сыграл на лестнице, ведущей наверх, в детскую.

Внизу, под лестницей, Арсеньева получила страшное известие о гибели брата Дмитрия.

– Убили, убили Митеньку, убили! – кричит она, не в силах совладать с собой.

Маленький Миша делает несколько шагов по лестнице, ноги его подкашиваются, в глазах – слезы страдания и боли. Он опускается на ступеньки и смотрит перед собой невидящими глазами.

Едем домой, Ваня радуется – удалось сыграть самому, и слезы были, он вновь и вновь переживает момент съемки. Да, рано к нему пришла эта радость актерского самопостижения – ощущения творчества, заложенного в тайниках собственной души и сердца.

Потеря

Вечером позвонила Герасимовым, чтобы объяснить, почему я не была на занятиях во ВГИКе. Последние два года я помогала Герасимову в качестве педагога по мастерству актера.

К телефону подошла Эмма, племянница Тамары Федоровны. Говорила невнимательно, думала о другом: Сергею Апполинарьевичу стало плохо с сердцем, его увезли в больницу.

Всю ночь я не спала, думала об учителе, сказала вечером Коле о его болезни, решила во что бы то ни стало попасть к нему, чтобы поддержать, может быть, написать письмо. Ночь шла – я все думала и думала. Даже расстроилась к утру, что буду невыспавшаяся в кадре.

С утра готовилась к сложным кадрам – рождения Миши. Волосы распустили, я надела простую белую рубашку. Ждала в актерской комнате. Нужно было позвонить домой, чтобы вовремя привезли Ванюшу. К телефону подошла моя подруга Алла, по ее голосу я поняла: что-то случилось.

– Герасимов…

– Что? Что? – закричала я в трубку.

– Герасимов умер!

Я вскрикнула, нахлынули удушающие слезы. Положила трубку.

Боль невыносимая. Иду по длинным мосфильмовским коридорам, не пряча слез, да это было бы невозможно. Меня окликает Виктор Юшин: «Наташа, что случилось? Что с тобой?» Но я не могу отвечать, прохожу мимо, вхожу в декорацию Лермонтова, иду по анфиладам комнат в детскую к Коле. Беру его за руку и, рыдая:

– Герасимов умер.

Коля прижимает меня к себе:

– Не плачь, не надо. Ты же знаешь, как надо провожать. Ушел великий человек. Только теперь его правильно оценят, ну не надо, не плачь, ты ему мешаешь сейчас.

Я взяла себя в руки. Но на душе пустота – ужас потери. После Колиных слов я поняла: «Да, мы жалеем себя, когда плачем по ушедшим, – себя, свой потерянный контакт, свою привычную опеку, свою неоценимую часть жизни».

Мне трудно было встать, тяжело идти. Я боялась говорить с мамой. Но она уже знала. В актерской комнате сижу с фотографом Сергеем Ивановым, ставшим в последнее время нам другом, и тихо говорю. Говорю о нем, об учителе.

Он заменил мне отца.

Тут же вспоминаю об отце. Отец будет плакать (оказалось, правда), он любил его, просто много было причин, которые разъединяли их, но духовно они были очень близки. Когда на

«Войне и Мире» отец потерял сознание (была даже зафиксирована клиническая смерть), то его первые слова были: «Если я умру, закончит Герасимов». Значит, знал, что нет более творчески близкого человека рядом. Ушел мой учитель! Человек, которого я любила как самого близкого и родного. Все в моей жизни связано с ним. Мое рождение – мама и папа встретились у него на курсе, сыграли первые роли в «Молодой гвардии». Все мое детство и юность. Мастерская, где я впервые почувствовала, что могу, могу играть. И всегда была поддержка. Он не прощал среднего. И не забывал похвалить, если видел удачу. От его оценок я могла проплакать под ливнем в долгом пути пешком от ВДНХ до Киевского вокзала и буквально воспарить.

Герасимов поверил мне как режиссеру, увидел во мне будущее.

Последнее свидание с ним. Они вместе с Тамарой Федоровной пришли к нам в гости. В этот день моей маме присвоили звание Народной артистки СССР.

Мы очень их ждали, особенно Ванюша.

За немногочисленные встречи он успел полюбить моих учителей. Ванюша сел за инструмент и сыграл в честь мамы свое сочинение. Герасимов сидел напротив меня, он молча слушал, вбирая каждый такт в свое сердце. Глаза блестели, он улыбался. После того, как Ваня закончил играть, он сказал: «Он мыслит в музыке, это очень интересно, большие серьезные формы и такие непростые – это поразительно». Они подарили маме хризантемы. Цветы долго стояли на столе у мамы…

Вспомнила его последнее занятие во ВГИКе.

За четыре дня выпал снег, подморозило. Я ждала Герасимова, чтобы ехать во ВГИК. Он вошел бодрый и веселый. Мы обнялись и поцеловались.

– Я видел тебя во сне, – сказал мне Сергей Апполинарьевич и сел в машину.

Он вел репетицию малоизвестной пьесы Толстого, был бодр и весел. Весело ругал студентов за незнание уклада русской крестьянской семьи. Прочел нам целую лекцию, переходя от одной детали к другой.

– Печь – от нее, как говорится, танцевали, – рассказывал Герасимов, – была у стены, и там, за ней, закуток, там могла висеть зыбка на длинном шесте. В красном углу кровать (это в зажиточном доме), гора подушек, но на ней не спали, разве что первую брачную ночь молодым отводили, а так она была для красоты. Спали на полу, за столом, на тулупах. Летом на сеновале. Дети и старики на полатях на печке.

Так, теперь что ели. Хлеб пекли, я это еще застал у нас на

Урале. Вот на такую деревянную лопату клали тесто и – в печь. К хлебу лук – это обязательно, крынка молока – вот и весь завтрак. В обед – картошка, немного подсолнечного масла – тюря, и опять же хлеб и лук. Мясо ели только по большим праздникам. А так «щи да каша – пища наша».

Студенты начали играть. Герасимов часто останавливал, добивался правды общения, правды бытовой. Так, страннику он посоветовал катать хлебную крошку и сосредотачиваться на этом. Говорил, как трудно играть пьяных, как слишком много штампов на эту тему. Даже пел:

Бывали дни веселые, гуляли мы…

Пожалела, что со мной не было магнитофона – если бы я знала тогда, что это был последний урок учителя.

Все это пронеслось у меня в голове в детской комнате лермонтовской декорации.

…Перед дублем Николай попросил тишины и сказал:

– Ушел из жизни большой человек, крупный режиссер и педагог, а главное – добрый человек, Сергей Апполинариевич Герасимов. Теперь его оценят полностью, как бывает обычно, после недопонимания прижизненного. И «Толстого» его оценят. В нашем кино это первый настоящий фильм о великом деятеле культуры.

Николай попросил минуту молчания. И в эти мгновения закричал ребенок. Это Галя Беляева, еще не зная о случившемся, внесла в павильон своего трехмесячного сына, который будет у нас играть первый возраст Лермонтова.

И все это слилось воедино в образ. Детская Лермонтова, грозовые разряды, ливень в стекло, желтый огонь свечей, тоска по учителю… Правда творчества и новая жизнь – кричал маленький Лермонтов, подавала голос будущая жизнь.

Редкие моменты перехода созданной, или воссозданной, второй реальности в настоящее, где все важно: и молнии за окном, и уход великого человека, и приход жизни в колыбель. Искусство – вторая реальность! Разве менее важна «Джоконда» Леонардо, чем сама живая Джоконда – с ее реальной жизнью? Искусство одно способно оживить гениев, дать историческую цепь событий, приблизить человечество к раскрытию тайны его пребывания на земле.

Только задачи нужно всегда ставить самые большие, говорить о главном – ведь если тебе дано многое, то много и спросится. Этим путем всегда шел Учитель! Он не щадил себя, любил жизнь, любил людей и понимал великий смысл искусства и его вершины.

Он успел сделать «Толстого» – хотя понимал, что далеко не все его поймут, как понимал и сам Толстой, что искусство его не для всех.

Учитель ушел из жизни во сне. Ушел, как святой, на высокой ноте самопознания. В этот день мы и снимали сцену с маленьким трехмесячным Лермонтовым.

Я лежала в кровати, ко мне в постель положили малыша. Он трогательно рассматривал всех своими смышлеными глазками, засовывал кулачки в ротик. Я держала за руку Бориса и прижимала к себе ребенка.

Было тихо. Только временами покряхтывал малыш. Он утопал в белоснежных простынях в белой распашонке. Ребенок радовался свету, материнскому теплу и какому-то непонятному, но приятному ощущению общего покоя и гармонии. Отец с благодарностью и нежностью смотрел на мать и держал ее за руку. А та пребывала в пике наивысшего блаженства меж двух драгоценных ее сердцу существ – мужем и сыном.

Потом ко мне в руки попали фотопробы Бориса Плотникова на роль Пушкина, и я порадовалась за него. Похож! Особенно глаза, – прекрасные, чуть грустные глаза Поэта.

В мире нет случайностей: мы должны быть вместе и находить друг друга – те, кто в оголтелом, пошлом мире продолжает сражаться за истинное искусство.

Ване сказал об уходе из жизни Герасимова Николай. Иван улыбнулся от неожиданности и погрустнел. Серьезным вошел в актерскую комнату и тихо спросил:

– Это правда?

– Да, – также тихо сказала я и увидела, как Ваня преодолевает душившие его слезы. Губы сводила судорога, но он не заплакал.

Последний кадр снимали перед иконами. Это образ матери, который видит в бреду девятилетний Миша, заболев после сообщения о гибели деда Дмитрия.

Закончен этот длинный день. Нет, он не был тяжелым, даже после страшного сообщения, он был необыкновенным: две реальности сплелись воедино, став незабываемой частью души и памяти сердца, – уход учителя и крик новорожденного Лермонтова.

Тамара Федоровна Макарова

Вечером вместе с Николаем пошли в дом Герасимова к Тамаре Федоровне. Привычно поднялась на третий этаж, дверь не

закрыта. На вешалке знакомые вещи. Ах, эти вещи, переживающие хозяев, несущие их запах, примятые их телом, живые вещи неживых!

Прошли на кухню, откуда слышались голоса. Там ужинали Артур Макаров, Жанна Прохоренко и какой-то их приятель.

– Вы еще не были у Тамары?

– Нет.

– Сейчас, подождите, пока от нее выйдут.

Я вошла в маленькую гостиную, на диване Эмма. Я обняла ее и поцеловала. Эмма, рыдая, рассказывала приятельнице дома о последних часах Герасимова.

– Он так себя хорошо чувствовал, шутил. А потом вдруг он упал со стула. И даже в больнице все пошучивал. Его последние слова перед смертью: «Недолго музыка играла».

Артур позвал нас в спальню к Тамаре Федоровне. Она полусидела в постели.

Я обняла ее, говорила, что могла:

– Родная моя, любимая, – целовала ее руки. В горле у Тамары Федоровны клокотали слезы.

– Как внезапно… вот и все… Это было при мне. Упал… Как же теперь? – и она вновь заплакала.

Коля поцеловал ей руку, стал говорить:

– Не нужно плакать. Его не должно это тревожить.

– Да, да, – Тамара Федоровна согласно кивала. – Я просто не могу удержаться.

– Мы верим, что человек не уходит бесследно.

– Конечно, конечно… – в глазах надежда. – Как же, разве возможно только здесь, – она показала себе на голову. – Столько! Это не может исчезнуть!

– Только теперь его оценят по-настоящему, – говорил Коля.

– Да, Коленька, ты прав, ты знаешь, вчера приходил твой папа, Наташа, он так плакал, так плакал! А ведь столько небылиц про них наплели. Вот мне полегче стало с вами. Я буду думать, что Сережа уехал, ну бывает же – уезжает человек, а он уехал туда. – И она показала слабеющей рукой наверх. – Иначе я не смогу жить, мне пока врачи не разрешают вставать. Я, видимо, не поеду туда… Я уже с ним попрощалась, а этот ритуал, он ведь не для души, ведь там его уже нет.

В комнату вошел Артур, встревоженный нашим длительным посещением. Но Тамара Федоровна сказала:

– Мы очень важные вещи сегодня решили.

И мы попрощались с Тамарой Федоровной.

«Юность Бемби»

Карадаг

Карадаг – древний вулкан, вздыбивший землю более 140 миллионов лет назад и застывший в симфонии камня, в неповторимых очертаниях. Мы увидели массив Карадага в погожий прозрачный день. Катер плавно плыл по ровной морской глади, открывая Карадаг как фантастическую каменную книгу. Со стороны моря нас сопровождала небольшая стая дельфинов, они близко подошли к катеру, блестя под солнцем своими темными спинами. Дельфины вышли к нам, словно чуя, что во второй части фильма займут особое место в рассказе о природе. Их ручной брат принял от нас несколько рыбешек, просвистел «спасибо», сделав круг почета в нашу честь.

Наш катер нырнул под своды Золотых ворот. Что-то есть мифическое в прохождении через эти каменные, стоящие отдельно от горного массива, ворота. Куда они ведут нас? В бесконечность моря, в тайны скал, в небесную высь, а может быть, в тайники собственного сознания, где вспыхивает слово «красота», а рядом с ним – «вечность»?

Вот уж, поистине, любишь то, что знаешь. Ведь могла я и читать, и смотреть, и верить на слово великим людям – Пушкину, Волошину, Цветаевой, – что место это уникально по красоте, но увидеть, узнать самой значит принять в свое сердце. Как счастлива я, что не приезжала отдыхать в Коктебель, не ходила по туристским маршрутам, а впервые приехала на Карадаг выбирать натуру для нового фильма.

В Карадаге есть своя музыка, органная, светло-печальная, все подчинено ее ритму: прибой и колыхание водорослей, трепет крыльев чайки и светотени, декорации самой природы, с занавесом из звезд и солнечных бликов, со сменой времен года, разноцветьем трав и живых существ, таких бесконечно разных. Сколько их побывало за 140 миллионов лет, кто нашел здесь день последний, кто первый день? Если бы Карадаг заговорил, меняя языки, наречия, о чем бы он поведал? Взгляд гения упал на твой ландшафт, и Золотые ворота остались на листе рукописи «Евгения Онегина» и обрели новое бессмертие, задышали горы в письменах, картинах, легендах и стихах. Так много жизней у великого, пусть это человек или только горный массив.

В туманной дымке еле различим город, растворяющий свои контуры в море. Нет, нельзя сказать, что за город там, вдали,

может быть, древняя затерянная Атлантида, а может быть, город будущего встал на мгновение из морских пучин. Нет времени, есть красота, и сколько пролетело мгновений – не знаю. Радостно сознавать, что будем жить в походных домиках, встречать рассвет, видеть туманы. Пусть примет нас это место: мы не чужие, мы понесем красоту нерукотворного чуда Карадага к сердцам зрителей. Прими нас, Карадаг!

Алеша Храбров

Под вечер поехали с Сашей и Таней Филатовыми на премьеру нашего фильма в клуб лесничества Симферопольского заповедника. К нам вошел Алеша Храбров. Боялась ли я этой встречи? И да, и нет. Я хотела увидеть Алешу. И это произошло. Движения его затруднены, глаза в черных очках, через лицо и дальше по голове глубокий шрам. Но главное – жив. Сохранил ум, энергию, оптимизм и улыбку (шесть месяцев в реанимации, трепанация черепа, отек обоих легких, падение веса до сорока четырех килограммов, постепенное восстановление зрения и речи, постепенный выход из паралича).

Сильная Алешина природа… спасла его, другой бы не выдержал, сдался, ушел в отчаяние, страх. Но не таков Алексей. Через два дня он выходит на работу. А пока он внимательно смотрел фильм «Детство Бемби», отмечая и радуясь удачным местам.

Я видела его глаза после фильма, он перестал скрывать их за темными очками: в них была радость, в них было будущее.

На Кавказе

Вылетели в Нальчик в 12 часов из «Быково». Летим вдвоем с нашим новым дрессировщиком Роином Иосавой.

Роин стоял у истоков создания Батумского дельфинария. Человек одной страсти, он таит надежду создания Московского дельфинария, строит планы и чертежи.

Всю дорогу мы проговорили про дельфинов. Конечно же, я спросила, думают ли дельфины? – «Не так, как мы, – был его ответ. – Они мыслят образами и могут передавать эти мысли-образы друг другу. Я знаю, что в сигнальных рядах дельфинов обнаружены некоторые закономерности, свойственные человеческим текстам».

Роин строит свои взаимоотношения с дельфинами на

звуковой основе. Он трезво оценивает уникальное поведение дельфинов, без излишней сентиментальности.

– Была у меня дельфиниха Вега. Я пришел ее кормить, в в соседнем вольере дельфины не кормлены для выступления. Так я заметил, что она их кормит, проталкивая через ячейки сетки рыбу. Можно сразу приписать ей сострадание к голодным, однако скорее всего это самоутверждение в стаде.

Сели в Нальчике. Игорь Петрович Носов ждал у входа в аэровокзал с букетом роз. Получить зимой букет роз – чудо, а режиссеру-постановщику из рук директора картины – сказка или небылица. Но таков уж наш Игорь Петрович, он опекает детей-зверей и режиссеров-постановщиков.

В аэропорту Носов познакомил меня с Хусейном Чоккаевичем Залихановым, семидесятипятилетним человеком-легендой. Залиханов – начальник государственной охотничьей инспекции. Отец Залиханова прожил сто пятнадцать лет. В сто одиннадцать совершил восхождение на Эльбрус. Кавказское гостеприимство заставило нас уже в аэропорту сесть за стол с чаем и знаменитыми хичинами, похожими на тонкие блины с сыром. С первых минут мы нашли общий язык – нас с Залихановым объединяла крайняя заинтересованность в деле охраны природы.

Он много путешествовал, был на Тибете. Интересно говорил о снежном человеке.

– А он все-таки есть? Снежный человек? – спросила я.

– Есть! Старики говорят, что есть. Но только он не всякому покажется. Да и говорить об этом те, кому он покажется, не станут.

Мы подъехали к Чегемскому ущелью. Врата гор почти сомкнулись вершинами скалистых утесов, но мы проехали дальше, и предстал перед нами чудо-водопад. Вернее, каменный массив, покрытый струйками водопада. Падающими каскадами струилась вода сверху и из отверстий самого первого камня, падая в стремительную горную реку.

В Нальчике уже были наши: Таня и Саша Филатовы и Аркадий Покосов, уставшие, но довольные, что добрались.

В мае наш подготовительный период был резко прекращен. Группа ждала меня на Кавказе, а я не могла к ним выехать, вернее, меня не выпускали из Москвы. Об этом чуть ниже.

Цветок любви

Только через месяц я смогла приступить ко второй части фильма «Юность Бемби». Вместе с моими единомышленниками

мы сняли фильм, где еще резче встал вопрос о единстве человека и природы, об ответственности человека перед ее ликом. В нашем сценарии была тема войны, и не просто войны – атомного взрыва, содеянного человеком, и черной безжизненной земли… А в это время не в сказке, а в жестокой реальности разыгралась Чернобыльская катастрофа. Надо было решать: навсегда ли жители леса покидают родной край, выжженную катастрофой землю? Здесь нам помогла сказка. Бемби находит в горах цветок любви, с его помощью жизнь в лесу возрождается. У Бемби и Фалины рождаются сын и дочь.

Но вот опять лесную идиллию нарушает тревожный сигнал – ОН идет. Тот, кто приносит смерть. Но на этот раз он – маленький ребенок. И сын Бемби устремляется к нему.

Эта трогательная сцена произошла между двухмесячным олененком и девятимесячным сыном Галины Беляевой, Платоном. Платон еще не мог сам ходить, стоял, опираясь на что-то или кого-то. В данном случае это был олененок. Платон крутанул его за ухо и рассмеялся, олененок дружелюбно ему что-то мекнул и отошел, малыш не удержался и свалился в травку. Я очень боялась, что после падения малыш расхнычется, трава колкая, а он без штанишек. Но вот над травой показалась головка Платона, он не плакал, а улыбался, протягивая ручку к олененку, подзывая его. Олененок подошел, опираясь на него, малыш встал и тут же свалился опять в травку. Олененок прилег рядом с малышом, и тогда Платон обнял его за шейку, другую руку поднял над собой, как бы защищая его и себя. Этим кадром мы завершили дилогию о Бемби. Пять лет, сотканных из неповторимых дней творчества и постижения природы.

А кто вообще выстраивает нашу душу? Учителя.

Я могу назвать в своей жизни только четырех Учителей с большой буквы. Учителем был отец, его фильмы для меня – энциклопедия. Учителем был Герасимов. Учителем был Тарковский. И Учителем был Святослав Рерих.

Вот именно они и сотворили мою душу – то, что я есть сейчас. Они – самые близкие мне люди в искусстве.

V съезд кинематографистов СССР

13–14 мая 1985 года мне и Николаю Бурляеву довелось принять участие в Пятом съезде кинематографистов в качестве гостей.

В зале Большого Кремлевского дворца громили всех, кто успел сделать в кинематографе что-то значительное и был любим народом, а именно: Кулиджанова, Ростоцкого, Наумова, Бондарчука, Михалкова и Герасимова (посмертно)…

Я сидела вместе с Натальей Белохвостиковой, когда ее мужу, Владимиру Наумову, не давали говорить, улюлюкали, свистели, топали ногами. Я взяла Наташу за руку, она была холодна, как лед.

Затем стали громить первую картину Николая Бурляева «Лермонтов». То, что с любовью создавалось большим (свыше ста человек) мощным коллективом, было зачеркнуто. Страсти накалялись с каждой минутой. Больше всего злобного лая неслось в сторону моего отца. И только один человек, Никита Сергеевич Михалков, встал на его защиту.

Из воспоминаний Н.С. Михалкова: «Что же касается моего выступления на том, Пятом съезде Союза кинематографистов СССР, то ведь у меня не было никакой специальной задачи защищать Бондарчука. Для меня само по себе было дикостью, когда бездарные, ничтожные неудачники, которые считали виновными в своих неудачах кого угодно, только не самих себя, наслаждаясь вседозволенностью и безнаказанностью, топтали мастеров старшего поколения. И в первую очередь Бондарчука.

Я им сказал: “Ребята, вы можете его не любить, каждый из вас лично может не признавать его, но от того факта, что он вошел в историю мирового кино, никуда не деться, не говоря уже об истории родного кинематографа. Кого вы наказываете, не избирая делегатом Всесоюзного съезда кинематографистов Бондарчука?!”

Замечательная есть в русских церковных тропарях фраза: “Демонов немощная дерзость”. Вот это и были демоны, вот тогда они и разгулялись. Они из кожи лезли, чтобы унизить Большого Художника в надежде, что таким образом возвысятся, обретут вожделенную значительность. Глупцы.

А я просто сказал, что думал, не ожидая никаких выгод от Сергея Федоровича или еще от кого-то, поступил так, потому что просто не мог поступить по-другому, не мог я быть вместе с этой сворой…».

Но своре удалось сделать немало. Михалков тут же был

атакован «коллегами».

Мне же не разрешали выезд на съемки «Юность Бемби» к моей киногруппе. Была выпущена статья: «Она уже снимает вторую серию по никому не известной повести Зальтена об иностранном олененке».

Нагибин страшно разозлился и написал в ответной статье: «Поздравляю автора (это был Александров), он не заметил, что Феликсу Зальтену еще при жизни был поставлен памятник».

Тогда ударили и по Нагибину.

Но более всего страдал мой отец.

Всю перестроечную травлю он предвидел и отразил в «Борисе Годунове». Я смотреть не могу на сцену убиения детей, потому что в то время происходило убиение и его самого, и даже его детей.

Это был заговор. Людей, в нем участвовавших, я знаю, кое-кто из них мне сейчас говорит: «Мы не предполагали, во что это выльется. Что мы будем зачинателями *такого* безрассудства. Мы хотели свежего ветра, новой волны».

Да! Отцу досталась та эпоха, в которой честно отражать современность не позволялось никому. Понятно, что бунт был спровоцирован общим враньем. Мы все задыхались в гнилом, безвоздушном пространстве, которое затягивало, как трясина. Это было служение непонятно чему, все критерии культуры были поколеблены. В этом смысле взрыв-то был справедлив, но ударили как раз по истинным художникам.

После съезда отец предсказал разрушение Советского Союза и страшное падение культуры. И он оказался пророком. Была разрушена выстраданная тяжелой жизнью мечта людей, в значительной мере выраженная советским кинематографом. Когда из него вычеркнули героев, олицетворявших эту мечту, то вычеркнули и страну.

Что будет со страной дальше, для него было понятно. На самый конец жизни отца пришелся разрыв между Россией, Украиной и Белоруссией. Разрыв единого славянского народа. Сергей Бондарчук, украинец по паспорту и русский художник, вынужден был слушать, как «делят» Гоголя: в чем он украинец, в чем – русский. Очень он это переживал.

Он вообще был «переживун»: терзал себя, чуть ли не до изнеможения, и заработал-таки язву желудка. Это с виду он был таким гордым, что не подойдешь, а внутри – совсем незащищен. Во время травли в какой-то газетенке его посмели сравнить с дохлым львом, на которого тявкают. Я спросила: «Как ты чувствуешь себя после этого пасквиля?» – «Знаешь, я прочел эту статью в самолете и хотел выйти в открытый космос».

Так случилось, что в день похорон отца, уже к вечеру, мы остались за поминальным столом втроем: Никита Сергеевич Михалков, Федя Бондарчук и я. Никита Сергеевич стал рассказывать, как на съемках «Войны и мира», на натуре, отец ему, шестнадцатилетнему парню, объяснял «монизм Вселенной» по Циолковскому. То есть отец уже воспринимал того молодого человека как художника. Возможно поэтому Михалков так любит Сергея Федоровича и свято хранит память о нем, нигде, никогда и ни в чем не предав его. Если говорить о преемственности, то в нынешнее время я вижу хранителем традиций Бондарчука лишь одного человека – Никиту Сергеевича Михалкова, по-настоящему масштабного русского художника.

Прощание с Тарковским

В феврале 1986 года я была на фестивале детских фильмов в маленьком французском городе Корбей-Эссон. Несколько часов в ожидании автобуса мы провели в Париже. Еще в Москве я узнала о болезни Андрея Тарковского, и, как часто бывает, слухи принимали самые невероятные формы. Выросшая в актерской семье, я испытывала отвращение к сплетням и слухам, которые разрывали семьи, хоронили живых людей.

С пристрастием выспрашиваю у работника нашего посольства подробности о болезни Тарковского. Получаю ответы куцые, холодные и безоговорочно не приемлющие саму личность Андрея Арсеньевича.

– Да, болен… кажется, рак, а может быть, ничего нет; реклама… Судя по газетам, сейчас он здесь – в парижском онкологическом центре, на обследовании.

В мыслях проносится – здесь, рядом, болен!

– Мне нужно повидать Андрея Арсеньевича… Можно мне в этом помочь?

Получаю резкий ответ:

– Этого еще не хватало… Конечно, нельзя! – и, видя мою решительность, действует с другой стороны, во все стараясь внести ясность. – Дочь Бондарчука у Тарковского… Да вы представить себе не можете, какую здесь грязь льют на вашего отца после Каннского фестиваля. Будто ваш батюшка повлиял на решение жюри, и Тарковскому дали вторую, а не первую премию.

Что мне было ответить? Что у двух крупнейших художников могут быть разные эстетические платформы, вкусы, привязанности?.. Что между любыми художниками бывают разногласия? Что этим пользуются, пытаясь вбить клин между ними и даже уничтожить творцов, чтобы не изображали учителей человечества, чтобы были, как все? Невежды копались в интимных письмах Пушкина, чтобы очернить, оклеветать, подвести под пулю. Пытались сделать достоянием толпы подробности личной жизни Гоголя, Чайковского, Достоевского. Лишь бы удалось скинуть с пьедестала. Лишь бы разрушить мощные живительные лучи искусства. Не объединить крупные души в духовном строительстве, а растоптать, разорвать их связи, а еще лучше уничтожить, чтобы спокойно жилось посредственности. Стараюсь, как могу, сдержанно объяснить:

– Вы прекрасно знаете, что повлиять на решения жюри крупного международного фестиваля, каким является Каннский, никому нельзя. Общеизвестен факт, что решения принимаются

задолго до начала этих фестивалей.

Мне казалось, что я попала в цель, он, конечно, знает, улыбается, кивает.

– Вы не поможете?

– Нет. Или вы тоже хотите остаться? И вы?..

Он не договорил, увидев мою реакцию. Я попросила только об одном: дать мне адрес онкологического центра, где находится больной. И вот серенький, неприглядный день. Пригород Парижа с похожими, как и во всем мире, казарменными коробками новостроек.

Боже! Как архитекторы беспощадны к смертельно больным людям! Как все эти центры – и у нас, и у них – похожи! Панно из мозаик, на которых изображен облучающий рентгеном аппарат. Апофеоз механической цивилизации. Вместо того чтобы облегчить душу страдающего, его расчленяют на запчасти. Словно механизм.

Больница «Сарсель» была в сорока километрах от Парижа… Мозаик на ней не было, но она была окрашена в коричневый цвет, унылый и безысходный.

Много позже в дневниках Андрея прочла фразы, соответствующие этому моменту жизни: «…Наши представления нужно менять. Мы не видим, а Бог видит и учит любить ближнего. Любовь все преодолевает, и в этом – Бог. А если нет любви, то все разрушается».

Духовный поиск не прекращался там, в больнице, а может быть, привел к новым откровениям… Я видела снятые кем-то кадры Андрея в больнице и была поражена: вся его нервозность, некая экзальтированность куда-то ушли. Он был спокоен, очень прост, естественен… Может быть, перед ликом Вечности, куда он входил, все его существо сгармонизировалось, успокоилось, смирилось…

А тогда, в феврале 1986 года, в отеле маленького городка Корбей-Эссон я плакала навзрыд.

Почему у нас всю жизнь «нельзя»!

Нельзя говорить правду – подрыв дела социализма. Нельзя работать за границей – предательство. Нельзя говорить о душе – пропаганда религии.

Нельзя навестить умирающего друга…

Жертвоприношение

…Последнее свидание с Андреем Арсеньевичем было через экран. Хроникальные кадры работы над «Жертвоприношением». С

экрана улыбается своим актерам Андрей. Ничуть не постаревший, как всегда деятельный, подтянутый. Только без характерной жесткости в лице и интонациях. Словно что-то нашедший в себе самом и утвердившийся в каком-то ему одному ведомом знании… Тарковский верил в жизнь и верил в ее возможное продолжение там, по ту сторону бытия. Его последний фильм – духовное завещание не только сыну, но и всем нам…

Изменить мир, спасти его от саморазрушения можно только изменив самого себя. Принести себя на алтарь служения людям.

И снова «Солярис». Мерное колыхание трав в сонной реке, музыка Баха и из темноты – фамилии людей, которые ушли с земли… Владислав Дворжецкий, Анатолий Солоницын, Андрей Тарковский.

Не уберегли, как будто много у нас Тарковских, Шукшиных…

Что объединяет творчество великих художников? Любовь к людям и к истине. Любовь, заставляющая говорить правду и только правду, любовь, верующая и созидательная в своей вере.

Как пророчество звучат слова Криса Кельвина, слова автора фильма – Андрея Тарковского:

– Любить можно только то, что можно потерять… Родину… Женщину… А не пора ли тебе возвращаться домой? А? Крис…

Домой, дом… Дом как материализация самого родного, заветного, истинного возникает на островке в космическом разуме Соляриса.

Дом как символ проходит по всем картинам Тарковского и ведет к его «Жертвоприношению» – фильму-завещанию, фильму-пророчеству, фильму, который мог быть сделан только Тарковским.

И вера! Всемогущая, глубокая вера в спасение человечества, через отречение от всего того, что любишь больше жизни. «А теперь пребывает сии три: Вера, Надежда, Любовь, но Любовь из них больше» (Евангелие).

Клубы «Бемби». Дочь

Первый клуб «Бемби» возник ещё на Кавказе, когда мы заканчивали фильм «Юность Бемби». Всех кинозверюшек я подарила детям из Чернобыля, которые лечились в горных районах Кавказа. Только в горах у облученных детей состояние крови не ухудшалось, но они не могли спуститься вниз и жили без родителей.

Там, в Приэльбрусье, и появился первый клуб. Но уже к маю 1987 года было около тридцати таких объединений. Вместе с писателем Вадимом Бурлаком наш детский экологический клуб в мае 1987 года принял участие в экспедиции «Дунай – Лена», путешествии в защиту мира и природы. Вначале мы плыли на старинном теплоходе «Волгарь-Доброволец», построенном еще в 1916 году. Дети, а это были и герои фильма «Бемби» – Лиза Киселева, Ваня Бурляев – стали журналистами, вели путевые заметки, выступали вместе со мной в городах Поволжья и, самое главное, плыли на военном корабле с пушками и настоящей рындой – так мы узнали, как назывался теплоходный колокол.

Предполагалось пройти, сменяя теплоходы, до города Якутска 8 тыс. миль или 15 тыс. километров. Но мы сразу ограничили наш маршрут, так как руководительницу детворы, то есть меня, ждало важнейшее жизненное событие.

27 августа 1987 года у нас с Николаем Бурляевым родилась дочь Маша. Весь роддом хохотал. Ну, а как же? Актриса родила дочь в День кино! Вот такой подарочек.

И, конечно, так же, как и Ваню, Машеньку отправили с шестого дня жизни поплавать в ванной, так что и сын и дочь научились плавать раньше, чем ходить. Когда в роддоме предложила Ванечке подержать сестру на руках, он испугался и не взял её, боясь навредить хрупкому существу. Но уже на четвертый месяц жизни Маша отправилась вместе с клубом «Бемби» в свое первое путешествие на гастроли, в город Гороховец.

Бережно из рук в руки детишки брали Машеньку и баюкали её, завернутую в пуховой платок. В два с половиной года Маша Бурляева дебютировала в Театре «Бемби» в пока ещё безмолвной роли Розочки. В четыре года – стала сниматься в моем художественном фильме «Господи, услыши молитву мою». В разных ролях в этом фильме снимались мои «бембята», а в главной роли – Иван Мурадханов, юный артист Театра «Бемби». Этот театр выкристаллизовался из клубов «Бемби», и после прихода в Театр киноактера Вячеслава Спесивцева стал на

законном основании «детской сценой театра».

Мною были поставлены спектакли «Красная Шапочка» и «Снежная Королева» по Евгению Шварцу, в них принимали участие дети от трех до шестнадцати лет и звёзды кино: Жанна Прохоренко, Мария Виноградова, Татьяна Гаврилова.

Верными сотрудниками на многие годы стали Владимир Протасенко, Александр Кунямин, Наталия Остринская и Владимир Федоров. В фильме «Господи, услыши молитву мою» снималась и моя однокурсница – Наталья Белохвостикова. Кроме детей в фильме принимали участие животные, но на этот раз – медведи.

Однажды в тридцатиградусный мороз, нервничая из-за непогоды, выйдя на киноплощадку с мегафоном, я увидела крохотное создание в еле застегнутой шубейке, с шапочкой, сползшей на глаза. Одинокий ребенок продвигался мимо клеток с медведями, машинами, камервагеном и кранами.

Схватив мегафон, я закричала на всю площадку.

– Чей это ребенок? Где его мама? Кто разрешил?

Ребенок поднял на меня глаза, и я узнала мою дочь Машеньку… Она долго ждала съемок. Увидев, что я вышла, пошла за мной, как и полагалось дисциплинированному артисту, на киноплощадку. Так как в четыре года ей было трудно одеться, она нацепила шубку, как могла, и нахлобучила шапку, закрыв себе лицо. Так что нерадивой мамой была я сама. Машенька росла очень самостоятельным ребенком. А куда денешься при такой мамочке?

Беловодье. Путем Учителей

Документальные фильмы – это мои дневники. Я делилась тем, чем жила. К изучению наследия Рерихов пришла к тридцати годам и получила ответы на самые потаенные вопросы. Мне хотелось найти подтверждение внутреннему убеждению, что жизнь бесконечна. И я нашла ответ.

Да, в кругу бесконечности мы бессмертны, но как распорядиться этим бессмертием?

И тогда мне захотелось физически пройти часть пути Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерих.

В августе 1989 года мне довелось участвовать в международной экспедиции на Алтай. В ее состав входили ученые, биологи, геологи, медики, кинематографисты – представители Англии, Швейцарии, Болгарии, Советского Союза.

Монголию представлял лама Боосан из буддийского монастыря.

Целью выбранного пути было приобщение к Центрально-Азиатской экспедиции Рерихов и первому ее этапу – алтайскому, ведущему к священной горе Белухе.

В 1926 году экспедиция Рериха прошла алтайским путем и остановилась на две недели на правом берегу Катуни, у самого подножия Катунского хребта с его легендарной вершиной Белухой, в селе Верхний Уймон.

Есть в том селе дом без электричества. Живет в нем семидесятидвухлетняя Фекла Семеновна Атаманова, женщина живая и общительная, но отрицающая технику, не позволяющая себя снимать и записывать на магнитофон.

Звенигород

В старой избушке у Феклы Семеновны тепло, чистенько.

– Да, вот так и полетели они… – продолжает она свой рассказ. – И вот только ему одному и открылось – весельчаку, самому улыбчивому. А другие и были, и смотрели, а ничего не углядели. В окна смотрят, только облака видят. А ему-то, ему-то, улыбчивому, город открылся! Сверху, однако, было видать. Прямо там, на Белухе, город с золотыми куполами…

А те, другие, как в беспамятстве были, ничегошеньки не углядели.

К Фекле Семеновне Атамановой приходила я не раз, да и не только я, зная о ее родственных связях с Вахрамеем Семеновичем

Атамановым, проводником Николая Константиновича Рериха на Алтайском пути Транс-гималайской экспедиции. Да и жили они у них дома – и жена Николая Константиновича, Елена Ивановна Рерих, и их старший сын Юрий.

– И песни они наши знали, – с охотой рассказывала Фекла Семеновна, – и сказания. Знание им было дано: говорили, что город здесь будет и называться он будет Звенигород.

– Ты уж меня не записывай, все эти винтики-штучки эти, ну их, – всякий раз говорила старушка при попытках записать ее на магнитофон. – Не от света это, не от Бога. Так и не нужно.

Так и сидели мы вместе – в доме, где нет и никогда не было электричества. Где огонь в печи, свеча да лампада у иконы освещали стены дома или красно солнышко заглядывало в оконце старообрядки.

Дом Феклы Семеновны стоял на краю большого села Верхний Уймон. Оно было основано около трехсот лет назад староверами, не принявшими церковных преобразований митрополита Никона и бежавшими сюда из западных областей России спасать свою истинную веру.

Преследуемые староверы хранили надежду, что придет день и вновь вернется вера Христова во всей чистоте и правде. Взяли они с собой древние иконы да церковные книги в кожаных переплетах, писанные от руки, псалтыри да Евангелие. Надежда их на обретение истинной веры смыкалась с убежденностью в существовании заветного края. Это сокровенное место именовалось Белыми Горами, Белым Островом или Белым Источником – Беловодьем.

О Белой Горе говорил и русский Святитель Сергий Радонежский – строитель русской духовной культуры, тем возжигая луч мечты в верующем сердце. Однако где находится эта чудесная гора, не указывал.

– Да ты кушай, кушай, – потчевала меня хозяйка. – Вот, медок-то какой, – протянула она мне блюдечко белого, как снег, меда.

– Такого нигде не пробовала, – призналась я, – только здесь впервые увидала.

– Это летний мед, – закивала старушка, – целебный самый. Вот, яичко возьми.

Взяв яйцо, я хотела стукнуть его о краешек стола…

– Э, нет! – неожиданно сурово остановила меня Фекла Семеновна. И, глядя мне прямо в глаза, торжественно произнесла: «Стол – Христов Престол».

Увидев мое замешательство, мягко добавила: «На-ко ложечку, ею яйцо и стукай!»

Опять я вспомнила, что не просто в гости пришла, а к тем, кто через века веру свою бережет от всякой нечистоты. Принимают старообрядцы всегда радушно, сердечно. Только посудой твоей, чашкой, ложкой пользоваться не будут – так и лежат отдельно гостевые чашки от своей. Старенькой, полуотбитой, но своей. Даже селиться старообрядцы любят повыше, у самых источников, чтобы вода не протекала ни через какой двор. Пастырей и священников у них нет, есть старейшина, и собираются они на общую молитву в избе, а не в храме. Вина не употребляют, не сквернословят, много молятся и читают по своим старым книгам.

Покушав, Фекла Семеновна собрала со стола крошки, отлила немного водички в миску, помыла чашки, на место поставила, обтерла руки полотенцем и села возле меня.

Я протянула ей два камня.

– Этот вот, черненький, вчера нашла, – объяснила я, – на холме, где часовню строить хотим преподобному Сергию. Видите, что на нем?

– Вижу, вижу! – легонько прикасаясь пальцем к черному камушку, закивала Фекла Семеновна – Крестик белый, вижу… Да, дается тебе, дается!

– А этот вот с других гор, самых высоких на земле, Гималайских, – показываю я ей горный хрусталь. – Дан он мне одним человеком, в подарок от Святослава Николаевича Рериха. Этот камень мне особенно дорог. Был он когда-то найден в Трансгималайской экспедиции и принадлежал Елене Ивановне Рерих.

– Ну-ка, ну-ка! – старческая рука бережно взяла камень, поднесла к окошку. Горный хрусталь вспыхнул семицветием.

– Будто Христос внутри! – прошептала Фекла Семеновна. – Да, дается тебе! – еще раз проговорила она.

– Фекла Семеновна, – решилась я, наконец, – а где же Звенигород будет?

– Да тут, недалеко, где село Тихонькое, знаешь?

– Знаю, знаю! – радостно закивала я.

– Вот справа от него – березняк, потом лиственница, и место такое славное, открытое до гор больших, там еще родничок есть целебный для глаз. Наши-то старушки частенько туда умываться ходят. Так вроде там город будет – сам рассказывал.

Сам – это значит Николай Константинович.

– А когда он-то про то рассказывал, – продолжала старушка, – и села ведь никакого не было, а он-то все знал, что будет. Возле села, говорит, город будет.

Нигде я не ела такого душистого меда, не пила такого чая с мятой и малиной, как здесь, у Феклы Семеновны, на краю села

Верхний Уймон, где течет быстрая красавица Катунь и сияют снеговые вершины синих гор Алтая. Где, по преданию староверов, лежит путь в Беловодье.

Верхний Уймон

Прохожу по селу. Сколько здесь ребятишек… И все голубоглазые, русоволосые.

– Здрасьте, – поздоровался паренек лет восьми.

– Здравствуй, – ответила я ему и вспомнила, что иногда старообрядцы, встречая друг друга говорят: «Здраствуй, Христос!». Желая отблагодарить кого-нибудь, говорят полностью: «Спаси Бог». Как хорошо, как дышится легко, как ясно думается.

А вот и дом, где жили Рерихи. На доме памятная табличка и барельеф в честь Николая Константиновича.

Рерихи считали Сибирь самой неизвестной и таинственной частью азиатского материка и полагали, что центр новой России со временем переместится сюда. Елена Ивановна говорила местным жителям: «Мы уже несколько лет ездим, плаваем, летаем. Побывали во многих странах, но лучше вашего края не нашли. Воистину, он благословенный».

Елена Ивановна не признавала керосиновой лампы, и друзья доставали ей воск, из которого она сама делала свечи. Так при свете свечи работала неутомимая семья Рерихов здесь на Алтае, в селе Верхний Уймон.

В доме Рерихов на окнах белые чистые занавески, а рядом вырос большой сруб, построенный не так давно почитателями Рерихов из Новосибирска. Сейчас в нем расположился небольшой музей. Есть в нем и репродукции картин Николая Константиновича, немного книг и карта маршрута Транс-гималайской экспедиции.

Вглядываюсь в горы. Там, дальше, совсем недалеко отсюда, Белуха – священная гора России.

Ах, красота-то какая, внутри все замерло.

В небе вспыхнула радуга, словно связуя своим семицветным мостом высочайшую точку Алтая – легендарную Белуху – и красавицу Катунь. Было ощущение чистоты и звонкости, словно виделся под радужной сферой город будущего – Звенигород.

– Успеть бы снять! – пронеслось в моей голове, и, распугивая соседских кур и гусей, я стремительно влетела в зеленую калитку, где жил мой давний друг Владимир Чекалин, где расположилась моя небольшая съемочная группа Барнаульского телевидения.

– Володя! – крикнула я с порога, – радуга!

Никто не отозвался, в комнатах никого не было.

– Ах, как жаль! Ушли куда-то, – заворчала я и вышла во двор еще раз посмотреть на чудо.

– А мы здесь! – услышала я у себя над головой.

Так вот они где! На крыше сарая, как на плоту, среди синего поднебесного царства уместился мой оператор Анатолий Фукс и наш редактор Галина Хлопкова, там же на крыше весело улыбался в бороду хозяин дома – Володя.

– Снимаете?! – с облегчением проговорила я.

– А то, как же такую красоту и не снимать! – не отрываясь от камеры, заметил Толя. – Владимир Иванович увидел, как радуга зреет, мы сразу сюда на крышу. Здесь и горы, и река, и все село видно.

К вечеру похолодало. Володя затопил печь. Соорудили нехитрый ужин.

– В прошлом году, – рассказывала я Толе и Галине, – я впервые сюда приехала. Добиралась на перекладных. Из Москвы доехала до шукшинских мест – там, в Сростках, как раз чтения были, знакомые довезли до Горно-Алтайска. Переночевали и рано утром рейсовым автобусом в Усть-Коксу – двенадцать часов пути, как на одном дыхании пролетели. Дальше опять попутка, и к вечеру добрались сюда в Верхний Уймон.

Еды с собой не взяла. Единственный в селе магазин закрыт давно, солнце за горы прячется, все по домам сидят. Я никого не знаю, грустно стало, и есть хочется. Тут какой-то паренек ко мне подходит, здоровается. Вхожу в дом и глазам не верю – Володя, добрый мой друг еще по ВГИКу! Был он тогда бригадиром осветителей, вместе мою первую режиссерскую работу снимали.

– Да, точно, – подхватил мой рассказ Володя, – а помнишь Тодора?!

– Еще бы не помнить, самый ленивый оператор на свете, – вспомнила я оператора, с которым мне пришлось снимать свой первый фильм «Единственные дни».

– Я тогда Наталье, – продолжил Володя, – сказал, что ей очень повезло с Тодором. Она мне не поверила. А я говорю, если ты с таким оператором справишься, ты потом с любым оператором будешь фильмы снимать!

– Так оно и случилось, – подтвердила я, – все были лучше его.

– И я? – робко спросил Толя.

– А ты, Анатолий, верх совершенства!..

Галина расхохоталась: «Так мы теперь тебя и будем звать, Толя, – совершенство».

От радости Толя решил съесть еще гречневой каши. А мы с

Володей углубились в воспоминания о нашей вгиковской поре.

– Познакомились мы с тобой гораздо раньше, – уточнил Володя. – Еще когда ты на актерском училась у Герасимова. Ваш курс был так знаменит, что на все показы в мастерскую набивалось людей полным-полно. А тут еще слух пронесся, что Андрей Тарковский к вам придет на экзамены по мастерству искать героиню для нового фильма. Я его в коридоре увидел. Идет такой забавный, в берете с помпончиком. А вокруг все: «Гений, гений идет». Фильма-то «Андрей Рублев» еще никто не видел, запрещен был, а то, что Андрей Арсеньевич – гений, про то все знали. Ну, я вслед за гением прошмыгнул и посмотрел экзамен.

– Да это был важный день, – вспомнила я. – Помню, как за кулисами нервничала, еле переодеваться успевала. После этого экзамена меня Тарковский и пригласил на пробы в «Солярис».

– А Андрей Арсеньевич читал произведения Николая Константиновича Рериха? – неожиданно спросила Галина.

– Нет, мне кажется, Рериха он не читал, но очень увлекался Кастанедой.

– Да, во всех его фильмах тайна есть, – проговорил Володя. – Читал или не читал, не так важно. Важнее, как он мир ощущал, знал или предчувствовал. Я вот и читал, а что толку, все жду, жду чего-то, но вот, кажется, дождался!

– Чего дождался? – спросил Толя.

– Вас дождался всех! Семь лет ждал.

– На вот, почитай на сон, – вложил Володя в мои руки тоненькую книжечку.

Страна Беловодье

«Великий Князь Владимир Красное Солнышко отправил шесть посольств в чужие земли, чтобы разузнать, какая вера там, а затем, сличив, полагал выбрать самую лучшую…

Во снах не раз являлся ему старец, что еще одно, седьмое посольство должно быть отправлено. А тут явился перед ним Отец Сергий, который в Царьграде на святой горе Афонской был обращен в христианство. Сергий поведал Великому князю Владимиру то, что далеко на востоке существует где-то страна Беловодье – обитель вечной красоты и истины.

Князь Владимир воодушевился услышанным и решил послать в неведомую страну посольство, во главе которого и поставил отца Сергия…

Страна Беловодье – не сказка, но явь. В сказаниях народов

она зовется всюду по-иному. В дивных обителях там пребывают лучезарные, кроткие, смиренные, долготерпеливые, сострадательные, милосердные и прозорливые Великие Мудрецы – Сотрудники Мира Высшего, в котором Дух Божий живет, как в Храме Своем. Эти Великие Святые Подвижники, соединяющиеся с Господом, и составляют один Дух с Ним, неустанно трудятся в поте лица своего, совместно со всеми небесными Светлыми Силами, на благо и пользу всех народов земли.

Там Царство Духа Чистого, красоты, чудных огней, возвышенных чарующих тайн, радости, света, любви.

Много людей стремятся в Страну Заповедную, но за каждые сто лет проникает туда лишь семь позванных, из них шесть возвращаются, унося с собой сокровенные знания – и только один остается.

Силы ада с бешеной яростью будут, бушуя, наступать безустанно и потрясать нашу Русь до основы… Чем страшнее напор, тем сильнее вера спаяет народ воедино – и ничто не заслонит ему путей ко Всевышнему. Силы чистого света, огня неземного низложат врагов. Живые Огни залечат раны счастливой страны. На развалинах старого возродится Великий Народ, красотою духа Богатый.

Лучшие избранные понесут Слово Бога Живого по всем странам земли, дадут миру мир, человекам благоволение и откроют Врата Жизни Будущего Века.

Записано 15/27 июля 1893 года о. Владимиром, иеромонахом Вышенской Успенской мужской пустыни, Тамбовской губернии, Шацкого уезда».

Я закончила читать. Спать не хотелось. Вышла из дома под звездное небо. Луна ярко освещала горы, а там, где должна была быть Белуха, указуя, сверкал Орион.

Наступило 17 июля 1988 года. Около века назад проповедовал о Беловодье отец Владимир, а сегодня окрепла эта вера в страну Заповедную. О ней, именно о ней повествуют книги Рерихов и их таинственное путешествие в Центральную Азию – и пришли-то ведь сюда, сюда, к Великой Катуни, и были на Белухе. «Страна о четырех океанах…»

Путь к прекрасному. Святослав Рерих

Ушел из нашей жизни Святослав Николаевич Рерих. Последний из великой семьи Рерихов. Ушел, когда на небесном своде вступил в свои права Водолей, небесный знак России, зодиак новой зарождающейся эпохи, ушел под знаком, который подарил 12 февраля 1789 года Елену Ивановну Рерих, верную спутницу его отца Николая Константиновича Рериха, матушку и водительницу семьи.

Вчера, 1 февраля 1993 года, на третий день после ухода из жизни, его похоронили. По желанию и распоряжению его вдовы Девики Рани он был отпет по христианскому обряду и погребен в своей усадьбе в индийском городе Бангалоре, где жил и творил последние годы жизни. Где рядом с домом, в мастерской художника, хранятся его полотна, удивительные коллекции, личные вещи, где на древней земле Индии цветет посаженный им сад, где он любил размышлять под огромным баньяном или на каменной скамейке у озера с белокрылыми цаплями. Да, он похоронен в прекрасном, удивительном по красоте и гармонии месте, но его собственное завещание, известное многим, не было исполнено! Он завещал похоронить себя в России, в родном для него Петербурге по православному обряду во Владимирском соборе. Тысячи людей, уверенные в исполнении его последней воли, сдвинулись со своих мест в надежде попрощаться с человеком, который стал для них светочем в жизни, через творчество которого ярко светился путь к прекрасному.

Не довелось! Что ж, остается лишь некоторая надежда на то, что когда-нибудь завещание Святослава Николаевича исполнится. Так было с Шаляпиным и другими родными отечеству людьми. Но вот что, на мой взгляд, главное: при каждом общении он непременно повторял: «Мы еще встретимся… у нас еще будет много, много встреч». Спасибо за эту надежду, Святослав Николаевич, спасибо за те радостные встречи, которые вы нам подарили!

В 1992 году я встречалась с ним три раза – в мае, июле и октябре на его день рождения. Через несколько месяцев его не стало. Я как будто чувствовала его уход и стремилась снова и снова с ним повидаться. Кто для меня этот человек? Говорят, что в жизни нужно встретить своего старца. Он и был тем самым старцем – для моей души. Он, как певец красоты, призывал стремиться к прекрасному. Прекрасное – это величие космоса,

частью которого мы являемся.

Мы суть жители Космоса, а не только земляне. Есть такая фраза: «Падение пера птички здесь, на земле, отзовется в дальних мирах». Любое событие – хорошее, плохое – так или иначе отзывается.

Первая встреча

Наш самолет летел над Гималаями, над которыми разыгрывалось непостижимое таинство утренней зари. Из-за кромки гор показался огненный диск, осветив собой вершины священных гор и проявив серебристые облака. Солнце тысячекратно отразилось в горных озерах и излучинах рек и полновластно завладело пространством неба. Постепенно из ярко-красного сформировалось мощное белое светило. Так огненно прекрасно началась Индия. Отель «Ашока», сверкая нарядностью, начинался с двух высоких швейцаров, наряженных в ярко-красные одежды и высоченные тюрбаны с настоящими саблями в ножнах. Двери отеля широко распахнулись перед пятью русскими, которые на эти немногие дни должны были забыть свой неустроенный русский быт и возлечь на мягкие кровати в больших светлых номерах отеля.

У дверей номера 420 в небольшом холле полулежала сильно похудевшая Девика Рани – легенда индийского кино, бывшая звезда экрана, племянница Рабиндраната Тагора, спутница всей многосложной жизни Святослава Николаевича Рериха. Едва успели поздороваться с ней, как нас пригласили в номер. За столом у окна сидел Святослав Николаевич, он нас ждал. Со всеми поздоровался, касаясь наших рук, вглядывался в глаза.

Обрадовался двум небольшим иконам нашим, великим Святым – Сергию Радонежскому и Серафиму Саровскому, последнюю мы привезли из Дивеева, где были недавно установлены Святые мощи батюшки Серафима. Святослав Николаевич брал иконы из наших рук и целовал их. Говорил он медленно и тихо, но речь его, ясная, красивая, гармонировала со всем его обликом.

В преклонном возрасте он сохранил необыкновенную красоту. Вспомнились слова Павла Флоренского: «Человек со временем приобретает либо лик, либо личину». Его утонченное, одухотворенное лицо буквально светилось добром и сердечностью.

– Святослав Николаевич, – обратилась я к нему, – сейчас на Алтае мы начали строительство Часовни Сергия.

– Прекрасно! Прекрасно! – искренне обрадовался Святослав Николаевич, он улыбнулся и взяв меня за руку, продолжал говорить. – Это очень, очень меня радует. Будем надеяться, что все найдет свое надлежащее место и… пусть будет именно так, как хотелось бы, чтобы все шло вперед своими особыми шагами.

Он повернул ко мне свое лицо, и я увидела очень близко его внимательные глаза золотистого цвета. Стало необыкновенно тепло на душе, я почувствовала, как заалели щеки, как стало биться сердце в моей груди.

– Нам разрешили быть с вами целых полчаса, – объяснила я, – это огромное счастье. Я сорок два года готовилась к этой встрече здесь в Индии… В Москве мы с вами встречались.

– Да, – утвердительно кивнул Святослав Николаевич и прижал мою руку к себе.

– Но здесь, в Индии, – продолжила я, – это особенно важно, тем более что сейчас я больше понимаю значимость этой встречи, чем тогда, я была не подготовлена к этому.

– Но, во всяком случае, – улыбнулся Святослав Николаевич, – тогда эти встречи тоже были нужные, полезные, хорошие.

– Да, спасибо… – я чувствовала тепло руки Святослава Николаевича, на одном из пальцев горел синим огнем сапфир – кольцо, принадлежавшее ранее его отцу.

Я знала по книгам Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерих, какое место занимал Сергий Радонежский в жизни этой великой семьи. Елена Ивановна писала: «Вся жизнь наша проходила и проходит под Знаменем Сергия Радонежского».

Именно в знак верности Ангелу-Хранителю России, Святому Сергию, мы и хотели поставить в далеком Горном Алтае часовню Сергия.

– Рубим сейчас часовню, – рассказывала я Святославу Николаевичу, – неподалеку от Верхнего Уймона, где в 1926 году были ваши родители – Елена Ивановна и Николай Константинович. Работа ведется по эскизам и картинам Николая Константиновича. Часовня будет небольшая, деревянная, а рядом – келья Сергия Радонежского.

– Очень хорошо! – убежденно произнес Святослав Николаевич. – Вполне, вполне одобряю.

– Сейчас возник огромный интерес к Алтаю, – продолжила я, – и хорошо, если это будет духовный путь…

– Духовный центр, – подхватил Святослав Николаевич, – в котором может быть… – Он оборвал сам себя. – Да, дорогая моя, теперь смотрите, здесь.

Святослав Николаевич указал на книги Учения, лежащие перед ним на столе, он провел рукой по переплету и замер…

Замер и наш разговор. Не выпуская мою руку из своей, Святослав Николаевич смотрел куда-то в окно, где через ветви тропических деревьев в чернильной темноте ночного вечера полыхали зарницы. Лицо его стало отрешенным. Он полуприкрыл глаза и как бы находился не с нами, и только тепло руки, легко сжимающей мою, говорило о том, что разговор не закончен.

– Тут хорошие книги, – прервал тишину Святослав Николаевич.

– Да, многие люди их ждали, – боясь потревожить его мысли, проговорила я едва слышно.

– Да, – ответил он, пытаясь открыть большой том, но рука его не слушалась.

Я взяла том и открыла на первой странице: «В мою Новую Россию моя первая весть», – так начиналась первая книга учения «Зов».

– Раньше мы прятали эти книги, – рассказывала я, – ведь за это преследовали, а теперь они доступны, другие времена настали.

– Да, – утвердительно сказал Святослав Николаевич.

– Загорску вернули прежнее название – Сергиев Посад, – рассказывала я.

– Сергиев Посад? – повторил Святослав Николаевич, – прекрасно! Да, – сказал он, бережно касаясь книг, – много есть интересного, прекрасного…

Года жизни до этого часа спрессовались в одно мгновение и перед глазами пронеслась вся сорокадвухлетняя жизнь. Вот маленькая Ната, ведомая в сибирском лесу бабушкой Анной Ивановной Герман. И далее: повзрослевшая Наталья, обретающая знаменитых учителей – Сергея Герасимова, Андрея Тарковского… Проживающая судьбы своих героинь – незащищенной Хари, сгорающей от любви мадам де Реналь, сострадательной Марии Волконской.

Я поняла, что все не случайно, что все это жизнь человеческого духа. В глубине души я была уверена, что где-то на орбите планеты Солярис ждет Криса Кельвина моя Хари, что в каком-то ином измерении Мария Волконская встретится со своими умершими детьми, а мадам де Реналь после смерти соединится сердцем с любимым Жюльеном, есть где-то та неведомая пока нам страна, которая возвращает все, что отняла жизнь. И я не ошиблась!

Когда я в тридцать лет впервые взяла в руки одну из книг «Живой Этики», я впервые получила ответ на зов моего сердца. Ответ, данный неведомыми мне высокими и Великими Душами, которым я поверила навсегда, ибо сердце знало, что это была

правда. Да, жизнь не кончается с последним земным вздохом. Она расцветает в иных мирах и измерениях, и все, чем был человек в жизни, все его накопленные духовные богатства остаются с ним после смерти. Ибо сказано Иисусом Христом: «Не умрем, но изменимся».

Там, в иных мирах, ждут те, кто ушел раньше, там радость и помощь тем, кто не нарушил здесь, в жизни своей, законы космоса и земли, там страдание и мучение тем, кто презрел дух в себе и пошел к разложению.

Читая Учение, я почувствовала, как оно зажигает во мне неведомые воспоминания прежнего опыта, настраивает душу на высокий лад, будит творчество и фантазию, и все это – океан Учения, который был связан с Великим живым опытом семьи Рерихов. Книги Учения зарождали мысли, мысли толкали к действиям и привели меня через десятилетие к пути, по которому шла великая семья Рерихов. Этот путь физически связывал Алтай и Гималаи в единое грандиозное целое, он увлекал к иным мирам.

Ночью в Бангалоре разразилась летняя гроза, торжественно, с длинными раскатами, гремел гром, небо пронзали не одна, а сразу несколько молний. Зато утро, умытое дождем, сверкало свежестью и ароматами цветов.

Вскоре за нами пришла помощница Святослава Николаевича и весело сказала, что Святослав Николаевич спрашивал: «Куда это вы все подевались?».

Святослав Николаевич сидел в том же кресле, но в новой веселой ситцевой рубашке и пил чай, осторожно помешивая ложечкой сахар.

– Святослав Николаевич, – начала я наш разговор, – сейчас мы переживаем в России тяжелые времена.

– Да, я знаю, – сердечно ответил он.

– Поэтому хотелось бы именно от вас услышать, как нам быть?

Святослав Николаевич снова взял мою руку в свою:

– Главное, не беспокойтесь о том, что Россия может чем-то потратить свои силы, энергии. Все это пройдет, все это поправится, – голос его, вчера еще такой слабый, сегодня звучал сильно и выразительно, наполненный энергией Веры. – Я уверен, что Россия переживет все это, и все эти временные затруднения сотрут себя, и мы вступим на Новый этап. Да, – продолжал он, – радостно видеть, когда появляются хорошие люди, которые понимают, которые стремятся к тому же, что и ты, которые хотят помочь в достижении этого будущего.

– И верят, – подхватила я слова Рериха, – что у России будет

великое будущее.

– Да, конечно, конечно! – с уверенностью произнес Святослав Николаевич.

– Значит, всему свое время, – повторила я его слова, – ведь сказано: «Претерпевший до конца спасен будет».

– Да!.. – как-то особенно тепло произнес Святослав Николаевич и опять прижал мою руку к себе.

Не отрываясь, я смотрела в светлые глаза Учителя, мне так хотелось, чтобы он был уверен в нас, что мы всё выдержим, всё вытерпим.

– Народ у нас терпелив, – сказала я.

– Да, – согласился Святослав Николаевич, – бесконечно терпелив. Прекрасный народ!

– Сегодня многие выбирают духовный путь, – продолжила я наш разговор, – и есть те, кто идет путем семьи Рерихов. Что передать этим людям?

– Будущее России, – отвечал Святослав Николаевич, – ясно определено тем, как она расположена. Главное, мы должны стремиться к прекрасному. В этом все, потому что в этом лежит совершенство будущего. И к этому мы должны все стремиться, и мы найдем прекрасное!

– Сейчас, в дни 600-летия со дня Успения Преподобного Сергия повсюду идет строительство, – рассказывала я. – Мы строим часовню, да и сама усадьба в Верхнем Уймоне, где жили ваши родители, реконструируется в эти дни.

– И это правильно, – подхватил Рерих, – потому что Сергий играл такую большую роль. Так сильно все это у него проходило, что, несомненно, и в будущем его ждет большая сложная жизнь. Да, дорогие мои.

В этих словах, сказанных Святославом Николаевичем, был заложен какой-то очень большой, возможно, пророческий смысл, священный завет.

«Вы увидите, он будет играть большую сложную “жизнь” – вспомнились строки, написанные Николаем Константиновичем Рерихом о Звенигороде – городе Будущего, что возникнет он на берегу Катуни на Алтае, и что поднимется он под светлым Знаменем Сергия Радонежского.

– Спаси Бог, как говорят у нас на Алтае, – вспомнила я, как благодарят старообрядцы.

– Спаси Бог, правильно, – обрадовался Святослав Николаевич, – это правильный подход. Да, как я говорю, нужно стремиться к чему-то красивому, к чему-то новому, и через это стремление мы найдем новые пути…

В местечке Татагуни под Бангалором огороженная массивным

забором на большом участке плодородной земли расположилась усадьба Рериха. На тщательно ухоженных терпеливыми индийскими руками газонах цвели яркие душистые цветы, но тончайший, сложный аромат всего сада создавали не они, а очень странные на вид деревья. Словно пришельцы из далекого космоса, они вытягивали свои фигурные стволы и ветви к жарким индийским небесам и, казалось, просили еще большей жары. Вся растительность в саду уже давно буйно цвела, а на руках-ветвях этих деревьев только что появились какие-то беззащитные нежно-зелёные листочки, крошечные завязи каких-то плодов, которые и издавали столь удивительный аромат. Мне рассказали, что масло этих плодов употребляется во французской парфюмерии, но что истинное их употребление еще впереди.

Вскоре мы вошли в святая святых – мастерскую Святослава Николаевича, расположенную в отдельном доме. Большая, просторная комната с обилием дневного света скорее напоминала музей. Все в ней говорило о любви к прекрасному, в чем бы это прекрасное ни проявлялось – в камне или картине, фигуре из бронзы или иконе на шелке. Это была мастерская красоты.

Вдоль стен мастерской, обернутые прозрачным полиэтиленом, стояли полотна Святослава Николаевича. Перед нами был мир в красках: темно-синие тени долин, свежая зелень луга, золотистое небо, своеобразный ритм движения и света. Вспомнились слова Учения: «Через искусство имеете свет». Притягивала к себе огромная картина летящего над землей в ярко очерченной ауре Иисуса, в картине доминировал прозрачно-бирюзовый цвет.

На массивном письменном столе разместился целый мир фигурок из бронзы и мрамора, белой и темной слоновой кости.

Здесь соседствовали Мадонна и Будда, здесь не было религиозных разногласий, царил мир и шла гармоничная работа над сознанием людей, имеющих редкую возможность напитывать свой дух редчайшими произведениями искусства.

Мое внимание привлекла большая, в темной деревянной раме фотография Елены Ивановны Рерих. Она сидела в кресле в четко обозначенном светящемся круге ауры. С фотографии на нас смотрела милая сорокачетырехлетняя женщина, поражающая своей необыкновенной сосредоточенностью и ощутимым страданием. Елена Ивановна – водительница и вдохновительница семьи Рерихов – прошла через огненное крещение космических энергий, зажгла огни своих духовных центров и этим самым оказала действенную помощь всему человечеству, приняв и пропустив через свое сердце космический огонь. Именно ей Великие Гималайские Учителя доверили принести миру Новое

Откровение, Новейший Завет. Да, это был Величайший Дух в образе прекрасной женщины, но это была и земная хрупкая женщина, вынесшая ради любви к человечеству невыносимые страдания. Только в будущем мы сможем понять глубину этого подвига и степень этого страдания, когда приблизимся к своей Голгофе, ведущей к постижению космических тайн.

Пасха!

Утром пошли поздравлять Святослава Николаевича. Принесли ему самовар, крашеные яички, он очень обрадовался, просил медицинских сестер, чтобы хорошенько все устроили.

Я спросила Святослава Николаевича о его картине «Иисус летящий».

– Много будет новых картин, – улыбнулся он.

Святослав Николаевич стал переводить на английский язык слово в слово Адити Васиштха, своей собеседнице, то, о чем я говорила по-русски. Адити приняла нас сердцем.

– Они полны любви к вам, – сказала она.

Весь день провели в усадьбе Святослава Николаевича. Впервые вошли в жилой дом. Сразу ощутила огромную энергию, даже остановилась на пороге, все тело покалывало, руки отяжелели. На стенах в гостиной небольшие этюды Николая Константиновича Рериха – Гималаи. На туалетном столике – Будда из светло-голубого фарфора. Везде небольшие бумажные иконы Святого Антония с маленьким Христом. Поднялись наверх по деревянным ступенькам в спальню Святослава Николаевича и Девики Рани. На коврике трогательно смотрелась аккуратно собранная вычищенная обувь Святослава Николаевича. Здесь паутина, видимо, слуг сюда не допускают.

«Доктор Рерих не был здесь уже более двух лет», – рассказал нам слуга-индиец. С небольшого балкона хорошо виден сад.

В гостиной, в спальне каждый уголок занят фигурками, памятными деталями: Будда и Мадонна, икона Владимирской Богоматери и индуистские божества, Святой Сергий и Святой Франциск. Здесь, в этом микромире, никто не спорит, нет религиозных распрей, все живут мирно и сообща творят свою помощь людям.

Перешли в мастерскую Святослава Николаевича. Одна за другой освобождались от полиэтилена его картины. Заботливые руки индийцев ставили полотна на мольберт, и мы снимали каждую картину, иногда объединяя кадры с цветами и деревьями сада. Картина «Будда» уже требует реставрации. «Маленький

Кришна», «Летящий в ауре Иисус», «Моление о Чаше», цикл картин «Тонкий мир». Людмила Васильевна Шапошникова сказала, что такого Рериха еще не знают. Возможно, мы первые и последние, снимающие эти картины.

Кажется, Девика Рани собирается продать усадьбу.

«Боже, сохрани сад Святослава Николаевича и его картины!»

Под вечер со свечой сняли проход по всему дому, зашли в лабораторию: мало кто знал, что Святослав Николаевич занимался химией, исследуя эфироносы. Со стен смотрели буддийские и иранские мудрецы. Все гармонично и красиво, но нигде ни роскоши, ни пошлости – дом, как и человек, отражал всю многотрудную жизнь, жизнь Художника.

29 апреля. Бангалор. Отель «Ашока»

Показали фрагмент из фильма «Часовня Сергия», фильм второй «Невидимо Видимый». Смотрели вместе со Святославом Николаевичем. Он взял мою руку, я прикрыла ее своей, так и стояли, как одна душа. Святослав Николаевич смотрел с большим эмоциональным напряжением. На эпизоде с Серафимом Саровским несколько раз плакал. Но самое большое волнение было при виде хроникальных кадров с его отцом – Николаем Константиновичем Рерихом. Он вскинул руку, обвел всех глазами. Раздались радостные возгласы индийцев: «Папа, папа».

Адити поцеловала его и меня. Несмотря на усталость, Святослав Николаевич живо отреагировал на мое «Завтра мы уезжаем»:

– Когда?

– Вечером.

После фильма пришла Адити. Понятно, почему именно ее приблизил к себе Святослав Николаевич. Утонченная духовная сущность, родственная душа. Адити очень интересно рассказывала о первой встрече со Святославом Николаевичем. «Святой среди нас» – был рефрен ее рассказа. «Самое прекрасное – быть с ним, это целый мир. Я никогда не была в Кулу, но он столько о ней говорил, что я представляла долину даже лучше, чем если бы видела сама – ведь я всё видела его глазами, глазами художника».

Тепло попрощавшись со Святославом Николаевичем, мы покинули гостеприимный Бангалор.

Долина Кулу на севере Пенджаба

2 мая мы выехали из Дели, наш путь лежал в Гималаи к священной долине Кулу.

Мимо проплывали индуистские храмы, спящие на мостовой люди, священные коровы-зебу. Прошли паломники – ситдху, один из них – на каталке, калека без ног.

В храмы, напоминающие горные вершины, можно входить всем, только сняв обувь. По краям дороги растут эвкалипты, пальмы, желтеют поля подсолнухов. Живописные мулы тянут переполненные телеги, их рога увиты лентами и украшены бубенцами. В Индии даже самые бедные жилища, повозки обязательно чем-то украшены, а девушки в разноцветных сари с вплетенными в косы душистыми цветами похожи на экзотических бабочек или часто встречающихся королевских павлинов.

После семи часов пути мы увидели горы. Теперь нас сопровождал только горный пейзаж и бурные воды реки Биас. Миновали место, где состоялась описанная в Махабхарате Великая битва.

После пятнадцати часов пути, поздно ночью мы прибыли в Кулу, в усадьбу Рерихов. К нам вышла хранительница дома Урсула. Ей было передано письмо от Святослава Николаевича с указанием разместить нас в усадьбе.

В скале над долиной под звездным небом был еле различим двухэтажный, увитый плющом старинный каменный дом. Сколько раз представляла я тот момент, когда попаду сюда! Дом, где жила Елена Ивановна Рерих, Николай Константинович, Юрий Николаевич и Святослав Николаевич, где проходили встречи особого значения, где рождались строки нового Огненного Учения – Живой этики. Почти несбыточная мечта.

И вот мы здесь, за большим старинным столом, в столовой Великой семьи. Электричества нет, ужинаем при свечах. Когда сели за стол, воцарилась абсолютная тишина, ни одного звука, от свечей протянулись световые линии к нашим уставшим, но счастливым лицам. Нехитрая наша походная еда легла на красивые тарелки английского фарфора, принадлежавшие семье. Почти не сознавая от усталости и волнения, что происходит в этот необычный день моей жизни, я уснула на кровати, принадлежавшей некогда Николаю Константиновичу Рериху.

Спала очень хорошо, видела сны, но не запомнила. Разбудила нас Урсула, ровно в 8 утра дала по чашке крепкого чая, приготовила для умывания кувшин теплой воды. В доме только холодная. Дом, видимо, благодаря её усилиям и усилиям немногочисленных слуг, очень живой и в абсолютном порядке. Он строг и красив. Все говорит о том, что он приспособлен для Великих общений. У постели Николая Константиновича, где я

спала, знакомое по фотографии Елены Ивановны кресло.

Сижу за столом Елены Ивановны. За окном вечнозеленые деодары (гималайские кедры), внизу шумит Биас, мощная река, берущая свое начало от горных святынь. Окно передо мной, увитое диким виноградом, полуоткрыто. Оно трёхстворчатое. На подоконнике пять больших кристаллов горного хрусталя и каменная табличка со знаками. На столе слева от меня красивая керосиновая лампа, два белых камня и снова горный хрусталь. Каменное изображение, видимо, женское, со сложенными руками. Слева от письменного стола в углу небольшая тумбочка из темно-коричневого дерева.

Днем мы все вместе прошли к памятнику, поставленному на месте кремации Николая Константиновича Рериха. Утро солнечное, долина вся перед глазами и вся прослушивается: кричат петухи, шумит Биас, слышны барабаны и крики индусов. После поднялись чуть выше усадьбы, туда, где под сенью деодаров располагался Урусвати – Институт Гималайских исследований. Здесь впервые, ещё в двадцатые годы, сопрягали науку, духовность и поиск. С этим институтом сотрудничали Эйнштейн, Вавилов, Вернадский. Здесь шли исследования по созданию лекарств из редких растений, собранных семьей Рерихов в Трансгималайской экспедиции. Если бы не война и не остановка деятельности института, возможно, что проблема рака, этого бича современности, была бы решена. Единственные в своем роде астро-химические условия гималайских высот создали поистине уникальную обстановку для тончайших опытов в лабораториях института.

Но сегодня, в 1992 году, все здания в бедственном положении, их деревянные стены изъедены жучком, но вид с возвышенности, где расположен Урусвати, потрясающ: горная цепь с вечными снегами, окаймленными могучими деодарами.

Весь оставшийся день снимали в доме, в столовой, в кабинете Елены Ивановны. Начался ливень, засверкали молнии, эхом грохотал гром. Я положила на стол книги Елены Ивановны с ее пометами, рядом – книги Учения «Зов», поставила потрет Учителя, и мы под аккомпанемент грозы начали снимать.

Возможно, из-за непогоды нам закрыт путь назад, можно не успеть на самолет. На все воля Божия!

Вернулся уставший водитель, он помогал Вишну, старому слуге Рерихов, вернуться домой к пудже – индийскому богослужению. Вишну болен астмой. Водитель сказал, что, возможно, из-за сильного дождя сошел селевый поток и перекрыл путь назад.

Проснулась в 7.30 утра. Первое, что увидела, – радуга на

створке окна. Воздух звенит от солнца. Все вершины буквально горят. Но снизу поднимаются легкие облачка.

Внизу, в долине, опять гремят барабаны и звучат трубы, какое-то празднество, возможно, свадьба.

Передо мной лежит книга Учения «Живой этики» – «Зов», с правками Елены Ивановны. Первая книга, вышедшая еще в старой орфографии.

Люди зашли в тупик, но молнии осветят их путь,
И гром разбудит спящих.
Горы обрушились, озера усохли, ливни снесли города.
Явил лик голод, но молчит дух человеческий.
Идите, учите, протяните руку помощи.

Жизни счастье найти в творчестве
И око обрати в пустыню.
О Христе любовью ревнуя, Христу радость несу.
Думайте о великом даре любви к Единому Богу
И умейте развить великий дар прозрения
В будущее единство человечества.

Выехали на машине к перевалу Ротанг. Яблони в цвету, снежные вершины и многочисленные водопады, мощный в своем движении Биас. Первая остановка у скалы с цветным изображением легендарного учителя «Падма Самбхавы». Каменотесы стучат молотками на улицах деревень. Камень здесь в почете – даже крыши покрыты пластинками из каменного сланца, которые положены одна на другую наподобие черепицы. Много ребятишек. Жители долины Кулу предпочитают всё носить в легких объемных корзинах. Колеса до сих пор не признают. Увидели интересных монахов. Один сидел в задумчивости у скалы, другой встретился нам на дороге. Поднялись кругами к перевалу, он оказался непроходим. Снимали рядом. Живописные скалы внизу, горная река и водопады. Забрались чуть повыше – альпийские мелкие цветы: голубые, сиреневые. Перед взором – грандиозность Гималайского пейзажа. На обратном пути заехали в поселок городского типа Манали. Сняли храм Хотимбы XVI века, до этого на этом месте было древнее святилище, где приносили человеческие жертвоприношения – добровольные и не очень. У входа в храм висят колокольчики, внутри почти никакого убранства, краска для точки между бровями и священная еда, чуть сладковатая на вкус. Вокруг храма чудо природы – гигантские деодары, которым пять тысяч лет, как утверждают хранители монастыря.

В Манали в тибетском магазинчике приобрели удивительно звучащий тибетский колокольчик, четки и благовонные палочки под названием «Шамбала». Недалеко от Манали мы видели отель с этим же названием.

Перед возвращением посетили дворец Раджи. Нас встретил хозяин отеля и небольшого музея под открытым небом. В камне запечатлены женские фигуры, изображающие жен раджей, которые добровольно восходили на погребальный костер умерших мужей. Страшно представить этот ритуал. (Если не ошибаюсь, подобную статуэтку я видела на письменном столе у Елены Ивановны.)

В Индии совершено иное отношение к жизни и смерти. Днем, по возращении, на скамейке перед домом Рерихов я взяла интервью у Урсулы и Людмилы Васильевны Шапошниковой. Оказалось, что они были в одних и тех же индийских племенах, особенно запомнили они матриархальные племена Тода.

Уже в темноте снова спустилась вниз к месту кремации Николая Константиновича и камню-памятнику.

Гроза прошла. С деодаров падали последние капли дождя, пахло травами и смолой могучих гималайских кедров. Неожиданно у самой земли вспыхнула голубая, еле приметная звездочка, и я стала путешествовать вместе с ней по саду. Прохладно, хорошо.

В кармане своей походной куртки обнаружила семь алтайских кедровых орешков. Раскопала камнем влажную землю и опустила в неё семь зерен: как знать, может быть, вырастут на Гималайской земле алтайские кедры.

Завтра в 5 часов утра уедем из этого Дома Учителей – дома, наполненного их аурой, необыкновенной энергией, мыслями Великой Семьи, книгами, вещами.

Алтай – Гималаи

Начало второй экспедиции в Индию у нас с Володей Шестаковым получилось буквально транзитом: Алтай – Гималаи. 9 июня я прилетела в Барнаул, остальные все ехали на поезде.

Встретила наших и уже знала, что полечу 11 июня назад. Машенька, дочка моя, танцевала на взлетной полосе. С ней прилетел на Алтай ее первый учитель английского языка Дэвид Нельсон. Он приехал из США и уже полгода жил у нас, удивительно добрый прекрасный парень. Я решила его взять на Алтай.

Дэвид улыбался во все свое милое лицо. Обедали в Мульте,

потом на грузовичке все вместе с детьми поднялись в горы к месту строительства часовни Сергия. Дорога была трудная, по камням и реке, Маша то засыпала на руках, то радостно крутила головой по сторонам, отмечая: «овечки», «лошадки», «цветы».

Там, в горах на Елани, среди цветущих лугов увидели светлый абрис нашей часовни – белоствольный куб, пока без верха. Сделали на строительстве красивые кадры. Строитель Валера играл на гуслях, птицы пели, шумела горная река, горели жарки. Снимали до заката солнца. Вернулись в темноте. Маша мирно спала на моих руках.

11 июня вылетела из Усть-Коксы в Барнаул и из Барнаула в Москву.

Великий праздник. Летим к Святославу Николаевичу. У меня в руках в небольшой вазе желтые огоньки – жарки, сорванные на Алтае моей Машенькой неподалеку от строящейся часовни. Цветы ехали с нами на грузовике с горы до Мульты, 11 июня на машине от Мульты до Усть-Коксы. Далее – самолетом от Усть-Коксы до Барнаула, потом от Барнаула до Москвы, далее на машине ночью до Украинского бульвара – здесь мы передохнули у мамы и вечером 12 июня выехали в Шереметьево. Далее – на самолете до Дели, здесь мы все переночевали и вылетели 14-го в Бангалор. В Бангалоре мы доехали до отеля «Ашока». В день Святой Троицы 14 июня 1992 года в 17 часов 30 минут были вручены Святославу Николаевичу Рериху три уцелевших ярких жарка, сорванных у строящейся часовни Сергия.

Я вручила цветы с Алтая и поздравила с Великим праздником Троицы. Святослав Николаевич тепло поблагодарил меня и всех тех, кто работает сейчас над часовней.

Вечером нас позвали в небольшой холл на этаже Рерихов. Там было довольно много людей и даже хорошо знакомые. Австралиец Майкл Брин, с которым мы отплясывали танец ацтеков на Алтае, очень обрадовался нашей встрече. Про Алтай Майкл сказал:

– Это было одним из моих лучших путешествий в жизни.

Святослав Николаевич был собран и красив, видимо, на английском языке ему говорить проще. Все хорошо, завтра «Духов День». Инагурация Треста.

Ночью увидела во сне Святослава Николаевича, и прозвучал мужской голос по-английски: «Help him» – «Помоги ему». В ту же ночь Володя перед засыпанием услышал мужской голос, который говорил ему: «Не бойся, не беспокойся».

Итак, в Духов День состоялась инагурация (презентация) Мемориального Треста Рерихов. Всё было торжественно и красиво, пела песню женщина индианка, зажгли свечи, звучала

Пуджа – молитва. Хорошо говорили и Святослав Николаевич, и Девика Рани, но за всем этим ощущалась большая тревога за судьбу усадьбы в Бангалоре, на нее претендуют по меньшей мере четыре мафии, и, кажется, в этом принимает участие Мэри Пунача. Она назначила себя на роль генерального секретаря Треста Рерихов.

Но самое главное: снова удивительные встречи со Святославом Николаевичем. Из имения Рерихов в Кулу я привезла фотографии и невольно сравнивала их с кадрами, сделанными на Алтае.

– Как похожи эти места, – говорила я Святославу Николаевичу. Он бережно касался фотографий и соглашался со мной. – И это правильно… Всё в такие места приходит в своё время, именно в нужный момент, поэтому, – он улыбнулся и тепло посмотрел на меня, – поэтому мы не будем тревожиться, будем только заботиться о том, чтобы исполнить наш долг. Всегда помните, что долг – это великая наша задача, которая лежит перед нами и для которой мы живем, чтобы ее исполнить…

Святослав Николаевич взял меня за руку, и я снова почувствовала прилив доброй, прекрасной энергии, идущей от него.

– Красивые все-таки места, – он снова смотрел на вид из окна Елены Ивановны.

– Этот горный массив называется Белый Путь? – спросила я.

– Белый Путь, правильно…

Оставив на память Святославу Николаевичу фотографии Алтая и Кулу, мы попрощались с ним до следующей встречи, так как получили приглашение на его день рождения.

День рождения

Наш третий приезд к Святославу Николаевичу был в середине октября 1992 года.

Так случилось, что съемки фильма «Часовня Сергия» были приостановлены, и я, чтобы попасть к Святославу Николаевичу, поехала просто в туристической группе, пригласив моих верных алтайских сотрудников с Барнаульского телевидения – Анатолия Фукса и Галину Хлопкову.

Вместе с нами в Индию поехали дети уральских шахтеров. Каждый из них вытянул счастливый билетик (который выделил шахтерский комитет), но они не знали, что кроме знакомства с удивительной страной им посчастливится встретиться со Святославом Рерихом в Бангалоре. Детей было много, человек

пятнадцать. И я боялась нарушить покой Святослава Николаевича таким обилием встреч. Но как только он узнал о нас, тотчас пригласил всех в свой номер. Дети касались его рук, каждому он говорил теплые слова. Я видела, что состояние Святослава Николаевича ухудшилось, а ведь мы мечтали увезти его с собой в Москву. Но на наше предложение секретарь Мэри Пунача только качала головой и говорила: «Мадам боится холода».

22 октября мы посетили усадьбу Рерихов. Дети были ошеломлены красотой сада. Многие звонили в заветный колокольчик в небольшой индусской часовне, веря в то, что он исполняет задуманное желание.

Весь вечер и половину ночи я репетировала с детьми частушки, написанные ими в честь дня рождения Рериха.

День рождения Святослава Николаевича 23 октября 1992 года.

Отель «Ашока» празднично убран, много гостей и цветов. Настал черед поздравлений. Дети спели частушки так хорошо, что Святослав Николаевич попросил повторить еще раз. Каждому ребенку были вручены сувениры. Я подарила Святославу Николаевичу книгу о Сергиевой Лавре, созданную к 600-летию успения Преподобного Сергия, и картину – батик, на котором был изображен православный храм.

Он принял картину из моих рук и поцеловал ее. Мы с Толей Фуксом снимали все, что происходило в тот день. Разве мы могли предполагать, что это будут последние съемки Святослава Рериха?

Памятно прощание.

Окруженная детьми, я хотела говорить о главном со Святославом Николаевичем.

– В этом году праздники были посвящены и Сергию Радонежскому, и Серафиму Саровскому, – напомнила я. – Россия постепенно обретает духовное единство.

– Это Великое дело, – ярко отреагировал Святослав Николаевич, – это Великое дело, дорогая моя.

Он устремил долгий взгляд в камеру, как бы прощаясь со всеми.

– Будут встречи будущего, будем смотреть в будущее, будем готовиться к прекрасному, нет, в конце концов, – прервал он себя, – к тому, что может быть закончено в свое время…

Я стала прощаться, боясь утяжелить его состояние нашим присутствием.

– Спасибо, Святослав Николаевич, спасибо вам за эту встречу…

Но Святослав Николаевич сам не отпускал нас.

– Спасибо вам, – сказал он и поцеловал мою руку. Я тут же поцеловала его руку и заглянула в его светлые, бесконечно добрые глаза.

– Мы с вами расстанемся, а потом… – Святослав Николаевич сделал паузу… – И потом снова сойдемся…

– Сойдемся, да, – повторила я. – Спасибо вам…

– Помните это, – сказал он, – и что все будет к лучшему…

– Да, мы в это верим…

– И это факт…

– Спасибо… – я стала прощаться, но Святослав Николаевич не выпускал мою руку, и я вновь села подле него.

– Знаете, – говорил он, – много мы видели перемен в жизни, много было всяких сложностей, но все-таки главное, – глаза Святослава Николаевича наполнились слезами, – главное останется.

– Главное останется, – повторила я. – Мы в это верим…

– Так что идите светлым путем, путем Света, радости, путем новых достижений… Это вам, – он перекрестил мою руку… – Всегда старайтесь делать как можно лучше, всё…

Со всеми детьми и взрослыми Святослав Николаевич попрощался, дотрагиваясь до рук и всматриваясь в глаза.

Так с детьми России произошло это главное прощание – художника, мыслителя, последнего Рериха на планете, Святослава Николаевича Рериха.

Через три месяца Святослав Николаевич вступил в мир иной.

Наступило 23 октября 1993 года, первый день рождения Святослава Николаевича без него самого.

В этот день по Первому каналу Центрального телевидения был показан наш фильм «Учитель Учителей». В него вошел материал со всех трех поездок к Святославу Рериху.

К 100-летию Святослава Рериха в 2004 году я смонтировала фильм «Святослав Рерих. Завет».

Вместе с Обществом Рериха в городе Тольятти, возглавляемым Галиной Кальжановой, мы смотрели незабываемые кадры из жизни того, кто беззаветно служил красоте. С днем рождения, Святослав Николаевич! Мы еще встретимся, мы в это Верим!

Печальники земли русской

На Первом фестивале славянских фильмов «Золотой Витязь» был показан мой фильм «Господи, услыши молитву мою».

Еще в Горном Алтае, читая жития Серафима Саровского и Сергия Радонежского, я была потрясена схожестью духовного пути двух великих старцев.

Приехав с Алтая, узнаю, что мне предложено снимать фильм по рассказу Лескова «Зверь». Открываю сценарий и читаю эпиграф: «И звери внимают святому слову» (Серафим Саровский).

В этом фильме впервые появляются образы сразу двух великих святых: Сергия Радонежского и Серафима Саровского. Главную роль исполнил Иван Мурадханов – восьмилетний актер нашего Театра «Бемби».

Россия сильна своими заступниками: Сергием Радонежским, Иоанном Кронштадтским, Серафимом Саровским. Они печальники Земли Русской. Я верю в то, что наша Земля поднимется под знаменем Святого Сергия Радонежского, с его помощью, заступничеством… Эти святые следовали путем Христа, шли на огненное крещение, собственную Голгофу. На мой взгляд, православие истинное должно быть ближе к простой рясе Святого Сергия. Серафим Саровский говорил: «Стяжай в себе дух мирен, и тысячи вкруг тебя спасутся». Эти святые и поныне с нами. К ним можно обращаться за заступничеством, это многим удавалось.

Театр «Бемби»

Наши детские спектакли в Театре киноактера были очень популярны. За три месяца до спектаклей все билеты раскупались. Однако после увольнения нашего художественного руководителя Вячеслава Спесивцева взялись и за меня, и за мой театр. Стали собирать компромат против детей. Даже записывали на магнитофон, где дети отступают от «канонического» текста Евгения Шварца. А я позволяла детям импровизировать.

Например, Ваня Бурляев, играя Ворона, прибавлял от себя: «Когда у меня все перья выпадут, пойду к Кашпировскому, и он вырастит у меня перо не простое, а серебряное».

Все это ставилось нам в вину. Заместитель директора по фамилии Могильницкий следил за детьми. Однажды углядел нашего четырехлетнего артиста, которому очень захотелось по «малой нужде», а до туалета бежать далеко, он побоялся, что не успеет к своему выходу на сцену и… на глазах у Могильницкого пописал в урну, которая была прямо у сцены.

– В театре! – заорал на малыша Магильницкий. – В храме!

– А мне на сцену пора, – сказал зайчонок и вылетел со своими братьями-зайцами к зрителям, которые встретили его восторженными аплодисментами.

Несмотря на то, что Театр киноактера все же лишил моих воспитанников сцены, мы выстояли. Детская профессиональная труппа была невероятно популярна – видимо, это и не давало покоя коллегам, отсюда зависть, интриги…

Впервые объявила голодовку, так хотелось оставить детей в театре. Жила без еды двадцать шесть дней.

Голодовкой удалось спасти коллектив, декорации, костюмы. Они нам служат и по сей день. В разные годы с нами сотрудничали Жанна Прохоренко, Татьяна Гаврилова, Наталья Белохвостикова, и сейчас продолжают сотрудничать Владимир Протасенко, Александр Кулямин, Николай Бурляев.

После того как мы лишились сцены, нас пригласили в Севастополь. На спектаклях яблоку негде было упасть. Дети жили на теплоходе «Енисей», играли в театре им. Луначарского. В «Артеке» выступали перед тремя тысячами детей. Объездили Украину, Горный Алтай, ФРГ, Францию, США, Грецию, Турцию.

Жили в самых трудных условиях. В Горном Алтае – в палатках. Дети умеют и любят жить в походе, трудностей не боятся.

Мы долго скитались, но наконец обрели постоянную сцену в центре детского творчества «Хорошево». Сейчас в театре играют

пятьдесят детей, восстановлены все прежние спектакли, репетируем, гастролируем.

Мой «бембенок» – Коля Молочков – закончил ГИТИС и теперь играет в театре «Et Cetera» у Калягина. Стали профессиональными актерами Павел Гайдученко, Александр Голубев, Катя Шевченко, Иван Мурадханов. Наташа Остринская и Володя Федоров закончили режиссерский факультет и вернулись в театр уже режиссерами. Ваня Бурляев стал композитором.

Но, самое главное, на зимние каникулы все мы собираемся вместе и вновь играем наши спектакли, и звучит песня на стихи Николая Бурляева и музыку Вани:

«Пока мы вместе, будет нам сопутствовать удача…»

Отец

Похороны

20 октября 1994 года умер мой отец Сергей Федорович Бондарчук. Хоронили его 24 октября на Новодевичьем кладбище. Литургия в церкви на улице Неждановой послужила актом Всепрощения и Любви. Все, кто приходил попрощаться с отцом, были искренни в нашем общем горе.

Известие о смерти отца я получила в Киеве: позвонила сестра Алена Бондарчук и, рыдая, сообщила о случившемся.

С помощью моих украинских друзей и в особенности моей духовной сестры Раисы Недашковской мне удалось собрать почитателей и друзей отца, среди которых был режиссер Мащенко, и провести в одном из храмов литургию.

Монахи из Киево-Печерской лавры собрали немного земли от святых могил лавры, я купила рушник с образом Шевченко и вылетела в Москву… Этот рушник с любимым героем папы покрывал его руки. А мой букет хризантем скоро утонул под грудой принесенных людьми цветов.

Появилась вдова Ирина Константиновна Скобцева, моя сестра Алена. Мы обнялись. Вскоре пришел и Федор Бондарчук, стал на колени у гроба, ему было плохо.

Началась божественная литургия. Рядом с Аленой стоял ее сын Константин. Мальчик необыкновенно красив, с тонким лицом, обрамленным легкими кудрявыми светло-русыми волосами. Он испуганно смотрел на Сергея Федоровича в гробу: его трудно было узнать, так съела его болезнь.

– Почему дедушка… такой? – тихо спросил у Алены Костя.

– Он устал, – ответила она. – Он очень устал.

Здесь были и мои дети, Иван и Машенька, был Николай Бурляев. Справа от меня со свечой в руке стоял Алеша Бондарчук.

Владыка Ювеналий прочел короткую проповедь, в которой выразил сожаление об утрате. Наступил момент прощания. Первая не выдержала Алена, глубинный стон вырвался из ее груди и пронзил меня, я успела поцеловать икону Спасителя, холодный лоб отца и, поняв, что тоже не выдержу, уткнулась лицом в плечо брата Федора. Он обнял меня с такой теплотой, что мгновенно вся моя любовь к отцу перешла к брату. Державшая себя в руках вдова, Ирина Константиновна, тоже не выдержала прощания и зарыдала, заголосила «по Сереже».

Подошел ко мне Элизбар Константинович Караваев с болью и

сочувствием, он любил Сергея Федоровича и сегодня исполнял последний долг перед ним, снимая, как оператор, церемонию прощания. Пришли проститься со своим режиссером и учителем Людмила Савельева, Николай Губенко, Жанна Болотова, Сергей Никоненко, Армен Медведев, Вячеслав Тихонов и многие, многие другие…

Гроб из церкви вынесли близкие и друзья. Впереди шел Никита Михалков. Его отец Сергей Михалков с палочкой, так и не присев на предложенный ему стул, простоял всю литургию у гроба.

У ворот Новодевичьего кладбища мы все выстроились в колонну. Сразу за гробом шли медленным ритуальным шагом солдаты, за ними близкие и родственники, далее с венками и цветами бесконечный поток людей. Природа провожала отца последним солнечным теплом октября. Кружились и опадали желтые листья, с лиственниц падали легкие мягкие иглы. По обе стороны аллеи, по которой шла процессия, стояли люди.

Остановились у трибуны, поставили гроб. Я стояла вместе с Аленой. Слово взял Никита Сергеевич Михалков… Было видно, как трудно ему говорить…

– Где вы, маленькие и кусачие, попрятались… – Алена не выдержала этих слов и зарыдала… (за этим рыданием было всё – издевательство над отцом, травля в прессе, травля всей семьи за него, за Бондарчука, его славу, его великое дело).

Никита Михалков продолжал говорить, он видел гроб с отцом сверху и неожиданно сказал:

– В последний раз солнечные лучи играют на лице Сергея Федоровича…

Всех присутствующих потрясла эта простая фраза…

Нет слов, чтобы выразить ту сердечную благодарность тебе, Никита Сергеевич, за верность и преданность отцу, за духовное родство, за Высокое творчество и верность идеалам России.

Владыка Ювеналий не забыл о моей просьбе и, когда гроб был опущен в могилу, он раскрыл привезенную мною из Киева коробочку с землей со святых могил Киево-Печерской лавры, и русская земля, упокоившая отца, приняла частицу земли Украины – Родины Сергея Федоровича.

Прозвучал орудийный залп.

К могиле потянулись люди с цветами. Положив свои, я взяла под руку сына, и мы вместе пошли по аллеям кладбища. У ворот встретились с моим братом Федором.

– Все хорошо, все красиво было… – полуутверждал, полуспрашивал Федя.

– Да, сама природа провожает нашего отца, – ответила я, –

тепло и красиво.

– Почему, почему мы не видимся, – стал говорить Федор. – Мы же брат и сестра… А Алена все время спрашивает: «Где Наташа?» Она тебя очень любит.

Я поцеловала брата и сказала, что счастлива это слышать.

Мы еще долго сидели там вместе с запоздавшим Никитой Сергеевичем Михалковым и говорили, говорили.

Михалков говорил о бессмертии души и о том, что душа Сергея Федоровича сегодня радуется, чувствуя единение и любовь вокруг его имени.

Федор рассказал о последних мгновениях жизни отца.

– Окно больницы выходило во двор, где были видны деревья с ярко-желтой листвой, и он в последний раз посмотрел на эту красоту и без стона и страданий отошел… Он ушел в дни своего ангела Сергия.

– Все мы дети Сергиевы, – сказала я брату.

На девятый день мы все собрались на кладбище у могилы отца. Маша познакомилась с трехлетним сыном Федора – Сергеем Федоровичем Бондарчуком.

А в доме Сергея Федоровича мне показали его последние картины, которые я еще не видела. Икона с ландышем и фигура преподобного Сергия. Вечером шла передача об отце, в ней Никита Михалков сказал: «Он создал свою планету – Бондарчук».

Мы видим звезды, когда они падают

Каким был мой отец? Этот вопрос будет волновать людей, желающих подняться над сплетнями, домыслами, интригами вокруг громкого имени.

Безусловно, я далека от объективной оценки человека, которого любила и люблю, чье творчество для меня бесценно, а мысли, высказанные в дневниках или доверенные лично мне, до сих пор руководят моими поисками в искусстве.

Моих личных встреч с отцом после того, как мои родители расстались, было немного. Может быть, именно это позволило мне увидеть и оценить творчество отца как часть его души. Прав Есенин: «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстояньи».

Однажды мы с Колей Бурляевым и моим сыном Ванюшей решили навестить отца. Мы снимали фильм «Медный всадник» в Ленинграде, а папа там же – «Красные колокола». Поздно вечером мы отправились к Зимнему дворцу. То, что открылось нашим взорам, было незабываемо.

Гигантские толпы матросов и солдат, освещенные прожекторами, заполняли всё пространство Дворцовой площади. Примерно девять тысяч участников массовых сцен было задействовано для «взятия Зимнего». Не знаю, было ли столько людей у Ленина в Октябрьскую революцию, но Романов, руководивший тогда Ленинградом, обеспечил съемки огромным числом людей. Ходила даже шутка: «Тогда власть брал Ленин, теперь снова Романов с помощью Бондарчука». Всё клокотало, кричало и бежало. И мы – трое – бежали короткими перебежками под перекрестным светом прожекторов, пробираясь сквозь оцепление, пиротехнические дымы и весьма ощутимые залпы орудий.

Наконец мы увидели киногруппу. Одновременно использовалось несколько кинокамер. Вадим Юсов, главный оператор картины, летал над площадью на вертолете и снимал сверху.

Сергей Федорович стоял чуть в отдалении от киногруппы, молча смотрел перед собой, откинув назад голову. Седые пряди его волос развевались на ветру, вся его фигура, мощная и красивая, была под стать общему монументальному действу.

Я подошла к отцу, мы обнялись. Сергей Федорович тепло поздоровался с Николаем и Ванюшей. А я не выдержала и, глядя, как каскадеры штурмуют Александрийский столп, спросила:

– Папа, как же ты всем этим управляешь?

– Никак, – ответил Сергей Федорович, – оно само!

Это, конечно, была шутка. Он всегда отвечал за всё и за всех. Он был душой этого грандиозного действа. Сегодня, когда фильмы становятся все более продюсерскими, есть опасность потерять главное в этом художественном процессе – от зреющего в душе художника образа до его реализации и полного воплощения. Впрочем, для истинного художника каждый фильм – первый и единственный.

Помню, как пришла к отцу домой, а он стал читать о Ленине по запискам Троцкого. Запомнила, что в этом описании был дан совсем иной образ Ильича: не того доброго и милого дедушки Ленина, с бородкой, а человека резкого, почти непредсказуемого, с глазами-«буравчиками».

До сих пор фильм «Красные колокола» не оценен как абсолютно иной взгляд на русскую революцию и образ вождя. Сергей Федорович снял привычную для масс маску «добренького» Ульянова. Без привычной бородки он вообще странен в этом фильме. Такое мог позволить себе только Бондарчук.

Работая над фильмом «Ватерлоо», он запретил своей группе передавать Госкино привычную для того времени дань –

заработанную валюту. По негласным законам все, что советские люди получали за границей в оплату за собственный труд, они должны были сдать и через какое-то время получить жалкие деньги в рублях. Закон существовал, но, естественно, никем и никогда не был написан. Этим воспользовался Бондарчук, и вся его группа не сдала валюту.

Его вызвали на ковер и мягко намекнули, что группа должна сдать деньги. Бондарчук заявил: «Это чтобы вашим сынкам было на что поехать в Африку поохотиться на львов? Ни за что не отдам». Бондарчука тут же окрестили «Король Лир».

Евгений Евтушенко снял в его объединении фильм о Циолковском. В Госкино под председательством Ермаша прошло заседание. Ермаш лично высказал несколько замечаний Евтушенко. Неожиданно раздался голос Сергея Федоровича, дотоле молчавшего.

– Кто ты такой? – обратился он к председателю Госкино Ермашу.

– Я? – изумился Ермаш.

– Да, ты? – настаивал на вопросе Бондарчук. – Кто ты такой, чтобы делать ему замечания, – показал он на Евтушенко. – Я всю жизнь работаю в кинематографе и не могу ему, Евтушенко, художнику, делать замечания, а ты… Да кто ты такой?

Опять же это всё мог позволить только Бондарчук. Его молчания боялись, его голоса страшились… А сам он переживал за всё и за всех.

Я попросила его прочесть стихотворный текст в моем фильме «Детство Бемби». Стихи, написанные специально для фильма Николаем Бурляевым, ему пришлись по душе. И вот мы с отцом в тонателье «Мосфильма».

С какой же ответственностью Сергей Федорович отнесся к этой работе! А ведь это был просто закадровый текст. Каждое стихотворение мы записывали чуть ли не по четырнадцать дублей!

«Стихи – это, можно сказать, высшая интонация» – эта мысль принадлежит Пушкину. В дневниках отца я увидела ее подчеркнутой, так же она была выписана и в мой дневник.

Вот эта высшая интонация и была мерилом, думаю, что не ошибусь, всего творчества Сергея Федоровича. Она заставляла работать в буквальном смысле слова до пота, до изнеможения, чтобы прочесть стихи на высшем пике собственного проживания.

Его чувство ответственности было феноменальным. Он создал себя сам. Из провинциального мальчика стал большим художником и в то же время сохранил свое прежнее, почти мальчишеское, сердце, отзывчивое на красоту, в вечном познании

и изумлении перед божественными законами природы.

Лишь Человек – Венец и Царь Природы —
Встал вне закона над лесным народом!

– читал мой отец, стоя перед экраном снятого мною фильма…

Я обняла отца, его рубашка была мокрой от пота…

– Ну что? – почти робко спросил он меня, – получилось?

– Получилось, получилось, папа, спасибо…

– И тебе спасибо, Микола (так, на украинский манер, называл он Колю Бурляева). Стихи твои здесь к месту…

Сергей Федорович любил Колю. Когда мы расстались, Николай сам пришел к моему отцу и сказал об этом. Отец заплакал.

Нет, вовсе не безразличны мы были его душе – дети, внуки. Он не позволял себе быть просто отцом, просто дедушкой. Он всегда и во всем был художником.

Сколько людей подошло ко мне за последние годы! Уж не говорю о мосфильмовских ветеранах производственного звена, даже о старых вахтерах «Мосфильма», ко мне обращаются те, кто совершенно далек от кино, причем в разных городах:

– Я вашего папу видел однажды!

– Я участвовал в съемках «Войны и мира» под Смоленском!

– Я еще девочкой бегала на съемках пожара в Теряево.

– Помню его гуляющим по Летнему саду в костюме Пьера!

И неудивительно: ведь Сергей Федорович был создателем гигантских массовых сцен. Наверное, не меньше четверти населения России снималось в его фильмах. И память о нем для людей драгоценна – ведь они были участниками исторического действа! Он сохранил этих людей в истории. Перечитывая «Войну и мир», я была потрясена: там есть солдат по фамилии Бондарчук! Я даже какое-то время о себе в шутку говорила: «Солдат Бондарчук при исполнении!»

Отец считал, что художник не становится художником, если его не волнует история. Если он не знает ее, не любит, не копается хоть в каком-нибудь уголке истории своей страны, не помнит рода своего, то он, скорее всего, воинствующий мещанин и жизнь его пуста. Сергей Федорович воспринимал историю как «движение человечества во времени». Мне кажется, для понимания истории своего Отечества он сделал не меньше крупных ученых-историков. Когда он пишет: «Смею надеяться, что по двум фильмам – “Война и мир” и “Ватерлоо” – можно изучать эпоху наполеоновских войн и участие в них России», – он прав. Не

сомневаюсь, что и к его «Красным колоколам» обязательно вернутся. Это совершенно недооцененная картина.

По масштабности Сергей Федорович Бондарчук – художник неповторимый! Помню, смотрю «Ватерлоо», сцену «Атака Серых», полет всадников, грация лошадей, и думаю: «Боже мой! Больше нет таких художников, которые бы сделали в кино батальные сцены такой красоты!» Но, чтобы эти сцены поставить, их надо сначала представить, продумать. Хотя средств на полную реализацию всего, что придумано, не хватает никогда. Любой художественный фильм крупного художника – это кладбище его идей.

Но на то ты и Художник, чтобы все преодолеть. И испытать восторг, потому что все-таки придуманное тобой заиграло, и это, явленное воочию, создал, построил ты. Происходит чудо, и я наслаждаюсь им сейчас, как наслаждался мой отец: от задумки рождается образ. И он оживает. А ты чувствуешь, что угадал, нашел то, заветное. И потом зрительный зал плачет. «Над вымыслом слезами обольюсь», – сказал Пушкин…

Отец очень любил Шукшина. Сказать, что он переживал смерть Василия Макаровича, значит ничего не сказать! После первого показа на «Мосфильме» «Они сражались за Родину» подлетаю к нему с восторгом: «Папа! Какой фильм!» «Ох, лучше бы его не было, – покачал удрученно головой, и так жалобно: Вася, Вася…» – Душа Сергея Федоровича металась, страдала по единомышленнику, вернее – единочувственнику, потому что мало кто так глубоко понимал отца, чувствовал его ранимость, как Шукшин. Он и сам был таким же, с распахнутой, беззащитной душой, будто родной брат Бондарчука. И еще, что очень важно: эти два художника были бесконечно преданы России. Но их патриотизм – не ситцевый, никогда они не орали о своей любви к Родине на площадях под знамёнами или образами. Их чувство к России было глубоко сокровенным, выстраданным.

В одном из текстов отца я прочитала: «Цель художника – не разъединение, а соединение людей. Однако еще выходят книги и фильмы, которые нас разобщают». У каждой высокой души есть нечто «вестническое» – от слова «весть». Отец тоже Вестник. Написанное им десять лет назад и сегодня невероятно актуально! Разве современное кино и особенно телевидение не разъединяют? Что нам предлагают? В основном криминальные разборки и кровавые истории. Взять хотя бы так называемую «чеченскую» тему, которая решается, как правило, очень жестко, специально жестко. Нас стремятся насытить зрелищно-шоковыми моментами. Суть конфликта не ищет никто. Где же начало чеченской войны? Изучите историю: почему Кавказ был «горячей точкой» начиная с

екатерининских времен?

Уверена: будь жив отец, он бы сделал очень интересную картину о Чечне. Его бы потрясли те чудовищные события, которые каждый день происходят на Кавказе.

Тема войны затронула сердце и моего брата по отцу – Федора Бондарчука. Он снял свою первую полнометражную игровую картину об Афгане. Я смотрела фрагменты и была искренне рада тому, что Федор становится настоящим, очень своеобразным художником. Мой сын Иван Бурляев написал для фильма Федора несколько музыкальных тем. Дай-то Бог! Такому содружеству отец будет рад и на небесах. Я рада за сестру Алену, она снова снимается, подрос ее сын, он тоже снимается, а это значит, что дело нашего отца будет непременно продолжено.

Когда спрашивают, как я отношусь к Ирине Константиновне Скобцевой, я всегда подчеркиваю, что она мама моих сестры и брата, и этим все сказано. Мы вместе с ней вручали премию Сергея Бондарчука на фестивале «Золотой Витязь». Она приглашала меня и моих детей к себе домой, она видела наше сближение с Аленой и Федором, особенно после ухода отца из жизни. Я чувствую, что она понимает, что дети и внуки Бондарчука должны быть вместе в этой сложной жизни.

Я счастлива, что у меня были моменты истинного контакта с отцом, которым ничто не помешало: ни драма детства, ни невероятная занятость отца. Даже между родными людьми иногда возникает напряжение, не сразу подбирается тон разговора… А мы – как будто вечно существовали вместе, и не было этого разрыва…

Покой и воля

Недавно я вновь побывала в селе Белозерка Херсонской области на родине отца, где прошли первые четыре года его жизни. Дом Бондарчуков не сохранился, но на этом месте стоит небольшая стела, написано по-украински: «Здесь родился великий режиссер Сергей Бондарчук». И рядом часовенка. Вот так чтят земляки его память. Меня там повсюду сопровождал местный историк-краевед, абсолютно шукшинский персонаж. Говорил он с пафосом:

– Ваш папа не мог родиться в другом месте! Только здесь!

– Почему?

– Земля богатая. Древняя. Здесь обитали скифы, сарматы! В нашем Белом озере до сих пор золотой скифский конь лежит! А народу по нашей земле столько прошло, что голова кругом идет!

Действительно, в Белозерке жили и сербы, и болгары, и турки, и цыгане, и венгры, и русские, и украинцы… Отец – не просто украинец, его кровь «собиралась» веками. Может быть, поэтому он был таким могучим, титаническим человеком? Многие побаивались даже его облика – гордо откинутой головы, пронзительных черных глаз, сильного голоса…

А мне в Белозерке очень важно было наполниться всем, что открывалось взору маленького Бондарчука. Он видел это удивительное озеро-море, пойму Днепра, он уходил в эти ковыльные степи…

«Степь» – редкий фильм. Сергей Федорович вновь пошел по самому сложному пути. Экранизация чеховской повести не предполагала бурного успеха у массового зрителя, какой был у «Судьбы человека» или «Войны и мира». Отец создал сокровеннейший фильм, потому что чувствовал и любил степь с детства. А все, что любишь в детстве, остается в тебе навсегда.

Я в детстве часто бывала у своего дедули Федора Петровича Бондарчука. Отец Сергея Федоровича очень любил землю – ухаживал за ней, разбивал виноградники. Любил скакать на лошади. А по обличью был натуральный Гришка Мелехов – горбоносый, худой. Отец на него не похож, он больше в мамину породу.

Невозможно понять моего отца, не зная того, что ему было близко. Он очень любил природу. Философ, мыслитель, он искал на природе уединения, встречи с самим собой. Художник обязан сохранять себя для главного – творчества. И лучшего друга, чем природа, не найти.

Природу среднерусской полосы Сергей Федорович воспринимал довольно равнодушно. Березки – это шукшинская душа. Бондарчуковская – бескрайняя степь, по которой можно привольно скакать, или лежать в траве, чтобы она тебя щекотала, или говорить с вечным горизонтом, не заслоненным деревьями, и видеть, как земля сходится с небом. В отце было больше того, что мы называем космическим. Он очень почитал Циолковского именно за его мысли о бессмертии человеческого атома, о том, что мы не уходим бесследно…

Однажды у отца на даче мы пошли на огород – крепок в нем был дух земледельца: ну, думаю, сейчас покажет свои огурцы, а он подводит меня к бамбуку, привезенному из Японии. «Сейчас ты услышишь звук». Мы долго стояли, ждали, пока бамбук наполнится водой, и вдруг раздается: «Бу-у-ум», а потом что-то похожее на хлопок. Он прошептал: «Ты слышала?» – «Да-а-а… – так же шепотом ответила я. – Что это было?..» – «В душе художника никогда ничего не родится от криков толпы. Он

должен быть внимателен к любому, даже самому мимолетному изменению вокруг себя: секунду назад не было этого звука, но он прозвучал, и что-то изменилось в мире. Японцы в эти изменения тысячелетиями вслушиваются и вглядываются, поэтому у них такая великая, древняя культура. Учись наблюдать за миром – и душа наполнится бессмертием…»

Мир художника

Отец замечательно рисовал. Но никогда не выставлял свои полотна, потому что вершиной в живописи для него был Леонардо да Винчи. Где Леонардо и где Бондарчук? – считал он. Но в нем поистине кипела увлеченность миром художника, например, тем, как гений постигает, что есть краска.

Он накладывал краску осторожно, пристально вглядываясь в объект, который писал. Работал он в основном маслом. Однажды я приехала к нему на дачу в Барвиху. Он был с мольбертом в руках и работал над удивительной картиной. Объект, который он писал, я могла рассмотреть. Это был кусок древесины без корней, часть ствола вишни, но самым удивительным было то, что от обрубленного ствола шла ветка, и она… цвела! Картина была пронзительно печальна.

«Давно… замыслил я побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег». Это уже о той черте, которую не видишь, но видит дорогой, близкий человек, тяжело заболевший и знающий, что дни его сочтены. За полгода до ухода отца я была предупреждена. Я не знала, что он смертельно болен, но он вдруг мне приснился, пришел в мой сон, чтобы попрощаться. Я рыдаю, обнимаю его и понимаю, что больше мы с ним в реальности не увидимся. Кто нас предупреждает? Как? Сущность родных людей, она всегда знает, что происходит. Тем более если родные люди любят друг друга. Я очень любила отца. И люблю его.

«Одна любовь души моей…»

Начало

Двадцать лет назад я получила предложение режиссера Владимира Мотыля исполнить роль Волконской в фильме «Звезда пленительного счастья». Мало кто знает, что из этого фильма исчез образ Пушкина, соответственно, и сцена встречи Волконской и Пушкина. И вот эта тема вернулась ко мне, а вместе с ней и ее герои. Сомнения по поводу предстоящих съемок художественного фильма исчезли у меня сразу после того, как мы нашли Пушкина – артиста Игоря Днестрянского. Наверное, это судьба.

Первый раз мы приехали в Пушкинские горы в ноябре 1994 года вместе с моим детским театром «Бемби». В октябре ушел из жизни мой отец, Сергей Федорович Бондарчук, и в Святые горы я приехала в трауре.

На наши детские спектакли «Снежная королева» и «Красная шапочка» собрали великое множество ребятишек из окрестных деревень. Так что даже большой зал Культурного центра едва вместил зрителей. И они сидели с двух сторон сцены. Играли наши маленькие артисты хорошо, но более других всем запомнился молодой актер нашего театра, игравший роль сказочника Андерсена – Игорь Днестрянский.

Пушкинисты пошутили – Пушкин приехал. А затем, в Тригорском, Игорь сел на скамью Онегина, и кто-то из наших ребят сказал, что если его завить, он будет очень похож на Пушкина. Стоявшие рядом пушкинисты это подтвердили, а потом все это забылось. Забылось до времени.

Замысел фильма о Пушкине и Марии Волконской возник давно, я знала, что о Пушкине не было снято ни одного биографического фильма с 1936 года. И вот в марте 1999 года, в канун 200-летия поэта, наша небольшая съемочная группа приступила к съемкам двухсерийного телевизионного фильма «Одна любовь души моей».

Мы начали снимать практически без средств, без мебели, без всего… Моя мама – вдохновитель и мой добрый ангел – отдала нам для съемок свой стол и старинный диван.

Неделю мы снимали в Больших Вязёмах, в музее. Его директор, Александр Михайлович Рязанов, предоставил нам для съемок комнаты с изумительной пушкинской мебелью, а Большой театр – бесплатные костюмы.

Фильм был показан по российскому телевидению 3 июня 1999 года в день 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина. Премьера нашего фильма в Доме Ханжонкова совпала по времени с показом картины по Российскому телевидению. Я выступила перед началом, в зале погас свет и вспыхнул экран, а я пошла в кабинет директора, – почему-то захотелось посмотреть хоть немножко свою картину по телевизору. Присела перед еще не включенным телеэкраном и увидела… лицо отца. Оглядываюсь – на стене висит большой портрет Сергея Федоровича, экран его отражал, как в зеркале… Отец пришел посмотреть мой фильм…

А еще раньше Игорю Днестрянскому, никогда не видевшему в жизни моего отца, приснился Сергей Федорович. В этом сне он увидел и меня. Будто я иду по коридорам «Мосфильма» и в комнате вижу отца, спрашиваю его, могу ли я снимать актера Басова в нашей картине (также ушедшего от нас актера). Отец не отвечает на мой вопрос и говорит мне:

– Снимаешь, Наталья? – и далее читает стихи:

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков чистых и молитв.

Об этом сне рассказывает мне Игорь, а позже находит у Пушкина эти строки. У него они написаны так:

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Так что с другого плана бытия была поправка, и вместо сладких звуков полились чистые.

В памятные дни двухсотлетия Пушкина мы решили приехать в Пушкинские горы и там на юбилейном вечере представить наш фильм.

Как всегда, нас принимала у себя дома Любовь Владимировна Козмина и ее муж, удивительный художник и пушкинист Борис Михайлович Козмин. Их усилиями ожила усадьба Ганнибалов, да и сам Борис Михайлович чем-то был похож на деда Пушкина. Был с нами и мой добрый друг итальянец Анджело ди Дженти. Тот самый, который познакомил меня и Тарковского с Феллини, тот самый, который работал с моим отцом над «Тихим Доном», был вторым режиссером у Антониони.

Анджело наслаждался праздником и снимал своей маленькой видеокамерой необыкновенно красочное действо.

Это было истинное паломничество: люди шли с рюкзаками, с

детьми, все стремились попасть на 200-летие поэта в священный уголок России. Мы приехали накануне дня рождения, пятого июня, и, конечно же, посетили могилу поэта и Святогорский монастырь. А на следующий день разлилось народное гулянье, ярмарка, везде можно было встретить персонажей пушкинских сказок. Многие узнавали нашего Пушкина, ведь только что по телевидению прошел фильм «Одна любовь души моей».

А вечером, на торжественном концерте 200-летия поэта, мы показали фрагмент из нашего фильма, где Саша Пушкин наблюдает за Машей Раевской. Она бежит от волны и волна вновь догоняет ее…

Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам…
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами…

Так наш Пушкин успел на юбилейный праздник. Сроки, сроки…

Жили мы тогда в доме художницы на берегу реки Сороти. Рядом с нашим домом аист свил большое гнездо, и мы любовались каждое утро сказочной картиной. А перед отъездом не отказали себе в удовольствии искупаться в реке, чьи воды обнимали некогда Пушкина.

Пилотный вариант всколыхнул зрительский интерес, заставил нас поверить в необходимость продолжения работы.

Так начался новый проект уже тридцатисемисерийного телефильма (по числу лет, прожитых Пушкиным), с тем же названием «Одна любовь души моей».

На первую же серию, показанную год спустя в Михайловском, дали свою рецензию тридцать шесть известных пушкинистов, искусствоведов и музейщиков.

Вот их мнение: «Сочетание удачно представленных рукописей Пушкина, авторского комментария, искренности игры актеров, музыки позволяет воспринять фильм на одном дыхании. Органично решены возрастные смены поэта исполнением трех актеров: Сергеем Безруковым, Игорем Днестрянским, Юрием Тарасовым. Образ Пушкина узнаваем в своих радостях, шалостях, переживаниях, в своем назначении поэта. Художественный проект, создаваемый Натальей Бондарчук – художником-исследователем, – это явление, которого российская культура заждалась. Отрадно его появление, ибо на фоне утраты духовности, привычки к суррогатам он затрагивает лучшие

человеческие чувства, достигает самых сокровенных уголков души».

Что ж, спасибо пушкинистам за сердечные слова, но я и не подозревала, что мой замысел тридцатисемисерийного фильма о Пушкине станет для меня основным делом жизни. Буквально перенесет мою душу в девятнадцатый век – золотой век отечественной культуры. Я не подозревала, что уже сделанные нами серии пролежат два года, прежде чем их покажут в девять утра по центральному телевидению, что за это время уйдут из жизни Любовь Соколова, которая мечтала сыграть Арину Родионовну, Андрей Ростоцкий, согласившийся играть Дениса Давыдова, Николай Еременко – он хотел играть губернатора Муравьева, Владимир Сальников, игравший у нас роль генерала Орлова и умерший в сорок четыре года.

А то, как мы находили средства на фильм о Пушкине в наше «убойное» время, не поддается описанию! И все же – огромная радость и честь снимать такой фильм. Мне кажется, и здесь мне помогает мой отец.

Сюжетной канвой фильма «Одна любовь души моей» послужили реальные события из жизни Александра Пушкина и Марии Волконской, в девичестве Раевской. В юной Марии Раевской Пушкин увидел свой идеал, свою музу, передавшую впоследствии свои черты Татьяне в «Евгении Онегине».

Киноповествование от имени Волконской начинается с воспоминания о путешествии Пушкина с Раевскими – по Украине, Кавказу и Крыму.

Раевских Пушкин не просто любил, он любил их благоговейно, как Лицей, как немногое в жизни.

В 1826 году Пушкин последний раз виделся с Марией, теперь уже княгиней Волконской. Два года спустя он посвятил Марии «Полтаву». Посвящение заканчивается словами:

Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей —
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

В черновиках же Пушкина вместо строк «твоя печальная пустыня» были: «Сибири хладная пустыня». Мария Волконская находилась в это время в Чите.

«Бывают странные сближенья»

Из-за скорого отъезда за границу наших актеров – Сергея Никоненко и Алексея Шейнина – пришлось прервать подготовительный период и стремительно войти в съемочный.

Звоню в Министерство культуры Наталье Леонидовне Дементьевой. Объясняю: мы в отчаянном положении, вынуждены снимать практически без средств. В ответ слышу бодрый, доброжелательный голос:

– Обязательно поддержим, письмо от нас будет, пошлите факс, сообщите, что вам нужно, и поезжайте.

А что нам нужно? Да все нужно.

Пишу: «Поселить бесплатно группу, – вздыхаю и приписываю, – накормить, – опять вздыхаю, – и, по возможности, обеспечить транспортом». Факс уходит, а проблемы нарастают. Нужны кибитка, карета, сани, лошади…

Звоню Андрею Малюкову, который только что вместе со Светланой Дружининой закончил съемки в Петербурге. Он и дал мне адрес и телефон Владимира Соломоновича, который помогал им в фильме. Звоню в Петергоф. С той стороны внимательно выслушивают и тут же сердечно:

– Не волнуйтесь. Все, что вам нужно, сделаем. Рады будем помочь фильму о Пушкине, давно пора. У нас есть карета, а кибитку сами сделаем, плату возьмем только за лошадей, приезжайте!

Художник фильма Татьяна Филатова, с которой мы работали над фильмом «Детство Бемби», отобрала реквизит и радовалась, что успели сделать пушкинское кольцо. Это кольцо – символ нашего фильма.

Путешествуя с семьей Раевских по Кавказу, поэт, влюбленный в Марию Раевскую, однажды положил кольцо для розыгрыша в лотерею, зная, кому оно достанется. Машенька Раевская выиграла кольцо Пушкина. Она бережно хранила его всю свою жизнь и увезла с собой в Сибирь. Перед смертью Мария Волконская передала кольцо своему сыну Михаилу, и он сберег его и, в свою очередь, передал Пушкинскому дому.

В доме-музее на Мойке я впервые увидела это кольцо. Его достали из обыкновенной бумажной коробочки с номерком.

И вот золотое колечко Машеньки и Александра у меня в руках. Рассматриваю в лупу и вижу ладью и трех ангелов в ладье, один с книгой, другой со свирелью, третий… – немного поврежденный камень не позволил рассмотреть, что у него в руках. Тогда же мы зарисовали кольцо, сняли мерку. И вот оно – пушкинское колечко, правда, еще без рисунка, его сделают позднее.

Итак, кольцо-талисман с нами. В путь!

Казалось бы, непредвиденные обстоятельства – занятость актеров – заставили нас выехать в это время. Но было и другое время. Время Пушкина!

Мы выехали 7 февраля, в день дуэли с Дантесом. В день рокового выстрела. Мы должны были снимать последнюю дорогу поэта до Святых гор почти в реальное время его последнего пути.

«Бывают странные сближения!»

Итак, 8 февраля мы приехали в Петергоф и быстро нашли конюшни, где уже ждал нас удивительный человек, так много сделавший для кино (он работал на тридцати картинах), – Владимир Соломонович Хиянкин.

В голубых, по-детски добрых глазах его сияла неподдельная радость встречи и радость участия в нашем проекте. Владимир Соломонович показал нам фотографии особенно памятного ему фильма «Последняя дорога». Затем провел в конюшню, где мы увидели лошадей. Великолепно ухожены, кони тянули шеи к заботливым рукам хозяина, а он явно гордился ими.

– Более всего здесь представлена ахалтекинская порода, я вывез ее в свое время из Азии, – рассказывал Владимир Соломонович.

А в это время Татьяна Филатова обреченно осматривала белоснежную с позолотой карету, которая, конечно, нам не подходила.

– Красить можно? – спросила Татьяна.

– Конечно.

– Ну что ж, я сама ее доведу, – тихо произнесла Татьяна.

Я уже знала, какой труд будет стоять за этими словами: Татьяна сама будет красить, сама переделывать карету. Кибитка была в еще более печальном состоянии, во дворе стоял только ее фанерный каркас. Но к сроку грозились все переделать.

Филатова, размышляя о том, что ей предстоит в эти дни, набрала номер ритуальных услуг и ласково спросила:

– Можно взять у вас гроб в аренду?

С той стороны поперхнулись.

– Первый раз такое слышите? – повторила за кем-то Филатова. – Ну конечно, мы ведь для съемок гроб берем, а после вам отдадим, куда мы с гробом-то.

Утром 9-го февраля выехала в Святые горы, оставив Филатову и Веденина, второго режиссера, на подготовку в Петергофе.

Дорога длинная, пять-шесть часов. Было время, чтобы вспомнить все мои посещения заповедных пушкинских мест.

В третий раз, но уже зимой, вступаю я в «приют спокойствия, трудов и вдохновенья». И опять я у Козминых, успеваю поздороваться и обняться с хозяином Борисом Михайловичем и

отправляюсь с его сыном Александром в дом, где можно отдохнуть с дороги.

Но уже через час я в кабинете Любови Владимировны Козминой. Обнялись, будто и не расставались. Сразу сообщила ей, что актриса, которую я планировала на роль Осиповой, не приедет, и что никто, кроме нее самой, эту роль не исполнит. Люба смиренно приняла сценарий и сказала, что постарается.

По усталым глазам ее вижу, сколько она работает в дни конференций и театрального фестиваля. Еще через полчаса встречаюсь с директором Пушкинского заповедника Георгием Николаевичем Василевичем.

Я показала ему фотографии отснятых кадров, поплакалась, как трудно снимать практически без средств.

Георгий Николаевич заверил, что разместит группу и подумает, как накормить, под конец подарил прекрасные фотографии Михайловского. Я вышла из кабинета директора с уверенностью, что съемки состоятся.

Благословение

Предстояла еще одна наиважнейшая встреча. Вечером девятого февраля я отправилась в Святогорский монастырь. Настоятель монастыря, отец Макарий, принял меня и Любовь Владимировну у себя в уютной и очень простой комнате. Здесь мы ему и поведали о нашем фильме.

Бережно перекладывал отец Макарий фотографии, не спеша рассматривал каждую. Любовь Владимировна не утерпела и первая сообщила ему о моей просьбе сыграть в нашем фильме отца Иону, который хорошо знал Пушкина и которому пришлось его отпевать в Святогорском монастыре.

Отец Макарий улыбнулся и сердечно сказал: «Ну, если только у меня получится…».

Я сказала, что прежде всего прошу его благословения на съемку в Святых горах.

Отец Макарий встал, благословил меня, и в этот самый момент ударили старинные часы. Все обратили на это внимание.

– Вот видите, и время вас благословляет, – с чувством произнес отец Макарий.

Я призналась ему, что хочу очень скромно снять сцену отпевания Пушкина, ведь были из близких только Тургенев, дочери Осиповой и дядька Никита Козлов.

– А братья? – спросил отец Макарий. – Ведь его любили здесь, в монастыре, здесь он работал в библиотеке… Нет, его должны

отпевать, как полагается.

И мы сговорились, что в съемках будут принимать участие монахи Святогорского монастыря.

– Ну, теперь пройдем к Александру Сергеевичу, – подытожил отец Макарий.

Мы вышли из комнаты. Давно наступил зимний вечер. Собор был охвачен серебристым туманом, и только у ворот пробивался золотистый свет.

– Я каждый вечер с Пушкиным беседую, – признался отец Макарий.

Я поблагодарила Провидение, приславшего сюда чуткого, прекрасного душой человека. Ведь еще шесть лет назад здесь царил некто, кто заявил однажды: «Уберите вашего Пушкина из нашего монастыря!» То есть ходатайствовал о перезахоронении Александра Сергеевича.

Вспомнились строки из книги Семена Степановича Гейченко, первого директора Пушкинского заповедника. После войны буквально в каждом метре земли саперы находили заложенные немцами мины, после разминирования группа офицеров с развернутым полковым знаменем взошла на могилу поэта и склонила к памятнику знамя.

Пушкин – общий и сокровенный. Любовь народная и любовь каждого сердца.

Обо всем этом думаю вечером девятого февраля, когда жить поэту остается несколько часов. От ветра и непогоды памятник закрыт стеклом.

– Вот увидите – завтра будет снег, – неожиданно предрекла Любовь Владимировна. – Всегда в этот день выпадает снег.

Отец Макарий пригласил нас в иконную лавку и одарил подарками. Вручил мне песнопения Святогорского монастыря, старинный крестик и небольшое изображение главной святыни монастыря – иконы Богородицы Одигитрии. А еще через несколько минут мы увидели ее воочию. Шла вечерняя служба, отец Макарий указал на большую икону в серебряном окладе и тихо пояснил: «Эта чудотворная икона сама явилась более четырехсот лет назад и чудом уцелела».

Придя домой, я зажгла свечку перед изображением чудотворной иконы и перед портретом Пушкина.

А наутро выпал снег.

Наступило десятое февраля – день памяти поэта, день ухода его из жизни.

Самое грандиозное свидетельство о таинстве перехода Пушкина в иной мир оставил Василий Андреевич Жуковский:

«Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в

лицо… Оно было так ново для меня и в то же время так значительно!.. Какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовлетворенное знание».

А ведь это был день рождения самого Жуковского…

Я снова поехала в Святогорский монастырь. Отец Макарий вел литургию. Было много народу. Потом мы страстно говорили о культуре, о ее противостоянии массовому безобразию, словно давая присягу верности Александру Сергеевичу.

Поздно вечером добралась я до Петергофа. По окнам гостиницы, где виднелись развешанные костюмы, поняла, что группа вся собралась. Теперь нас девять человек. Все рады друг другу. В последний раз виделись в Керчи. Наш гример Инна Горбунова добиралась из Ялты, оператор Владимир Ронгайнен – из Иркутска, остальные – из Москвы.

И вот в Петергофе заседает небольшая группа заговорщиков и планирует завтрашнюю съемку. Зимний световой день короткий, поэтому необходимо учитывать каждую минуту. Татьяна Филатова провела эти дни в холодной конюшне, где упорно красила и переделывала карету. Успела.

Рано утром 11 февраля отправилась на съемочную площадку. Подъехал наш микроавтобус, и я наконец-то обняла своего дорогого друга Сергея Никоненко. Он, как всегда, был бодр и деятелен. Бывают люди, с которыми роднишься навсегда – мы ведь герасимовцы.

Вечером

Вечером смотрительница Тригорского Римма Валентиновна Бурченкова пригласила женщин в баню. Отказаться от удовольствия побывать в тригорской баньке невозможно. И вот мы, взяв фонарики, решились идти напрямки через поле в соседнюю с нами усадьбу. Морозец был крепкий, небо мерцало звездами, в лесу кто-то выл…

– Говорят, здесь до сих пор волки водятся? – осторожно начала тему Татьяна.

Я тоже подлила масла в огонь:

– Да отчего же им здесь и не быть? Заповедник – он всех охраняет. Мы же видели здесь зайцев, значит, и лисы, и волки есть. Здесь где-то памятник зайцу поставлен, который Пушкина остановил от самовольной поездки в Петербург… в дни восстания.

– Давайте побыстрее пойдем, – предложила Татьяна, – пока

нам самим памятников не поставили.

Мы ускорили наши передвижения, утопая в снегу, похрустывая корочками льда. Навстречу нам уже спешил хозяин усадьбы Константин Бурченков:

– Что это вы через поле, здесь же дорога есть?

– Да мы напрямки. А правда, что здесь волки водятся? – поинтересовалась Татьяна.

– Безусловно – здесь есть всё, что при Пушкине было… И белки, и лисы, горностай, еноты и волки частенько пробегают. Вот медведей уже нет, года полтора назад где-то недалеко от устья Сороти был убит последний. А волков можно часто услышать, как они на луну воют.

– Да-да, мы слышали… – подтвердила Татьяна.

И вот мы в бане. Пахнет березовыми вениками и дровами…

– Располагайтесь, а после бани прошу к нам чай пить, – предложил Константин.

В доме смотрительницы Риммы за нами ухаживала ее дочь – Татьяна. Я обратила внимание на ее тонкие черты лица и оленьи глаза.

– «Итак, она звалась Татьяной…». А не хотела бы ты у нас в фильме участвовать? – предложила я девушке.

Та засмущалась, но согласилась. Итак, в баньке нас помыли, чайком угостили, да и царевну тригорскую мы с собой прихватили. Обратно опять шли прямиком и после наливки никаких волков не боялись.

Наутро, четырнадцатого февраля, мы ещё ближе познакомились с Риммой Валентиновной – хранительницей Тригорского.

Она помогала нам во всём, в том числе выстраивать пространство для нашего фильма. На улице я увидела людей с цветами, они приехали отпраздновать день рождения Семена Степановича Гейченко, который похоронен в Тригорском. Вот так и еще одна дата совпала.

Два чувства близки нам,
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Приближение

Вечером долго не могла уснуть. Одна за другой всплывали в

сознании увиденные детали обихода Тригорской усадьбы – серебряный самовар, искусно сделанная клетка с поющим механическим соловьем. Вспомнила серебряный умывальник в небольшой нише с зеркалом и вешалкой с полотенцем. Вот они – реальные вещи для Никиты Козлова и Пушкина. Тут же родилась сценка умывания барина. К утру две сцены были изменены, а одна полностью явилась в Тригорском.

Начали снимать со стороны пруда. Тургенев и Маша не спеша шли по горбатому мостику, перекинутому через пруд. Шли – поклониться месту, где творил Пушкин.

Вглядываясь в удаляющиеся фигуры, я почувствовала, что этот эпизод и в монтаже будущего фильма должен иметь свое неспешное пространство, а над всем этим будет звучать голос самого Пушкина, как у Пастернака:

Был всеми ощутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом.

Так и будет в фильме: поляна с крылатой мельницей, мостик, занесенный снегом, михайловские рощи…

В разны годы
Под вашу сень,
Михайловские рощи,
Являлся я…

Будет как бы постепенное приближение к живому Пушкину, через реалии усадьбы и дома поэта.

Тургенев и Маша прошли мимо баньки к дому, поднялись на крыльцо.

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою…

В Тригорском

Итак, мы снова в гостях у Прасковьи Александровны Осиповой. Любовь Владимировна Козмина уже облачилась в

зеленое платье и сразу преобразилась в женщину XIX века. Нашлись и те, кто увидел в ней сходство с хозяйкой Тригорского. А пока нашим актрисам делают прически, мы с оператором выстраиваем кадр явления Пушкина. По нашей задумке в дверном проеме Осиповой видится живой Пушкин, он бросает ей цветок, ее руки тянутся к цветку, но он тает, а место, где видела она Пушкина, пусто.

Чтобы подчеркнуть ирреальность происходящего, создаем вокруг Пушкина свет летнего вечернего солнца. Он стоит в красной крестьянской рубашке, окруженный алым сиянием. Краем глаза наблюдаю, как сотрудники музея улыбаются нашему Пушкину – Днестрянскому – значит, вместили его в свое сердце.

Любовь Владимировна Козмина, сопровождаемая девушками, вошла в гостиную. На стол положили специально испеченный пирог, разлили чай по чашкам. По лицу Любы трудно было догадаться, что происходит в ее сердце, наполненном любовью к Пушкину и той ответственностью, которая на нее пала – играть Прасковью Александровну Осипову. Помогало, конечно, что, будучи пушкинистом, Любовь Владимировна многое знала об Осиповой.

Дружба с Пушкиным составляла жизненный интерес обитателей Тригорского и прежде всего самой Прасковьи Александровны Осиповой. От двух браков у нее было восемь человек детей. Несмотря на это и разницу в возрасте, Пушкин не в шутку ухаживал за ней, а спустя годы это не помешало им стать близкими друзьями.

И вот именно к ней, Прасковье Александровне, в трагические февральские дни, не зная дороги в монастырь, приехал Тургенев, сопровождая гроб с телом Пушкина. По сценарию она встречала его словами живого участия:

– Так и должно было произойти!.. – воскликнула Прасковья Александровна. – Но ведь какой случай! Точно Александр Сергеевич не мог лечь в могилу без того, чтобы не проститься с Тригорским и с нами. Я ведь его как мать любила.

Но на съемках, как всегда, планы и сцены выстраиваются в обратном порядке. И чтобы Люба освоилась, я дала ей возможность подать реплику за кадром. Тургенев рассказывал Осиповой:

– Все товарищи по Лицею явились, ну, те, кто мог. Вы меня понимаете…

– Да-да, те, кто не в Сибири… – мягко произнесла свою фразу Любовь Владимировна, и я совершенно успокоилась! Девочки, играющие ее дочерей, тоже быстро освоились.

– Ну как? Что-нибудь получилось? – с тревогой спросила

меня Люба.

– Конечно, получилось, не могло не получится у человека, который так предан Пушкину и тем, кто его любил, – говорила я совершенно искренне, еще и еще раз благодаря судьбу за встречу и дружбу с четой Козминых.

Бесконечный день продолжался. Несмотря на усталость, нам необходимо было снять еще три сцены с Пушкиным и его другом Николаем Раевским, и я предупредила группу, что будем работать до ночи, пока не снимем. Все с пониманием отнеслись к сказанному: «Работать так работать!»

Комнаты киевского дома Раевских опять же выбрали в Тригорском. Николай Раевский-младший (его роль исполняет мой сын Иван Бурляев) был из тех редких друзей Пушкина, которые любили его не за стихи только, а просто потому, что любили, хотя их дружба, безусловно, выросла из общности литературных интересов. По признанию самого Александра Сергеевича, он «сердцем отдыхал» с Раевским. А это означает, что он был весь открыт Раевскому и не прятал от него своих чувств.

По свидетельству многих современников, характер у Александра Сергеевича был непостоянен: в одну минуту он переходил от веселости и смеха к задумчивости. Иным казался несносным, вертлявым. Он не вставал, а вскакивал, то молчал, то взрывался в восклицаниях. Но с людьми по сердцу он любил и посмеяться, и даже похохотать от души, с необыкновенной легкостью открывая забавное. Именно со своим другом Раевским Пушкин был бесхитростно прост и естественен. Обо всем этом я размышляла с артистами Игорем Днестрянским и Иваном Бурляевым.

Их первая встреча, Пушкина с Николаем Раевским, должна проявить взаимное тяготение, сердечность, к тому же не будем забывать, что это пока еще мальчишки, и достаточно хулиганистые.

Александр вихрем ворвался в кабинет Раевского. Николай вскочил ему навстречу, сжал в объятиях друга и даже немного подкинул вверх.

– Собачий сын, почему ты не пришел в дом сразу, а прислал Никиту? – смеялся от радости Раевский. – Мы думали, тебя схватили и отвезли куда следует!

– Скотина, – в том же ключе отвечал Александр, – что ты сделал с моей малороссийской рукописью? – Пушкин вытащил из-за пазухи помятый объятиями Николая листок.

– Еще напишешь, сверчок.

Молодым артистам сразу удалось проникнуть в приподнятую атмосферу встречи. Весь облик будущего генерала, а сейчас

гусара Раевского, мы решали в гротесковой манере. В жизни он был близорук и носил очки, а так как стояла ночь на дворе, он был в халате, голова повязана платком.

– А что это у тебя с головой? – поинтересовался Александр.

Раевский хохотнул и сел верхом на стул.

– Батюшка князя Сергея Волконского магнетизмом лечил. Так у него нога прошла, а у меня голова разболелась.

– Николай Николаевич увлекается магнетизмом? – изумился Пушкин.

– Да, и этому его научила Анна Турчанинова, подключаться… – Николай состроил серьезную мину, а руками изобразил совсем иное, похожее на «подключение» к женской груди.

Пушкин хохотал, усевшись с ногами на диван. А Николай продолжал:

– Они нас своим месмеризмом замучили, насильно магнетизируют, спасу нет.

– Нет, ведь это чудо, – взорвался радостью Александр, – в последний день в Петербурге – у Раевских, у матушки твоей, Николя, и в первый день в Киеве – опять же у Раевских.

– День! – хохотнул Николай. – Ночь на дворе, а ты шумишь. Ты хоть поел где?

– Обедал у Давыдовых.

– Тогда умойся и ко мне в библиотеку. Никита! Намыль барину шею, да покрепче.

Как нам всем показалось, сцена удалась, и мы перебрались в библиотеку, где должен был состояться главный потаенный разговор друзей.

Эту сцену мы готовили еще месяц назад, иначе артисты не успели бы ее освоить.

– С тех пор как я сделался историческим лицом для сплетен Санкт-Петербурга, я глупею и старею не неделями, а часами, – горько признавался Александр другу. – Кругом шипенье, травля, сплетни, злорадство – всё, чем потешается толпа. На всех углах говорилось, что будто бы я был подвергнут телесному наказанию при тайной полиции.

– Это сплетня? – неосторожно спросил Раевский.

Пушкин обернул к нему гневное лицо.

Я еще раз объяснила актерам, что на этой фразе Пушкин может взорваться: уж если друг поверил сплетне!..

Но ярость уходит с лица поэта.

– Безусловно, но я обезумел от гнева и чуть было не наделал весьма серьезных бед.

– Легко поверить… – выдохнул Николай.

– Молва о том, что меня высекли, разошлась быстро, и, конечно, сам я узнал об этом слухе последним. Я считал себя опозоренным и пришел в отчаяние. Я взвешивал, что лучше – убить себя или убить Его…

– Кого? – настороженно спросил Николай.

– Votre Majeste![1]

– Господи! – невольно вырвалось у Николая.

Это настроение Пушкин отразил в своем неотправленном письме царю, а по нашему замыслу его внутренний монолог стал диалогом – исповедью перед другом.

– И я решил, – продолжал Пушкин, – вложить в свои разговоры, в свои сочинения столько негодования и вызова, что правительство было вынуждено обращаться со мной как с преступником. Я жаждал Сибири или крепости для восстановления своей чести.

В этом диалоге с другом уже намечена вся трагедия человека, для которого честь и достоинство – главное, а защита чести становится делом жизни.

«Правду свою, не скрыв в сердце своем». Таково начало. И таков финал. Кто-то заметил, что человек един во всем – в помыслах, в действиях, в поступках. Противоречия в нем самом только выверяют непреложность единой линии поведения.

Через два дня я показала отснятые сцены Козминым. Борис Михайлович и Любовь Владимировна буквально впились глазами в экран, особенно отметив игру нашего Игоря – Александра Пушкина и Ивана – Николая Раевского.

– Да он таким и был, Пушкин, – вихрь! Импульсивен, неровен и всегда искренен. Только тебе, Игорь, над пушкинским смехом необходимо потрудиться, – сделал замечание Борис Михайлович. – Пушкин, по словам современников, смеялся так, что кишки было видно.

Это удивительно точное замечание понравилось Игорю, но он и сам старался найти эту безмерность хохота Пушкина.

– И Раевский хорош: естественен, бесхитростен с другом, – обратила свое внимание на Ивана Любовь Владимировна. – Умеет почувствовать Пушкина и заранее ему всё прощает. Славно получается.

Такова была оценка друзей и наших первых зрителей. А тогда, 15 февраля, вечер незаметно перешел в ночь. Мы закончили снимать так поздно, что оставалось всего несколько часов до начала новых съемок в Святогорском монастыре.

Святые горы

Незаметно наступило 16 февраля, к нам вернулся Сергей Никоненко, и мы дружно выехали на съемки в Святые Горы.

В лето 1563 года от Рождества Христова близ речки Луговица «явися, на воздусе в неизреченном свете образ Божьей Матери “Умиление” блаженному Тимофею. И был глас к нему, повелевавший идти на Синичью гору…»

Здесь, при чтении Святого Евангелия, нашли икону Божьей Матери Одигитрии, стоявшую на сосне. Царь Иоанн Васильевич Грозный повелел на сем месте устроить монастырь, а на Святой горе воздвигнуть каменный храм во имя Успенья Пресвятой Богородицы, построив его таким образом, чтобы престол был устроен на пне той самой сосны, на которой явилась икона Одигитрия.

С тех пор минуло 432 года. И ныне являет свои чудеса чудотворная икона Божьей Матери. И как встарь, в Божьем храме поют монахи, а мы снимаем сцены отпевания и похорон Александра Сергеевича Пушкина. Отец Макарий облачился в старые золотистые ризы, соответствующие эпохе, опять же чудом уцелевшие в монастыре. Пахнет ладаном, в воздухе присутствует голубоватое сияние от кадила и золотистое – от поминальных свечей.

– И сам, Господи, упокой душу усопшего раба Твоего новопреставленного Александра…

Хор монахов подхватывает слова настоятеля.

– Его еже простится ему всякому прегрешению вольному же и невольному…

– …Бо есть не печаль, но жизнь бесконечная…

Никоненко, преображенный в Никиту Козлова, низко кланяется чудотворной иконе и целует ее, ставит свечу за упокой барина своего Александра Сергеевича Пушкина.

Пушкина многое связывало со Святогорским монастырем. Есть предание, что, работая над Борисом Годуновым, Пушкин живо интересовался монастырскими книгами и древностями, для чего ему отводили в монастыре келью, которую он испещрял своими надписями на стенах, так что приходилось ее белить после его ухода.

В апреле 1836 года Пушкин привез в Святогорский монастырь хоронить свою мать, Надежду Осиповну Пушкину. Тогда же поэт внес в монастырскую казну деньги, откупив себе место рядом с могилой матери.

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому приделу

Мне все б хотелось почивать.

Так и произошло морозным февральским утром. Трое мужиков и Никита Козлов трудились почти впустую. Лопаты, даже лом, не брали толстую корку льда. «Нельзя копать, – заключил один из мужиков. – Земля промерзла… Ломом пробьем лед для ящика, да снегом закидаем, а по весне земле предадим».

Никита выхватил лом у мужика и стал отчаянно бить и кромсать лед.

Сергей Никоненко отбросил лом. Лицо его было мокрым от пота и слез.

– Ну что, довольно? – спросил он у меня.

– Спасибо всем, – поблагодарила я актеров. Эпизод снят. Следующий – отпевание.

Поставили простой деревянный крест, прикрыли могилу еловыми ветками. И снова отец Макарий, преображенный в отца Иону, собрал братию, и началась литургия.

Сняли сцену похорон и были приглашены всей группой отцом Макарием в трапезную.

Отведали монастырскую пищу, поблагодарили отца Макария и братию за сердечное участие в нашем фильме и, поклонившись настоящей могиле Александра Сергеевича, отправились в Тригорское.

Никита Козлов

Никоненко ушел к нашему гримеру Инне Горбуновой. Прошло не более получаса, и к нам вошел чисто выбритый, с закрученными усиками и залихватским чубом сильно помолодевший Сергей Петрович.

Ему предстояло сыграть с молодым Пушкиным сценку у рукомойника из киевского периода жизни Александра Сергеевича.

– Батюшка мой, ну сними ты, наконец, рубаху энту. Прямо прикипел к ней. – Никита стал стягивать с барина красную рубашку.

– Да чем же она тебе не по нраву, Никита?

– Не барская она. Я вот сюртучок-то зашил, подштопал где надо, как новенький.

– Ну, брось, Никита, брось, мне и в этом сгодится, – упрямился Пушкин.

Никита полил барину из кувшина воды на шею. Заботливо

вытер полотенцем и намекнул: «А когда же мы в Екатеринослав двинем?»

– А чем здесь плохо? – удивился Александр.

– Да ничем, ничем не плохо. – Никита близко придвинулся к уху барина и зашептал почти трагически.

– Только не велено нам в больших-то городах останавливаться. Ну, как арестуют нас?

– Так и что? – беспечно спросил Александр. – И посидим. Зато Киев посмотрим и девок пощупаем, – и барин ущипнул своего верного слугу за бок. Тот хохотнул.

– Так нечто в Екатеринославе девки перевелись? – добавил Никоненко от себя.

Александр потянулся за красной крестьянской рубашкой.

– Куда! – всполохнулся слуга и мгновенно накинул на барина белую с кружевным воротником. – Вот белая, чистая.

Александр сдался. Никита стал застегивать пуговички на рубашке. Тут Никоненко опять вышел на импровизацию:

– И куда ж она подевалась, шельма? Вам бы, барин, молоденькую девку, она бы враз все пуговки отыскала.

Пушкин расхохотался и снова ткнул дядьку в бок.

– Ну вот и готово, – удовлетворенно произнес Никита, и Пушкин мгновенно улетел. А слуга глянул на себя в зеркало, подкрутил усы и, горделиво унося таз с водой, неожиданно запел:

В островах охотник
Целый день гуляет,
Нет ему удачи,
Сам себя ругает…

После этого дубля раздались дружные аплодисменты съемочной группы – первых зрителей этой сцены.

– Я снялся в прошлом году в десяти фильмах, поставил сам два и участвовал в двух спектаклях, – рассказал мне Сергей Никоненко после съемок.

Я еще раз порадовалась его неутомимой работоспособности. О своей роли в нашем фильме он знал практически всё и цитировал Пушкина и его современников.

– Никита Козлов – «дядька» поэта, крепостной, приставлен был к Пушкину еще с детства, прошел с ним всю ссылку. «Доморощенный стихотворец». Пушкин любил своего дядьку. Однажды Модест Корф побил палкой Никиту, Пушкин заступился за него и вызвал обидчика на дуэль, которая, по счастью, не состоялась. Его пытались подкупить, прося дать почитать бумаги барина, но верный слуга не согласился.

– Он не просто любит барина, – добавляю я к размышлениям Сергея, – он себя с ним соединяет, объединяет словом «мы» говорит: «Когда мы вызывали такого-то на дуэль…», или «Когда мы с ним писали».

Сергею это понравилась.

– И за девками небось оба гоняли? – уточнил Никоненко.

– Обязательно! – согласилась я.

Но сегодня будем играть самый грустный эпизод. Верный Никита везет тело барина в гробу. И несмотря на это, он все тот же. Как раньше заботился о барине, о его кафтане, так и теперь – о гробе его, не переставая говорить с Александром Сергеевичем, внутренне общаться.

Никоненко уселся на дровни, обхватив гроб руками. Лицо его мгновенно стало скорбным и сосредоточенным. Я тихо предупредила актера, что снимается кадр, когда лошадь, везущая гроб и Никиту, падает, что будет подсечка, чтобы он был осторожен. Сергей только кивнул мне, не выходя из образа. Актер Алексей Шейнин уже был готов, я объяснила ему задачу. Возглавлял шествие Владимир Соломонович, одетый в военный костюм, под ним играл гнедой красавец ахалтекинец.

Володя-оператор давно уже стоял на точке съемки и успел снять два пейзажа. Итак, мотор! Начали!

Странная погребальная процессия продвигалась по земле, скованной льдом и небывалым морозом. Впереди скакал жандармский полковник. За ним дровни с гробом, на которых примостился верный Никита Козлов. Шествие замыкала кибитка, в которой сидел Александр Сергеевич Тургенев.

Не выдержав гонки и холода, конь, везущий сани с гробом, пал. Гроб накренился, Никита подхватил его.

– Господи, полегче надо бы, полегче, – испуганно проговорил он, продвигая гроб на место.

– Эх, загнали лошадку, жаль, – причитал над павшей лошадью извозчик, – почитай сто сорок верст без отдыха гоним.

– Разговорчики! – остановил его жандарм. Вышел из кареты и Александр Тургенев.

– Нужно поменять коня, я заплачу, – говорил он то по-русски, то по-французски. Никита подошел к гробу, стал что-то поправлять, беспрерывно что-то толкуя про себя. – Ну ничего, ничего, обойдется, все уладится, все.

– Эй, мил человек! – окликнул его жандарм. – Ты с кем это говоришь?

Никита взглянул на жандарма, вздохнул:

– Так, сам с собой, сам с собой.

Подойдя к саням с другой стороны, он сел рядом с гробом и

ушел в свои мысли. Ему послышался смех барина. И он увидел его – молодого и здорового, купающегося в снегу. Потом видение пропало, и Никита опять увидел перед собой гроб. Он смахнул с него снег и, завернувшись в рогожу, горько заплакал.

Эту небольшую сцену мы снимали весь световой день. Никоненко безропотно разъезжал в санях по всему лесу. Снимали и общие, и крупные планы. А я все время ловила себя на мысли, что мы все участвуем в каких-то реальных событиях, и несмотря на то, что карету относили ребята, помощники Владимира Соломоновича, на руках, что впрягали и выпрягали коней, менялись объекты, оставалась единая напряженная тема верного слуги и последней дороги Пушкина. Когда стало опускаться солнце, привезли блинчики и чай. Сергей перекусил, и мы отправили его с площадки прямо в театр. В Петербурге шел спектакль с его участием. Потом он поедет в Москву, а к 16 февраля приедет к нам в Михайловское еще на один день.

Пушкинский дом

На следующий день выехали с группой в Михайловское. Я вошла первая в дом Пушкина, сняла пальто, надела музейные тапки – никого, пусто.

– Ау, люди! – позвала я и прошла через весь дом. Вот столовая, кабинет – никого. Подумалось – и как так можно? Мировой ценности экспонаты, и никого нет. Дошла до закрытой двери, открыла – а там полно людей, охранники улыбаются. Оказывается, они за мной на мониторе наблюдали.

– Ну, как я себя вела? – поинтересовалась я.

– Пока неплохо, – успокоили они.

Очень скоро начали снимать.

– А где же тут был кабинет Александра Сергеевича? – интересовался Тургенев – артист Алексей Шейнин.

– А вот тут все у него было: и кабинет, и спальня, и столовая, коли дома – так всё тут.

– Скучал он тут жить-то?

– Стало быть, скучал: не поймешь его, впрочем, мудреный он был, скажет иногда невесть что, ходил эдак чудно. Палка у него завсегда железная в руках, девять фунтов весу, уйдет в поля, палку кверху бросает, ловит ее на лету.

Старик и впрямь будто подкинул палку и лихо ее поймал.

– А не то дома вот с утра из пистолетов жарит, в погреб, тут, за баней, да раз эдак сто и выпалит в утро-то.

Тургенев и Маша рассмеялись. И вдруг – словно тихий ангел

пролетел – все изменилось. По лицу Тургенева потекли слезы, а старик кучер отер мокрые глаза рукавом.

Мария Осипова взглянула в зеркало, а там – Пушкин в красной рубашке. Маша перекрестилась.

– Прохор, – обратилась она к старику, – надобно зеркала завесить, нехорошо.

– Завесим, сделаем, – согласился Прохор.

Тургенев взял перо на память о поэте.

Сцена завершена.

Еще раз внутренне поблагодарила Гейченко и всех тех, кто создавал или пересоздавал дом поэта.

Мой сын Ваня Бурляев ходил по комнатам и впитывал в себя впечатления. Когда я близко подходила к вещам, он тревожился: «Осторожней, мама, ведь это все настоящее».

Забегая вперед, скажу, что все мы в эти дни испытали некий взлет, духовное потрясение от близости поэта. Может, потому, что с нами был Игорь Днестрянский, который своим живым явлением среди этих подлинных вещей давал нам какую-то почти мистическую ноту реальной встречи с Пушкиным.

Встречи с Пушкиным

Здесь скажу, что мы уже два года собираем некие рассказики о тех людях, которые бывают потрясены от встречи с нашим актером, исполнителем роли Пушкина. Он и без грима очень похож на него, а уж в пушкинском костюме буквально вызывает у людей прилив радости, особенно у детей. Вот несколько воспоминаний.

Захарово. Место под Москвой, где прошли детские годы поэта и где каждый ребенок знает, что здесь когда-то жил Пушкин. Съемки были летом. Игорь Днестрянский, одетый и загримированный, стоял поодаль от камеры в лесочке и читал книжку. Неожиданно около меня возник мальчик шести – семи лет на велосипеде. Увидев Пушкина, он остановился и замер.

– Это Пушкин? – спросил у меня.

– Пушкин, – подтвердила я.

Ребенок заволновался.

– А его, говорят, убили? На дуэли? – он заглядывал мне в глаза.

– Так двести лет прошло, он и воскрес, – неожиданно для себя ответила я ребенку.

Мальчишка глубоко вздохнул, расплылся в улыбке. И я поняла, что заронила в сердце ребенка радость от встречи с

живым Пушкиным.

В Михайловском на двухсотлетии поэта мы проходили сквозь толпу людей, и опять же мальчик, девяти лет, обратил внимание на Игоря.

– А говорят, Пушкину двести лет? – съехидничал он.

– Не верь, малыш, Пушкину всегда тридцать семь, – ответил Игорь.

В Тригорском к Игорю бросилась девочка шести лет, ее звали Лада.

– Пушкин, я так и знала, что увижу тебя. Я тебе сейчас твои стихи читать буду.

Она забралась к нему на колени и тут же, уютно пристроившись, начала читать «У лукоморья дуб зеленый»…

В Гурзуфе актер спешил на съемку и спросил у прохожего: «Который час?» Тот поглядел на него, затем на часы и сказал:

«Ну надо же, Пушкина встретил, и время остановилось!» Время не остановилось. Но пропустило нас в Михайловское, где ожил дом поэта и опять зазвучали смех и шутки.

Встреча веков

«Над вымыслом слезами обольюсь» – как точно сказано у Александра Сергеевича. Но на то способны далеко не все. «Когда сменяются виденья перед тобой в волшебной мгле и быстрый холод вдохновенья власы подъемлет на челе».

Это тайна из тайн – вход в пространство вдохновения. Там ждут главные встречи, оттуда помощь, туда улетают сновидения и, может быть, и сама жизнь.

В нашем фильме это нечто будет присутствовать в каждом кадре. Пушкин проникает в пространственную связь с теми, с кем ему необходимо встретиться.

«Лодка плыла среди странно светящегося тумана. Александр не знал, как очутился в ней. Впереди сидел человек в одеянии странника.

– Где мы? – спросил Александр.

– Да вроде нигде или везде, кто тут разберет… – ответил странник. – Человек плотью своей пребывает в одном месте, а душою непрестанно кочует в иных пространствах и временах…

– Григорий Саввич! – воскликнул Александр, узнав душой украинского философа и поэта Сковороду.

– Он самый, – улыбнулся тот, – признал, хорошо, благодарствую…

– А весла где? – вдруг забеспокоился Александр.

– Да зачем они здесь, – спокойно ответил Григорий Саввич.

– Так что же, разве я умер? – предположил Александр.

– Ты-то еще нет…

– А?..

– А я, как видишь, тоже живу помаленьку».

Так Пушкин встретился с Григорием Саввичем Сковородой. А в их лице – XVIII век с XIX. Скажут: как это могло случиться, ведь нет даже сведений о том, что Пушкин интересовался украинским философом.

Для нас важно другое, важно, что оба размышляли над таинством языка и строили его. А в том, что Пушкин был знаком с произведениями Сковороды, сомневаться не приходится.

«– Необходимо, Александр, народ постичь, что ему нужно более всего. Как там у тебя в сказке:

Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме Бога одного…

– Я сказок не пишу, – усмехнулся Александр. – И стихи не мои.

– Твои, твои, – убежденно сказал Григорий Саввич, – только пока тобою не написаны… Ты небом избранный певец…»

Эту сцену мы снимали в Киеве, в роли Григория Сковороды – Богдан Ступка, удивительно тонкий и замечательный актер.

Станислав Любшин

В Петергофе нам предстояло снять сцену переселения четы Волконских из Петровских заводов на вольное поселение.

Я с нетерпением ждала приезда исполнителя роли князя Волконского – Станислава Андреевича Любшина.

С тех пор как разрушился наш кинематограф, с экранов ушли лучшие актеры, им просто не в чем было сниматься. И я с огромной радостью увидела зрелого Любшина – все такого же моложавого, седина только украшала его. Конечно, он человек XIX века, утонченный интеллигент. Когда я сообщила о том, что решила пригласить Любшина на роль Волконского, мой сын Ваня сказал: «Здорово, это просто здорово, мама».

– А ты его помнишь? – тревожно спросила я, не надеясь, что в

памяти молодого человека «клипового» века удержались фильмы Любшина, и ошиблась:

– Конечно, помню, – почти вскричал Иван, – как он сыграл Егора в картине «Не стреляйте в белых лебедей».

– А «Позови меня в даль светлую»? Ведь он поставил этот фильм как режиссер, – напомнила я сыну.

– Правда? Этого я не знал. Но фильм помню.

«Слава Богу, – подумала я, – дети помнят лучшее». Любшин дал согласие участвовать в нашем фильме сразу, хотя наши переговоры шли только по телефону. И вот, только 19 февраля 2001 года произошла наша реальная встреча со Станиславом Андреевичем. Честно говоря, я волновалась, все время выглядывала в окно, не подъехала ли машина. В это время Инна Горбунова работала над моим обликом, ведь сегодня я должна была не только снимать, но и играть Марию Волконскую. Меня загримировали, я даже успела надеть длинное дорожное платье, как в коридоре запели и защебетали голоса моих кинематографических детей – значит, вся семья в сборе.

Вошел Станислав Андреевич, и мы встретились, будто и не расставались никогда – так знаком был мне этот человек. Думаю, что он почувствовал то же, потому что вскоре мы беседовали, как близкие друзья. Я вручила Станиславу Андреевичу, а через пятнадцать минут уже Славе, текст, который задумала еще в Михайловском. Конечно, так не делают, не суют актеру в день его приезда на съемки текст и не разучивают новую сцену за час до съемок. Но что делать, меня посетило вдохновение.

По сценарию, а это самые первые кадры в нашем многосерийном фильме, Волконские должны были следовать со своим скарбом и детьми в кибитке, а закадровый текст должен был знакомить нас с героями и их жизнью. Но, размышляя над образами и имея перед внутренним взором исполнителя, я решилась на сцену в лесу. Любшину она понравилась, наши славные дети быстро выучили текст, и вот мы на натурной площадке. Холодно, как в Сибири, не меньше 20 градусов ниже нуля, что для Петергофа – все 30, так как очень большая влажность, из ноздрей лошадей валит пар, а мы и рады – никто не будет сомневаться, что съемки шли в Сибири. С Володей выбрали самые «сибирские» участки Петергофа и начали снимать. Тройка наша подлетела к поваленному дереву и остановилась.

Одного за другим Сергей Волконский достает своих ребятишек из кибитки, чтобы размяли ножки, подает руку жене.

– Мама, – спрашивает Марию Волконскую десятилетний Михаил. – А там, куда мы едем, ты с нами будешь жить или опять с папой в остроге?

– Там нет тюрьмы, – отвечает Мария. – Там мы будем жить на вольном поселении.

– Да, мы там все вместе будем жить, – подтверждает Волконский, и дети в восторге бросаются к нему, не веря своему счастью.

– Будем жить вместе с папой и мамой!

На этом моменте делаю паузу, чтобы выстроить мизансцену для детей, которых играют Даша Сумкина и Арсений Макеев. Всматриваюсь в лицо Любшина – кажется, все идет хорошо.

Это мой Пушкин

– Боже мой, Серж. Как хорошо. Никто за нами не смотрит, никто не наблюдает, никто не подсматривает… Господи, как хорошо!

– Маша, – Сергей Григорьевич обнял за плечи Марию. – Прости меня…

– За что? – спросила Мария.

– За все.

Мария порывисто поцеловала мужа, прижалась к нему.

– Господи, Серж, я каждый день благодарю Господа за все испытания, которые он нам приготовил…

Волконский позвал детей, помог им усесться в кибитку, и лошади тронулись в путь. Конечно, эту сцену мы сняли не сразу, сделали дубли, меняли точки съемок, и все-таки все произошло так стремительно, что когда мы отогревались в доме Бенуа, у всех был вопрос: «Ну как, получилось?»

Ответ на этот вопрос придет гораздо позже, когда будет закончен фильм, когда каждая сцена обретет свое место и время и, наконец, тогда, когда наш фильм увидят зрители.

Съемки закончились только к вечеру.

Последним снимался Пушкин. Игорь Днестрянский весь день приноравливался к ахалтекинцу с гордым именем Гурджан. Пока наш Пушкин объезжал коня, около него образовалась стайка детей четырех—шести лет. Их привели смотреть лошадок, но увидев Пушкина на коне, они уже никуда не захотели идти дальше.

– Пушкин! Смотри, Пушкин! – кричали они и наконец привлекли внимание молодого актера. После съемок Игорь соскочил с коня, распахнул руки и крикнул:

– Здравствуй, племя младое, незнакомое!

Дети кинулись к нему, мгновенно облепили, ближние обнимали его, приговаривая:

– Это мой Пушкин, мой!

Остальные обнимали тех, кто был рядом с актерами, и все, задрав головы, с восхищенными глазами старались увидеть и запомнить его лицо.

Этим эпизодом и закончились наши зимние съемки в Петергофе.

Из интервью 2003 года

– Наталья Сергеевна, говорят, вы пишете книгу?

– Не одну. Сразу две.

– Я про автобиографию…

– Издательство заказало ее как автобиографию, но мне хотелось бы сделать книгу не столько о себе, сколько о людях, с которыми свела жизнь, – о личностях более значительных, чем я сама. Эта книга будет о моем отце, Сергее Федоровиче Бондарчуке, маме – Инне Владимировне Макаровой, о моем любимом учителе Сергее Апполинариевиче Герасимове, о режиссерах Тарковском, Шепитько, Мотыле… В работе использую дневники, которые, по счастью, веду с пятнадцати лет, и летопись картин, хронику съемок. Хочу назвать книгу – «Единственные дни».

– А вторая о чем?

– Правильнее – о ком. О Пушкине. Дерзновенно пишу роман, хотя прекрасно понимаю: биографический роман о Пушкине требует пера, по меньшей мере, Толстого. Но делать нечего, пытаюсь объять необъятное – пишу сама, поскольку мне этот роман жизненно необходим: он станет основой для сценария к сериалу об Александре Сергеевиче под названием «Одна любовь души моей». В течение пяти лет я изучала материалы по Пушкину, нашла много достойных научных трудов, но, представьте себе, ни единого романа, который мог бы лечь в основу сценария… Пишу одновременно и роман, и киносценарий. Видимо, книга выйдет прежде фильма – с иллюстрациями уже отснятых эпизодов.

– И сколько серий предполагается?

– Тридцать семь. По числу лет, прожитых Пушкиным. События будут развиваться «от обратного»: сначала дуэль, смерть, а потом воспоминания людей, любивших и знавших поэта.

– Сделать 37 серий по нынешним временам… Вы полагаете, это возможно? Первые две серии вашего фильма мы уже видели в 1999 году. Их показывали в честь пушкинского юбилея – тогда, признаться, многие решили, что этим дело и кончится.

– Я считаю фильм о Пушкине главным делом жизни. У нас снимаются великолепные актеры: Сергей Безруков, Станислав Любшин, Александр Михайлов, Илзе Лиепа, Василий Лановой – и совсем молодые артисты: Юрий Тарасов, Игорь Днестрянский, Софья Торосян.

– Вы с Бурляевым разошлись, но сохранили хорошие отношения.

– Разумеется. Удивительный факт – после развода наши отношения с Николаем Петровичем не ухудшились, а, напротив, улучшились. Мы потеряли «кухонный интерес», но духовный остался. К тому же Бурляев – исключительный отец, не просто хороший, а исключительный! Он постоянно общается с Ваней и Машей. И у меня, на мой взгляд, сложились хорошие отношения с его новой супругой, Ингой Шатовой. Как-то раз мы даже отпраздновали все вместе Новый год. А Ваня – ему сейчас двадцать шесть лет – помогает отцу в подготовке и проведении кинофестиваля «Золотой Витязь», но основная его стихия – музыка. Он участвовал в фильме о Пушкине как композитор.

– А дочь Маша, как и прежде, занимается химией?

– Нет, химия была ее страстью тогда, когда Маше было десять лет. Сейчас ей пятнадцать – она увлечена пением. Ездит в Москву на уроки сольфеджио. Однажды она исполнила на школьном вечере песню, сочиненную братом, имела успех – с тех пор все и началось…

– Наталья Сергеевна, я знаю, вы сейчас снова замужем, но кто ваш супруг – тайна за семью печатями…

– И я вовсе не стремлюсь ее раскрывать. Может, суеверие. Не знаю. Было время, когда мы с Николаем Петровичем Бурляевым постоянно во всеуслышание твердили: «Мы, мы… у нас, у нас…». И что же? Через семнадцать лет совместной жизни расстались. Нет, лучше не выставлять сокровенное напоказ.

Беседовала Рита Болотская.

10 мая 2003 года. День рождения

Есть рядом с городом Севастополем удивительно красивое место – мыс Фиолент. Именно там в 1820 году побывал Александр Сергеевич Пушкин. Вот уже несколько лет подряд я отмечаю там свой день рождения.

В доме Ивана Пуртова устроили стол, где была еда, приготовленная по системе Шаталовой, цветы и много добрых слов. После короткого застолья мы посидели и помечтали. Дело в том, что мы с моим мужем на Фиоленте получили небольшой участок земли. Так вот, мы мечтали о будущем и настоящем, потому что земля эта требует больших трудов, она каменистая, трудная, а нам хочется создать место, где мы могли бы встречаться с дорогими людьми, делиться самым главным – счастьем узнавания нового.

Вернулись в пансионат «Диана». Здесь нас ждала группа Шаталовой и сама Галина Сергеевна.

Удивительная женщина, врач, ученица Павлова, нейрохирург, участница двух войн, она готовила наших космонавтов, а в последние годы создала свою систему естественного оздоровления. Сама Галина Сергеевна ничем не болеет вот уже пятьдесят лет. У нее красивый голос и нестареющая душа. Пользуясь ее рекомендациями, я подлечиваю свое изрядно потрепанное кинематографом здоровье. Я была очень рада видеть ее за праздничным столом.

Выпили за здоровье моей мамочки, за это чудесное место, за мой день рождения и за здоровье всех, кто был рядом и вдалеке. А в конце вечера, так уж получилось, посмотрели по первому каналу Украинского телевидения передачу «Имена» о моей маме, с участием всей нашей семьи и людей, близких ее сердцу.

Инна Владимировна Макарова и сегодня в кинематографическом строю. Ее часто приглашают на телевидение, она снимается в фильме «Дуэль и смерть Пушкина», но главное дело ее сегодняшней творческой жизни – это моноконцерты. Она читает со сцены Бунина, Чехова и Астафьева, сама разыскивает в исторических архивах сведения о своих героях.

В наше время, когда заманить зрителя на что-нибудь серьезное очень трудно, Макарова собирает полные залы. Зал, замерев, слушает любимую актрису и буквально взрывается аплодисментами. Зрители всегда приветствуют актрису стоя.

Иногда мама усаживает меня в своей гостиной и читает новую композицию, а я каждый раз поражаюсь ее духовному и

творческому росту, ее острой памяти.

Совсем недавно она читала композицию о Чехове в зале Дома актера. На вечер пришел Андрон Кончаловский. Он услышал ее чтение, посмотрел выступления других артистов, вышел на сцену и сказал:

– Мы все здесь, как первые христиане в катакомбах, с нашим Чеховым, Буниным, с нашей культурой…

Да, действительно, сейчас приходится в этом сражении за культуру отстаивать каждый островок, каждую пядь нашей русской культуры, даже наш родной язык. И так важно, чтобы в славянские страны проникали лучи нашей общей культуры.

Я была рада, что хотя бы через экран общалась с моей мамочкой, моим сыном и Николаем Бурляевым, потому что все они как бы завершали этот важный для меня день.

Увидела себя на экране и Маша, и засмеялась, так это было для нее непривычно.

После просмотра фильма она спела мне песенку на свои стихи, которые сложила сама для этого дня.

Дозвонилась Раиса Недашковская. Как она меня нашла? Столько любви и доброты в ее словах. Вот он, привет из Киева. Да, какой длинный и прекрасный день. День моего рождения. Вошла Маша:

– Ой, мама, сколько у тебя цветов!

Главное – все, кто сейчас смотрел фильм о моей маме, вспомнят, что у нас была и есть общая история, общие слезы и радость, и главное – общая культура, и как хорошо, что в нее вписаны и наши страницы.

«Любовь и правда Федора Тютчева»

В фильме «Одна любовь души моей» нет ни одного павильона, все снималось на натуре и в естественных интерьерах. Одним из наших любимых мест съемок стало Мураново – музей-усадьба Федора Ивановича Тютчева. Со стен дома-музея смотрели на нас Элеонора Тютчева, первая жена поэта, Анна, Дарья и Китти – дети от первого брака; Эрнестина Тютчева – вторая жена… Постепенно мы проникались аурой дома, а значит, и жизни Федора Ивановича. И нам захотелось снять фильм к его 200-летнему юбилею, который должна была отмечать вся страна. А тут еще меня пригласили в Брянск на открытие памятника великому поэту. Там мы познакомились с губернатором Юрием Евгеньевичем Лодкиным, который пригласил нас в Овстуг, имение Тютчева.

Помню свое первое впечатление от усадьбы, от весенней свежести листвы вековых лип. Озеро, беседка, флигель и сам дом – живые свидетели жизни поэта. И хотя умом понимаешь, что это реконструкция, что многое утрачено и восстановлено, возникает сердечное чувство присутствия гения, так же, как и в Михайловском.

Неожиданно грянул гром, и прокатилась по небу весенняя гроза. Сами собой всплыли строки: «Люблю грозу в начале мая».

Летом 2003 года мы сняли первые кадры фильма «Любовь и правда Федора Тютчева» по мотивам книги Вадима Кожинова «Пророк в своем отечестве».

Всего за месяц был сделан трехсерийный фильм. В день 200-летия поэта состоялась его премьера в Брянске. В феврале – на фестивале «Литература и кино» в Гатчине, затем – в Иркутске. Все залы после просмотра приветствовали нашу группу стоя, сердечными аплодисментами, однако ни один канал телевидения наш фильм к юбилею поэта не показал. Но мы верим, что это еще впереди. У фильмов, так же как и у людей, – своя судьба.

«Дуэль и смерть Пушкина»

Первые четыре серии фильма «Одна любовь души моей» получили высокие награды: Гран-при на фестивале Мировоззренческого кино в Москве, приз на фестивале «Литература и кино» в Гатчине (2004), приз президента Белоруссии на фестивале «Золотой Витязь» (май 2004).

Полные трагизма события – уход из жизни Владимира Сальникова, сорокачетырехлетнего исполнителя роли Ф. Орлова, другие драматические коллизии – заставили временно прервать работу над многосерийным проектом. В марте 2004 года наша киногруппа приступила к созданию исторического художественного фильма, посвященного последней дуэли Пушкина.

Кинопроект, запущенный в производство Пушкинским фондом «Истоки», был поддержан администрацией Одинцовского района Московской области и Министерством культуры г. Санкт-Петербурга.

Являясь автором, режиссером, продюсером художественного теле– и кинофильма о Пушкине, анализируя все события последних лет, имея огромный художественный материал, накопленный за эти годы, я определила для себя, что является главным, определяющим в поведении и характере Александра Сергеевича Пушкина. Это понятия чести и достоинства.

В роковом для поэта 1836 году Пушкин продолжал работать над историей Петра Первого, которую называл убийственной. Он готовился к поединку.

«Неужели вы думаете, что мне весело стреляться? – говорил он Сологубу. – Да что делать? Я имею несчастье быть человеком публичным, и, знаете, это хуже, чем быть публичной женщиной».

«Жена моя – ангел, никакое подозрение коснуться ее не может», – пытался он защитить честь жены.

«Адские сети, адские козни были устроены против Пушкина и жены его», – свидетельствовал Вяземский.

На этот раз Пушкин решил пойти до конца. Он сделался спокоен, прост и полон достоинства. Ибо желал этого исхода.

Бьют старинные часы. Отмеряют последние мгновения жизни поэта. Снимаем в кабинете Александра Сергеевича Пушкина на Мойке, 12.

Галина Седова, наш главный консультант, стережет пушкинские раритеты и в то же время все больше и больше доверяет нашей группе.

Сергей Безруков – раненый Пушкин – лежит на пушкинском

диване. В этом фильме он один играет Александра Сергеевича. Удивительный, тонкий актер, беспощадный к себе. Он так кричал от боли, что все, кто был на съемках, не могли удержаться от слез. Молодая двадцатилетняя актриса Анна Снаткина покорила всех нас своей готовностью к самым сложным сценам. Она играла Наталью Николаевну Пушкину с полной самоотдачей.

Все мы поздравили Анну, на наших глазах рождалась глубокая драматическая актриса.

Весной мы снимали царские балы, и здесь нас покорил актер Юлиан Макаров в роли Николая I. Фильм снимался уже на кинопленке оператором Марией Соловьевой.

«Моя жизнь – это мои фильмы», – как-то сказал мой отец, Сергей Федорович Бондарчук. И действительно, для меня и моей семьи кинематограф – вторая реальность, и так хочется успеть сказать самое главное, самое сокровенное…

Встреча с юностью

На X Российском кинофестивале «Литература и кино» в Гатчине мне был вручен приз за «уникальную приверженность к темам и образам гениев русской культуры» за фильмы «Одна любовь души моей» – о жизни и творчестве А.С. Пушкина – и «Любовь и правда Федора Тютчева» – о жизни Ф.И. Тютчева. Это было совершенно неожиданно для меня, оба фильма показывались вне конкурса. Но особенно радостно было то, что просмотры, назначенные на 10 часов утра, были при переполненных залах, а после «Тютчева» все зрители встали и аплодировали нашей скромной, практически безбюджетной картине.

Вспомнился день премьеры в Брянске, когда так же, стоя, зрители приветствовали наш фильм на родине великого поэта. Значит, наелись американских триллеров и экшенов, хочется своего, родного.

С особым чувством выехала из Гатчины в Репино. Когда увидела Дом кинематографистов, вспомнилась юность.

Я была здесь в тот момент, когда фильм «Солярис» еще не был выпущен на экран. Андрею Арсеньевичу дали 32 замечания, среди которых были: «Из какой формации улетает Крис Кельвин – капитализма или коммунизма?», «Не нужно, чтобы Хари становилась человеком…» и так далее. Вскоре в Репино на отдых приехал Вадим Иванович Юсов, обожаемый мною человек. Всегда внимательный, с добрым юмором и удивительным взглядом художника на все, что снимал. С ним и сценаристом Володиным коротали время в Репине и читали стихи Пастернака.

Тогда же, начитавшись Джека Лондона, я хотела пойти на Финский залив на лыжах «за белым безмолвием». Мне очень хотелось найти ту точку, когда исчезнут звуки и я встречусь с безмолвием и самой собой.

В один прекрасный день я вышла в путь. Погода была неплохая, только по снегу мела легкая поземка. Я отошла от берега довольно далеко, темные очертания Кронштадта пропали из-за легкой метели. Наконец я остановилась.

Действительно, было слышно только мое собственное сердце и шум в ушах от быстрой ходьбы.

Пустота – безмолвие. Я оглянулась…

А берега не видно ни справа, ни слева… Попыталась найти мои следы от лыж, но поземка стала их заметать. Впереди открытое море. Куда идти? Стало жутко. Но все-таки, собравшись с духом и мыслями, отыскала намёки на свои следы и

отправилась назад. Но и этот, почти роковой случай, не отучил меня от романтических приключений, почти всегда с риском для жизни.

Видимо, всем нам хочется «хоть немного постоять на краю».

Вспомнилось и то, что здесь, в Репине, опять же на лыжах, отправилась с подругой на могилу Анны Ахматовой. Увидела большой простой крест, набрала еловых веток и хоть так отметила посещение великой поэтессы. А потом и сама в Репине записала в своей книжке куценькие стишки об этом:

Наша встреча пройдет в тишине,
Не нарушив лесного молчанья.
Только ветки шумят на сосне,
Будто знают о нашем свиданье.
Ты, как прежде, глядишь на людей
Вещей птицей, улыбчивым гением.
Воскресила тебя для друзей
Благодарная часть поколения.

Все это я вспоминаю, укладываясь спать под шум еловых веток.

Ночью снится сон. Я стою возле ВГИКа, общаюсь с Климом Лаврентьевым и говорю ему:

– Странно, опять во сне видела Андрея Тарковского.

Он отвечает задумчиво:

– Опять Тарковского?..

А в это время над нами что-то заблестело удивительно красивое, похожее на снег, но не снег, а что-то еще более светлое, прозрачное… С этим легким чувством я проснулась и, вспомнив сон, так и гадала, что же я такое увидела…

А в 10 утра я с подругой уже шла по Финскому заливу, опять же на лыжах, рассказывая ей историю о моем «белом безмолвии».

К вечеру я захотела увидеть сосновую рощу, по которой любила ходить в юности. Мы отправились туда с Танюшей Филатовой. Вошла в лес, подняла голову и… увидела то, что показано было мне во сне. Когда ветерок поднимает с сосновых веток легкий снежок, он не сразу падает на землю, а поднимается наверх и парит, подсвеченный солнцем, как мириады светлячков или легкие, прозрачные ледяные пушинки. На фоне темных сосен – сверкающий фейерверк.

Спасибо за встречу с Юностью!

Дорога уходит вдаль

В конце октября позвонила Марина Тарковская, сестра Андрея Арсеньевича. Голос взволнованный, усталый и, как всегда, искренний.

– …Наташа, я, конечно, понимаю, что звоню поздно, но 30 октября открывается музей Андрея в Завражье, там, где он родился. Ехать нужно в автобусе, потом ночевка и… – в голосе были безнадежные нотки.

– Я еду, – сразу успокоила Марину.

– Правда? – голос повеселел. – Выезд 29 октября.

– Сколько ехать?

– Где-то шестьсот километров, часов шесть пути.

– Хорошо, едем…

– Спасибо Вам…

– Это вам спасибо, Марина…

И вот мы на Рижском вокзале, с Мариной едет ее муж и однокурсник Андрея режиссер Александр Гордон, больше кинематографистов нет.

– Я, конечно, всех обзвонила, – с грустью говорила Марина, – …но такой путь, да еще и с ночевкой…

– Ничего, – улыбнулась я, – справимся.

– Конечно, – подхватила она и тут же стала встречать едущих с нами.

В автобус втащили огромное зеркало, часть музейной экспозиции.

Дождались Виталия Трояновского, автора телефильмов «Острова», и его команду, и двумя автобусами тронулись в путь.

Выехали из Москвы, и вот она – Русь, Золотое кольцо. Как всегда, бедные селенья и немного прибранные города, особенно красив Переславль-Залесский и его храмы. Дорога длинная. Конечно, спрашиваю Марину об Андрее и его рождении.

Я призналась ей, что давно задумала фильм об Андрее «Встречи на Солярисе».

Показала ей фотографии своей дочери.

– Она очень на вас похожа! Сколько ей лет?

– Исполнилось семнадцать. До встречи на Солярисе осталось два года… – намекнула я на будущее.

Марина и ее супруг пригласили меня в Тарусу на дачу летом… Часы летели незаметно. В память об этом дне я предложила каждому участнику поездки написать мне в дневник о тех чувствах, которые они испытывали перед открытием музея Андрея Тарковского.

Вот эти записи.

Ксения Головкина – дизайнер, оформитель музея Тарковского:

«С чувством ответственности за одну из последних, может быть, нот, которую необходимо поставить в оформлении Дома, именуемого отныне Домом-музеем А. Тарковского, а также с чувством трепета и радости, как, прикоснувшись к имени, не навредить…»

Марина Тарковская:

«Эти бедные селенья,
Эта скудная природа.
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа…

Но тем не менее, именно в селе Завражье, завтра, 30 октября 2004 года, будет открыт музей Андрея».

Александр Гордон:

«Открывать музей еду по воле провидения. В душе – поэма Марины Тарковской о месте, где родился ее брат.

На память о поездке, дружеских чувствах к вам, Наташа, к вашему отцу и матери, которой до сих пор не отдал 2 руб. 50 коп. со студенческих лет 1959 года.

С любовью, Саша Гордон».

Наталья Краснобаева, биохимик:

«Еду с предчувствием радости от встречи с любимой приволжской природой и одновременно с грустью, что так несправедливо этого не видит Андрей Тарковский.

Он должен быть с нами».

Павел Глебов, фотохудожник:

«На полпути к Волге утрачивают ясность очертания Москвы и ширится задумчивая русская даль, и слава Богу. Нас ждет доброе дело, святое. На сердце радость, на душе покой. Чувства любви, благодарности и высокой ответственности.

Версты, деревенские ребятишки, Россия. Тарковские.

Спасибо».

И от меня:

> «Спасибо, Марина, что позвала меня, всех нас в путь к месту рождения Андрея Тарковского. Его везли родиться подальше от Москвы – суеты… на Волгу. Узнала в дороге, как Марию Ивановну снарядили в путь, повезли на поезде до Кинешмы, а дальше в санях по льду через Волгу – боялись, не тронется ли лед на Волге. Но в розвальнях Марию Ивановну растрясло, и сынок родился на две недели раньше. Шел ножками, а не головкой, сразу проявил характер. Много кричал… Шесть часов пути по России, на “роды” музея Тарковского».
>
> *С Богом, Н. Бондарчук*

Вечером добрались до Костромы. В дороге девушки-дизайнеры купили ведро яблок для экспозиции музея, а я – забавного медвежонка моей Маше, она как раз делает этюды на предметы, а это предмет смешной и все время повторяет: «Мне есть хочется. Винни-Пух».

Около села Болотова увидели необыкновенный красный закат. Огромный огненный диск солнца торжествовал над Русью. Дальше дорога вела к храму, правда, еще не реставрированному. В Судиславле показалась прекрасная белоснежная церковь. Таким торжественным аккордом встретила нас земля, подарившая миру Тарковского. Поздно ночью добрались до краевого центра Кадый, отсюда до Завражья еще 50 верст. Марина с двумя помощницами и зеркалом отправилась в ночь в Завражье доделывать экспозицию. Все остальные заночевали в уютном пансионате здорового образа жизни.

К моей радости и радости Павла Глебова, все кушанья в пансионате были вегетарианскими.

Утром автобус повез нас в Завражье. Оказалось, что в одном доме создан не только музей Андрея Тарковского, но и Павла Флоренского.

Народу возле одноэтажного (раньше был двухэтажный) отреставрированного дома собралось много.

Марина, сдерживая душившие ее слезы, говорила об Андрее, ее семье и благодарила всех, кто помогал делать музей брата.

Перерезали ленточку. Дверь открылась.

Светлая комната, в центре наше зеркало, перед ним яблоки. Полупрозрачная фотография той самой комнаты, у окна сидит с ребенком Мария Ивановна, в центре белый стол, на котором и

родился Андрей. Всё просто, красиво. На стенах фотографии Андрея, семьи – отца, матери, сестры, Ларисы, детей…

Справа на стенке с потолка спускаются киноленты с кадрами из семи фильмов Андрея: «Иваново детство», «Андрей Рублев», «Солярис», «Зеркало», «Сталкер», «Ностальгия», «Жертвоприношение».

Беру в руки ленту «Солярис», на меня смотрят кадры из нашей с Андреем жизни, я в рубашке Донатаса, Андрей что-то мне говорит…

Был всеми ощутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом…

Почти физически ощутила присутствие Андрея… Волга искрилась под солнцем.

Шла божественная литургия в память Тарковского в храме, где его крестили…

– До встречи, Андрей, на Солярисе!

Единственные дни

В тот день разыгралась сильная метель, я ехала в автобусе одна, чтобы соединиться с моим детским театром «Бемби», отправившимся за несколько дней до этого в город с удивительным названием Гусь-Хрустальный.

Трудно, неспокойно было на душе, мучила неустроенность собственной судьбы, а попросту говоря, одиночество. Так часто бывает у творческих людей, обреченных на толпы почитателей и обычную семейную драму.

Я вышла из автобуса, окончательно продрогшая, измученная плохой дорогой. Он стоял и ждал меня на остановке, в руках теплое пальто.

Пришли в гостиницу, стали пить чай. Он стал рассказывать мне, как идут гастроли, как замечательно играют дети нашего театра. Его глаза светились синим огнем и… любовью.

Гусь хрустальный пролетел,
Он крылом меня задел…

Это было 4 декабря 1995 года. А встретились мы с моим будущим мужем более пятнадцати лет назад в Киеве. Он стал артистом нашего театра «Бемби», одним из замечательных педагогов, другом моих детей. Мы много путешествовали, были с ним в Непале, в Индии, вместе снимали фильм «Гималаи – обитель Богов» и другие документальные фильмы, путешествовали по Волге, много раз ездили и снимали в Германии Духовное общество под руководством Герхарда Гавела.

А 10 февраля 2005 года вместе с ним мы смотрим по Центральному телевидению премьерный показ фильма «Одна любовь души моей», где он, Игорь Днестрянский, играет главную роль, роль Александра Сергеевича Пушкина.

Впервые в этой книге я открываю завесу над своей семейной жизнью. Пятнадцать лет – срок немалый.

Каждый раз в праздники Игорь пишет мне удивительно добрые душевные строки.

«Наташенька!

Я поздравляю тебя с чудесным праздником Весны, женственности и первой капели.

Пусть солнечный лучик, заигравший в твоем сердце, освещает все вокруг и щедро одаривает теплом и

радостью».

Теплом и радостью одарил меня человек, который полностью разделил со мной все тяготы такой непростой и многотрудной жизни. Спасибо тебе, Игорь, за терпение и самоотверженный труд.

Я живу на этом свете уже достаточно долго. Болею, к счастью, мало, да и некогда. Слишком много работы, которую необходимо выполнить в срок. Выстоять в этой каждодневной борьбе помогают мне друзья из Иркутска, из Киева, с Урала. Там есть удивительный санаторий «Урал», куда приезжаю вместе с семьей несколько лет подряд, под опеку Галины Селяниной. А совсем недавно вновь привлек меня Северный Кавказ, где собираюсь продолжить съемки фильма «Одна любовь души моей». В этом мне помогает министр образования Ставропольского края, с которой я очень дружна, Алла Золотухина. А в Пятигорске меня всегда ждут сотрудники музея Лермонтова.

В Подмосковье, где я живу, мне помогают друзья, соратники, возглавляемые главой администрации Одинцовского района Александром Гладышевым. Они рады мне помочь во всех начинаниях. А их так много – нужно успеть отпраздновать двадцатипятилетие фильма «Детство Бемби», двадцатилетие Театра «Бемби».

Сегодня наш театр находится сразу в трех местах. В Москве театром руководят мои ученики, закончившие актерские и режиссерские факультеты театральных вузов – Наталья Остринская и Владимир Федоров. А в Апрелевке и в Одинцово небольшую группу детей по-прежнему веду я и мой супруг Игорь.

Особенно хорошо нам в Апрелевке (в Детской школе искусств № 13) под покровительством Аллы Григорьевны Кузнецовой. Там есть всё, что необходимо: небольшая сцена, инструменты, хореографический зал, кабинеты. Туда я передала свою обширную фотовыставку, которую с удовольствием любят разглядывать дети и внимательно изучают приходящие взрослые. Если бы таких домов было больше, было бы чем занять детей.

Проходят чередой кадры фильма «Одна любовь души моей», идет навстречу своей судьбе Машенька Раевская – Соня Торосян, знакомится с Пушкиным Софья Раевская – Маша Бурляева. Сегодня Машенька – студентка актерского факультета ГИТИСа, пробует петь, сочинять стихи, во всех ее начинаниях с ней, кроме меня и Игоря, ее любимый отец Николай Бурляев. Он уделяет внимание не только своим младшим детям – Дашеньке и Илье, но и Маше и Ване.

А через три дня в храме будет венчаться наш «Бемби» – сын

Ванюша. Его избранница сразу вошла в мое сердце и стала родной дочерью. Юленька закончила ГИТИС, оперное отделение, у нее уникальной красоты голос и доброе сердце.

Позвонила мамочка, со слезами в голосе говорила мне и Игорю теплые слова о фильме, о нашем Пушкине, а я ей сообщила радостную весть о том, что руководство Госкино выделяет средства на продолжение фильма «Дуэль и смерть Пушкина». Мама даже вскрикнула от радости: «Слава Богу! Слава Богу, доченька. Это так нужно, так нужно людям…».

И действительно, судя по звонкам, это нужно. Несмотря на то что фильм идет в 9 часов утра и три раза перебивается рекламой, люди смотрят, благодарят, желают продолжения… Терпеливые, добрые, душевные русские люди, и как хочется, разделяя слова Салтыкова-Щедрина, сказать им: «Я люблю Россию до боли сердечной и желаю видеть мое отечество счастливым».

Пушкин (продолжение)

Безруков возвращается в проект

И снова 2005 год.

Я продолжила съемки художественного фильма «Пушкин. Последняя дуэль». Вместе со мной – оператор-постановщик Мария Соловьева. Человек удивительной души и работоспособности, на ее счету шестнадцать полнометражных фильмов. Мне приходилось видеть работу Дмитрия Месхиева, Вадима Юсова и других прекрасных операторов, но то, что делает Маша… Ее плавное движение камеры (она не любит снимать статично), ее живой свет и ее изобретательность в самых непредсказуемых условиях не раз спасали весь съемочный процесс. Она всегда работает со «своими», преданной ей командой – десятью рыцарями, среди которых второй оператор Владимир Ильин и бригадир осветителей Игорь Николюкин с его великолепным чувством юмора: например, он может прийти в майке с надписью «Опыт позволяет нам ошибаться гораздо увереннее»…

А ведь совсем недавно казалось, что проект на грани закрытия. И все из-за колебаний Сергея Безрукова.

Весной 2005-го слава молодого актера вошла в зенит. В Ермоловском театре шел спектакль «Александр Пушкин» по пьесе, написанной отцом Сергея – Виталием Безруковым. Именно в это время я, закончив сценарий фильма и найдя необходимые средства, отправила сценарий Безрукову. Мой сын, Иван Бурляев, прочитав сценарий, поздравил меня: «Мама, ты так долго мучаешься с темой Пушкина, что заслужила отличный фильм». Я отправилась в Петербург, чтобы провести необходимый кастинг, подготовку к сложным съемкам.

Переговоры с Безруковым, у которого к тому времени уже был свой агент, вела мой директор Елена Корнеева. Был составлен предварительный договор. За пять дней до начала, когда была собрана киногруппа, отрепетированы бальные танцы, Сергей стал отказываться от участия в проекте, сказав, что это будет «фальшстарт», что невозможно найти за такой короткий срок исполнителей и что он занят Есениным. Из всего этого я поняла, что Сергей вместе с отцом задумали снимать своего Пушкина после Есенина. Я просила Сергея не принимать поспешных решений без личного общения со мной. Он пообещал встретиться, но на встречу не пришел.

За мою долгую жизнь я не получала такой внушительный

удар. Тем более что я продолжала любить Сережу как друга моего сына и тонкого актера. Я разболелась. Хорошо, что рядом была верная мне киногруппа. И мы решили продолжать, несмотря ни на что.

В роли Пушкина стал сниматься Игорь Днестрянский, для которого такой поворот был неожиданностью. Но работал он честно. Мы снимали масштабные сцены императорских балов, а на душе у всех было нехорошо, ведь сцену ухода из жизни, уже сыгранную Сергеем, планировалось оставить. Два и даже три Пушкина в сериале возможны, а в художественном фильме?..

Разрыв с Безруковым укрепила желтая пресса, не пощадив ни актера, ни меня, ни наш проект. В чем только ни обвиняли Сергея: «предал Учителя» и т. д. Я была в ужасе и пыталась доказать, что Безруков – не мой ученик, а Табакова. В каждой публикации я объясняла, что отказ Безрукова, конечно, удар, но я продолжаю ценить в нем прекрасного актера. Сергей в своих статьях писал, что он уважает меня как режиссера и просто не имеет возможности участвовать в проекте. Из-за Есенина…

Только к лету я отошла от всего этого кошмара и села за монтаж сцен, снятых на Мойке, 12.

Летом 2005 года наши отношения с Сергеем восстановились. Это произошло благодаря моему сыну, который очень переживал из-за нашего разрыва. Сергей приехал к Ване домой, там мы и встретились все вместе.

Еще одна душа страдала из-за всей этой истории – исполнительница роли Натальи Николаевны Пушкиной Анна Снаткина. Ей было трудно после сцен, сыгранных вместе с Безруковым на Мойке, 12 (смерть поэта), играть с кем-то другим.

Итак, мы встретились все вместе, посмотрели материал фильма, заново пережили трагические дни на Мойке, где жил, творил и умирал Александр Сергеевич. И стали работать над драматургией предстоящих съемок.

Забегая вперед, скажу, что все общие планы с Днестрянским в роли Пушкина сохранились в фильме. Их не пришлось переснимать. Так что он стал нашим спасителем – проект продолжал развиваться. К счастью, этой же весной мы получили известие, что и другой наш проект, которому мы отдали восемь лет жизни, «Одна любовь души моей», продолжится.

К удивлению представителей СМИ, Сергей Безруков появился на моем юбилейном творческом вечере с букетом цветов и поздравлениями. Инцидент был исчерпан; но мы бы еще долго «привыкали» друг к другу, если бы не кратковременные летние съемки.

Счастливое лицо Галины Седовой – нашего консультанта, хранительницы квартиры Пушкиных на Мойке. Она более других переживала наш разрыв с Сергеем Безруковым и более других радовалась нашему воссоединению.

В Петербурге стояла страшная духота. Объем сцен, как всегда, велик, средств, как всегда, в обрез. В кабинете А.С. Пушкина сняли эмоциональную сцену, которую мы про себя называли «признание». Пушкин приносит Натали анонимные письма и просит ее прочесть. Только здесь Натали впервые понимает, в какие грязные сети ее заманили Геккерены: Дантес и его так называемый приемный отец. Натали признается мужу, что один раз ей пришлось быть с Дантесом наедине, но заманили ее обманом.

«Таша, у тебя что-нибудь было с ним?» – спрашивает Пушкин. «Нет», – едва произнесла Натали. «Клянись! – взрывается муж. – Перед Богом клянись!» – И опускает жену на колени перед иконой. Натали в слезах клянется в верности мужу. И тут же Пушкин обнимает и целует жену и спрашивает ее: «Ну почему, почему ты мне не говорила об этом?» «Я боялась, боялась твоего гнева…» «Я твой единственный защитник на этом свете…»

Сцена вызвала слезы даже на съемочной площадке, так точно и правильно ее играли актеры. Забегая вперед, скажу, что именно в этот момент зрительный зал замирает и ждет, ждет вместе с Пушкиным ответов его жены.

Работали буквально до ночи. После утомительных съемок Анна Снаткина спустилась вниз, чтобы переодеться, и неожиданно вернулась ко мне на второй этаж вся в слезах. Такой я ее еще не видела.

«Я спустилась вниз, в гардеробную, – рассказывала Анна, – там старинное зеркало, я случайно взглянула и… увидела в платье Натали не себя. И та, другая, мне улыбалась, а я нет… Это была не я…» Девушку била дрожь. Я попыталась ее успокоить, рассказывая, что с зеркалами все не просто, особенно со старинными. Но Анна долго не успокаивалась. Впрочем, это и понятно.

На следующий день снимали самую напряженную для Сергея Безрукова сцену. Пушкин пытается вернуть старшему Геккерену письмо Дантеса и выпаливает ему в лицо все, что накопилось. Действие должно было происходить в прихожей на лестнице. Включили осветительную аппаратуру, и температура в интерьере поднялась до пятидесяти градусов. Сергей сыграл первый дубль, и создалось ощущение, что стало еще жарче – с такой яростью

кричал наш Пушкин на своего обидчика. По темпераменту и накалу эта сцена не имеет себе равных. После второго дубля я увидела, что Сережа на пределе: дрожат руки, побледнело лицо, он буквально пылает от жара, но более всего – от внутреннего напряжения. Я бросилась за водой, сама стала отпаивать его с ложки, взяла за руку, пульс – бешеный.

– Может быть, снято, Сережа? – спросила я Безрукова.

– Нужно посмотреть, как получилось, – ответил Сергей и буквально впился в экран.

То, что мы увидели, нас удовлетворило, но:

– Еще один дубль, – попросил Сергей, и я еще раз убедилась, что самоотдача Безрукова в роли беспрецедентна. Вспомнились строки Бориса Пастернака: «Не читки требует с актера, а полной гибели всерьез».

Мы сняли третий, самый насыщенный дубль. Но предстояло еще снять Геккерена. Исполнитель роли Геккерена, Сергей Ражук, стойко переносил жару и натиск Безрукова и отыграл так, как нам было нужно: сдержанную ярость пойманного на деле преступника. Безруков остался на площадке до конца, не передал свою роль дублеру, хотя снимался со спины, кадр был выстроен на Сергея Ражука.

Съемочный день переходил в ночь.

Когда мы с Машей Соловьевой вышли на улицу, то поняли, что не успеваем снять на натуре парк, и решили продолжить съемки прямо во дворике Пушкинского дома. Художники доставили какие-то немыслимые статуи, которые почему-то входили в кадр только белыми задницами и от которых мы в конце концов вынуждены были отказаться. Итак, то, что видели только участники съемок, выглядело следующим образом: темные кусты немногочисленных деревьев и яркое единственное пятно съемочной площадки, где император Николай Первый беседовал с Пушкиным. Я с тревогой смотрела на экран монитора и по сторонам. Надвигалась непогода, наконец хлынул дождь. Группа вместе с актерами забилась под козырек дома. А нам нужно было снимать сцену в карете. Интересно, что во время съемок этой же сцены с Днестрянским, заявочный общий план которой вошел в монтаж, на нас тоже обрушился ливень. И теперь, во время работы с Сергеем, было ощущение, что некий режиссер свыше нам создал те же условия – мы будто не уходили с площадки…

Появилась Натали в бальном розовом платье. После переговоров с операторской группой пришло единственное решение – перетащить карету и придвинуть ее к козырьку, где и разместилась Маша с камерой и небольшим операторским краном. Итак, во время съемок этого «тихого, радостного и

счастливого дня в жизни Пушкиных» бушевала непогода, лил дождь и сверкала молния. Всего этого зритель не увидит. Искусство осветителей и верный глаз Маши Соловьевой устроили под крышей кареты нежный розовый закат. В картине мало светлых, радостных сцен. Эта – одна из немногих, когда супруги после разлуки упиваются друг другом, они счастливы и безмятежны.

– Царствуй, потому что ты молода! – закончил наш Пушкин и открыл шампанское. За бортами кареты хлестал дождь, но иллюзия кино пропустит к зрителям сияющие лица в теплых тонах заката.

Оставшееся шампанское тут же распили со всей киногруппой, поздравляя друг друга с завершением коротких, но таких напряженных съемок.

* * *

А девятого августа – долгожданный подарок. У Ивана и Юли родилась дочь Настенька. Я стала бабушкой, моя дочь Машенька – тетей, а моя мамочка – счастливой прабабушкой. Забегая вперед, скажу, что Настеньку воспитывают Юля, Ваня и Юлина бабушка Лидия Алексеевна. Юлины родители, проживающие в Екатеринбурге, приезжают, чтобы помочь, на месяц или два, ведь они еще работают. Ну а у меня с Настей обоюдная любовь. Вижу ее не так часто, как хотелось бы, но мы обожаем друг друга. Мы с Настей всегда что-нибудь делаем: лепим смешных животных из пластилина, читаем, гуляем или просто хохочем – и всегда довольны друг другом.

Итак, я дожила до великого звания бабушки. Ну что ж, это только украсило мои «Единственные дни».

Плотников, Сухоруков, Стычкин

Летом у меня на даче, работая вместе с сыном Иваном и Сергеем Безруковым над сценарным материалом, мы пришли к общему заключению – выстроить фильм как историческое расследование виновных в гибели поэта.

Одной из важнейших ключевых фигур становился Леонтий Васильевич Дубельт, правая рука шефа жандармов Бенкендорфа. Согласно истории, Николай I узнает о содержании пасквиля (порочившего имя Пушкина и объявлявшего его рогоносцем) уже после гибели поэта. Но в этом пасквиле (или серии безымянных

писем, восемь—десять или больше, полученных также друзьями Пушкина) царь усматривает не только оскорбление семьи Пушкиных, но и нечто большее.

Так, чета Нарышкиных, упомянутых в письме, неизбежно воскрешала в памяти многолетнюю связь Александра I с женой Нарышкина, которому платилась своего рода дань – император благодетельствовал мужу-рогоносцу. Это знали все, и намек в подметном письме к Пушкину был не на отношения Дантеса и Натали, а на связь Натали с царем. Тем более что царь платил жалование поэту как историографу. Поняв всю подоплеку, Николай Павлович поручает Бенкендорфу найти пасквилянта. Дело о расследовании авторов анонимок поручают Дубельту. Такова вкратце концепция исторического расследования, предложенного нами в фильме.

На роль Дубельта был приглашен замечательный актер Борис Плотников. Ему было интересно играть этот многоплановый образ – человека, о котором он много читал и размышлял.

Летом 2005 года в «Артеке» я познакомилась с Виктором Сухоруковым. Мне очень понравилась его работа в «Бедном Павле», и я выразила надежду, что он примет участие в моем фильме. Суть беседы нашей свелась к следующему: «Я понимаю, что такому актеру нужно предлагать полномасштабные роли, но сейчас у меня есть только небольшая роль полковника Галахова, расследующего дуэль между Пушкиным и Дантесом…» В ответ услышала: «Но это же Пушкин!» Так в нашей команде, кроме Безрукова, Снаткиной, Плотникова и других замечательных актеров, появился Виктор Сухоруков. Он так потрясающе играл, что вынуждал меня снова и снова садиться за письменный стол и добавлять сцены. Так из малюсенькой роли выросла одна из главных – полковника Галахова, искренне стремившегося раскрыть преступление, откровенно ненавидевшего Дантеса и Геккерена, желавшего привести суд к наказанию виновных и угадавшего одним из первых трагический путь молодого Лермонтова.

В нашем фильме начал свое бескомпромиссное существование поручик Лермонтов в исполнении Евгения Стычкина. Помню, сижу я у телевизора и смотрю какой-то детектив, моя дочь Маша уже рассказывала мне, что появился интересный актер Евгений Стычкин. Я всматриваюсь в его лицо, потом беру кальку и прикладываю к телеэкрану – как раз был его крупный план. И быстро обвожу контуры его лица. Потом иду в свой кабинет, нахожу портрет Лермонтова и сравниваю. Большой лоб, круглое лицо, маленький нос. Опять бегу к телеэкрану и понимаю, что исполнитель роли Лермонтова найден.

Итак, к концу лета у меня на даче появились Виктор Сухоруков и Евгений Стычкин. Я дала посмотреть им трейлер фильма, то есть, говоря русским языком, небольшой монтажный фильм о фильме, смонтированный моим сыном Иваном, со всеми современными прибамбасами: саспенсом – когда нагнетается страх и волнение шумами, музыкой и монтажными переходами, экшеном – когда все бегают, прыгают и быстро перемещаются, но при этом главное – не утраченными фрагментами с игрой актеров.

После просмотра все дружно отметили игру Безрукова и тут же приступили к разбору своих ролей. И я почувствовала, что в лице Виктора Сухорукова и Евгения Стычкина я получила новый заряд творческой энергии.

На Елагином острове

Осенью к процессу съемок подключилась кинокомпания «Слово», возглавляемая Сергеем Георгиевичем Мелькумовым. В Петербурге нами стала заниматься группа с линейным продюсером Натальей Гориной. Впервые прозвучали слова: менеджер по производству, офис-менеджер. Наконец-то у меня появился профессиональный второй режиссер – Жанна Бойкова. Я бы не посмела обратиться к столь занятым и серьезным людям, если бы не Андрей Малюков. Посмотрев в очередной раз отснятые сцены, он сказал мне: «Ну вот, с этим материалом можно обратиться к самым серьезным людям в кинобизнесе. Поздравляю тебя, сестра, с этим этапом!»

Итак, осенью – сцены без Пушкина, под общим названием «Расследование дела о подметных письмах Пушкина и дуэльной истории».

Борис Плотников творил образ Дубельта, «царского служаки», «хитрой лисы» и «бывшего декабриста». Виктор Сухоруков в образе полковника Галахова вел расследование.

Несколько сцен снимали на Елагином острове. Когда мы с Машей Соловьевой подъехали к дворцу, где предстояло снимать интерьеры, то увидели несказанную красоту – золотая осень в этом году задержалась. Сразу пришло решение открыть двери дворца и снимать на натуре. Так образовалась сцена отъезда Натали с бала-маскарада, устроенного Екатериной Андреевной Карамзиной. Эта женщина была близким другом Пушкина и всей его семьи. Роль Карамзиной я оставила за собой и тем самым прибавила себе испытаний. Очень трудно играть и быть одновременно и организатором производства, и режиссером –

всюду нужен глаз да глаз. Но очутиться по ту сторону камеры тоже полезно – ощутить внутренний нерв сцены, прожить ее духовно, тем более что образ жены великого историка мне близок.

Хочу сразу сказать добрые слова о своих актерах, игравших отрицательных персонажей. Сергей Ражук (Геккерен), умный тонкий актер и великолепный второй режиссер, помогавший мне в качестве ведущего группы «секонд юнит». Это английское понятие, раскрывающее смысл второй малой киногруппы, которая снимает необходимые детали, а иногда и небольшие сцены параллельно основной группе. Сергей Ражук не раз выручал нашу группу в качестве режиссера. Роман Романцов, исполнивший роль Дантеса, было совершенно очевидно, рос как актер от сцены к сцене. В интерьерах Елагинского дворца мы снимали сцену, когда Дантесу сообщают первое решение суда, приговорившего его к смертной казни. Молодой актер так напряженно и точно сыграл крупный план, что ему аплодировала группа, что бывает крайне редко.

В интерьерах дворца снимались и Анна Снаткина и Надежда Бахтина – две сестры Натали и Александрина. Каждая переживает смерть Пушкина. И в то же время обе поддерживают друг друга. Одной из наших задач было снять липкую паутину с образа Натальи Гончаровой-Пушкиной, оклеветанной и оболганной. Читая пушкинские письма к жене и письма Натали после его смерти, понимаешь, за что он любил свою Ташу. За ее сердце, преданность детям и любовь. Они оба, Пушкин и Натали, попали в сети гнусного заговора, потому что у Пушкина были враги. Враги высокопоставленные и, как бы сейчас выразились, коррумпированные. Враги, ненавидевшие в Пушкине его патриотизм и любовь к отечеству, боявшиеся влияния его ума на царя и страну в целом.

И они нашли уязвимое место – любовь Пушкина к Натали и детям. Именно сюда били его недруги, своими подметными письмами стараясь поссорить супругов. Оставшаяся молодой вдовой с четырьмя детишками на руках, Натали глубоко переживала смерть мужа. По свидетельству близких, сразу после смерти мужа Натали пять дней исповедовалась своему духовнику Боженову. Священник свидетельствовал: «Она чиста, как ангел, но всю жизнь будет себя обвинять». Свою вину молодая женщина переживала так сильно, что у нее были конвульсии от нервного потрясения. Именно это состояние должна была сыграть наша Анна. Натали спит, сон дает ей возможность забыться, но тем страшнее пробуждение: «Сашу убили, убили…» – повторяет Натали, ее ноги начинают биться о кровать. Ее сестра

Александрина спешит на помощь: «Сейчас пройдет, пройдет, Таша». Роль у Надежды Бахтиной небольшая, но запоминающаяся. Мне было очень приятно работать с такими умными, душевно красивыми молодыми актрисами.

Еще одну актрису хотелось бы отметить особо – исполнительницу образа Екатерины Загряжской, мою дорогую мамочку Инну Макарову. Она готовилась к этой небольшой роли с упоением. Всё прочла в книгах о своей героине – любимой тетушке Натали, опекавшей молодую чету Пушкиных, и которую Александр Сергеевич любил и доверял ей. Именно ей Натали была обязана своими великолепными бальными платьями. Именно она остановила первый раз дуэль между Пушкиным и Дантесом. Все это выясняет Дубельт в исполнении Бориса Плотникова. Было очень интересно наблюдать, как работают в кадре два замечательных артиста – Макарова и Плотников, как отыгрывают любую деталь, как помогают друг другу. Записывая эти строки об Инне Владимировне, я прервалась в своих записях, чтобы посмотреть фильм моего брата Андрея Малюкова «Безответная любовь», где в главных ролях снимались Инна Макарова, Леонид Марков и Михай Волонтир. После просмотра мне позвонила дочь Маша: «Мамочка, какой прекрасный фильм, а наша Ая (так Ваня и Маша зовут Инну Владимировну) – великолепна. И, знаешь, я поняла, что главное семейное качество и твое, и Аи – это благородство в исполнении ролей».

Я очень рада, что моя дочь выделила главное в игре Инны Владимировны и что для нее, современной девушки, это имеет принципиальное значение. Сама же я благодарна моему брату Андрею Малюкову, который успел снять свою тетушку в замечательной бенефисной роли, в зените ее духовной и телесной красоты.

Зимняя натура

Зимой мы выехали с Марией Соловьевой на выбор натуры для завершающих съемок в Санкт-Петербурге. Действие должно было происходить у Медного Всадника, на Елагином острове, на набережной Мойки. Мы долго ездили, и в результате я сказала моему оператору:

– Знаешь, Маша, тебе не кажется, что весь этот удивительный город с дворцами и площадями – это всё наша съемочная площадка?

– Кажется, – улыбнулась Маша и добавила, – даже вот это чудесное вегетарианское кафе тоже наше…

Первой съемкой зимнего периода стала сцена Пушкина и Жуковского у Медного Всадника. Я очень волновалась за Марию, которая должна была снимать с операторского крана «Минск» с вылетом стрелы до 18 м в двадцатишестиградусный мороз. Но когда я пришла на площадку, то увидела не примерзшую к крану Машу, а связку проводов, которая тянулась к крану из железного домика, из которого Мария руководила съемочным процессом, сидя за компьютером. А на мониторе был кадр, о котором я могла только мечтать в своем первом фильме «Медный всадник», где снимался мой учитель С.А. Герасимов, а молодого Евгения играл Николай Бурляев. Тогда мы тоже использовали операторский кран, на котором «висел» оператор-постановщик, но так и не смогли «долететь» до лица Медного всадника, и камеру пришлось крутить вокруг гипсовой головы муляжа. А сейчас камера в буквальном смысле слова «летала» вокруг этого величественного монумента, снимая крупным планом монумент Петра I, и спускалась до суперкрупного плана лица Николая I, который в это время проезжал мимо в санях. Все это было снято одним планом, без монтажных склеек. Я даже заметила, что скульптор Э.М. Фальконе «подковал» коня Петра I – в кадре видны гвозди в подковах.

Испытание холодом претерпела вся наша киногруппа. На лицах осветителей появились шерстяные маски. На площадку прибыл генерал Донов. Именно по его команде останавливали на время два потока машин, идущих с Невского проспекта. Мы провели несколько репетиций, и у нашего Сергея Безрукова от холода стал буквально замерзать рот, ему было очень трудно говорить. И все-таки съемочный процесс продолжался. Я влетала в актерский гримваген, не снимая теплую куртку, чтобы репетировать с актерами не на морозе, и вновь выбегала на холод, на который, как говорится, «добрый хозяин собаку не выгонит». В результате, коснувшись под курткой шеи и плеча, обнаружила на себе тонкий слой льда. Ту т я поняла, что попала в беду. И действительно, из-за экстремального многодневного шестичасового пребывания на морозе и перенапряжения у меня произошло смещение позвонков, сдвинуло мне всю позвоночную часть, и потом меня мучили боли в течение месяца, но это будет впереди, а пока я наслаждалась игрой актеров Владимира Юматова в роли Жуковского и Сергея Безрукова в роли Пушкина. Незадолго до этих съемок приехала моя дочь Машенька со своими четырьмя сокурсниками, двумя девушками и двумя парнями. Эти студенты театрального вуза мне очень и очень помогли. Они брались за любую работу и золотом рассыпались по всем зимним съемкам, участвовали в массовке и групповке, были

уличными прохожими и крестьянами и вместе со всей съемочной группой мерзли на съемочной площадке.

Дуэль

Центральную сцену дуэли Пушкина с Дантесом было решено снимать в парке на Елагином острове. Маша Бурляева и ее сокурсники превратились в крестьянских парней и девушек, разыгрывая встречу на реке. Снежки, веселый смех должны были стать контрапунктом состояния Пушкина на дуэли. Когда Сережа Безруков приехал на площадку, я ему напомнила, что четыре года назад, когда мы снимали сцену дуэли для телефильма «Одна любовь души моей», был один оператор, одна видеокамера и одни сани, которые и доставили поочередно всех нас в Ново-Дарьинский лес. А сегодня мы с Сергеем насчитали двадцать машин, окружающих плотным кольцом пространство киносъемочной площадки. И ни одной лишней. Этого требует современный кинопроцесс. «Лихтваген» и «тонваген», машина с операторским краном, повозка с каретой и лошадьми, машина с пиротехникой, не говоря уже о киноавтобусах для грима и актеров, дополнительный операторский свет и т. д. В Петербурге продолжал свирепствовать мороз, 25–27 градусов ниже нуля. Для других регионов вроде бы не так много или даже нормально, но при большой влажности города на Неве… Сергею Безрукову, Владимиру Ильину (Данзас) и Роману Романцову было непросто.

Лютый холод усугублял сложность сцен. Снимали сразу двумя камерами. Пиротехник готовил Сергея и Романа к пулевым ранениям. Капсулы с кровью вшиваются в костюм и при определенной команде компьютерного устройства разрывают ткань и выливаются. Я не люблю снимать кровавые сцены, но кадр ранения Пушкина получился, на мой взгляд, исторически точным. Камера Маши Соловьевой буквально летала между Пушкиным и Дантесом. Сумерки наступали стремительно. Съемочный день зимой очень короткий. Благодаря операторской группе и новейшей технике удалось осветить часть леса и снять отъезд раненых на дуэли Пушкина и Дантеса. На мой взгляд, воссоздание дуэли Пушкина и Дантеса в мельчайших подробностях (в сценарии я использовала воспоминания секунданта Пушкина – Данзаса) было одной из главных задач фильма. И к этим съемкам вся наша киногруппа отнеслась с особым вниманием. Самым трагическим моментом в дуэли был тот, когда Дантес, не доходя до барьера, выстрелил в Пушкина. Безруков прекрасно сыграл мучительную боль и в то же время –

желание продолжить поединок. Он приказывает Дантесу встать к барьеру и требует подать другой пистолет. Так оно и было. Данзас кинулся к Пушкину, подав ему другой заряженный пистолет, потому что от падения Пушкина первый пистолет тоже упал и забился снегом. Эти секунды, когда Пушкин, опираясь одной рукой на окровавленный снег, другой целится в Дантеса, всегда собирают внимание зрительного зала. Выстрел. Дантес ранен в руку. Узнав об этом, Пушкин говорит: «Странно, мне казалось, я хотел его смерти, теперь вижу, что нет». Смертельно раненный Пушкин отказывается убить своего врага. Второй раз он повторит эти слова перед смертью. На предложение Данзаса отомстить Дантесу он скажет: «Нет, нет, мир, хочу умереть по-христиански».

Волонтеры спасают

Еще до выезда в Петербург я понимала, как мало у нас средств на съемку. А о том, чтобы оплатить и одеть массовку, не было и речи. Но снимать было необходимо. Исторический факт: царедворцы, боясь возмущений, следили вместе с Бенкендорфом, чтобы отпевание Пушкина прошло скромно в Конюшенной церкви, куда могли попасть только избранные гости. Но народная толпа все же встретилась с гробом любимого поэта после отпевания. Эта сцена почитания Пушкина, последняя дань любимому поэту, была необходима фильму. Мне пришло в голову только одно: через петербуржское отделение телевидения в прямом эфире обратиться к жителям города, пригласив волонтеров бесплатно участвовать в съемках. Я также объяснила, что костюмов тоже нет, и что нужно женщинам приходить в платках, а мужчинам – в тулупах. Кроме волонтеров, в съемках приняли участие около двухсот молодых курсантов военного училища. В день съемок на набережной Мойки собралось около тысячи человек. Моей благодарностью этим людям, выстоявшим шестичасовую съемку в лютый мороз, были маленькие записки, подписанные лично мною – приглашения на премьеру фильма. Первыми зрителями, увидевшими картину «Пушкин. Последняя дуэль» в Петербурге в кинотеатре «Аврора», стали именно они, участники массовых сцен.

Вместе с художниками по костюмам и гримерами я показывала женщинам, как нужно поднимать воротник зимних пальто и повязываться платками, чтобы это хотя бы отдаленно напоминало XIX век. Но, конечно, эмоциональную нагрузку взяли на себя наши актеры – Анна Снаткина, Владимир Юматов, Юрий

Траугот (исполнивший роль Вяземского) и, конечно, пятеро моих молодых актеров из ГИТИСа, которые шли в первых рядах, плакали и стали сердцем сцены. Наши добровольцы, которым пришлось касаться гроба Пушкина, были сосредоточены и эмоциональны, своим искренним желанием соответствуя великому мгновению. Чтобы помочь им добиться нужного состояния, из репродуктора лилась бессмертная музыка Свиридова. Несмотря на холод, никто не покинул киноплощадку.

А в середине дня неожиданно приехал режиссер Александр Сокуров. До этого я даже не была с ним лично знакома, но, конечно, видела его фильмы. Сокуров увидел мое выступление по телевидению и пришел поддержать, зная, как сложно снимать массовые сцены. Он принес термос с горячим чаем. Я сделала небольшой перерыв, познакомив Снаткину с необыкновенным художником. И после перерыва Сокуров не ушел, пока не убедился, что съемочный процесс выстраивается. Конечно, его появление на киноплощадке прибавило сил. Мы опять вышли в ночь. Зажглись факелы, и из Пушкинского дома появился гроб, который несли немногочисленные друзья Пушкина в сопровождении жандармов. Неожиданно одна из лошадей с жандармом поскользнулась и упала. Но, к счастью, никто не пострадал. Уже позже, оценивая в монтаже кадры, снятые в этот день, я поняла, что нам удалось прорваться в прошлое и в «дыму столетий» разглядеть прощание народа с гением. Знаю, что эти кадры вызывают наиболее сильное впечатление, и неудивительно: каждому через экран дано еще раз проститься с Пушкиным…

«На Мойку к Пушкину»

«Сотни петербуржцев пришли к дому, в котором умер Пушкин, чтобы принять участие в съемках фильма о гибели поэта.

Для съемок в кино я обзавелась большим пушистым платком. Примерно такие носили в XIX веке люди среднего сословия. А вот о валенках не подумала и явилась на съемочную площадку в привычных для моды XXI века остроносых сапожках на каблуке. За что и поплатилась: в двадцатиградусный мороз ноги мои уже через десять минут совершенно окоченели. Пришлось прятаться в открытом специально для этого фойе служебного помещения Музея-квартиры А.С. Пушкина на Мойке, 12.

Когда в городе узнали о том, что бюджет фильма ограничен, средств на массовку нет, люди живо откликнулись на приглашение.

К девяти утра, как и было велено, я вошла во внутренний дворик Пушкинского музея. В полной уверенности, что буду если не самая первая, то наверняка одной из немногих. А увидела почти целиком заполненный людьми двор. Больше всего было женщин – молодых и среднего, а также пожилого возраста. Приплясывая на месте, чтобы не замерзнуть, поглядывая в ту сторону, где уже вовсю суетились осветители, они тихонько обсуждали между собой события… января 1837 года.

– Жалко Пушкина, умер таким молодым, сколько бы еще мог написать! – говорила своей подружке 18-летняя Елизавета Ронгинская, студентка филфака Петербургского государственного университета. Александр Сергеевич, по ее признанию, ее любимый поэт. Прочитала про него все, что издано. И многое им написанное знает наизусть. – Я когда узнала, что все желающие могут принять участие в съемках, сразу решила, что приду, никакие морозы не остановят!

Наталья Бондарчук в короткие минуты отдыха охотно общалась с людьми. Киносъемочный процесс трудоемок. Часами приходится ждать “нужного момента”, репетировать, переснимать. А тем более на этот раз бесплатно для массовки. Меня поразил пожилой мужчина со щетиной недельной небритости. Он долго молча стоял у предназначенного для выноса пушкинского гроба, печально склонив голову на грудь. Я выбрала момент, подошла к нему, познакомились. Анатолий Александрович Степанычев, пенсионер, пришел сюда еще затемно, так хотел участвовать в съемках. Бороду отращивал специально к этому дню. И так понравился режиссеру, что решено было выдать ему костюм ямщика. Обязательно, сказали, попадет в кадр. Вот Анатолий Александрович и настраивался, стоя около гроба и вспоминая все, что знал о гибели поэта.

Встретилась мне здесь и “настоящая Пушкина” – симпатичная женщина средних лет, менеджер строительной фирмы Ольга Пушкина. Говорит, ее дед Александр Александрович был дальним родственником Александра Сергеевича. Собирается, выйдя на пенсию, заняться изучением своей родословной.

Время от времени нам предлагают “зайти в автобус, попить горячего чая”. Но люди не хотят покидать съемочную площадку. Они замерзли, наверняка уже и голодны, но знают, что перерыв, скорей всего, короток. Вот-вот вновь потребуются в кадре их оплакивающие Пушкина глаза. Они не про чай думают. Они о поэте скорбят.

Вот отснят кадр с Сергеем Никоненко, играющим верного дядьку поэта. “Нету больше барина”, – сообщает Никоненко притихшей у дома на Мойке толпе. Произносит свою короткую

фразу актер тихо. Но мне почему-то кажется, что она звучит очень громко и долго. Будто колокол ударил набат, и продолжительным эхом несет ветер этот звук к покрытой льдом седой Неве»

Интересны, на мой взгляд, живые портреты участников массовки, записанные корреспондентом Людмилой Безруковой и опубликованные в газете «Труд». Мне они очень дороги, так как в них показано внутреннее состояние обычных людей, участвовать в таких необходимых фильму сценах.

Монтажно-тонировочный период

Весной 2006 года мы вступили в монтажно-тонировочный период. Признаюсь, что я смогла буквально вскочить на подножку последнего вагона уходящего поезда. Дело в том, что в кинопроизводстве за последнее время произошли очень серьезные изменения: внедрение новейшей техники, например, компьютерной графики, – и все это повлияло на сам киноязык. Американские боевики, «фильмы ужасов» и фильмы в стиле экшен на нем и базировались. Для того чтобы принять все новшества непредвзято и перенести их в свою работу, нужно было преодолеть определенный психологический барьер. И тут мне очень помогли мои дети. А также то, что я всегда страстно любила все новое.

Иван и Маша – молодые творческие личности, страстно интересовались современным кинематографом и стали буквально подсовывать мне современные фильмы. Почти всегда извиняясь за «идейное содержание», они настаивали, чтобы я внимательно рассмотрела тот или другой монтажный переход, драматическую связку, игру любимых актеров. Поэтому все монтажные переходы вместе с режиссером по монтажу Александром Хачко мы обсуждали коллегиально. Очень много в этот процесс привнес и Сергей Безруков. Его и Ванин креатив были очень полезен фильму. Ну, а когда дело дошло до музыки, молодой композитор Иван Бурляев получил аплодисменты мосфильмовского оркестра и самого дирижера Сергея Скрипки. Наблюдать за Иваном в момент записи его музыки с оркестром было очень интересно. Завершился этот этап работой со специалистом по dolby-stereo звуку.

Впервые мы с Иваном услышали по-настоящему объемный звук, просматривая наш фильм на большом экране.

Когда я впервые услышала так называемое сведение звука, музыки и шумов, которым руководил Иван, я буквально

накинулась на него со словами:

– Ты что сделал?! Это же невозможно слушать, всё грохочет, слов не разобрать…

– Успокойся, мама, – со знанием дела говорил Иван. – Всё будет в окончательном виде корректнее даже для тебя… И таких, как ты…

«Таких, как я» – это все старшее поколение. Мы так и не привыкли к современному грохочущему «саунд-дизайну», по-русски – звуковому оформлению. Но ведь и это также новая и неотъемлемая часть современного кинематографического процесса. Кстати, выпущен отдельный диск с музыкой Ивана: «Пушкин. Последняя дуэль».

Пушкинский фестиваль в Америке

На завершающем этапе к нам в гости приехал очень интересный человек – Александр Александрович Яхонтов. Он оказался дальним родственником Пушкина и живет в Америке. Посмотрев фильм «Последняя дуэль» и несколько серий фильма «Одна любовь души моей», он пригласил меня и Игоря Днестрянского в США на фестиваль, посвященный Пушкину. Так, в октябре 2006 года мы с Игорем оказались в Калифорнии.

Сидя в машине с Яхонтовым, я обмолвилась, что слышала о прямом потомке Пушкина, проживающем в Бельгии. «Вы увидите его через несколько минут», – улыбнулся он (потом мы узнали, что он его троюродный брат). И действительно, когда мы прибыли в дом к Яхонтову, а это был дивный калифорнийский теплый вечер, нас поджидала пара среднего возраста. Когда мы познакомились, выяснилось, что Александр Александрович Пушкин и его супруга Мария Дурново-Пушкина оба являются прямыми потомками Пушкина и происходят от Сашки Рыжего – так в детстве называл любимого сына Александр Сергеевич. Оба Пушкины являются последними прямыми потомками рода Пушкина на земле.

Фестиваль был скромным, но очень красивым. Проходил он с 5 по 8 октября в Karl Anatol Center университета штата Калифорния, расположенном в Лонг-Бич (California State University Long Beach). Вдохновителями и организаторами этого события были Александр Яхонтов (президент Общества русско-сербской дружбы в Америке) и профессор университета Харольд Шефски.

Нас с Игорем поселили в частном доме у добродушной Мэрилин. Ее квартиру украшают картины индейской художницы

и вещи индейцев. И это не случайно. Ее род ведет к индейцам, и Мэрилин обоснованно этим гордится. Принадлежность к индейским корням проявляется в жизненной стойкости и независимости взглядов. Игорю показали кабинет одного профессора калифорнийского университета с индейским происхождением, который не без иронии поместил на двери надпись: «Мы боремся с терроризмом с 1492 года». То есть со времени визита Колумба…

Узнав, что мы в Америке, примчался из штата Юта Дэвид Нельсон вместе со своей женой Эмили, преодолев на машине более тысячи километров. Благодаря моему американскому сыну, как я привыкла называть Дэвида с тех пор, как он обучал мою дочь Машу английскому языку, мы смогли увидеть океан и даже искупаться в нем. А на следующий день посетили Лос-Анджелес, прошлись по звездной дорожке и увидели здание, где проходит самый престижный в мире кинофорум.

Фестиваль был задуман Александром Яхонтовым как действо с живым участием образа Пушкина. Поэтому он очень обрадовался, когда понял, что можно пригласить Игоря Днестрянского и соответствующим образом выстроить программу. Появление Игоря в костюме Пушкина было встречено овациями. На протяжении всего фестиваля звучала фортепианная музыка XIX века, романсы на стихи Пушкина, а Игорь читал стихи. Читал на русском, но когда выяснилось, что в зале есть профессора калифорнийского университета, приехавшие из Болгарии, прочел одно стихотворение Пушкина на болгарском. Он был к этому готов, поскольку готовил это для фестиваля в г. Каварна, где мы были с театром «Бэмби».

Но конечно, главным событием этих дней стал показ нашего нового фильма «Пушкин. Последняя дуэль». Правда, пока с DVD-диска, но с английскими субтитрами. Зал на четыреста человек был полон. Когда пошли титры, зал встал и аплодировал стоя. Первым ко мне подошел – а скорее подбежал – Александр Александрович Пушкин. В глазах его были слезы: «Я благодарю вас за этот прекрасный фильм», – сказал Александр Александрович и обнял меня.

Позже в каминной Центра состоялась импровизированная пресс-конференция участников просмотра.

«Фильм Бондарчук рисует личность Пушкина и его общество с тонкостью акварелиста и точностью документалиста, – высказала свое мнение скульптор Ника Щербакова. – Вы создали памятник Пушкину лучше, чем Опекушин, потому что в вашем фильме он живой… Я нахожу очень удачным использование в вашем фильме следствия по делу о дуэли. Такой “детективный

ход” дал нам возможность увидеть, что и как вело поэта к гибели».

«…Я пережил потрясение от первого шага к познанию Пушкина через ваш фильм», – признался муж Ники американец Райли Смит.

«Я полностью разделяю вашу концепцию фильма, – сказал Александр Александрович Пушкин, – она соответствует даже тем рассказам бабушек и дедушек нашего рода Пушкиных, которые мы от них слышали. Мы с моей женой Марией мечтаем пригласить вас и вашу группу в Бельгию и будем всеми силами способствовать этому».

«Я смотрел фильм еще в Москве, – рассказывал Александр Яхонтов, – он мне очень близок по духу. Здесь в Америке я посмотрел его во второй раз, и он мне стал еще понятнее и роднее. Этот фильм нужно смотреть несколько раз».

На следующий день мы показали фрагменты фильма «Одна любовь души моей», которые тоже были встречены с огромным интересом. Среди зрителей были – профессора университета, студенты, библиотекари, интеллигенция, интересующаяся русской культурой.

Во время торжественного обеда профессора американцы весьма преклонного возраста говорили о том, что еще во времена холодной войны они призывали изучать русский язык и культуру, говорили о необходимости дружбы с нашей страной, но тогда они встречали лишь недоумение и непонимание. И вот теперь – в голосе их звучала радость – они дожили до нашего времени, до премьеры «Пушкина» в Соединенных Штатах.

Как я стала дистрибьютором

Вернувшись в Москву, я поняла, что обещанная дистрибьюция нашей картины под угрозой. Я воочию убедилась, что такая картина прокатчикам не нужна в принципе. Не буду называть имен, но представитель одной крупной прокатной фирмы мне объясняла: «Вы сняли хороший фильм, но посмотрите на этих ваших потенциальных зрителей» (в этот момент мы находились в одном из крупнейших московских кинотеатров). Те, на кого указала прокатчица, были бойкой молодежной тусовкой, которые пили литрами кока-колу и пиво, поглощали попкорн. «Этому зрителю ваш фильм не нужен. Я сама отбираю для них фильмы, в основном американские и низкопробные. Меня с души воротит, но беру. Потому что вот за это всё, – обвела она руками огромный кинотеатр, – нужно платить, а зритель – в основном молодежь». Я

не нашлась что ответить, но сегодня, объездив тридцать российских городов, могу с уверенностью сказать, что у Пушкина есть свой зритель и среди молодежи. Но тогда, в 2006 году, я понимала, что если я лично не возьмусь за прокат фильма, его просто не будет. Так к моим кинопрофессиям: актриса, режиссер, сценарист, продюсер – вынужденно прибавилась новая – дистрибьютор. Я начала с азбуки: узнала, что такое «борды» – большие рекламные щиты, «флаеры» (маленькие листовки, которые бесплатно раздают в кинотеатрах). Также узнала, что в метрополитене нельзя разместить рекламу Пушкина с дуэльным пистолетом, так как это будет считаться пропагандой огнестрельного оружия. А вот плакат Джеймса Бонда с суперсовременным оружием можно! Почему? Только потому, что фильм о Джеймсе Бонде – коммерческий, а наш – нет.

Лучше всего прокат фильма прошел в Беларуси, потому что там нет или почти нет коммерческих кинотеатров. Есть государственные, хорошо отремонтированные, с dolby-звуком. И там на «Пушкина» выстраивались очереди.

Но до этого был фестиваль «Листопад»…

«Листопад»

18 ноября 2006 года, в 17 часов, на церемонии открытия XIII Минского международного кинофестиваля «Листопад» был показан наш фильм «Пушкин. Последняя дуэль». Его посмотрело одновременно пять тысяч человек. Кроме меня на фестиваль были приглашены Виктор Сухоруков, Анна Снаткина и Иван Бурляев. К моему и Ваниному сожалению, в огромном зале Дворца Республики не было dolby-системы, и звук был неполный. В большом зале физически ощутимы все реакции зрителей. Мы сидели вместе с Анной Снаткиной и, взявшись за руки, переживали. При первых аплодисментах мы попытались уйти, но нас буквально окружили люди со своими эмоциями и добрыми словами, особенно запомнились поздравления наших любимых актеров: Гостюхина, Пороховщикова… Со слезами на глазах наши дорогие мастера делились своими впечатлениями, говорили много теплых слов Анне Снаткиной, Виктору Сухорукову и заочно Сергею Безрукову.

Главная премьера в кинотеатре «Пушкинский»

Первого декабря состоялась мировая премьера нашего

фильма в кинотеатре «Пушкинский». Пожалуй, этот показ стал главным событием последних лет и моей мечтой. Увидеть огромный плакат, растянутый во всю длину любимого кинотеатра с названием фильма «Пушкин. Последняя дуэль», постоять рядом с великолепным памятником Пушкину и вновь перенести взор на кинотеатр, носящий его имя, дорогого стоит.

Этот вечер мы с Ваней Бурляевым начали с того, что возложили цветы к памятнику Александру Сергеевичу Пушкину.

Двухтысячный зал был полон до отказа. Анна Снаткина, Евгений Стычкин, Инна Макарова и даже Маша Бурляева давали интервью. Сергей Безруков ответил только на вопросы телеканала «Россия» и убежал на поезд.

Начался просмотр. На огромном экране шел наш Пушкин. А я буквально ощутила дыхание двухтысячного зала, его напряжение. Да, были аплодисменты в конце фильма, даже крики «браво», но не это главное… Главное – это дыхание зрительного зала, напряженного и сострадательного… Именно ради этих мгновений мы живем.

Египет

Луксор

Когда-то я мечтала побывать на Алтае, посетить сокровенное место – гору Белуху. Затем мечтою стали Гималаи – долина Кулу. И это сбылось. Но была еще одна мечта – Египет, царство загадочных пирамид и тайны Сфинкса…

Никогда не думала, что буду встречать Новый, 2007 год, в Египте!

Но вот оно – солнце в декабре.

Сверкающее красное море и дивный пляж Хургады.

Я встретила со своим мужем Игорем Днестрянским удивительный Новый год, наблюдая зажигательные этнические танцы. А на другой день уже плавала с маской вдоль рифа.

Я думала, что такое возможно лишь с аквалангом, но вот детская мечта увидеть своими глазами экзотическую красоту подводного царства исполнилась!

И кого тут только нет: пестрые рыбы-попугаи, поражающая своей формой рыбка Пикассо, вытянутые рыба-игла и рыба-флейта. Вдруг появившаяся из ниоткуда пузатая рыба с огромными, почти по-человечески, грустными глазами. А с другой стороны – голубая бездна с таинственными лучами и неясными силуэтами огромных и немного страшноватых рыбин. И все это видишь сама, без акваланга и наутилуса. Просто чудо!

А вдоль берега можно проехаться верхом на добрейшем верблюде по имени Оскар. Да, да, именно этот знаменитый кинематографический приз я получила под Новый год в виде горы меха, мягкого носа и губ. И выглядел мой Оскар ничуть не хуже известной золотой статуэтки.

Кругом – кустарники бегоний всех цветов: от белого до ярко-красного и сиреневого. Мимо тебя разгуливают бело-серые цапли…

Но, конечно же, впечатление было бы далеко не полным, если в такой стране, как Египет, наблюдать только экзотическое морское побережье с силуэтами непривычных европейскому глазу пальм и манящую глубину прозрачной волны.

Египет для меня – таинственная страна Атлантов с высочайшей, более никогда не достигнутой, культурой, высокая цивилизация древности. Здесь чувствуешь себя сопричастной к великой тайне. Поэтому я с нетерпением ожидала возможности увидеть храмы и пирамиды.

Путешествовать нам с Игорем не в новинку. Вместе мы исследовали Непал и даже Гималаи. Результатом этих путешествий стал сериал «Гималаи – обитель Богов».

Но в Египте мы впервые.

И вот в пять утра, воткнув подушку между спиной и жестким сиденьем туристического автобуса, в тесной компании жаждущих этого необыкновенного путешествия мы отправились в Луксор.

Компания оказалась не на шутку тесной: более трехсот автобусов со всей Хургады и ее окрестностей были собраны в единый гигантский караван, и в сопровождении военной охраны он двинулся, вздымая сухую пыль, по обагренной первыми лучами солнца пустыне. Такого давно не видел даже гид-египтянин.

И вот она, древняя столица Египта! Перед нами – легендарные Фивы (ныне Луксор).

Здесь нет пирамид. В Новом царстве фараоны уже не строили их. Опыт прошлого показывал, что очень часто содержимое подвергалось грабежу, а значит, покой усопших мог быть нарушен, и вечная жизнь под угрозой. Поэтому стали поступать по-другому: погребальные храмы строились в одном месте, а гробницы, тщательно замаскированные, уже в другом. Их вырубали в скалах.

Современный Луксор расположен на правом берегу самой длинной в мире реки – Нила. Это «город живых». И именно здесь – грандиозные комплексы храмов – Карнакский и Луксорский. Мы уверенно ступаем по истертым камням аллеи сфинксов с бараньими головами. По ней когда-то проходило торжественное шествие в дни ежегодного праздника Опет, который устраивался во время половодья Нила и продолжался несколько недель. Его кульминацией была торжественная процессия, во главе которой жрецы несли из Карнакского храма статуи богов «фиванской триады» – Амона, его жены Мут и их сына Хонсу.

Но вот аллея сфинксов подводит нас к мощному сооружению – пилону. Это церемониальные врата. До сих пор ученые спорят, была ли у этого колоссального храма крыша. Скорее всего нет. Ведь храм был посвящен богу солнца, и его лучи должны были беспрепятственно проникать во все уголки. Казалось, мы стали частью некой мистерии, продвигаясь вдоль мудрых и видавших виды стен с многотысячелетней историей. Сменились только одежды, настрой, да и сами люди…

Все колонны и стены украшены выразительными барельефами. Они повествуют о жизни и подвигах фараона. Капители колонн выполнены в форме папируса, свернутого в бутон, и мы как бы проходим сквозь гигантский папирусный лес.

А ведь папирус – это символ Египта. И наш интерес влечет нас далеко вглубь, к самой сердцевине. Невольно вспоминается пастернаковское: «…во всем мне хочется дойти до самой сути…»

Если папирус – символ Нижнего Египта (то есть северного), то символ Верхнего (южного) – лотос. Этот цветок открывается на восходе, а закрываясь, в лепестках своего бутона он сохраняет любовь.

В одной из частей храма возвышается внушительный обелиск, посвященный богу солнца Амон-Ра. Установила его единственная женщина-фараон, царица Хатшепсут. Она носила мужские одежды и даже накладную бороду фараона. Ее муж, Хотмус II, умер в 27 лет, и она стала регентшей-опекуншей при Хотмусе III. Но чтобы мальчик не мешал ей править, она с десяти лет ссылает его. Им занимаются жрецы, а она единовластно правит двадцать шесть лет: расцветает торговля, возводится множество храмов. Время ее правления считается самым мирным в истории Древнего Египта. Она завозила товары, необычные растения, впервые привезла в Египет хну, по ее древним рецептам и сейчас готовятся лучшие косметические средства. Исчезла Хатшепсут мгновенно и таинственно.

На престол поднимается некогда сосланный ею Хотмус III. При нем Египет становится самой большой и мощной империей в мире. Но при этом он разрушает всё, что связано с царицей-матерью. И только обелиск из громадного куска розового асуанского гранита он тронуть не смеет, потому что он посвящен богу солнца Амон-Ра, а фараон не может идти против бога. Но в бессильном мщении он приказывает закрыть обелиск от глаз египтян сорокаметровой стеной! Время разрушило стену, а обелиск продолжает славить бога солнца Амон-Ра и царицу Хатшепсут.

У южной пристройки находится озеро, на берегу которого установлен большой каменный жук-скарабей. Толпы туристов, загадывая желание, семь раз обходят вокруг него. Древние египтяне считали жука-скарабея священным. Ведь он появляется на восходе солнца, возникая сам собой, из ниоткуда. И никогда его не увидишь на закате. Вырезанная из камня статуэтка скарабея – традиционный амулет, божество возрождения.

С помощью небольших, броско украшенных, быстроходных катеров нас переправляют на левый берег Нила. Крокодилов Чуковского никто не увидел. Лошадь Пржевальского тоже.

Древние захоронения и гробницы Луксора – некрополь фараонов Нового царства – расположены в гористой местности.

Здесь же, чтобы далеко не ходить, находятся поселения современных грабителей. Как нам объяснили, египетские цыгане,

живущие в малоприметных с виду лачугах и недостроенных домах, напоминающих бараки, промышляют поиском захоронений, нелегальными раскопками и продажей за границу в частные руки бесценных свидетельств истории. Если повнимательнее вглядеться в силуэты их жилищ, то даже издалека можно видеть, например, тарелки спутниковых антенн. Внутри неказистое жилье может быть обставлено последними достижениями цивилизации, у них есть хорошие машины и квартиры в Каире. Переселить «старателей» из этих мест правительству не удается. Единственным практическим шагом, предпринятым для пресечения этого бизнеса, стала военная охрана возможных областей раскопок. Но солдат получает немного, а цыгане за одну бессонную ночь – месячный заработок.

Молодой сержант с автоматом Калашникова, встреченный нами у гробницы Ха Имуа Сета, сына Рамзеса II, приветлив и обаятелен, он даже был не против сфотографироваться с туристами. Внутри захоронений фотографировать запрещено. Может, поэтому краски фресок сохраняют еще свое великолепие…

Но иногда гробницы закрывают, чтобы дать им «отдохнуть» от туристов. Едва ли не самая роскошная по своему оформлению во всем Египте – гробница Нефертари, жены фараона Рамсеса II. Мы киваем на прощание очаровательному солдату, делаем несколько снимков скальных отрогов, в которых вырублены гробницы, и спешим в автобус. Нас ждут «Поющие статуи».

Это две впечатляющие каменные фигуры сидящего фараона Аменхотепа III (XIV век до н. э.), высотой около 20 метров. За двадцать семь лет до нашей эры во время землетрясения разрушилась верхняя часть правой статуи. После этого от ее оставшейся части на восходе солнца начал исходить звук, похожий на человеческий голос. К статуе устремились паломники, дабы послушать «голос низвергнутого бога». Греки назвали ее Мемнон. Так звали одного из персонажей Гомера, воспевавшего свою мать – богиню Аврору. Пение на рассвете продолжалось около двух веков. Но вот римский император Септимий решил «подремонтировать» колосс. Осколки собрали и установили вновь. И статуя замолчала… Природу исходивших от нее загадочных звуков до сих пор не могут разгадать. Ученые думают, что быстрое испарение утренней росы создавало эффект «голосовой вибрации» в трещинах смещенных каменных блоков. Ну, пусть думают. На то они и ученые… Когда смотришь на этих колоссов, невольно обращаешься к легендам об Атлантах. Есть версии, что колоссальные гиганты существовали 18 миллионов лет назад – титаны, способные сразиться с гигантскими

чудовищами воздушной, морской, сухопутной стихий.

Статуи были установлены перед входом в поминальный храм фараона. Ныне он полностью разрушен. Из этого храма перекочевали в Петербург, на набережную Невы, напротив академии художеств, два сфинкса. Их нашли в 1828 году и выставили в Александрии на продажу. А наш соотечественник А.Н. Муравьев, остановившийся в Египте по пути в Палестину, увидел их и предложил российскому посланнику купить сфинксов. Посланник направил письмо Муравьева в Петербург, императору Николаю I, а тот передал его в академию Художеств с запросом: «Полезно ли будет сие приобретение?»

Академия ответила утвердительно. В июне 1832 года сфинксы были привезены в Петербург, а установили их через два года, сделав такую надпись: «Сфинкс из древних Фив, в Египте, привезен в град Святого Петра в 1832 году». Казалось бы, совсем недавно я стояла рядом с этими сфинксами на набережной Невы… А сейчас стараюсь запомнить то место, которое они сторожили около трех с половиной тысяч лет…

Мы покидаем Луксор – гигантский музей под открытым небом. Автобус погружается во мрак пустыни… Звезды разгораются ярче, становятся ближе, и вот он, самый почитаемый в Египте, – пояс Ориона. Мы возвращаемся в двадцать первый век.

Каир

Конечно же, нам не терпелось увидеть Великие Пирамиды и Сфинкса. Мы приезжаем в Каир. Расположен он в основном на правом, восточном берегу Нила. Мы обратили внимание на туманную дымку, обнимающую удаленные дома – стало ясно, что это смог. Этим объясняется некоторая общая сероватость города.

Мы побывали в каирском музее, который был основан в 1902 году. В свое время его посетили и Ф.И. Шаляпин, и Великий князь Константин Романов, и художник Иван Билибин… Думаю, их никто не торопил. А в нашем случае, из-за огромного наплыва туристов, посещение носило характер броуновского движения. Одним словом, «галопом по Египту». Где чуть освобождалось место, к тем экспонатам и прижималась наша группа, пытаясь услышать гида сквозь вавилонский разноязыкий гул. За одно посещение внимательно осмотреть все просто невозможно (как и в нашем Эрмитаже). Основные экспонаты относятся ко времени правления фараонских династий. Кстати, слово «фараон» буквально означает «дом бога» и появилось в 18-той династии. Экспозицию выстраивали в хронологическом порядке. Едва

переступаешь порог, видишь две статуи Рамзеса II, который известен тем, что стирал надписи со статуй предшественников и ставил на них свои, пытаясь закрепить свое имя в истории. Поразили «живые», пронзающие тебя реальным взглядом, глаза писца (2600 г. до н. э.). Они сделаны из кварца и обведены крашеной медью. Даже красноватые прожилки видны. Вот прекрасная Нефертити («Красивая, которая пришла»), жена Эхнатона; саркофаги разных эпох, статуи фараонов… Конечно же, зал Тутанхамона, в который мы с трудом протиснулись: там выставлена его посмертная золотая маска весом в 16 кг.

Захоронение Тутанхамона напоминает матрешку: в каменном саркофаге находится три других – один в другом. Первые два деревянные, покрытые сусальным золотом, и лишь третий – целиком из чистого золота весом 120 кг, в котором и покоилась мумия фараона. В музее ее нет, она оставлена в гробнице. Статуя фараона Хефрена более всего привлекает наше внимание – ведь это прототип знаменитого Сфинкса, с которым у нас, по планам, будет очное знакомство.

Интересно, что в сосудах для хранения вина, благовоний и т. д. до сих пор, вот уже на протяжении 4300 лет, эссенции находятся в жидком состоянии!

Не знаю, как других, но меня более всего поражают сохранившиеся бытовые детали, кожаные сандалии, вязаные носки, куски одежд… А также изящество и утонченная красота линий: будь то ваза или колесница, царская кровать или скромное украшение.

Все археологи пришли к соглашению, что чем глубже мы удаляемся в историю, тем прекрасней становится мастерство Египта.

Древние папирусы свидетельствуют, что наши современные шиньоны, пудры, туалетная вода, зубные порошки не были секретом для египтян. А медицинские книги Гермеса и сегодня полезны. Даже в 21-м веке, несмотря на претензии на мастерство в науках и искусствах, никто не только не в состоянии построить что-нибудь подобное пирамидам Древнего Египта, но и открыть наименьшее из утерянных искусств древних.

Египтяне изготавливали такую высококачественную бумагу, которая не поддавалась разрушительному влиянию времени. Открылось также, что умение египтян писать и их система письма были совершенны и, раз сложившись, уже не претерпевали изменений в дальнейшем.

В легкокрылых колесницах древних египтян были обнаружены металлические пружины, они служили для предохранения от тряски при быстрой езде. Что касается

математики и геометрии, то еще до возникновения Греции науки Египта были сложившимися и развитыми. Геродот признает, что все, что греки знали, они получили от египтян. Гелиоцентрическая система так же, как и шарообразная форма земли, была известна египетским священнослужителям с незапамятных времен.

Священнослужители носили башмаки, сделанные из папируса, и одежды из тончайшего полотна, секрет которого утерян. Полотно ткалось и окрашивалось в ярчайшие цвета, метод также не восстановлен. Египетское полотно славилось по всему миру. Все мумии закутаны в эту ткань, и она прекрасно сохранилась. Кажется, все декоративные искусства были известны египтянам. Тончайшие ювелирные изделия из золота и серебра, драгоценных камней, грубые подделки которых можно увидеть в современных магазинах Каира.

Египет – родина и колыбель химии. Химия красок, не увядающих тысячелетиями, красок, поражающих и сегодня своей чистотой и насыщенностью. Бальзамирование и фресковая живопись не являлись случайными открытиями у египтян. В Египте делали виноградное вино и даже… варили пиво. Здесь было развито музыкальное искусство и понимали воздействие музыки на человеческий дух. Музыка применялась также как исцеляющее средство для лечения нервных расстройств.

Они знали искусство дирижирования и закон гармонии. Лира, арфа, флейта, гитара, свирели и кастаньеты, барабаны и трубы – все уже было в Древнем Египте. На стенах дворца в Фивах царь изображен играющим в шахматы с царицей.

Но вот мы в Гизе – это еще один район Каира, но уже на левом берегу Нила. В трепетном ожидании мы приближаемся к тому месту, где более четырех с половиной тысяч лет назад возникли Великие пирамиды: Хеопса, Хефрена и Микерина.

И вот он – взгляд Сфинкса…

Вернее, первый наш взгляд на него издалека. Мелкие торговцы утварью, полицейские у ограды, толпы фотографирующих туристов, ремесленники, презрительно жующие верблюды, равнодушные ослики, занятые своими делами местные жители, завернутые в паранджу мусульманки, велосипедисты и снующие подростки – все сразу исчезло, потонуло, ушло… Поверх всего – тысячелетний взгляд Сфинкса…

Сфинкс ориентирован точно на восток: в дни весеннего и осеннего солнцестояния направление его взгляда встречает первые лучи солнца. Его голова – это голова фараона, а фараоны считали себя сыновьями бога солнца – Ра. В начале XIX века у Сфинкса отвалилась борода, заплетенная косичкой.

Предприимчивые британцы отвезли ее к себе и отдавать не намерены.

Говорят, что Большой Сфинкс был создан во времена фараона Хефрена (XXVI век до н. э.) и его лик должен напоминать лицо этого фараона. Это самая крупная монолитная скульптура в мире, ей более 4,5 тысяч лет. Символ грандиозного сочетания высшего разума, мудрости и львиной мощи.

Тысячелетиями каменные глазницы сфинкса всматривались в тех, кто приходил к ним. Возможно, это были атланты, цивилизация которых скрылась на века в океане. Видел Сфинкс и мудрого Моисея, и Клеопатру. Приветствовал он взглядом Иисуса, странствовавшего в поисках мудрости Востока, прежде чем отправиться в мир с божественной проповедью любви и сострадания. С предостережением встречал Сфинкс Наполеона. Все видел Сфинкс, зная, что все события земной жизни заранее предопределены в Великом сценарии космической жизни и неотвратимы. Сквозь столетия Сфинкс несет в себе тайну, предназначенную для избранных.

В 1954 году в подземной камере с южной стороны пирамиды Хеопса обнаружили пятидесятиметровое судно из ливанского кедра, сооруженное без единого гвоздя. Сейчас оно стоит в специальном павильоне рядом с пирамидой. Это ладья фараона для путешествия в загробном мире. Но так как в потустороннем мире фараон нуждался в двух ладьях (одна для путешествия вниз, другая – вверх по реке), то были организованы поиски второй ладьи. Ее планируют достать.

Плато Гизы – Некрополь Древнего царства. Самая большая пирамида – пирамида Хеопса, которая сейчас на девять метров ниже, потому что во время землетрясения выпали верхние камни. Облицовка пирамиды тоже не сохранилась – она была из прочного белого известняка и должна была сиять, отражая солнечные лучи. Французы хотят водрузить золотое навершие на Великую пирамиду.

Вторая по величине строилась для сына Хеопса, фараона Хефрена. Со стороны кажется, что она больше пирамиды Хеопса, но это иллюзия, так как пирамида Хефрена стоит на возвышенности. Это единственная пирамида (из трех великих пирамид Гизы), в которой погребальный комплекс дошел до наших дней полностью. На верхушке сохранились остатки облицовки. Завершает его пирамида Микерина (внука Хеопса).

Великая пирамида Хеопса на развернутой карте мира оказывается на той линии, которая делит всю земную сушу на две равные половины! Она является естественной точкой для определения центрального маршрута всей планеты. Четыре

наклонных грани строго сориентированы по четырем сторонам света. Почти повсеместная шаблонная теория, что пирамида была воздвигнута как царская гробница, не выдерживает критики и исключается ввиду накопленных, совершенно иных, знаний о Великих пирамидах. Если представить реальные пирамиды древности, покрытые ослепительно белым отполированным известняком, сиявшим на желтом ковре пустыни в лучах жаркого восточного солнца на огромном расстоянии, то скорее они напоминают световые маяки, видимые даже из космоса.

Мне вспомнились встречи в Академгородке в Новосибирске с академиком Казначеевым и его рассказы о зеркалах Козырева, в которых отражается прошлое, настоящее и будущее, подтверждающих мысль, что все уже было, есть и будет.

Сириус – Солнце – Земля – Луна. Говорят, в этой гигантской иерархической лестнице космоса заключен смысл самого понятия «пирамида». Пифагор определил высшего человека как «безупречно пирамидального умом, душой и телом». «Пир» – по-гречески «огонь». Следует ли отсюда, что пирамида – геометрическая конструкция, символизирующая пламя?

В учении «Живой этики», или Агни Йоге, в мире Огненном читаем: «Среди толкований о пирамиде усмотрите одно, которое предуказывает три мира. Вершина – Мир Огненный, где все едино; середина помещения – Мир Тонкий, где естества уже разделены; и низ – Мир Плотный» (Ч. III. С. 519).

Огонь венчает пирамиду, как дух венчает человека.

Вспомним вдохновенную картину Чюрлениса «Соната пирамид», часть III, скерцо: на остриях пирамид нижнего и верхнего ряда горят шаровые огни, а к вершинам пирамид притягиваются зигзаги молний.

Возможно, сама пирамида – символ идеального человека, где жизнь Духа и Материи сгармонизирована. Два рода огня находятся в космическом противоборстве. Подземный огонь, вырываясь при противозаконной деятельности людей, приводит к массовым бедствиям. Пространственный сгормонизированный огонь усмиряет взрывы огня подземного и поддерживает жизнь на планете.

Тайна пирамид – это тайна вселенной, тайна земли и отдельного человека.

Где-то хранятся ответы на сокровенные вопросы человечества, и оно само сможет утвердиться в приоритете сердца и духа над интеллектом, самоотверженности над самостью, служения света над идолопоклонничеством Золотому тельцу.

Всему свое время, как когда-то сказал нам Святослав

Николаевич Рерих.

На некотором расстоянии от пирамид есть специальная смотровая площадка, откуда, сквозь мощь описываемого архитектурного комплекса, можно наблюдать сизую перспективу мелкого и дымного Каира, утопающего в толчее современных застроек. Зрелище более чем впечатляющее.

На площадке идет бойкая торговля сувенирами, тканями, коврами, кальянами, кустарными папирусами, поделками из дерева и камня. Арабы наперебой предлагают сфотографировать тебя твоим же фотоаппаратом, рассчитывая на вознаграждение. Со всех сторон слышна английская, французская, немецкая, итальянская, но чаще всего – русская и украинская речь. И в ответ – она же, но с характерным оттенком местного диалекта и с комичным несовпадением падежей и грамматических оборотов.

И только старый верблюд-дромадер, чей горб поразительно напоминает пирамиду, с высокомерным презрением глядит сквозь окружающую суету, воплощая горделивым обликом соломоновское: «И это пройдет…»

Александрия

На рассвете, не досмотрев египетские сны в великолепном каирском отеле «Меридиан», где нас расположили на ночь, мы выехали в Северную столицу. Именно так, по абсолютной аналогии с Россией, в Египте именуют Александрию. Основал ее в 332 году до н. э. Александр Македонский на узкой полосе вдоль Средиземного моря.

Именно в Александрии жила и правила последняя египетская царица – Клеопатра. После ее смерти Египет на протяжении четырех веков был провинцией Римской империи. А когда-то Александрия была центром античного мира. В ее библиотеке находилось более полумиллиона папирусов по всем известным в то время отраслям знаний. В 47 г. до н. э., при Юлии Цезаре, город охватил пожар. Он уничтожил значительную часть библиотеки. Уцелевшие рукописи перенесли в храм Сераписа. Спустя три века, в 391 году христианские фанатики разрушили храм и сожгли рукописи, считая, что они полны языческой ереси. Сокровищница человеческой мудрости была утрачена.

В 1970-е годы египетские ученые предложили возродить Александрийскую библиотеку. Идею поддержали, и библиотека была торжественно открыта в 2002 году. Она стоит на набережной в центре города, в виде гигантского цилиндра, срезанного под углом в сторону моря. Издали она сияет, словно

солнечный диск. Именно этот проект, предложенный архитекторами из Норвегии, победил на конкурсе: ведь древние египтяне поклонялись богу солнца – Ра. Ее читальный зал – самый большой в мире.

Спустя некоторое время мы ступили на плиты римского амфитеатра, построенного во II веке н. э. Его обнаружили случайно, когда закладывали фундамент нового здания. Это небольшое по размерам полукруглое сооружение с двенадцатью рядами сидений из мрамора. Если встать на каменную отметину в центре и громко что-либо произнести, звук как бы усиливается и возвращается. Предполагают, что амфитеатр предназначался в первую очередь для лекций и обучения. Продолжая его раскопки, специалисты открыли и расчистили жилой квартал I века до н. э. Почувствовав на себе взгляд, я обернулась и увидела очень интересную статую. Почему-то она напомнила мне образ Ипатии (или, как иногда пишут ее имя историки, Гипатии), обладавшей широкими научными познаниями, прекрасно владеющей ораторским искусством, осведомленной в политике и литературе. Известно, что именно она изобрела прибор «астролябию». Она мученически погибла от рук христианских фанатиков, которые разрезали ее тело на куски острыми ракушками, считая носительницей античной ереси. Вот какие ассоциации родились в моей душе – что это за статуя, мне не сказали.

Со стен и бастионов форта Кайт-бей открывается великолепный вид на город и набережную. Дул северный ветер. Над нами сияло солнце, а там, вдали, над Александрией, Борей сбивал кучевые облака в густую грозную массу и подгонял к берегу стадо морских барашков.

Именно отсюда, с высоты Александрийского маяка, на платиновый отлив Средиземного моря взирала гигантская статуя Посейдона. Маяк высотой 150 метров, был сооружен греками в 280 г. до н. э. на маленьком островке Фарос. Свет от него был виден за десятки километров. Простоял Фаросский маяк более полутора тысяч лет, но во время сильного землетрясения в 1375 г. был окончательно разрушен. Спустя примерно сто лет султан Кайт-бей построил на его месте крепость-форт из известняковых блоков. Сейчас это архитектурная достопримечательность Александрии. Недалеко от форта, на дне моря, французскими подводными археологами были обнаружены остатки Фаросского маяка, храмы и статуи. Говорят, в семи километрах от берега на дне моря покоится знаменитый храм Клеопатры. Ученые сейчас ломают голову над возможностью его исследования. К нему очень сложно подобраться. Один из проектов – сооружение подводного стеклянного туннеля, ведущего к храму и заполняющего его

«интерьеры».

Напротив форта находится Океанариум, который мы с удовольствием посетили. Рыбам, приунывшим было от однообразного пейзажа, показывали «проплывающих» мимо людей, иногда они вспыхивали ярким светом и рыбы могли видеть себя на жидкокристаллических экранчиках, уплывающих вместе с людьми. Только черепахе яркий свет был не по нраву, и египетская Тортила кокетливо прикрывала мордочку лапой, наивно полагая, что так она не уплывет в моем экранчике. Но в моем фотоаппарате в Россию уехала и она, и пирамиды, и все те яркие и незабываемые впечатления, которыми я оказалась полна, путешествуя по Египту.

Для нас с Игорем это была не просто туристическая поездка, а прикосновение к самым загадочным и таинственным явлениям планеты. Величие пирамид предъявляет человечеству законы мироздания, приоткрывая ищущим сердцам само назначение человека во вселенной.

Пушкин путешествует по миру

Важные новости

Нам удалось договориться с телеканалом «Россия» в лице Сергея Леонидовича Шумакова, человека высокообразованного и много лет работающего не только на телевидении, но и продюсирующего такие фильмы, как «Остров» режиссера П. Лунгина, о показе нашего фильма в день 170-летия со дня смерти А.С. Пушкина в феврале 2007 года. Таким образом, в кинопрокат мы вышли за три месяца до трансляции на телевидении.

Нам очень помог председатель Совета Федерации Сергей Михайлович Миронов. Мы устроили специальный показ для него и тогдашнего министра культуры Александра Сергеевича Соколова. Фильм им понравился, и Сергей Михайлович от своего имени подписал письмо-обращение ко многим губернаторам, а те, в свою очередь, обратились к своим помощникам в сфере культуры и кинематографа. В итоге нам удалось распространить тридцать копий. Обычно после показов на экранах отечественной и зарубежной коммерческой киноленты их копии уничтожаются. Это для меня было откровением. Наши копии с фильмом «Пушкин. Последняя дуэль» навсегда останутся в регионах и работают до сих пор. Конечно, и иностранным прокатом мы должны были заниматься самостоятельно. После всемирных кинопремьер «Соляриса» и посещения международных кинофестивалей большого контакта с западным зрителем у меня не было. Были призы за «Детство Бемби» в Италии, отдельные поездки со «Звездой пленительного счастья» – и всё. Наши отечественные ленты никогда в иностранном прокате особенно не котировались, в основном было участие в кинофестивалях, но везде – в каждой крупной стране – было свое представительство «Совэкспортфильма».

Кинофестиваль в Берлине

После развала Союза все представительства исчезли, некую аналогичную функцию исполняют культурные центры. В Берлине он самый большой.

Связавшись с представителями нашего «Русского Дома» в Берлине, мы (я и мой сын Иван) решились принять участие в Берлинском кинофестивале. Мы с Иваном были на его открытии и

посмотрели фильм «Жизнь в розовом цвете», посвященный Эдит Пиаф.

Но главным событием для нас стало 10 февраля 2007 года, день памяти Александра Сергеевича Пушкина. В 16:00 на кинофестивале в Берлине в рамках Европейского международного кинорынка состоялся информационный спецпоказ художественного фильма «Пушкин. Последняя дуэль». Специально отведенный для этого показа зал в гигантском комплексе CINEMAX был полон. Помимо представителей продюсерских, прокатных и фестивальных компаний из США, Западной и Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, на просмотр собралась внушительная делегация россиян, живущих в Берлине и Германии: представители российского посольства, члены их семей, сотрудники Российского центра культуры и науки в Берлине, а также просто любители Пушкина.

Среди них оказался даже дальний родственник Антона Павловича Чехова – французский прокатчик Жан-Пьер Чехофф. Просмотр закончился овациями, звучали слова благодарности.

В небольшом арендованном нами офисе, собрались те, кто не смог с нами встретиться в день памяти Пушкина. Я поставила на маленький офисный стол фотографию, где мы с сыном Иваном возлагаем цветы к памятнику Пушкина 1 декабря 2006 года в день премьеры в кинотеатре «Пушкинский». Стол и фотография стали центром внимания всех собравшихся. Помянули Александра Сергеевича. Говорили о его трагической жизни. Многие не могли сдержать слез, просили передать поклон актерам. К концу импровизированного приема мы с Иваном признались, что очень хотели бы посмотреть первый показ нашего фильма по российскому телевидению. И вот ночью наши друзья ведут нас в русское посольство. В небольшой гостиной включили телевизор с отечественными каналами, и вот оно, чудо – мы смогли присоединиться к нашему телезрителю в этот наиважнейший для нас день.

И на следующий день к нам приходило много людей. Заключили договор о показе фильма в Болгарии. Впереди нас с Ваней ждал Лондон – фильм пригласил «Пушкинский дом», но до этого я не могла отказала себе в удовольствии посетить с сыном несколько европейских городов и даже стран, ведь Иван несколько месяцев назад один путешествовал по Европе на машине.

Свободное перемещение по Европе

Итак, из Берлина мы поехали в Мюнхен, где переночевали в отеле «Байеришерхоф». К большому сожалению, Иван подхватил грипп и, когда мы прибыли в Австрию, он совсем расхворался. По телефону мне удалось связаться с мамой девушки Дорли, которая некоторое время вместе с подругой гостила у нас в Москве. И вот в австрийском городке Куфштайн мы встретились и благодаря Клаудии попали в аптеку: лекарства отпускаются в Австрии строго по рецептам. Ваня начал принимать гомеопатическое средство и буквально выздоравливал на глазах.

Красота Австрии, особенно Альп, поражает. Маленькие города и красивейшие деревушки так гармонично вписаны в пейзаж, что кажутся сказочными. У Ивана было два навигатора: один говорил на английском языке, а другой, взятый из Москвы, – на русском. Как только мы съехали с основной дороги в поисках отеля, навигаторы стали забавно спорить друг с другом. Один просил немедленно вернуться на автостраду, другой предлагал объездную дорогу. Иван заглянул в карту и выбрал маршрут самостоятельно. Через час мы оказались в альпийском отеле «Спекбайерхоф», недалеко от местечка Хальинтероль. Это было красивейшее место в горах напротив старинного костела. Из окна номера видна панорама альпийских гор, внизу на открытой веранде отдыхали, потягивая пиво, завсегдатаи этого отеля. В эти дни я остро почувствовала, что впервые за всю свою жизнь *свободно* передвигаюсь по Европе. Останавливаюсь где хочу, общаюсь с кем и как хочу. Европейцам этого не понять. У них не было железного занавеса, не было стукачей, обязательно сопровождавших нас в любых иностранных поездках. Кроме того, мы свободно пересекали границы разных стран. Германия плавно перетекла в Австрию и Италию. На следующий день мы были в Милане, оставили в специальном прокатном офисе машину, сели в самолет и перелетели в Лондон. Конечно, всего этого без помощи сына я бы не могла сделать. Умение прекрасно водить машину, знание английского языка, компьютера и вообще знание законов современного мира подарил мне в эти дни Ванюша. Ехать с ним по европейским городам, говорить об искусстве – всё это и было счастьем. Общими усилиями мы создали фильм, который подарил нам дорогу, уходящую вдаль.

Пушкинский дом в Лондоне

Я мечтала побывать в Лондоне со школьных времен. Я училась в английской спецшколе, и нам часто задавали «топики», то есть небольшие тексты о знаменитых местах Лондона –

Тауэрском мосте, часовой башне Биг-Бен…

Мы прилетели с Иваном в конце зимы, однако в воздухе уже чувствовался легкий запах первых ранних цветов. Погода стояла солнечная. Джулиан Галант, директор Пушкинского дома, его милая супруга Наталия (она русская по происхождению) сразу устроили нам с Иваном путешествие по Лондону.

Наш первый пеший маршрут начался от памятника принцу Альберту, супругу королевы Виктории, к круглому зданию Королевского Альберт-холла, известного своими грандиозными концертами. Мы успели сделать несколько снимков на память у Королевской академии музыки. Поразила красочность старых построек, расцвеченных бутонами первоцветов. Ни следа знаменитого лондонского смога. В 1956 году был принят закон о защите чистоты воздуха – и клубящиеся туманы исчезли навсегда.

Территория Лондона – это соседство древних эпох, из которых выделяется викторианская. Именно в XIX веке Лондон становится крупнейшим городом мира. Лондонские «кэбы» – такси – очень удобны, доступны и недороги. Именно в них мы совершили путешествие к площади Парламента. Справа от нас – легендарное Вестминстерское аббатство, слева – стены и башня Биг-Бена, знаменитая своим тринадцатитонным колоколом. Конечно, мы побывали и около Букингемского дворца и даже наблюдали торжественную смену караула. Флаг над дворцом развевался – следовательно, королева была на месте.

21 февраля 2007 года в Пушкинском доме в Лондоне при полном аншлаге состоялась премьера фильма «Пушкин. Последняя дуэль». Конечно, кроме англичан, были и наши соотечественники.

Вот что написал о фильме Джулиан Галант, директор Пушкинского дома: «Кинематография в крови у Натальи Бондарчук: она известная актриса, режиссер и продюсер, а также дочь одного из “львов” русского кинематографа, Сергея Бондарчука. “Пушкин. Последняя дуэль” – это и кинематографический шедевр, и результат глубочайших исторических исследований и реконструкции. Сергей Безруков представляет бесчисленные измерения образа поэта: семьянина, политика, светской фигуры, а также своевольного и остроэмоционального гения слова. Бондарчук осмотрительно интерпретирует документы, личные свидетельства современников, подчеркивая, что именно интриги и клевета заставили поэта вызвать на дуэль Дантеса. Одновременно она рассказывает зрителю о том, чем была для Пушкина его последняя, 21-я дуэль. Режиссер в деталях изучила расследование, проведенное по приказу царя после смерти

Пушкина. Для Бондарчук Пушкин – гений, но гений земной. Этот фильм – не историческая фантазия. “Последняя дуэль” – первое серьезное кинематографическое расследование смерти Пушкина. Наталья Бондарчук умеет избавить историю от ее документального формата и представить ее настоящим зрелищем – с шармом и естественностью».

После просмотра Джулиан Галант пригласил нас с Иваном в старинный закрытый клуб с многовековыми традициями. Мы увидели место, где время практически ничего не меняет. У входа завсегдатаев встречают потемневшие от времени портреты членов клуба, повешенные сплошной стеной от низа до потолка. За столиками тихо и размеренно течет беседа о политике и погоде, в основном мужчин за сорок, а кто-то в гордом одиночестве читает объемные английские газеты. Тяжелые серебряные столовые приборы отражают огоньки свечей в массивных подсвечниках. Но главное – это официант: он не просто обслуживает, он является главным хранителем традиций приготовления и подачи блюд. Между ним и Иваном разыгралось целое представление. Наклонившись над молодым человеком и не теряя своей царственности, официант стал задавать вопросы на простую просьбу моего сына принести стейк. Первый касался откорма коровы, из которой будет приготовлен стейк – зерновой откорм предполагал более жирное мясо, травяной – более постное. Иван выбрал зерновой. «Из какой части вы предпочитаете стейк? Из реберной или…» – далее пошли незнакомые Ивану английские слова. Поняв это, официант стал показывать части коровы на себе. Остановились все-таки на реберной части. «Какой степени прожарки вы предпочитаете стейк?» – «Средней», – улыбнулся Иван. – «А с каким гарниром и под каким соусом?» – Иван рассмеялся и сказал: «На ваш выбор». Официант поклонился и через двадцать минут принес на тарелке из английского фарфора кулинарное чудо. Иван заметил: «Если бы наш официант сыграл образ Берримора из “Собаки Баскервилей”, то точно получил бы Оскара».

Англия сильна своими традициями и в то же время открыта к диалогу с современным миром, но для нас было главным то, что в Лондоне любят искусство, любят и помнят золотой русский век и его гениальных творцов.

Фестиваль в Гатчине

Почти сразу по приезде на родину мы отправились на XIII российский кинофестиваль «Литература и кино» в Гатчине. Кроме

меня, фильм «Пушкин. Последняя дуэль» представляли оператор-постановщик Мария Соловьева, композитор Иван Бурляев, актриса Анна Снаткина, народная артистка СССР Инна Макарова и актриса Надежда Бахтина. Зрители очень тепло приняли картину и стоя приветствовали киногруппу.

«Это очень хороший народный фильм», – выразил свое мнение председатель жюри Сергей Есин, предвосхитив решение зрителей, давших фильму самую высокую оценку по результатам голосования.

Фильм получил сразу три приза фестиваля:

Приз зрительских симпатий – Кубок Большого Орла;

Приз законодательного собрания ленинградской области – императорский сервиз «Гатчина» на 12 персон авторской работы Льва Солодкова;

Приз жюри им. Москвина за лучшую операторскую работу.

У этого кинофестиваля образовался свой зритель, интеллигентный и доброжелательный, и своя теплая дружественная атмосфера. В состав жюри входили такие личности, как Сергей Есин, Вадим Биберган, Валентина Теличкина, Алексей Федоров, возглавляла его директор кинофестиваля Генриетта Ягибекова.

Состоялись незабываемые встречи с давнишними друзьями по ВГИКу, например Еленой Соловей, специально приехавшей из США.

Берлин – Дрезден – Чехия

В апреле нас с Иваном еще раз пригласили в Берлин – в Российский дом науки и культуры. Нас принимал Николай Петрович Исаев. В большом зале был показан наш фильм для русских и немецких зрителей. Затем мы вновь арендовали машину и проехали по Германии в Дрезден, где нас с нетерпением ждали наши соотечественники. Небольшой дом напоминал скорее коттедж, но это был культурный центр, возглавляемый доктором Вольфгангом Шелике. Так как я в это время уже работала над сценарием о Гоголе, мне было интересно побывать в центре Дрездена. Он здесь жил, лечился у знаменитого доктора Кардса, конечно, посещал картинную галерею. Господин Шелике показал нам скульптуру Достоевского, которая была установлена при его непосредственном участии. Достоевский неоднократно бывал и жил в Дрездене. Этот город посещали многие русские, а некоторые и жили подолгу: Чайковский, Рубинштейн, Скрябин, Рахманинов, Марина

Цветаева. На обратном пути мы заехали в один аккуратный немецкий поселок, где в свое время жил с семьей В.В. Путин. Переночевав в милом приветливом доме в гостях у господина Шелике, мы с Иваном отправились дальше в Чехию. Еще во время Берлинского кинофестиваля мы договорились о посещении известной киностудии «Баррандов-фильм» для обсуждения возможных павильонных съемок фильма о Лермонтове. Сравнительно небольшая по объему студия в последние годы стала очень известной. На ее крыше развевались флаги стран, которые сотрудничают с ней. Среди них был и флаг США. Цены за аренду павильонов приемлемые, а вот услуги – любые. Нам были показаны все цеха – костюмерный, реквизиторный, операторский. Везде чувствовалась активная деятельность.

Переночевав в загородном отеле, наутро мы поехали с Иваном в Злату Прагу. Красота этого города уникальна, а во двориках, словно созданных для кинематографа, можно снимать любую натуру старинных европейских городов. Здесь в августе 1845 года Николай Васильевич Гоголь посещал Чешский национальный музей и познакомился с его хранителем Вацлавом Ганкой, в альбоме которого Гоголь оставил на память запись: «100 лет здравствовать, печатать и издавать во славу славянской земли и с таким же радушием приветствовать всех русских к нему приезжающих…»

Разговор с Глебом Панфиловым

В Москве меня ждала литературная работа над сценарием о Николае Васильевиче Гоголе. Я была завалена рукописями, письмами и книгами и мысленно находилась с моим Николаем Васильевичем в Гамбурге, когда мне позвонил Глеб Панфилов. Он только вчера посмотрел наш фильм «Пушкин. Последняя дуэль». Не скрою, этого звонка я очень и очень ждала. Поэтому спустя полчаса, а именно столько продолжался наш разговор, я попыталась восстановить его в памяти и записать.

– Я хочу тебя поздравить, Наталья, с этой картиной, – первое, что сказал Глеб. – Точно подобран весь актерский ансамбль. Прекрасен Пушкин в исполнении Безрукова. Он мне в «Есенине» не очень понравился, но в «Пушкине» великолепен. Я принял его с первых минут просмотра. Да и все актеры блестящи. Хорош Дубельт – Борис Плотников, конечно, Сухоруков и очень интересная девочка, которая сыграла Натали…

– Анна Снаткина, – представила я свою любимицу.

– Удивительная актриса. Сцена с Безруковым «Признание

Натали» – поразительно точна. И когда Пушкин подслушивает разговор Натали с царем и потом выскакивает к царю и говорит ему…

– «Истина сильнее царя…» – напомнила я.

– Да, эту фразу… И когда Пушкин гуляет по Петербургу с Жуковским…

– Было очень холодно, – рассмеялась я.

– Да, это видно, и хорошо. И драматургия сильная. Ты шьешь тончайшие кружева из событий. И отрицательные персонажи точны. Геккерен и Дантес. Кто его играл?

– Роман Романцов, – назвала я молодого исполнителя роли Дантеса.

– Это сын? – спросил Панфилов.

– Да, это сын знаменитого петербургского актера Романцова. Он умер во время съемок фильма, и после этого, видимо, что-то произошло: Роман стал играть просто блестяще, ему даже за один крупный план, когда Дантеса приговаривают к смертной казни через повешенье, вся группа аплодировала, а это случается крайне редко.

– Ну, вот видишь! – словно получив ответ на какие-то свои мысли, сказал Глеб. – Вообще, Наталья, как это здорово, что вы с Федей оба сняли такие серьезные, сильные фильмы и оба продолжили дело вашего отца.

– Мне даже иногда кажется, Глеб, что это не я сняла, вернее, не мне было предначертано снять фильм о Пушкине, – ведь я об этом даже не мечтала… Это должен был сделать отец, а я стала выполнять его волю…

– Вот видишь! Ты сама это чувствуешь. Это так. И Бондарчук живет сейчас через своих детей.

– И это многим не нравится, особенно критикам. Картину нещадно ругают в прессе. Они даже «шьют» мне острую неприязнь к иностранцам.

– Глупости!

– Есть даже такие журнальные заголовки: «Пушкин – друг охранки и царя».

– Так в этом-то все и дело, – не выдержал Панфилов. – Пушкин действительно мог влиять на царя. За это и был наказан.

– Многие недовольны, что я откровенно рассказала о «голубых» отношениях Геккерена и Дантеса.

– Но ведь об этом все знают, – удивился Панфилов, – даже в советское время об этом писали. И ты это очень тактично показала. Не педалируя. Так, как это было на самом деле. Фильм состоялся. Это лучший фильм о Пушкине. Тебе обязательно надо показать его Никите Михалкову, уверен, он ему очень понравится.

А кто еще смотрел фильм?

– Критик Золотусский. Ему он понравился.

– Это очень серьезный автор.

– Он сказал, что я, судя по фильму, государственник, каким и был Пушкин. И что это очень многим не понравится, потому что разрушителей больше, сознают они это или не сознают.

– Сознают! Еще как сознают! Я обязательно еще раз посмотрю твой фильм с Инной, когда она приедет из командировки.

– А я вас, Глеб, хочу еще раз поздравить и поблагодарить за фильм «В круге первом» по Солженицыну. Ведь он пророк, вернувшийся в Россию, и вдруг его нигде не стало – ни в политике, нигде.

– Он очень хворает, но работает по шесть часов каждый день.

– И вот Вы его задачу взяли на себя, и вновь Солженицын ожил для миллионов и повернул нас самих к себе. Я говорила это все актеру Евгению Стычкину, который будет сейчас сниматься в роли Лермонтова.

– Ты продолжаешь? – спросил Панфилов.

– Да, сейчас только была с моим Гоголем в Гамбурге… Какой удивительный, непостижимый человек, каким-то образом связанный с божественными явлениями. Особенно с грозой: даже при его рождении молния ударила в дерево, и явилась нерукотворная икона Николая Чудотворца. Пушкин, Лермонтов, Гоголь – это одно единое и самое великое.

– Так оно и есть! Продолжай. Это очень важно.

Признаюсь, мнение Глеба Панфилова для меня стало определенным щитом, от которого отскакивали невежественные щелкоперы.

Фестиваль в Каннах

Каннский фестиваль, на который прибыла наша делегация компании «Золотой век», был в 2007 году особенным – юбилейным, 60-м.

И для меня он был особенно важен, не только потому, что мы привезли в Канны картину «Пушкин. Последняя дуэль» для международного кинорынка, но и потому, что в 1972 году я вместе с Андреем Тарковским и Донатасом Банионисом представляла в Каннах «Солярис» и участвовала в торжественной церемонии награждения фильма призом «Гран при де Жюри». И вот через тридцать пять лет я снова на красной дорожке.

В этот же день, 18 мая 2007 года, было показано «Изгнание» Андрея Звягинцева, фильм, своей эстетикой напоминающий

картины Тарковского. На вечернем приеме я поздравила Андрея: «Главное, что вы не поддались нашему „клиповому“ времени и снимаете так, как чувствуете. Я уверена, что так же, как наш фильм „Солярис“, ваш фильм не пройдет мимо каннского жюри». Я подарила режиссеру памятные фотографии с Андреем Тарковским на Каннском фестивале 1972 года.

Мои слова предвосхитили события. Награду получил герой фильма Константин Лавроненко, но ведь по праву режиссер, выстраивая главный образ, разделяет радость победы.

А 20 мая состоялся информационный специальный показ фильма «Пушкин. Последняя дуэль».

Помимо продюсерских, прокатных и фестивальных компаний, на просмотре были представители русской общины в Каннах. Кроме меня фильм представили оператор-постановщик Маша Соловьева и композитор Иван Бурляев. Зрители тепло приветствовали фильм, а русская община пригласила всех вместе отметить великий праздник Святой Троицы в православном храме в Каннах.

Вена

21 мая, по приглашению Российского центра науки и культуры в Вене, наша небольшая делегация (я, Иван Бурляев и Маша Соловьева), преодолев на машине расстояние в 1200 км, прибыла в Вену для презентации фильма «Пушкин. Последняя дуэль». Его показ был приурочен к «Пушкинским дням» в программе Года русского языка.

На следующее утро, 22 мая, делегацию принял советник посольства России в Австрии, директор Российского культурного института Олег Юрьевич Ксенофонтов. Он рассказал о других программах недели. Делегация побывала на выставке из собрания Государственного музея А.С. Пушкина и встретилась с директором музея Евгением Анатольевичем Богатыревым, давнишним моим другом и помощником в создании фильма о Пушкине.

День ушел на знакомство с Веной, которую великолепно представила Натали Хольцмюллер, натура артистическая, прекрасно знающая город, уже много лет проживающая в Вене со своим мужем, знакомая со всем артистическим миром и даже устраивающая ежегодные Русские балы в Вене.

Вена – город поразительный: утонченный, весь пронизанный атмосферой творчества. Там есть что посмотреть и, безусловно, что снимать. Средневековые улочки, романтичные дворики и

барочные дворцы, собор Св. Стефана – все сохраняет облик минувшего. Повсюду реставрируются старые здания, сохранились необыкновенные островки былых времен: городские кофейни, винные погребки, утопающие в зелени кафе.

Венцы не отказались от старых привычек и образа жизни, они по-прежнему неторопливы, а некоторая провинциальность придает им особый шарм.

Я не могла не думать на этих улицах о Гоголе. Здесь он пережил вначале небывалый творческий подъем, потом острое душевное недомогание, болезнь, которой он страдал всю жизнь. Образ Вены должен был быть представлен в будущей картине двояким: великолепие дворцов и темные средневековые улочки, склеп церкви капуцинов. По сценарию, в Вене Николая Васильевича не покидает предчувствие близкой кончины. Вена, как никакой другой город, совершенно особенно относится к смерти. Каждая вторая народная песня посвящена смерти и вечности. А где есть еще такой пьяница, как известный всему миру милый Августин, воскресший во время эпидемии чумы в общей могиле, в которую он попал, напившись до бесчувствия? В каком другом месте несущие гроб похоронщики бывают одеты в столь элегантный черный наряд? И в каком другом городе «прекрасное погребение» с соответствующими положению умершего проводами, органной музыкой и пышными поминками считается вершиной бытия? Здесь почитаются памятники и великие могилы: Моцарта, Бетховена, Брамса, Шуберта и Штрауса.

Дворцы и памятники… Все свидетельствовало о живой истории Вены: и проезжавшая мимо кибитка, и живая музыка на площадях.

Наша маленькая творческая группа побывала и в великолепной гостинице, которая на следующий день, 23 мая, должна была принять нашего президента Владимира Владимировича Путина.

Вечером 22 мая в 19 часов в центральном кинотеатре Metro Kino состоялась презентация фильма «Пушкин. Последняя дуэль». Уютный, некогда театральный зал был переполнен, некоторым зрителям пришлось стоять. После просмотра и бурных аплодисментов многие подходили к нам, благодарили лично – и австрийцы, и проживающие в Австрии соотечественники. Общее мнение, что таких фильмов о гениях русской культуры должно быть больше. Ко мне подошла раскрасневшаяся от чувств девушка и сказала: «Я счастлива, что я русская и что у нас есть такой фильм».

Зрители с радостью восприняли весть о новых проектах

компании «Золотой век». Узнав, что некоторые сцены фильма о Гоголе будут сниматься в Вене, предложили свою помощь.

День закончился осмотром ночной Вены и посещением старинной деревушки рядом со знаменитым Венским лесом.

Утром следующего дня мы выехали из гостеприимной Вены, впереди были 1200 км до Канн. В жару хорошо было искупаться в озере, расположенном неподалеку от Вены. Несмотря на обилие яхт, оно было живым, в нем обитали огромные рыбы, дикие утки спокойно сопровождали своих утят. Проделав полпути, мы посетили еще один замечательный объект будущих съемок – Венецию.

Купив билет на один из катеров (вапоретто), мы совершили путешествие по Большому каналу. За 1500 лет своего существования Венеция сохранила дворцы и церкви, неповторимый облик. Как сказал один венецианец: «Кто любит Венецию, тот часть Венеции». Большой канал, или канале Гранде, венецианцы любят как главную улицу города – это его душа. Путешествие началось с Пьяцца дель Рома и закончилось в Бачино ди Сан-Марко.

Площадь Сан-Марко – это музей под открытым небом и место торговли и вдохновения для художников. Многие пытались описать собор Сан-Марко, олицетворяющий торжество художественного гения, политической власти и религиозной веры, он – символ всей Венеции.

Мы, как и большинство туристов, покормили голубей маисом и сфотографировались на память. Улицы, ведущие с площади, узки и полны магазинов, сверкающих масками и знаменитым муранским стеклом.

Маша Соловьева нашла кафе, где была в прошлый раз, сфотографировалась на память и… очарованная новой встречей, оставила в кафе свою видеокамеру. Спустя полчаса пропажа обнаружилась, благородство венецианцев вернуло Маше забытую камеру, а вместе с ней – радостное настроение.

Прошлись вдоль узких улиц и каналов: по сюжету сценария Николай Васильевич Гоголь должен проплыть в лодке по узкому каналу.

Следуя древним традициям и, несмотря на моторные лодки, гондолы с их крепкими гондольерами привлекают туристов и любителей неспешной прогулки. Гондольеры дожидаются обычно у мостов. Поднявшись на мост, можно увидеть картину пленительную, особенно вечером, когда занимаются первые огоньки кофеен и украшенные алыми покрывалами гондолы скользят по сверкающей воде. Но нужно было возвращаться. В дороге мы слушали зажигательные итальянские песни, пока они

плавно не перетекли во французский шансон, – только этим обозначила себя граница Италии и Франции. Поздно ночью мы вернулись в Канны.

Клод Лелюш

На следующий день мы были опять во власти шумного водоворота Каннского фестиваля. Толпы у дворца Люмьер радостно приветствовали появление кинозвезд: Алена Делона, Леонардо Ди Каприо, Джорджа Клуни, Брэда Питта и Анджелины Джоли. Вечером все мужчины были в черном, а женщины в вечерних туалетах. Как ни на одном из кинофестивалей мира, Канны архаично отстаивают строгий dress-code на вечерних просмотрах.

Кроме основного просмотрового зала, к юбилею фестиваля был создан специальный надувной зал. Он так и назывался «Зал 60-летия фестиваля в Каннах». 24 мая в нем демонстрировался новый фильм Клода Лелюша «Roman de Gare». Создателя незабываемого фильма «Мужчина и женщина» зал приветствовал стоя.

Рассказывая о своем фильме, Клод Лелюш говорил: «Пабло Пикассо когда-то сказал: “Каждый ребенок – художник. Проблема в том, как оставаться художником по мере взросления”. Кажется, я хотел сыграть этого взрослого ребенка еще один раз». Фильм, конечно, о любви. И хотя в нем много сюжетных ходов: стареющая писательница (Фанни Ардан) заставляет работать на себя молодого талантливого журналиста (Доминик Пинон), она ищет нового героя для книги, реальное и вымышленное переплетаются, – но всё это затмевает зарождающаяся на глазах зрителей любовь героини – молодой женщины (Зинедин Суалем) к некрасивому, но обаятельному герою.

После просмотра, поздно вечером, я, Маша Соловьева и Иван Бурляев побывали на приеме в честь Клода Лелюша и его новой картины. Мы имели честь быть лично представлены создателю «Мужчины и женщины». Так и закончился день – под знаком нестареющего французского кино.

Ницца

На следующий день, 25 мая, киногруппа выехала в Ниццу на выбор натуры для фильма «Гоголь. Ближайший».

Собиралась гроза, но она отступила перед великолепием

Ниццы с ее бирюзовой водой, обилием садов и пальм, перед ее искусством жизни во всем ее многообразии.

Именно в Ницце Гоголь работал над «Мертвыми душами». И писал Жуковскому: «Ницца – рай; солнце, как масло, ложится на всем; мотыльки, мухи в огромном количестве и воздух летний. Спокойствие совершенное. Жизнь дешевле, чем где-либо. Я продолжаю набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание “Мертвых душ”».

Конечно, нас привлекла старая часть города, с крошечными площадями, красивыми часовнями, громадами соборов. Интересны были и детали: фасады старинных домов, резные литые фонари.

Старая Ницца бережно хранит память пребывания в ней великих художников и писателей. А русская православная церковь Николая Чудотворца по-прежнему собирает прихожан.

26 мая закончилось наше пребывание в Каннах. Последним акцентом стала встреча с продюсером Томасом Хедманом на вечеринке в частном доме в Каннах – вкусный ужин, великолепное французское вино.

«Бойся данайцев, дары приносящих…»

Этот известный постулат для меня звучит еще более определенно: «Бойся данайцев, дары сулящих». Справедливость этих слов я испытала в полную силу. Есть единственные и неповторимые дни, наполненные радостью творчества, любви и теплых, сокровенных отношений. Но есть дни, они также, надеюсь, неповторимы, – тяжелейшего урока.

Весной 2007 года наша группа, закончив две большие картины: «Пушкин. Последняя дуэль» и десятисерийный фильм «Одна любовь души моей», была полна решимости и надежды продолжить работу над уже заявленными темами – биографиями Лермонтова и Гоголя. Более того, еще снимая фильм о Пушкине, мы ухитрились снять несколько сцен с Евгением Стычкиным в роли Лермонтова для будущего фильма. К несчастью, предложенный нами сценарий о Лермонтове не прошел конкурс в Федеральном агентстве по кинематографии. Нужны были независимые, так называемые внебюджетные средства на дальнейшую работу. Так в нашей жизни появились люди, чьи имена я спрячу за инициалами – А.К. и И.Ф.

Главный из них, А.К., представлял собой пятидесятилетнего мужчину с военной выправкой, другой, интеллигентного вида, типичный гуманитарий, его же возраста. Узнав, что нам нужны

средства на фильмы о Лермонтове и Гоголе, приехали на «Мосфильм» и предложили большой беспроцентный кредит с условием возврата средств через пять лет. Эти условия нам показались интересными, и я подключила к договору юристов. Договор был составлен достаточно быстро. Первый транш, на который мы вполне могли снять Лермонтова, должен был к нам прийти 20 мая 2007 года. Поэтому я не только не распустила группу, но стала срочно добирать актеров.

Наступило 20 мая, но деньги не пришли. А.К. божился и клялся, что задержка – случайная и буквально со дня на день все будет. Прошел еще месяц. Нужно было платить группе, уходила возможность подготовки и съемки летней натуры. А.К. вновь успокаивал и обнадеживал, так же и И.Ф. Что было делать? Я повезла наш договор в один банк и попросила кредит, чтобы частично расплатиться с группой и продолжить подготовительный процесс, тем более что моим поручителем стал А.К.

Итак, в июле нам был выделен кредит, и мы продолжили подготовительный период. Шились парики и другой постижерский материал, покупались ткани, Евгений Стычкин каждый день совершенствовался в верховой езде, упражнялся в фехтовании. Для того чтобы прийти в еще более лучшее физическое состояние, актер рискнул участвовать в шоу Первого канала «Цирк со звездами». Я с замиранием сердца следила за полетами Жени под куполом цирка, его владением холодным оружием и успехами в конных состязаниях. Время шло, денег не было. Запись в моем дневнике летом 2007 года: «Лермонтов. Проведен кастинг, все актеры определены, подготовлена экспедиция на Кавказ. Там специально для наших съемок готовят лошадей. Вся группа – художник, оператор, художник по костюмам и т. д., всего сорок человек, – ждет. Двадцать актеров, среди них Евгений Стычкин, Екатерина Гусева, Максим Аверин, – ждут. Каждый месяц выплачиваем банку проценты за полученный кредит. Должен быть транш… но его нет!»

Хочу сразу сказать, что денег мы так и не получили. Ни копейки. А у нас еще были некоторые долги по производству фильма о Пушкине. Этот ужас продолжался вплоть до начала 2009 года. Все средства, которые по крохам мы собирали с проката фильма «Пушкин. Последняя дуэль», – всё «съедал» процент по кредиту. Надежда на получение каких-либо средств с А.К. полностью исчезла, когда я попросила знакомых из одного военного ведомства проверить личность А.К. Выяснилось, что таких, как я, у него много. Что сам он никаких средств не имеет и даже не собирался что-либо платить. Ему, как настоящему

аферисту, нужна была только моя известная фамилия на договоре, чтобы показывать его и быть допущенным в определенные круги, числясь «спонсором» таких масштабных фильмов.

Итак, наш проект о Лермонтове был остановлен. Кроме того, я получила возможность увидеть не только крыс, бегущих с тонущего корабля, но и их схватку. Группа стала распадаться на глазах. Они оскорбляли друг друга, угрожали всевозможными карами, наконец, стали отпадать. Ушел директор Б.П., требующий средств у экономиста Л.Р., ушла и она, бросив все запущенные дела. Тихо и скромно ушла еще одна директор Е.К. Одна из администраторов, воспользовавшись тем, что у нее была печать фирмы, заключила подложный договор с тем, чтобы завладеть правами фильма «Одна любовь души моей», который я снимала восемь лет. Еще один администратор Д.Ч., которого я кормила десять лет и даже организовала его поездку на Берлинский кинофестиваль и в Канны, украл нашу общественную машину, переписав ее с помощью нашего бывшего экономиста на себя, хотел было украсть профессиональный монтажный компьютер, но учуял, что его действия отслеживаются соответствующими структурами.

Во всей этой катавасии положительным был только один момент – отсеялись негодные, остались только преданные. Меня не покинул в беде зам. директора, а ныне директор Александр Миронов, наш экономист Ирина Рязанцева, юрист Елена Пономарева и, конечно же, моя семья. Вся нагрузка этих дней легла на плечи моего мужа Игоря Днестрянского и моего маленького коллектива, который буквально сражался каждый день за выживание. Стойко переносила все беды моя мама Инна Владимировна Макарова, пытаясь своими средствами заткнуть наши экономические дыры. Дело дошло до залога по долгам моей двухкомнатной квартиры, где к тому времени проживал мой сын с женой и двумя маленькими детьми… Каждый день я просыпалась в холодном поту и с одной мыслью – «Что делать?» Но отчаяния не было! Отвлекусь и обращусь к моим читателям 2009 года, когда начался общий экономический кризис. Я знаю, что в том положении, в которое я попала, сейчас находятся многие. Люди испытывают прежде всего страх! Страх за будущее своих детей. Наверное, самый опасный страх. Но здесь может помочь только ВЕРА! Все может измениться к лучшему, если вера не потеряна и если есть смысл существования, который нельзя терять. А у меня был и есть этот смысл! Каждый раз, когда мы говорили с моей мамой о случившемся, от нее вместо упреков я слышала: «Наташа, но ведь есть фильм, есть “Пушкин”. И это –

для людей…»

И действительно, фильм был, и мне удалось получить небольшие средства в Федеральном агентстве по кинематографии на показ фильма «Пушкин. Последняя дуэль» в тридцати русских городах. С осени 2007 года начался беспрецедентный марафон по всей нашей необъятной стране. Напряжение было невероятным, но оно снимало весь негатив, связанный с экономическими проблемами.

Снова на Алтае

Летом 2007 года мне удалось вновь побывать на Алтае. В Сростках проводился в тридцать первый раз народный литературный праздник «Шукшинские чтения» и всероссийский кинофестиваль «Калина красная». Тысячи гостей и участников приехали в гости к Василию Макаровичу Шукшину. Огромный холм теперь венчался замечательным памятником земляку, а кругом также зеленели луга и пряталась в траве горная земляника.

Открывался кинофестиваль уже в Барнауле. К нашему изумлению, никакой рекламы фестиваля, названного всероссийским, мы не увидели. Зато в кинотеатре, в который нас привели, красовался плакат «Трансформеры». В «Киномаксе» нас только покормили, а наши фестивальные фильмы, в том числе и «Пушкин. Последняя дуэль», были показаны на тряпочном экране в Театре оперетты. Впрочем, положение с прокатом российских некоммерческих лент одинаково по всей стране: чужие в собственном доме. Но воздух Алтая был для меня целебным, а благодарные зрители вселяли надежду на будущее.

7 июня 2007 года у меня родился внук. В своем дневнике я написала в этот день: «Ура! Юлька родила сына!» Назвали его Никита. Из роддома забирали мы мамочку и Никиту вместе со счастливым отцом Ванюшей. Привезли ребенка домой и познакомили его с сестренкой. Вернее, Настеньку знакомили с братиком. Хлопот прибавилось, но и радости тоже.

Париж

29 сентября в Париже в кинотеатре Publicis состоялся показ фильма «Пушкин. Последняя дуэль». Я была приглашена Российским центром науки и культуры в Париже. Кинотеатр расположен по соседству с Триумфальной аркой. На сцене меня

приветствовал директор Центра Игорь Александрович Шпынов, сказал теплые слова и вручил почетный знак Росзарубежцентра «За вклад в дело дружбы».

Зрители после сеанса долго не расходились. Ко мне подошла молодая девушка, представилась, оказалось – она потомок Данзасов, правда, непрямой, у Данзаса не было детей. Среди соотечественников, смотревших фильм, был и мой дорогой сокурсник по ВГИКу – Анатолий Переверзев. Он живет много лет в Париже, немного сотрудничает с Комеди Франсез, выступает с сольными концертами. Прекрасно владея французским языком, Толя стал моим проводником в Париже. Первым делом мы сели в уличный паровозик и отправились на Монмартр. В небольшом ресторанчике поминали нашего учителя – Сергея Апполинариевича Герасимова, Тамару Федоровну Макарову, рано ушедших из жизни сокурсников: Талгата Нигматулина, Вадима Спиридонова, Николая Еременко, Сергея Малишевского. Вечером гуляли возле сверкающей огнями Эйфелевой башни, шел мелкий дождь. И всё это: Париж, общение с Толей, дождик – было подарком и светом из нашей юности.

Поездки по стране

В октябре продолжились поездки по стране. Мои преданные друзья по рериховскому движению взяли на себя организацию наших выступлений в Сызрани, Тольятти и Самаре. Во всех этих поездках был со мною Игорь Днестрянский.

Добрая трепетная Галина Кальжанова из Тольятти организовала встречи в библиотеке им. Пушкина и гимназии № 38. Эта женщина всю жизнь подчинила служению людям: занималась издательской деятельностью, организовывала встречи. Нас связывала многолетняя дружба. Когда мы приезжали в Тольятти, то всегда останавливались в ее доме. Я не знала, что судьба уготовила нам последнюю встречу. Летом 2008 года Галина Кальжанова перешла в другой мир. Память об этой прекрасной душе всегда со мной…

В Самаре фильм наш «Пушкин. Последняя дуэль» и фрагменты из «Одной души моей» были показаны в Центре духовной культуры. По выставочным залам Центра, украшенным великолепными витражами, нас провел его руководитель Юрий Егорович Родичев. Уникальные интерьеры с экспонатами всех великих культур от Египта до наших дней, фотографии путешествий в самые труднодоступные точки планеты – все говорило о том, что сотрудники центра принимают культуру как

образ жизни и дарят ее другим.

А дальше, дальше были Волгоград и Ульяновск, Нижний Новгород, Калининград, Челябинск. Я колесила по городам, впитывая в себя жизнь моих соотечественников, глубоко переживая вместе с ними за состояние нашей отечественной культуры. Добралась до Екатеринбурга и немного пожила дома. Да, именно так – у родителей Юли, моей невестки: Ольги и Вячеслава… Екатеринбург – город великолепный, но положение с кинематографом – как везде. Показ фильма состоялся в красивой Центральной библиотеке. Успела побывать в храме, возведенном в память о мученической кончине царской семьи. Перевела дух – и вновь в дорогу.

В Иркутске меня поджидал мой драгоценный друг Евгений Ячменев, директор Дома Волконских, его бессменный ангел-хранитель. За все восемь лет знакомства Евгений не утратил интерес к нашему с ним общему делу. Ведь именно с дома Волконских, после встречи с тогдашним губернатором Борисом Говориным, началось полноценное финансирование проекта «Одна любовь души моей». Он сыграл в фильме роль доктора Вольфа. Евгений – настоящий фанат своего дела, а за годы его самоотверженного труда Дом Волконских стал одним из главных культурных центров города. Всё, что он собирал – от старинных нот до веера Волконской, – все бережно хранится в музее… А чего стоит уникальное пирамидальное фортепиано (это когда струны размещены не по горизонтали, как у обычного рояля, а вверх, к потолку), их всего два в мире. Одно – в музее Германии, а второе – в Иркутске. Только в отличие от немецкого экземпляра, этот инструмент полностью рабочий. Благодаря Евгению были изысканы средства, и в Санкт-Петербурге наши уникальные музыкальные реставраторы вдохнули жизнь в инструмент. Помню, с какой любовью Евгений касался его облицовки, а затем садился и играл классические произведения…

Премьера фильма была в Доме кино. Потом мы вернулись и долго-долго сидели с Женей и говорили, говорили… Это была наша последняя с ним встреча, вскоре я узнала о его трагической гибели, а точнее, убийстве на территории музея. Евгений долгое время отстаивал старинные дома Иркутска, их сохранность, ратовал за сохранение исторического облика города. Есть версия, что кому-то это не понравилось, земля под этими старинными постройками дорогая…

Светлая память Евгению Ячменеву, подарившему радость общения с истинной культурой и оставившему в ней свой дивный свет.

Фестиваль Тарковского в Лондоне

Странное чувство: всего два дня назад я была в Иркутске, в доме Волконских, засыпанном сибирским снегом, а сейчас, после нескольких часов перелета, переступила порог замечательной комфортабельной гостиницы Melia While House. Второй раз в этом году в Лондоне.

Меня пригласили на фестиваль, посвященный 75-летию Андрея Тарковского и 100-летию его отца – поэта Арсения Тарковского. Он проходил в Лондоне с 7-го по 13-е декабря 2007 года. Фильм «Сталкер» представлял друг и сокурсник Тарковского Александр Гордон, фильмы «Зеркало» и «Иваново детство» – Марина Тарковская, «Ностальгию» – Олег Янковский. Я представляла «Солярис».

Наконец смогла увидеться с Мариной Тарковской и Александром Гордоном, которые, несмотря на колоссальную нагрузку во время подготовки и проведения фестиваля, успевали поговорить практически со всеми, кто близко знал Андрея Тарковского и работал с ним. Марина радовалась от всего сердца успеху фестиваля, переполненным залам и вниманию публики.

Но вот мы сели на свои места, медленно погас свет, зазвучал Бах, и на экране появились травы в ручье… Ранним, зыбким от тумана утром Крис Кельвин прощался с землей, чтобы совсем скоро улететь в космос и найти там потерянную им любовь, свою жену, покончившую с собой из-за его невнимания. Давно я не видела «Солярис» на большом экране. Фильм словно обнял меня. Я сидела в первом ряду и физически ощутила себя внутри действия. Мне кажется, что в этот день многие находившиеся в зале ощутили что-то похожее. Вновь всплыли стихи Пастернака:

Был всеми ощутим физически
Спокойный голос чей-то рядом,
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом…

Пронзительное чувство сопричастности, сопереживания и сострадания героям – вот те чувства, которые я пережила при просмотре. Встреча с глазами актеров Анатолия Солоницына и Влада Дворжецкого, перешедших черту земного существования, мои воспоминания о незримом для зрителей присутствии режиссера в каждом кадре – все вместе вызывало ощущение чуда, так редко посещающее эту землю. Не оставляло чувство, что

сейчас происходит нечто большее, чем обычный просмотр. Все мы погрузились в атмосферу завораживающей мистерии космического масштаба.

Немногие знают, что закадровый текст в «Солярисе» произносил сам Тарковский. Это он рассказывал о станции Солярис и ее обитателях – Сарториусе, Снауте и… Я видела фильм более сотни раз, но именно тогда я почувствовала, что все перемешалось, что я вижу этот фильм впервые. После я поделилась своими мыслями с Мариной Тарковской, и выяснилось, что и у нее возникли подобные же ощущения.

Финальные титры сопровождались аплодисментами, и сразу же после окончания фильма меня пригласили на сцену. К моему великому сожалению, для того, чтобы ответить на все вопросы, у меня просто не хватило времени.

Первый вопрос задала женщина, по-видимому, недавно смотревшая мой фильм «Пушкин. Последняя дуэль». Она попросила объяснить возникшее у нее затруднение. Дело в том, что в картине «Солярис» Снаут (актер Юрий Ярвет) утверждает, что сумасшествие для обитателей станции Солярис было избавлением. Однако всем известны строки А.С. Пушкина: «Не дай мне Бог сойти с ума…» В чем же противоречие? «На мой взгляд, никакого противоречия нет, – отвечала я, – ведь каждый из героев “Соляриса” несет свою идею. Для чувствительного, но ослабевшего душой Снаута явление “гостей” на Солярисе – чудовищное переживание, от которого необходимо бежать любой ценой, даже ценой потери рассудка. Как бы в противовес этому “непротивлению” ситуации, которую демонстрирует Снаут, главный герой фильма Крис Кельвин стоит именно на позиции А.С. Пушкина, он уверен, что нет ничего горше, чем лишиться возможности здраво воспринимать окружающий мир. Он вступает в эмоциональный контакт со своей женой, прекрасно понимая, что к нему приходит не живая Хари, а всего лишь фантом; однако Крис не снимает с себя ответственности за произошедшее с ней: “Может быть, мы здесь (на Солярисе) только затем, чтобы ощутить все человечество как повод для любви”. Он принял свою Хари всем сердцем. Но выхода из сложившейся ситуации Крис не видит, и именно в связи с невозможностью действовать, с неосуществимостью мечты об изменении прошлого он доходит до края, до последней черты, за которой начинается безумие. И Хари, очеловеченная страданием, пожертвовала собой ради любимого… И для Пушкина, и для Тарковского предстояние перед грехом и собственной совестью – вопрос разума. Но одновременно это тот момент, когда сердце становится умным, а ум – сердечным, то есть это и есть будущее человечества».

Второй вопрос тоже задала женщина, и, как любую женщину, ее интересовало платье героини. Костюм Хари был создан главным художником картины Михаилом Ромадиным, а воплощение его эскиза выполнила мастерица из Латвии, которая буквально склеила платье из маленьких кусочков замши. Этот костюм стал знаковым в фильме, как, впрочем, и шаль, которая была связана вручную.

Следующее, что заинтересовало зрителей в тот день, был метод работы Андрея Тарковского с актерами. Я рассказала, что к каждому актеру Тарковский предъявлял свои требования. Анатолия Солоницына «доводил» до нервного состояния, до того момента, когда у него уже начинали бегать зрачки, и только тогда начинал снимать. Со мной был предельно корректен и нежен. Но самое трудное и основное требование было – не играть, а жить в кадре. Ничего нарочитого и лишнего. Эта сопричастность к сиюминутному проживанию чужой жизни давалась нелегко. Я вспоминаю сцену, в которой моя героиня выпивает жидкий кислород и превращается в кусок льда, а потом на глазах у Криса оживает. Тарковский сказал, что все внутренности Хари в этот момент сочленены холодом, и их восстановление происходит посредством жутких, нечеловеческих мучений. Это должно быть похоже на возрождение через смертельную муку. Он привел ситуацию, о которой знал со слов своих знакомых: надолго потерявшие сознание, приходя в себя, сосредотачиваются на каком-нибудь близком предмете, например, на собственной руке. «Сможешь ли ты расфокусировать взгляд, глядеть не далее своих зрачков?» – спросил он меня. Я попробовала, и у меня получилось не четкое изображение, а явное дрожание внутри глаз; затем рука; нестерпимая боль в горле. Кстати, после съемок этой сцены горло болело недели две. А общее состояние организма я бы назвала пограничным. Но этого требовала роль!

На этом вопросе время, отведенное для общения со зрителями, истекло. Пришлось уступить зал другому сеансу. Однако в фойе зрители продолжали подходить ко мне, благодарили за участие в фильме.

Поздно вечером нас, главных участников фестиваля, принял грузинский ресторан «Мимино». Для полноты картины не хватало только Бубы Кикабидзе. Вместо него в ресторан пришел Олег Янковский, только что прилетевший в Лондон. Он поинтересовался, как прошел «Солярис». Я рассказала и о переполненном зале, и о том, как смотрели фильм на большом экране. «А не было ли дефектов, ведь пленка старая?» – спросил Олег. «Было немного штрихов, но от этого эффект только

усилился, как от старого, драгоценного вина». Тут же и принесли нам «драгоценное вино» с уже забытым вкусом. Это было «Киндзмараули». Я вспомнила, как была влюблена в Кикабидзе, и мой двоюродный брат Андрей Малюков сочинил по этому поводу стишок: «Пусть тебе приснится Буба Кикабидзе!»

Подняли бокалы за Андрея Тарковского и его отца. Вечер был необыкновенно, по-домашнему теплым.

Из Лондона в Москву летела вместе с Олегом Янковским. Впервые очень тепло и откровенно говорили о Тарковском. Чувствовалось, что в Олеге что-то менялось по отношению ко мне. Он признался, что начал снимать фильм, но не нашел средств для продолжения. «Господи! – подумала я. – Что с нами будет, если и такому мастеру не могут найти средств». Олег очень страдал, что во время полета нельзя было курить. На память он мне нарисовал шарж на себя. Спасибо, Олег, я всегда знала, что мы поймем друг друга.

Почему я решила вступить в партию

19 октября 2007 года я была принята в члены партии «Справедливая Россия (Родина. Пенсионеры. Жизнь)». Членский билет за номером 00474277 был мне вручен Председателем Совета Федерации Сергеем Михайловичем Мироновым, возглавляющим эту партию.

Признаюсь, что в советское время я была принципиально беспартийной – по меркам того времени это было близко к диссидентству. При этом я гордилась своей страной и никогда не помышляла ее оставить. Большую часть жизни я жила при социализме и, скажу прямо, – и тогда, и сейчас считаю, что капитализм мне не просто чужд, но я вижу в нем тупиковый путь развития цивилизации.

В горбачевское время к нам в гости приезжал из Франции мой приятель, по профессии архитектор, мы с сыном Иваном неделю жили в его доме в Париже и потом пригласили пожить у нас в Москве. Однажды он сказал: «Не знаю, как ваш социализм поживает, но наш французский капитализм трещит по швам…» Сегодня, в 2009 году, можно с уверенностью сказать, что капитализм «трещит» во всем мире. На этом фоне кое-кто всерьез стал перечитывать труды Маркса. Факт остается фактом: более-менее «на плаву» в экономический кризис остался Китай. Но не маоцзедуновский. А многоплановый – с социалистическим строем и зачатками частной собственности, ограниченной законодательством. Сегодня ко всем постучалась общемировая беда, прежде всего климатическая. Потепление, безусловно, готовит глобальные катастрофы, а экономический кризис подчеркнул несправедливость единоличного накопительства. Многие государства пытаются в спешном порядке национализировать самое нужное и стратегическое. Но есть еще более серьезный общемировой кризис – это кризис морали и нравственности. Не случайно во многих западных странах продают с молотка церкви, костелы, чтобы разместить в них офисы, склады и т. п. Мы это прошли раньше в оголтелую пору атеизма. Сегодня Россия переживает огромный подъем религиозного сознания, и только религия может удержать в относительном равновесии нашу огромную страну от «бессмысленного и беспощадного бунта». Однако именно сегодня нужно будет вспомнить основные завоевания социализма – бесплатное обучение, бесплатное медицинское обслуживание, государственное жилье, гарантированный заработок… Безусловно, нельзя расставаться и с демократическими

завоеваниями – свободой слова (но не вседозволенностью), свободной торговлей (без монополий, олигархов и бесчеловечной эксплуатации людей), свободой брака и развода (но без огульной пропаганды секса и порнографии). Об этом достаточно легко написать, но трудно сделать. Здесь необходима консолидация всех здравых сил общества. Мне небезразлично то, что во главе партии «Справедливая Россия» стоит Сергей Михайлович Миронов, человек, которого я уважаю и мысли которого, неоднократно им высказанные, разделяю. Нам необходимо в приоритет вносить понятие «Справедливость». Ибо сегодняшнее выбрасывание людей на улицу из своих домов – несправедливость, нищенские зарплаты учителям, деятелям культуры и науки – несправедливость, пенсии, унижающие человеческое достоинство, – несправедливость… Много истинных грехов у нашего общества: быстро мы перекинулись из братства труда в тусовку обывателей, спекулянтов и мещан, которых беспощадно высмеивали Гоголь и Чехов.

Время пришло строгое, и те, кто могут взять на себя ответственность за будущий справедливый миропорядок, сегодня должны быть вместе. Мировоззрение человека меняется невероятно долго и сложно. Рост духовных и культурных накоплений строится веками. Для меня смысл жизни – в самосовершенствовании себя и мира, настолько, насколько это в моих силах. Есть великая лестница духовного восхождения человечества, и все мы стоим на разных ступенях этой лестницы, или «лествицы», образ которой так мил и дорог был сердцу Гоголя.

Я пишу эти строки за неделю до празднования 200-летия великого писателя. Более двух лет мысли мои были с ним. Я увлеченно читала Манна, Золотусского, Труайя, Вересаева, Набокова, переписку Гоголя с его современниками, стараясь найти главное – живого Гоголя.

Нужно любить Россию

На рубеже 2000-летия христианства нам предстоит открытие нового Гоголя. Прекрасно об этом сказал ныне почивший Святейший Патриарх Алексий II: «Нашим современникам открывается подлинный лик Гоголя как великого духовного писателя России».

В советское время жизненный путь Гоголя, особенно его вторая половина, был ошельмован. Его изображали как болезненного фанатика, оклеветанная и непонятая даже близкими книга «Выбранные места из переписки с друзьями» только сегодня приобретает своих читателей, прислушивающихся к духовному опыту гения.

В этой книге-исповеди интуиция Гоголя, глубинное понимание добра и зла даже в себе граничит с ясновидением.

«Дьявол выступил уже без маски в мир. И непонятной тоской уже загорелася земля; черствей и черствей становится жизнь; все мельчает и мелеет, и возрастает только в виду всех один исполинский образ скуки…» («Светлое Воскресение»)

С юношеских лет Гоголь ощутил в себе ответственность за все злое и безнравственное, происходящее в мире. Он знал, что за каждое слово, дело и помысел ответит человек после смерти, и он также знал, что ответственность писателя еще выше, ибо «слово есть высший подарок Бога человеку».

Какой терзающий душу призыв ко всем нам живущим оставил Гоголь: «…соотечественники! Страшно! Замирает от ужаса душа при одном только предслышании загробного величия и тех духовных высших творений Бога, перед которыми пыль все величие Его творений, здесь нами зримых… Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от нас подымутся…» (I. «Завещание»)

«Уверяю Вас, – пророчествует Гоголь, – что придет время, когда многие у нас на Руси из чистеньких горько заплачут, закрыв руками лицо свое, именно от того, что считали себя слишком чистыми.»

И действительно, правых и виноватых нет на свете. «Нет человека правого… прав один только Бог», – писал Гоголь.

Религия Гоголя – соборная. Люди – братья, живущие друг для друга. В духовной области нет частной собственности – все дары посылаются для всех.

«…Все же дары Божии даются нам затем, чтобы мы служили ими собратьям нашим». Гоголь тосковал не по своему спасению, а

по спасению всем миром, со всеми братьями. Им руководствовала живая любовь – к ближним.

В человеческой душе, считал Гоголь, зло не имеет сущности, оно случайно и преодолимо. «Все несчастье в том, что человек не знает ни самого себя, ни жизни… Велико незнание России посреди России».

Книга Николая Васильевича Гоголя «Переписка» сегодня еще более актуальна, чем в XIX веке. Призывы Гоголя к душе человека звучат пророчески.

«Влияние женщины может быть очень велико, именно теперь… Душа жены – хранительный талисман для мужа, оберегающий его от нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дороге… и наоборот, душа жены может быть злом и погубить его навеки… Если уже один бессмысленный каприз красавицы бывал причиной переворотов всемирных и заставлял делать глупости наиумнейших людей, что же было бы тогда, если бы этот каприз был осмыслен и направлен к добру?» («Женщина в свете»)

В наше время, когда «капризы красавиц» переполняют телеэфир и влекут зрителей в сети постоянного ублажения прихотей, в том числе порочных, накопительства, в том числе преступного, потребления, в том числе бесконечного и бессмысленного, всё, сказанное Гоголем о пагубности женских и, конечно же, мужских прихотей, звучит злободневно. Гоголь – аскет, не имевший своего дома, не стремившийся к обладанию, даже личных вещей у него было совсем немного. Он – антипод роскоши. Роскошь, считал Гоголь, не нужна, опасна и всегда бременем лежит на обществе.

«Всего лучше, если бы всякая помощь производилась через руки опытных и умных священников. Они одни в силах истолковать человеку святой и глубокий смысл несчастья, которое есть крик небесный, вопиющий человеку о перемене всей его прежней жизни» (VI. «О помощи бедным»).

Особое место в «Переписке» Николай Васильевич отводит отечеству нашему.

«…два предмета вызывали у наших поэтов лиризм, близкий к библейскому. Первый из них – Россия… Это что-то более, нежели обыкновенная любовь к отечеству. Любовь к отечеству отзывалась бы приторным хвастаньем. Доказательством тому наши так называемые квасные патриоты: после их похвал, впрочем, довольно чистосердечных, только плюнешь на Россию. Между тем заговорит Державин о России – слышишь в себе неестественную силу и как бы сам дышишь величием России… Сверх любви участвует здесь сокровенный ужас при виде тех событий, которым

повелел Бог совершиться в земле, назначенной быть нашим отечеством, прозрение прекрасного нового здания, которое покамест не для всех видимо зиждется и которое сможет слышать всеслышащим ухом поэзии поэт или же такой духовидец, который уже может в зерне прозревать его плод». (X. «О лиризме наших поэтов»).

Гоголь указал нам единственно возможный путь развития, без которого преобразования в России немыслимы. Прежде всего – «нужно любить Россию».

«…Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее, и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А состраданье есть уже начало любви. Уже крики на бесчинства, неправды и взятки – не просто негодованье благородных на бесчестных, но вопль всей земли… не полюбивши России, не полюбить вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись Вам» (XIX. «Нужно любить Россию»).

Может быть, и наш кризис, глобальные катастрофы – это «крик небесный», о котором писал Гоголь, чтобы мы все проснулись, увидели наши преступления перед миром и, путем покаяния и терпения, вывели себя и других из тенет прельщения «золотого тельца» и мифа единоличного комфорта и благополучия в страждущем мире.

Гоголь оставил завет всем художникам и творцам, мечтающим о большом искусстве. Путь к такому искусству, полагал Николай Васильевич, лежит через личный подвиг художника: «Спасай чистоту души своей. Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою. Другому простится многое, но ему не простится…» («Портрет»).

И как важно для нас, сегодняшних, услышать того, кто обратился с проповедью и исповедью ко всей России, услышать и понять Гоголя.

Первый вариант сценария «Гоголь. Ближайший» я отправила известному гоголеведу Юрию Владимировичу Манну. Прочитав сценарий и сделав важные фактические поправки, он сказал: «В целом это интересно» и, – конечно же, окрылил меня этими словами.

В гостях у Пушкиных

20 февраля 2008 года я вылетела в Бельгию по приглашению Александра и Марии Пушкиных. В первый же день приезда трогательная чета Пушкиных пригласила меня к себе домой. Стены скромной двухкомнатной квартиры украшали гравюры XIX века, на самом почетном месте – герб рода Пушкиных. Если глава семьи происходит от Александра Пушкина по прямой линии, то Мария Пушкина соединила в себе род Пушкиных и род Гоголей, по линии сестры Николая Васильевича Гоголя. Александр Александрович – председатель международного общества дворян. Очень много бесценных реликвий было безвозмездно передано семьей Пушкиных в Дом-музей А.С. Пушкина на Мойке, 12.

Вечером уютный и красивый Российский центр науки и культуры, возглавляемый директором Александром Александровичем Лопушинским, гостеприимно принял меня и гостей Центра. При полном зале состоялся просмотр фильма «Пушкин. Последняя дуэль», а затем прием – с теплыми словами и поздравлениями в адрес Пушкиных, устроивших мой приезд. На следующий день Александр Александрович сам вызвался показать мне старинные города Бельгии.

Гент

Старый город находится между реками Шельде и Лейе и состоит в основном из небольших и узких улиц. Гент известен во всем мире благодаря международной ярмарке цветов и фестивалям фламандцев. Но главное чудо Гента – кафедральный собор: резная деревянная кафедра, высокий алтарь и уникальное произведение братьев Яна и Хуберта ван Эйков «Поклонение Агнцу Божию», расположенные в отдельной музейной части собора. Ни одна репродукция не передаст этого струящегося дивного золотистого света, который проникает прямо в душу. Помогают этому и негромкие звуки органа, и сосредоточенная тишина – люди молча, благоговейно впитывают в себя то, что принадлежит вечности.

И еще одна из самых известных церквей города – церковь Святого Михаила. От моста Святого Михаила во всех направлениях – прекрасный вид. А в городском дворце каждые пять лет проводятся выставки цветов.

Несмотря на туман и февральскую влажность, древний Гент поражал своей красотой.

Остенд

В Остенд я напросилась сама, так как знала, что в этом городе два раза был Николай Васильевич Гоголь. Работая над сценарием нового фильма, хотелось побывать там, где он работал над вторым томом «Мертвых душ»!

В Остенде дул сильный ветер, особенно на набережной. Северное море действительно было очень холодным, окатило ноги жгучей леденящей волной. Остенд – оживленный город-порт. Сюда приходят корабли и паромы из Англии. Летом в Остенде «освящают» море, богослужение проходит на морском берегу. Главная достопримечательность города – Кафедральный собор. Но внутри собора много малоинтересных современных витражей. Вдохнув еще раз морского холодного воздуха, мы покинули Остенд.

Брюгге

Подлинную теплоту в сердце оставил удивительный средневековый город Брюгге. Город рос вокруг крепости Бург, построенной здесь графами Фландрскими, и ему пришлось стать великолепным, так как герцоги Бургундские выбрали его в качестве своей резиденции. Рыночная площадь Маркт на протяжении многих столетий была главной в городе. Рыцари получали здесь свои титулы, горожане обсуждали дела и отсюда уходили сражаться за свою свободу. И сегодня она является центром города, где каждый желающий может сесть в экипаж и покатить по старинным улицам. Я люблю такие маленькие и очень человечные города. Уставшие от каменных высотных монолитов и кричащей рекламы, люди приезжают в Брюгге, чтобы побыть в гармонии с самим собой. Мне вспомнилось детство, разноцветные картинки к «Спящей красавице» и «Коту в сапогах». Сказочная городская ратуша в греческом стиле – старейшая во всей Фландрии. Ее фасад украшают 6 окон и 48 ниш со статуями. Позади ратуши пролегает улица «Слепого Осла». Это название заимствовано у старинной гостиницы.

Базилика Святой Крови – это удивительно красивый храм XII века.

Согласно преданию, «Святая Кровь» была доставлена Дерриком Эльзасским из Иерусалима в начале второго тысячелетия и передана на хранение городу Брюгге. Внутри храма на возвышении – капсула с окровавленными нитями хитона Христа. Под неусыпным взглядом доброго пастора верующие

могут прикоснуться к святой реликвии. В храме есть и православная икона Николая Чудотворца.

Вдоль канала Грёнерей тянутся старинные дома, деревья нависают над спокойными водами. Лодки плывут медленно, чтобы пассажиры могли полюбоваться дворцом Белфри, церковью Богоматери. Деревья и дома отражаются в тихой воде. А как ни восхититься изделиями местных кружевниц! Юные и старые, они часами сидят у своих домов, создавая поистине шедевры. Для изготовления самых красивых кружев, называемых «чистый стежок», требуется до семисот веретен. Я не могла отказать себе в покупке простой белой кофточки с кружевами из Брюгге. Ходить по улицам Брюгге невероятно приятно, нет громких звуков, слышны только цоканье лошадиных подков и крики чаек.

Церковь Богоматери поражает строгостью форм, мраморный шедевр Микеланджело «Богоматерь с младенцем» вызывает трепет. Озеро любви Хет Минневатер словно создано для влюбленных и поэтов. Лебеди пользуются здесь особым покровительством, их клювы помечаются буквой «В» и годом их рождения.

Брюгге – живой город, в котором прошлое и настоящее существуют в замечательном единении и восхищают своей гармоничной уравновешенностью. К нему хочется возвращаться мысленно, как к величайшей драгоценности. Но весь следующий день был отдан столице Бельгии.

Брюссель

Территория нынешней Бельгии принадлежала многим странам и не раз превращалась в арену боев. Только с 1831 года Бельгия становится независимым государством.

В легенде говорится, что сын графа де Лувэна был спасен от смерти Святым Архангелом Михаилом. В благодарность граф объявил Михаила святым покровителем города. Медное изваяние Архангела Михаила, поражающего дьявола, возвышается на шпиле городской ратуши и охраняет город. На большой площади проходят празднества и народные гуляния, а городская ратуша является самым значительным памятником готического зодчества в Бельгии. Пушкины рассказали, что каждые два года на Большой площади высаживаются ковры из цветов, рисунки которых никогда не повторяются. В основном используются разноцветные бегонии.

В местечке Лакен расположена резиденция королевской семьи. Независимость Бельгия обрела в 1830 году, и власть

монархии ограничивается конституцией. Сегодня Бельгией правит Альберт II. У королевской четы трое детей. Принц Филипп – официальный наследник престола. Испытав все превратности судьбы и бесконечные войны, Бельгия стала центром объединяющейся Европы, а Брюссель – столицей, где расположены штаб-квартиры НАТО и ЕС. Резиденция королевской семьи находится в парковой части города.

Сегодня в Брюсселе всё говорит о космополитическом характере современного города. На улицах можно увидеть и молодых людей, сидящих и завтракающих прямо на площади, и группу индейцев в перьях рядом с продающим акварели художником. Этническая музыка, заполняя пространство, диссонирует с готическими архитектурными ансамблями и стилем древнего европейского города. Много представителей всех рас и национальностей, большинство – из Турции. Женщины в чадре – не редкость, а обыденность современного Брюсселя. Кажется, что город трещит под напором приезжих. Остро встает вопрос: а выживет ли европейская культура под таким натиском? Что-то есть в современных европейских столицах от древнего Вавилона: «…и смешались языки и народы…» Будут ли ценить современные и будущие жители Брюсселя уникальную культуру древности: зодчество, памятники, музеи? Или всё заполнят безликие высотные тонированные дома?

В целом Бельгия удивила, восхитила, но и… насторожила. Что ждет ее в будущем?

Ватерлоо

В последний день перед отъездом Мария и Александр Пушкины привезли меня в Ватерлоо. Поднявшись по 226 ступеням на вершину холма, я увидела своими глазами легендарное поле, где в сражении против французской армии под командованием Наполеона выступили англо-голландские войска герцога Веллингтона и прусская армия. 18 июня 1815 года армия Наполеона была окружена и разгромлена. Этому событию посвятил свой фильм «Ватерлоо» Сергей Федорович Бондарчук, с изумительной работой Рода Стайгера, сыгравшего Наполеона. Каждые пять лет здесь организуется представление, воссоздающее события сражения, в котором участвуют 2000 человек. Побывав на Панораме, можно ощутить себя в центре знаменитого сражения.

На этом завершилось наше действительно сказочное путешествие по древним городам Бельгии. Спасибо Марии и Александру Пушкиным.

Путешествие на землю обетованную

С 21 по 25 апреля в Ашдоде (Израиль) проходил 4-й Международный фестиваль музыки и кино. 22 апреля в центре искусств «Монарт» в рамках программы «Московская синематика» прошел праздник российского кино.

Я и мой сын Иван были счастливы посетить Землю обетованную. В первый же день в Ашдоде я встала пораньше, чтобы искупаться в море. Как только я отплыла от берега, услышала фразу: «Водичка сегодня прекрасная». Слева от меня плыл мужчина лет пятидесяти. «Да, прекрасная вода», – не задумываясь, согласилась я. «Вчера была не хуже», – заявила на чисто русском женщина, которая плыла справа. Только выйдя из моря, я сообразила, что говорили мы на русском. Так же, как большинство на пляже. И взрослые, и дети – наши бывшие соотечественники.

Фестиваль был на открытой площадке, которую окружали места по типу греческого театра. Вместимость – около двух тысяч человек. К празднику присоединились израильские русскоязычные актеры театра и кино: Владимир Фридман, Наташа Манор, шоу-балет «Визави», шоу-балет «Магия», «Огненное шоу Даниэля».

Праздник прошел при полном зале, билеты были распроданы заранее. Мы с Иваном представили фильм «Пушкин. Последняя дуэль». Несмотря на перенасыщенность дня открытия фестиваля, никто из зала не уходил. Зрители долго аплодировали, многие плакали.

Иерусалим

23 апреля сбылась еще одна моя давняя мечта – посетить Иерусалим. Жара стояла около 40 градусов. Оставив машину, мы пошли пешком по древним улицам. Иерусалим – святыня всего человечества. Для мусульман это священный Эль Кудс, для евреев – город мира Ершалаим и их столица еще со времен царя Давида; для христиан – это место страстей и распятия Христа. Здесь Христос предстал перед Пилатом, был осужден и приговорен. Здесь пролегал путь, который Спаситель прошел под тяжестью креста из крепости Антония до Голгофы. Конечно, нашим первым желанием было посетить Святую Гробницу.

В 325 году Елена, мать Константина Великого, и епископ Макарий уверились в том, что они нашли гробницу Христа.

Раскопки, начавшиеся по приказу императрицы, выявили не тронутое временем захоронение. Во рву обнаружились кресты Иисуса и двух разбойников. Константин велел соорудить на том месте первую церковь. Собор был разрушен персами, потом восстановлен, и опять разрушен, и вновь восстановлен. Сегодня храм и Святая Гробница поделены между шестью религиозными общинами: католической, греческо-православной, армянской, коптской, сирийской и абиссинской. Первое, что мы увидели, войдя в храм, был простой камень розоватого цвета. Именно на этот камень было положено тело Христа, снятое с креста. Тело окропили «смесью мирры и алоэ», Богоматерь плакала над сыном. Вместе с другими пришедшими в храм мы с Иваном опустились на колени и прикоснулись к камню. Единственный и неповторимый миг. Что происходит с нашими душами в это мгновение? Возможность прикосновения к камню, который помнит тело Христа и слезы Богоматери – это великое чудо, данное нам на земле.

Огромный купол собора венчался круглым окном в небо. Оттого лучи солнца столбом падали на часовню и обломок скалы, на которую по преданию, сел ангел, когда женщины дошли до пустой гробницы. У входа в часовню была огромная очередь терпеливо ждущих людей. Через три дня в эти места хлынет еще больше паломников на сошествие Благодатного огня. Мы же могли зажечь свои свечи от Благодатного огня прошлого года. В небольшом помещении, напоминающем пещеру, хранится плита из Христовой Гробницы. На каменной стене – икона Богоматери. Над Гробницей – множество серебряных лампад. Вереница людей быстро проходит под окрики служителей. Конечно, помолиться возможности нет. Но само пребывание в этом месте заставляет душу трудиться.

В этот ответственный для нас с Иваном день я вспоминала русского паломника Николая Васильевича Гоголя, в феврале 1848 года посетившего Иерусалим. Вот его воспоминания: «Все это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моления; молиться же, собственно, я не успел…»

Когда мы вышли из храма, я включила мобильный телефон. И тотчас из Москвы мне позвонила наш экономист Ирина Рязанцева и сообщила радостную весть: «Контракт с Федеральным агентством на производство фильма о Николае Васильевиче Гоголе заключен 23 апреля 2008 года». То есть именно в этот день, когда мы посетили Иерусалим! Это ли не чудо? Всю дорогу до Мертвого моря думалось о Гоголе. О том, как он пробирался сюда в жару, а в этих краях жара всегда, на мулах по

безжизненной пустыне. Он описал этот путь в письме к Василию Андреевичу Жуковскому: «Подымаясь с ночлега до восхождения солнца, садились мы на мулов и лошадей; гусем шел длинный поезд через малую пустыню по морскому берегу или дну моря…»

Вот и из наших окон комфортабельного автобуса с кондиционером показалось море с необыкновенным металлическим отливом, по нему там и сям плавали какие-то белые, похожие на снег, островки. Только потом, когда мы остановились в курортном местечке, при ближайшем рассмотрении, я поняла, что островками была соль. Зрелище купающихся в Мертвом море достаточно забавное. Соленая вода буквально выталкивает руки и ноги. Все купание заключается в плавном сидении на воде с опаской перевернуться – не дай бог вода попадет в глаза. Было еще одно интересное занятие – вылавливать пальцами ног большие и очень красивые кристаллы соли. Ну, а в довершение – намазаться целебной грязью.

Мы возвращались в Ашдод поздно ночью. В небе затеплились лампады звезд, указывая нам путь. И все это происходило в один единственный и неповторимый день, плавно перешедший в таинственную и прекрасную ночь.

Гоголь

Начало съемок

20 мая 2008 года в усадьбе Середниково отцом Ипполитом был освящен первый съемочный день фильма о Николае Васильевиче Гоголе. День был солнечный, хотя по Интернету обещали дождь. Все члены киногруппы собрались возле камеры и слушали слова молитвы священника. Брызги святой воды упали на камеру, на меня, на Евгения Редько, исполнителя главной роли. Маша Соловьева, окруженная своими постоянными помощниками, улыбалась. Настроение праздничное. Конечно, все глаза так или иначе останавливались на Евгении. Собственно, сегодня проба грима, костюма, пленки. Даже если в картине не останется из этой съемки ни кадра, начало положено. Господи, благослови…

Оптина Пустынь

С 23 по 25 июня 2008 года, по благословению Патриарха Алексия II, мы получили уникальную возможность снимать в святая святых православия – Оптиной Пустыни. До нас здесь никто еще не снимал художественных фильмов, только документальные. За несколько месяцев до съемок я приехала в Оптину Пустынь с отцом Ипполитом. Монахи нас радушно приняли, многое рассказали, покормили в трапезной.

Гоголь не раз бывал в Оптиной Пустыни. Слух о благодатных оптинских старцах привлекал едва ли не всю верующую Россию. Сюда стремились простые крестьяне, государственные мужи и известные писатели в поиске духовного утешения и наставления. В нашем фильме Гоголя сопровождает Константин Аксаков, а не Максимович. Здесь мы несколько нарушили историю, чтобы за небольшое экранное время глубже раскрыть образ молодого Аксакова. Вся семья Аксаковых была любима Гоголем. Константин был одаренным юношей, славянофилом, ходил в русской рубахе, что вызывало иронию и колкие замечания Гоголя, который не любил ничего показного.

Николай Васильевич приехал в Оптину Пустынь 16 июня 1846 года, и пробыл там три дня. В Оптиной Пустыни, по воспоминаниям иноков, Гоголь был в Введенском храме на всенощном бдении. В первый свой приезд Гоголь познакомился со

старцем Макарием, обладавшим даром прозорливости, есть свидетельство, что старец предчувствовал приезд Гоголя. Отец Макарий был человеком просвещенным, он занимался изданием святоотеческой литературы, а Гоголь был едва ли не единственным русским светским писателем, который читал святоотеческую литературу, делал из нее выписки и сам творил духовные книги. Всё это было мне известно из книг, но кинематограф требовал действия. Так возникли эпизоды, связанные с целительством крестьянской девочки Маши. Я верю в целительство, особенно если оно исходит от старцев. Помню, как поразили меня простые строки из «Жития Преподобного Серафима Саровского». Он целительствовал маслом из лампадки, которая висела под единственной иконой Богоматери «Умиление». Сама вера русских людей в силу богомольных старцев велика, силу молитвы испытали многие. По сценарию Гоголь и Аксаков встречают на своем пути крестьянку, которая захотела пройти с больным ребенком на руках пешком несколько верст до Святой Обители. Изнемогая от усталости, женщина из последних сил несла шестилетнюю девочку, но поскользнулась, упала с ребенком на руках в лужу. Гоголь и Аксаков поспешили на помощь женщине. С этого момента их судьбы соединились. Вместе они вступили в Святую Обитель, вместе в храм, вместе – в келью старца Макария. «Нигде я не видел таких монахов, мне казалось, с ними беседует всё небесное», – писал после посещения Обители Гоголь. Чудесное исцеление девочки, сама Оптина Пустынь повлияли на решение Гоголя остаться в Обители. Но отец Макарий, прозревая, что Николай Васильевич не понесет трудности монашеской жизни, благословил его остаться монахом в миру.

Письма от патриарха Алексия с разрешением на съемки в обители ждали до последнего часа, его должна была привезти наш сотрудник Ирина Рязанцева. А пока мы снимали дорогу и проплыв Гоголя с Аксаковым на плоту. Этот плот был самоотверженно построен на берегу реки нашим художником Сергеем Воробъевым, который последние три дня жил в палатке и вместе со своим помощником Володей Скворцовым и сыном Сашей, продолжал строить плот, несмотря на полчища комаров. Я приехала как раз в тот момент, когда все были под впечатлением от недавнего случая, который мог стать роковым. Сергей работал топором, железная его часть неожиданно слетела с топорища и полетела в сторону сына. К счастью, Саша носил очки, он быстро среагировал на неожиданный удар, очки разбились, и он получил только синяк под глазом.

– Могло быть хуже, – улыбаясь, рассказывал Сергей. Его сын

также улыбался. – Бог спас… – И Сергей перекрестился на купола Оптиной Обители.

А я вспомнила шукшинский образ русского солдата, который при всех превратностях судьбы говорил: «…Ну ведь тебе еще чем повезло: дом-то сгорел, но ведь печь осталась… Ведь тебе еще чем повезло: тебе ведь левую руку оторвало, а правой ты ведь еще можешь работать…» Да, повезло с киногруппой – самоотверженные люди и красивые душой.

Наконец, письмо, подписанное Святейшим Патриархом Алексием, было привезено. К нам в киногруппу был послан монах с приглашением снимать в монастыре.

Никогда еще кинематографисты не ступали на святую землю, где расположен скит, то есть место, куда удалялись старцы для сокровенных молитв. И ныне даже не всем монахам разрешается посещать скит. Понимая, какой чести удостоились, небольшой группой, практически без света, двинулись за монахом. Вход в скит оказался через монашескую келью. Мы увидели озеро и небольшой деревянный храм кирпичного цвета. Возле озера стали снимали сцену встречи Гоголя с отцом Макарием. Все сцены в Оптиной Пустыни снимал молодой оператор Антон Костромин, так как Маша Соловьева была в это время на съемках в Париже. Антону выпала сложная задача: снимать, не нарушая тишины и сокровенности места, да еще и в девять вечера, когда группа устала. Но все равно работали слаженно. Наконец Алексею удалось выставить в храме кинематографический свет. С нами было совсем немного актеров и сами монахи Святой обители. После съемок мы остались одни в храме со звукооператором. Записали удивительные духовные песнопения – сочинения самого отца Макария, подготовленные монахами обители специально к нашему приезду. Все слилось, соединилось: творчество старца отца Макария, судьба Гоголя и наша собственная судьба. Тихо потрескивали церковные свечи, таинственно сияли лики старинных икон и уносились в пространство гимны Богоматери и всем Святым.

Рим

4 июля 2008 года вместе с оператором Марией Соловьевой и режиссером по монтажу Виктором Сопрынским мы вылетели на выбор натуры в Рим. Взяли с собой на всякий случай самый современный фотоаппарат, обладающий большими возможностями, чтобы снять необходимые объекты в движении и развернутых панорамах.

В жизни Гоголя Рим занимал особое место. Здесь он жил в 1832–1842 годы, писал «Мертвые души», «Тараса Бульбу», «Портрет». Гоголь прислал много восторженных писем из Рима своим друзьям. «Вся Европа для того, чтобы смотреть, а Италия для того, чтобы жить… Кто был в Италии, тот скажет “прощай” другим землям. Кто был на небе, тот не захочет на землю…»

В день приезда в Рим мы посетили знаменитый фонтан «Треви», вокруг которого разгуливали толпы туристов. Кадры многих знаменитых фильмов были сняты здесь, включая «Сладкую жизнь» Феллини. В XIX веке здесь, возле фонтана «Треви», жила Зинаида Волконская, ее музыкальный салон в палаццо Полеж часто посещал Гоголь. У Зинаиды его всегда ждал обильный обед, домашний уют и обаятельная хозяйка. Вилла Зинаиды Волконской, где Гоголь был желанным гостем, сейчас недоступна для посещения: там посольство Англии, – но нам удалось побывать в комнатах, где некогда обитала Волконская. Из открытого окна сверху были видны статуи фонтана.

Многие страницы «Мертвых душ» написаны Гоголем в кафе «Греко». Мы вошли туда с трепетом. Когда-то здесь сиживали Гете, Гольдони, Андерсен, Марк Твен, Лист, Ницше, Гюго… Завсегдатаями были и русские художники – Иордан, Иванов. В стене кафе мы увидели фрагмент из рукописи Гоголя и его портрет. Жаль, что сегодня это место так осовременено, а ведь можно было из благодарности великим людям вернуть ему облик старины…

Мы вышли на улицу. Этот римский свежий прогретый солнцем воздух приводил Гоголя в восторг: «…что за воздух. Кажется, потянешь носом, то по крайней мере 700 ангелов влетают в носовые ноздри».

Желая найти дом, где жил и работал художник Александр Иванов, изобразивший Гоголя на своей картине «Явление Христа народу», я позвонила Игорю Днестрянскому в Москву. «Линия» Иванова в сценарии изначально была одной из основных. Это потом мы вынуждены были отказаться от богатейшего исторического материала. «Игорь, – говорю, – открывай письма Иванова, в которых он описывает, что видит из своих окон, рассказывает о расположении окружающих зданий и улиц… Веди нас». Игорь тут же пролистывает письма девятнадцатого столетия, открывает карту Рима в Интернете и связывается с нами:

«Где вы стоите?.. Так – сейчас прямо, потом площадь и через два квартала направо. Солнце должно быть слева… и т. д.». Ситуация полностью соответствовала сюжету из известного американского фильма «Матрица». Игорь вел нас по мобильному телефону, находясь за несколько тысяч километров, по письмам

двухсотлетней давности и используя современнейшие коммуникации. Только в нашем случае мы продвигались в глубь времен: современный Рим в наших глазах таял, уступая место воображаемому, но вполне возможному миражу древности… Гоголю бы понравилось.

Наконец, мы очутились на Strada Felice, у дома, где с 1838 по 1842 год жил и работал Николай Васильевич. Сейчас улица называется Via Sistina, но дом сохранил прежний номер 126. На нем – мемориальная доска на двух языках: «Здесь жил Николай Васильевич Гоголь, здесь писал “Мёртвые души”. Желтая штукатурка дома местами облупилась, почти все ставни закрыты. В этот же день мы отправились к Колизею. К моменту приезда в Рим в 1842 году Смирновой-Россет, одной из самых близких душе Гоголя, он был уже знатоком Рима, раскрывал перед ней красоту вечного города и, конечно же, показал Колизей. Вот одно из ее воспоминаний: „Один раз, гуляя в Колизее, я ему (Гоголю) сказала: “А как вы думаете, где Нерон сидел?” – Гоголь рассердился: – “Да что вы ко мне пристаете с этим мерзавцем! Вы воображаете, кажется, что я в то время жил… Друг мой, я заврался, я скажу вам, между прочим, что подлец Нерон являлся в Колизей в свою ложу в золотом венке, в красной хламиде и золоченых сандалиях. Он был высокого роста, очень красив и талантлив, пел и аккомпанировал себе на лире. Вы видели его статую в Ватикане, она изваяна с “натуры”“…

Эта сцена была записана в сценарии, и мы с Машей Соловьевой искали место, где могли бы действовать наши герои без людских толп, постоянно окружавших Колизей. Такое место нашлось на холме, с которого раскрывался вид на сам Колизей и древние античные руины. Со всех сторон холм окружали цветущие кустарники, остальные детали современного мира Виктор Сопрынский обещал убрать в компьютерной графике. Мы сделали несколько панорамных кадров и даже разметили точки для камеры. Разве мы могли знать тогда, теплым летним днем в Риме, что грянет кризис и что мы не только не сможем снимать сцены в Риме, но даже выехать сюда с одним актером и камерой. Снятые нами тогда, в первый приезд, фотографии послужат основой для компьютерной графики, – это единственное, что останется в фильме о Гоголе, который прожил в Риме так долго.

Но это впереди. А когда мы поднимались на купол собора св. Петра, выискивали ракурсы будущих съемок, впитывали в себя красоту Италии и ее древней столицы.

Васильевка

С двадцатого июля 2008 года наша киногруппа прибыла в Украину для съемок эпизодов, связанных с посещением Гоголем родительского дома в Васильевке (ныне Гоголево). Еще раньше я побывала на Полтавщине, чтобы познакомиться с живыми свидетелями жизни писателя – его домом, усадьбой, озером, краем. Все было удивительно живо, но сейчас, под чуткими руками художника-постановщика каждый уголок родительского дома Гоголей и усадьбы еще более оживал благодаря деталям, привезенным со студии Довженко. Вообще, помощь студии Довженко, оказанная нам, имела решающее значение, так как министерство культуры Украины по понятным политическим мотивам самоустранилось. Но директор студии Савченский Игорь Леонидович и его замечательная помощница Инна Мельникова стали нам помогать, так что в Васильевку мы прибыли единым русско-украинским коллективом.

Гостиница в Васильевке понятно, не могла вместить семидесяти членов киногруппы, и наш директор Александр Миронов отыскал дома для проживания нашей киносемьи. В моем доме, кроме меня, обосновалась моя любимая актриса, замечательный человек Валентина Теличкина. Она в нашем фильме – мать Гоголя, Мария Ивановна. Я зову таких людей, как Валентина, «божьими людьми». У нее не просто доброе отношение к людям, а благодатное. Ее терпению, благодарности всему, что с ней происходит, можно только по-хорошему позавидовать. Кроме того, нас объединяет любовь к нашему общему учителю – Сергею Апполинариевичу Герасимову. Она училась на курс раньше меня. Помню, как приехали мы в девяностых годах на Родину нашего Учителя на Урал и Валентина, вздохнув, со слезами сказала: «Вот и снова Учитель нас позвал, вот мы и вместе». В этих словах было все: боль по его утрате, боль за крушение кинематографа (в девяностых – он был разрушен до основания) и надежда на возрождение.

И вот мы опять вместе с Валюшей, да еще на родине Гоголя, в его отчем доме. Валентина много читает, размышляет, она верующий человек. К середине жизни у нее вдруг проснулся дар художника – она рисует цветы. Показывала мне на фотографиях свои работы. Искушенная в живописи с детства (папа рисовал, дядя – художник), я увидела чарующие картины и порадовалась за Валюшу. Мать Гоголя, которую ей предстояло воплотить, была необыкновенной женщиной. Ее мужу, отцу Гоголя, приснился сон, где сама Богородица указала на двухлетнего ребенка и сказала, что в будущем она станет его невестой. Он разыскал ребенка в соседнем имении и стал ее посещать. Как только ей исполнилось четырнадцать, он посватался, а в пятнадцать лет их обручили.

Марии был дан дар «видеть через оболочку тела глазами души». Думаю, что этот дар в еще большей степени перешел к Николаю Васильевичу.

На полтавщину прибыли и украинские актеры Алексей Богданович и Радмила Щеголева, и, конечно, мой «талисман», без которого уже не начинаю работу – самобытная актриса Анна Левченко. Она снималась в фильме «Одна любовь души моей» в небольшой роли, но на протяжении многих лет с радостью спешит помочь, чем только возможно. Умеет все: петь, плясать, сама собирает древние украинские песни, великолепно знает язык, а главное – своим присутствием создает ощущение народного праздника. Михаила Соханя, исполнителя роли Гоголя в детстве, нашли тут же в поселке. Помогали нам всем миром – и сотрудники музея, и простые люди. Дом Гоголя настолько ожил от присутствия актеров и настоящих свежеиспеченных пирогов, что хранители музея вздыхали: «Вот бы вы не уезжали – ведь это уже не музей, а настоящий дом». Евгений Редько в образе Николая Васильевича всем нравился, на него украдкой ходили посмотреть многие жители поселка. Евгений – живой и общительный – всех очаровал, особенно дам.

У Гоголя не было никогда своего дома, кроме отчего, который он отписал матери и сестрам. Конечно, Мария Ивановна Гоголь втайне мечтала о хорошей семейной жизни для сына – хорошей жены и детушек. По сценарию, Николай Васильевич случайно слышит молитву матери, в которой она просит для него сына. В ту же ночь у жены друга Гоголя Данилевского (они которые гостили в их доме) рождается ребенок. Этого мальчика, названного в честь Гоголя Николаем, крестили в Преображенской церкви, где некогда крестили самого Гоголя. Так Николай Васильевич стал крестным отцом, получил духовное чадо.

Младенца выбрали из местных, за неделю до этого ребенок был крещен в этой церкви, и мне удалось договориться с его родителями. Его мамочка согласилась играть крестную мать, чтобы младенец не нервничал. Роль священнослужителя и весь обряд согласился исполнить отец Иоанн, настоятель Преображенской церкви. Правда, он сетовал, что для крестин вместо купели у него используется простой тазик… Тогда мы решили выделить из наших хилых средств деньги на покупку настоящей купели. Ее привезли из Киево-Печерской Лавры. Так мы наладили реквизит и помогли храму.

Был праздник Казанской Божьей Матери. Конечно, в этот день лучше молиться, а не работать, но что делать, мы обязаны были снимать каждый день. Маша Соловьева, в восторге, что разрешили снимать в историческом храме, выставила мягкий

свет. Засиял старинный иконостас. Привели загримированных артистов, принесли младенца, сняли один кадр и… полностью вырубился свет. Как выяснилось, вышел из строя передвижной генератор. Что делать? Вызванный из Киева второй генератор приедет только через шесть-семь часов! А младенец? Принимаю решение: отпустить младенца и его родителей, благо дом их рядом. Прошу группу помолиться и сама встаю около древних икон. Потом вспоминаю, что однажды мне помогли военные с генератором. Прошу вызвать нам на помощь местную службу МЧС. Далее принимаю решение снимать часть сцен возле храма. Снова привозят накормленного и выспавшегося младенца. И мы снимаем кадры, когда Николай Васильевич, выйдя из храма, передает сына Данилевскому со словами: «Брали некрещеного, отдаем крещеного…» Женя признался, что во время съемок, когда он держал младенца, у него дрожали от волнения руки.

Видимо, наша общая молитва помогла: спустя три часа нам прислали генератор МЧС. Свет в храме был восстановлен, и мы продолжили снимать обряд. Ребенок в это время развеселился – он протягивал ручонки к носу Гоголя, улыбался ему своим беззубым ротишком и вел себя так, словно спущенный к нам на эту грешную землю ангел. Он даже не заплакал, когда его опустили в купель. Между Женей (Гоголем) и ребенком установилась такая связь, что мы поблагодарили все происшествия с генератором. Видимо, перерыв на кормление и сон благотворно повлияли на нашего маленького артиста.

После съемок отец Иоанн одарил меня, Теличкину и Евгения Редько иконами. А мы радовались тому, что сорочинские ребятишки теперь будут креститься не в тазике, а в настоящей купели.

На следующий день в Гоголево, у дома, некогда принадлежавшего семье Гоголей-Яновских, была снята сцена прощания матери и сестер с Николаем Васильевичем. Здесь были все: крестьяне, бандурист… Мария, роль которой исполняла Анна Левченко, должна была вынести вещи Гоголя. Но я оттягивала этот момент, снимая крупные планы. И вот, наконец, к нам на площадку прямо с музейной витрины из Сорочинцев прибыл необыкновенный гость – настоящий исторический портфель Гоголя. Смотрительница передала мне коричневый скромный портфель со старинной застежкой. Я объявила перерыв и попросила тишину.

«Друзья мои, – сказала я группе, – к нам на киноплощадку прибыл настоящий портфель Николая Васильевича Гоголя. Хорошо, если и наши чувства будут настоящими и это передастся зрителям». С этими словами я протянула портфель Евгению

Редько.

В первый же день пребывания на Полтавщине нам с Машей Соловьевой необыкновенно понравились поля цветущих подсолнухов. И вот в последний съемочный день, когда машины и весь наш скарб отправились в Киев, мы остановились у бескрайнего поля… Еще немного, и над ковром лучистого подсолнечника взлетела стрела кинокрана, и на мониторах мы увидели завораживающее зрелище… Камера летела над полем, по которому шел наш герой. Он был бос, на зонтике висела его обувь, рубашка расстегнута и он – наш Гоголь – был счастлив, так же как и мы. И еще один кадр: Николай Васильевич лежит на стеблях подсолнечника, камера взмывает, и фигура Гоголя теряется в желтом пламени подсолнечника. Получив эстетическое удовольствие от съемок, мы не отказали себе в возможности немного поплавать в озере. Ведь впереди – четыреста километров пути до Киева.

Нам было необходимо снять массовые сцены и приезд Гоголя на Полтавщину. К счастью, нас пустили в новый уникальный заповедник на Отрадном, где были восстановлены целые старинные улицы украинских сел с храмами, домами, плетнями, мостиками.

Мы не только заполнили улицы взрослыми и детьми в крестьянских костюмах, но и выпустили за плетни кур, гусей, коз. И когда появилась бричка с Гоголем, весь этот мир ожил – он заговорил, запел, загоготал.

На съемку прибыли представители сразу нескольких украинских телекомпаний. Среди них оказалась замечательная актриса Ольга Сумская, телеведущая – ее вторая профессия. Я пригласила Ольгу на съемочную площадку и начала ее снимать. Так я осуществила свое желание видеть образ инфернальной красавицы на крестьянском празднике.

Очень сложно объединить только что прибывших актеров в сцене, где нужно петь и танцевать. Но тут мне помогла Анна Левченко. Мы заранее отобрали песню, потом тут же ее записали прямо на открытой площадке, затем разучили движение. И вот наша камера, поднявшись над праздничным столом, где Гоголь встречается с селянами, перелетает соломенные крыши и, опускаясь вниз, соединяет влюбленную пару за хатой. Парубок и дивчина целуются. Все это в одном кадре.

В работе со статистами мне помогал мой второй режиссер Дмитрий Пищулин. Талантливый молодой человек так самозабвенно работал на жаре, что у него пошла кровь носом. Но Дима через десять минут был в строю. Нет, просто замечательная самоотверженная группа!

В одном из домиков заповедника мы снимали сцену маленького Гоголя с котом. Случай описан самим писателем. Видимо, черный кот напугал мальчика, в нем увидел он что-то бесовское и кинул в озеро. И потом горько плакал, ему казалось, что он утопил человека…

С котом пришлось разбираться лично мне, потому что обе дрессировщицы так и не смогли направить его на камеру. Снимая «Детство Бемби», я имела дело со многими животными, среди которых были рыси и тигры, и кое-какими навыками овладела. Я пометила путь коту, натерев пол его едой, но всё равно кадр был снят благодаря рапиду – эффекту, замедляющему движение, и мастерству оператора. В этот день я увидела еще одно чудо Маши Соловьевой: приспособление для съемок с пола – крошечный штатив на роликах. Маша снимала, буквально не отрываясь от пола. Но главные испытания для кота не закончились. Вначале мальчик, играющий маленького Гоголя, кидал в воду муляж. Но потом дрессировщица взяла кота на руки, отплыла с ним в лодке от берега, кран развернули камерой на озеро и кот был спущен на воду. Ассистент художника Кирилл должен был его спасти. Он разделся, полез в озеро, но как только кот попал в воду, он стал плыть с такой крейсерской скоростью, что человек не смог его догнать. Далее кот скрылся в кустах. Пришлось ограничиться одним дублем.

На маленьком озере с великолепными лилиями снимали сцену, когда Гоголь вместе с сестрой Ольгой (ее играла киевская студентка Анна Бычковская) проплывают на лодке, беседуя о главном.

– Братец, а у Вас есть любимая? – спрашивает сестрица Гоголя.

– Есть, – отвечает он ей, налегая на весла.

– И она вас любит?

– Знаешь, Аннушка, главное, чтобы мы сами любили, а любит ли кто нас – это уже как Бог даст…

Всякий раз лодка с героями плыла немного по-разному, да и траектория полета стрелы, на которой установлена камера, не повторяется в точности от дубля к дублю. Становится понятно, почему Маша Соловьева так дорожит каждым человеком из своего окружения, а в него входят мастера своего дела из разных городов. Среди них – главный «фокусник» на площадке Игорь Бибеев из Санкт-Петербурга. Это человек, который управляет фокусом в кадре во время съемки.

– Игорь, а как тебе удается сейчас удерживать фокус? – спрашивают его. – Камера на стреле, ты вращаешь диск управления, глядя на озеро с актерами?..

– Сам не знаю. Чувство помогает…

И в скупом и скромном ответе угадываются колоссальный опыт и любовь к кино.

Полеты над озером и лодкой стали нашими любимыми кадрами. Ими заканчивались натурные съемки в Украине, и мы не отказали себе в удовольствии сняться всей группой на берегу полюбившегося нам озера…

Середниково

С 11 по 14 августа 2008 года группа художественного фильма «Гоголь. Ближайший» выехала на съемку в усадьбу Середниково. Это знаменитое лермонтовское место.

1 июня 1829 года М.Ю. Лермонтов впервые приехал в Середниково. Впоследствии он неоднократно бывал здесь в годы учения в Московском университетском благородном пансионе, а затем в Московском университете. Здесь он писал свои первые стихи.

Как я уже говорила, первый съемочный день, освящение и торжественное разбивание тарелки с названием фильма состоялись именно в Середниково.

В усадьбе созданы прекрасные условия для проведения киносъемок. На высоком холме, круто спускающемся к пруду с двумя островами, возвышается двухэтажный дом с бельведером и четырьмя флигелями, соединенными между собой крытыми галереями. Все пять зданий охватывают парадный двор, который замыкают ворота с символическим солнцем. Профессионально восстановлена центральная часть сооружений, интерьера и окружающего парка, аллеи и дорожки которого изящно вписаны в причудливо изрезанный рельеф. Это место завораживает своей красотой и поэтичностью.

Усадьбой ныне владеет, бережно восстанавливая ее, потомок рода Лермонтов – Михаил Юрьевич Лермонтов со своей заботливой супругой Натальей. Они рачительно восстанавливают усадебные постройки и оживляют некогда полностью разрушенные интерьеры.

Стали прибывать актеры: Евгений Редько, Алексей Богданович, Анастасия Заворотнюк…

Главной женской привязанностью Гоголя была Александра Осиповна Россет. Блестящий ум и красота вкупе с изысканным аристократизмом, привлекали к Александре Осиповне Смирновой-Россет творческие натуры. Пушкин ценил ее колкие эпиграммы, Жуковский любил посещать ее поэтические салоны, а

император прислушивался к ненавязчивым и тонким высказываниям Черненькой, как он шутливо величал Смирнову. Будучи проездом во Франции, Гоголь не преминул посетить ее дом в Париже. «Незаурядный хохлик», как она его называла, всегда был в поле ее человеческих и сердечных интересов. Ее огненно-черные глаза, обворожительный облик, резкий и в то же время трогательный характер требовал от актрисы острохарактерности и в то же время глубочайшего трагизма. Я почти сразу остановила свой выбор на Анастасии Заворотнюк. Конечно, прекрасно представляя себе, что пресса мне этого выбора не простит, как не простила Сергея Безрукова в роли Пушкина. Но известные актеры потому и становятся популярными, что их любят зрители. Я давно присматривалась к Анастасии и видела в ней гораздо больше, чем «Прекрасную няню». Она обладает не только острой характерностью, но и глубоким драматизмом. Я думаю, что после наших съемок и роли Смирновой многие увидят в Насте удивительно тонкую драматическую актрису.

Снимали сложные сцены, где Гоголь, Смирнова и Данилевский получают сообщение о смерти Пушкина. Потом – размышления Гоголя и Смирновой о смерти. Так как жили мы безвыездно в самой усадьбе, удавалось с утра до вечера снимать, а потом еще и репетировать с артистами. Настя обладает тонким и благородным характером, терпением и искренним желанием делать все как можно лучше. Она оценила нашу слаженность в работе и уезжала буквально со слезами на глазах.

Второй женский образ – Анны Виельгорской – я поручила своей дочери, Марии Бурляевой, как раз к этому времени закончившей РАТИ. Первую сцену на лошадях снимали в парке. Маша любит конную езду, увлекается с детства лошадьми. Здесь ей пришлось продемонстрировать все свои навыки. Она галопом скакала в дамском седле. Молодого человека, сопровождавшего ее в конной прогулке, играл Иван Мурадханов, мой «Бембенок», игравший в театре «Бемби» с четырех лет, потом также закончивший РАТИ.

Следующая сцена неимоверно сложная, одна из главных в фильме. Объяснение между Гоголем и Анной вылилось в признание обоих в чувствах друг другу. В истории известна только одна женщина, за которую сватался Гоголь, – Анна Виельгорская. Конечно, ему отказали – Анна была намного моложе его, аристократка, из богатейшей семьи, а у Николая Васильевича ничего не было, кроме зонтика и сомнительной славы писателя, которого к этому времени ругали все за его «Переписку с друзьями». Так что начало отношений было их

финалом.

Специально для этой сцены делалась декорация на натуре: терраса на фоне озера и дома усадьбы. И вот актеры загримированы, все и всё на площадке… кроме генератора. Генератор так завяз в грязи, что вытащить его смогли только под утро. А у Евгения Редько съемки на следующий день в 9 утра. Общее решение: встать в три часа ночи и снимать в утреннем режиме. Утром, еще до восхода все собрались на площадке. Появились первые лучи солнца. И перед нами возникла картина пленительная. Туманное, ирреальное озеро, прозрачный лес, белоснежные занавеси беседки и двое людей, объятые прекрасными чувствами. Второй раз убедились, что нет худа без добра. Сцена получилась прозрачной и зыбкой…

А дальше, дальше мы встали… Средств нет. Сколько нам ни обещали, а никто не помог. Что делать? А тут еще общемировой финансовый кризис. Отовсюду отказы. Еще один незаконченный проект. Группу пришлось отправить в бессрочный отпуск. Прошло четыре месяца, я смонтировала все, что было отснято. Пятьдесят минут полезного материала. Затем я села еще раз за сценарий, с болью рассталась со многими, очень и очень нужными сценами и приняла единственно возможное решение: на остаток денег для монтажно-тонировочного периода отснять в павильонах студии Довженко еще шесть съемочных дней, последних!

Группа согласилась с моим решением.

Последний съемочный период

На последние средства, рассчитав всё до копейки, наша киногруппа отправилась в Киев. За три недели до нашего приезда в самом большом в Европе павильоне творил декорацию наш художник Сергей Воробьев совместно с декоратором Владимиром Скворцовым. Молодой художник Кирилл Сафронов вызвался ехать в Киев без оплаты труда, только за тарелку супа.

На студии Довженко в павильоне нас ожидал гоголевский мир: стараниями художника была создана комплексная декорация. Мы вошли в дом Толстых, где Гоголь жил и творил в последние четыре года жизни. Граф и графиня не только приютили у себя бездомного писателя, но и создали особую атмосферу, где у Гоголя было все – кабинет с любимыми книгами, иконами, в гостиной его всегда ждал обед, нашлось место и для его слуги.

Вечером в декорации вошли актеры: роль Александра Толстого согласился играть Николай Бурляев, графиню Толстую –

Инга Шатова. В этот день Сергею Воробьёву и его помощникам довелось услышать самые восторженные слова. Дом Толстых плавно перетекал в две итальянские гостиные: в одной должна была появиться Смирнова-Россет, другая декорация представляла комнату, где жил и творил Гоголь в Риме. Мой любимый терракотовый цвет плавно переходил в золотистые тона. Художникам было разрешено использовать все элементы декораций, собранных на студии Довженко за все годы. Съемки фильма о Гоголе были единственными на студии. Все остальные проекты поглотил кризис. В запасниках, в пыли и полуразрушенном состоянии был найден барельеф с Христом. Нашим художникам удалось его восстановить и поместить над камином в итальянской комнате Гоголя. Этот барельеф был создан еще для фильма «Овод», где снимался мой отец.

Беседка в Ницце была украшена витражами, дом Виельгорских «во Франции» был решен в замковом стиле.

На следующий день мы попросили отца Андрея освятить павильон. На обряд освящения собралась вся киногруппа. Священник обошел всю декорацию с молитвой и святой водой. После обряда прочел нам от себя проповедь, которая сплотила всю киногруппу, а это сорок москвичей вместе с актерами и двадцать человек с Украины.

Обращаясь к нам, отец Андрей сказал: «Не думайте, что Николай Васильевич Гоголь умер. Его душа жива, он пребывает в другом мире и ему вовсе не безразлично, как вы будете о нем снимать фильм». Лучше слов для группы быть не могло.

Условия работы были близки к фронтовым: огромный павильон киностудии Довженко практически не отапливался. Находясь там по двенадцать часов, а к концу еще дольше, группа утеплялась, чем могла. Многие были в шубах, в валенках, а наши актрисы снимались в тончайших открытых платьях. Анастасия Заворотнюк, Маша Бурляева, Инга Шатова, Елена Аминова самоотверженно часами оставались в холоде. В момент съемок в декорации, изображающей солнечную курортную Ниццу, изо рта шел пар. Но ни разу я не услышала от кого-нибудь жалобу. Все понимали – это была последняя возможность снимать во время кризиса… Когда остановлены двести кинопроектов, эти съемочные дни – подарок.

Евгений Редько играл блестяще. За шесть неповторимых дней мы успели рассказать о самом тяжелом и ответственном периоде жизни Гоголя, когда он осознал, что вскоре покинет этот мир. Гоголь не боялся смерти, но страшился предстать «неприбранным», неочищенным перед божьим судом. Его главное жертвоприношение – акт сожжения рукописи второго тома

«Мертвых душ», над которым он работал последние двенадцать лет. На киноплощадку прибыл Леонид Мозговой – тонкий многогранный актер, известный по лентам Александра Сокурова. Ему предстояло воплотить образ врача Тарасенкова, лечившего Гоголя в последний период. Именно Тарасенков в нашем фильме в разговоре с Александром Толстым утверждает: «Есть огромное различие между душевнобольным и душевностраждущим. У Николая Васильевича нет нарушения сознания». В своем фильме о Гоголе мы пытались избавиться от привычных клише советского периода: «Гоголь впал в мистицизм и сошел с ума». Нет, Гоголь не сошел с ума! Его сознание продолжало быть ясным даже на смертном одре. Но он был искренне верующим человеком и тяготился своими грехами. С советского периода за графом Толстым закрепилась несправедливая репутация человека, сыгравшего в судьбе Гоголя некую роковую роль. Но сам Гоголь считал Александра Петровича самым близким себе по духу. Николаю Петровичу Бурляеву за небольшой период экранного времени предстояло раскрыть образ известного военного деятеля и дипломата графа Толстого. Необходимо было передать природную доброту, религиозную настроенность души, склонность к аскетизму. Николаю был близок образ Толстого, и он с огромной душевной самоотдачей взялся за эту роль. Между ним и Евгением Редько сразу установились доверительные отношения. Инга Шатова сыграла образ графини Толстой. Гоголь искренне любил графиню за ее доброту и поверял ей свои тайны. У нас в картине Николай Васильевич именно ей, графине Анне Георгиевне Толстой, признается, что посватался за Анну Виельгорскую и ему отказали. Маша Бурляева появилась на киноплощадке на второй день. Сцены, которые ей предстояли, были центральными в фильме. Она нервничала, но ей все помогали. Я репетировала с ней и ее экранной мамой, Еленой Аминовой, которая играла Луизу Карловну Виельгорскую. Очень помог и сам Евгений Редько. Маша Соловьева осветила беседку в Ницце, и везде побежали солнечные зайчики – блики от «моря».

Сцена, которую играла моя Маша, была необыкновенно трудна. Анна Виельгорская читает фрагмент из книги Достоевского «Бедные люди» и неожиданно раскрывает перед всеми свою душу. «В ней нет ничего утаенного», – отмечает Николай Васильевич Гоголь в своей записной книжке, восхищенно глядя на юную Виельгорскую. Этот взгляд перехватывает Смирнова-Россет, понимая, что отныне не она, а другая становится музой Гоголя. Уже под ночь стали снимать конфликтную сцену между Анной и Гоголем. Николай Васильевич, по просьбе матери Анны, неудачно сватает

Апраксина. Анна чувствует его неискренность и обвиняет Гоголя в том, что, доверяя ему, могла бы стать несчастной на всю жизнь, так как верит ему более, чем себе.

«Но ваша матушка и ваш возраст!» – возражает Гоголь – «Ах, матушка! Ах, в девках сижу! – всё более распаляется Анна. – Не суйтесь в мои дела своим длинным носом!» – «Вот и всё…» – горько про себя замечает Николай Васильевич. Но Анна вновь появляется и трогательно просит у него прощения.

Актеры сыграли, все оттенки чувств пронеслась перед нами, и мы почувствовали, что главные сцены фильма сняты.

Настя Заворотнюк приехала к нам в Киев впервые без своей помощницы, чтобы даже за билет и проживание мы не платили лишнего. Очень переживала за временную остановку проекта и радовалась нашим съемкам в «вечной мерзлоте» павильона.

Гоголь вводит Смирнову в солнечный мир выбранных для нее комнат с видом на фонтан Треви. Кокетничая с Гоголем, Смирнова неожиданно спрашивает его: «Вы так говорите потому, что немного в меня влюблены?.. Ну, признайтесь, признайтесь!» Но Гоголь молчит. Ох, как непросты его отношения с женщинами! Ни кокетством, ни даже красотой не привлечь его сердце.

Его молчание вызывает Смирнову на предельную откровенность, она рассказывает о смерти дочери и даже неудавшемся романе… «Я пережила депрессию такой силы, что передо мной маячил призрак сумасшествия…» – «Италия вас спасет», – с нежностью и состраданием говорит Гоголь. «Не Италия меня спасет, а вы, Николай Васильевич!»

И действительно, так и было, Гоголю удалось развернуть душу Смирновой к глубинному христианскому осознанию себя в мире и оградить ее от опустошающих светских романов.

В этот же день мы перешли во вторую декорацию – дом Гоголя в Италии. Чтобы «оживить» это помещение, Маша Соловьева потребовала от художников огромное стекло, на которое ассистенты лили воду. Тени от струек реально бегущей воды мгновенно оживили павильон, а вспышки молнии, сделанные специальными приборами, придали драматизм происходящему. «Мне давно было предсказано, что я встречу человека, который будет играть в моей жизни самую значительную роль…» – призналась Смирнова. – «И… что? Встретили?» – почти с ужасом произнес Гоголь. – «Думаю… – Смирнова смотрела ему прямо в глаза… – думаю, что встретила». Разряд молнии высветлил комнату.

– Вы, кажется, боитесь грозы? – заметила Смирнова.

– Как знать, не с этого ли всё и начнется?

– Что начнется? – спросила Смирнова.

– Конец света, – просто сказал Гоголь, как о деле, давно решенном.

Гоголю дана была труднейшая и страдальческая внутренняя жизнь. Судьба его была мучительной, но закончил он жизненный путь не в поражении. Иначе не были бы сказаны последние слова, слетевшие с его губ: «Как сладко умирать…»

Таинство последних дней великого писателя и духовидца мы прожили за шесть сокровенных дней, снимая в павильоне студии Довженко. Незримое присутствие гения было ощутимо всеми. И даже атмосфера его произведений, казалось, проникала в павильон. Однажды наш молодой художник Кирилл, ассистент художника-постановщика, последним покидал огромный павильон. Он неспешно намазал себе бутерброд и вдруг, поднося его ко рту, почувствовал, что на него кто-то пристально смотрит. Кирилл огляделся, в полумраке огромных пространств – никого. Он откусил подсохший хлеб, сдвинув верхней губой маленький кусочек сала. Ощущение постороннего взгляда не проходило. Художник налил себе чая и тут неожиданно встретился глазами с черным котом. В голове пронеслись съемки на озере, он почему-то сразу вспомнил кота в воде и то, как ему не удалось тогда кота этого догнать вплавь. Нет, что за наваждение – кот был не тот, да и не черный вовсе – грязный какой-то. Кирилл собрался было доесть, но что-то заставило его оглянуться. И… о, боже! – вокруг были коты. Они все, не мигая, смотрели на молодого художника с маленьким кусочком сала. И медленно, не издавая ни звука, приближались… В этот момент свет окончательно погас, осталось скудное дежурное освещение. Кирилл в ужасе бросился прочь, по дороге зацепился за какую-то пыльную ткань, запутался в ней и упал. В отчаянье рванулся вон, обронив по дороге свой кулек… Вот так.

Все бы ничего, но наутро кулек свой он обнаружил совсем в другом месте…

Чрезвычайный съезд

30 и 31 марта 2009 года в Москве в Гостином дворе проходил Внеочередной Чрезвычайный Съезд Союза Кинематографистов Российской Федерации.

Я являюсь членом СК с 11 октября 1973 года. Двадцать шесть лет – срок немалый. В книге я уже вспоминала V съезд кинематографистов, когда группировка «перестройщиков» топтала и глумилась над теми, кто создал великие кинотворения советского периода. Унижали мастеров: Кулиджанова, Ростоцкого, Озерова, Наумова и более всех – Сергея Федоровича Бондарчука. И только один человек поднялся тогда на защиту Бондарчука – Никита Сергеевич Михалков. Спустя 24 года история почти повторилась. Но теперь оклеветан, оболган был сам Михалков. Новая группировка опиралась на прежнюю, то есть именно тех, кто прожил эти годы с желанием взять реванш после того, как Никиту Сергеевича большинством голосов избрали председателем СК. Неожиданно и спешно группа «недовольных» выступила с письмом к Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву, что-де Михалков «оказался неэффективным руководителем СК».

В конце декабря 2008 года быстренько был сфабрикован так называемый VII съезд СК, куда не было позвано, и котором даже не было информированы большинство членов Союза кинематографистов, в том числе и я. Под шумок на пост председателя вместо Михалкова был избран Марлен Хуциев, который по своему возрасту скорее мог войти в когорту старейшин. Дело, конечно, было в другом. Рейдерский захват Союза был нужен для захвата имущества СК, для контроля над государственным финансированием. Поэтому Михалкова обвиняли чуть ли не в хищении имущества СК.

Михалков подал в суд, объявив VII съезд незаконным, и призвал собраться на внеочередной съезд. Вот тут так называемые кинокритики стали вести информационную войну с Михалковым, обливая его грязью и клеветой. Дальнейшие подсчеты стоимости этой грязной войны выявили факт: на нее ушло полмиллиона долларов. В журнале «Кинопроцесс» были опубликованы отдельные реплики из Интернета на Михалкова: «Врет, подличает, вор, мафиозный барин, хам», а в конце высказались, что ему де теперь «нужно застрелиться»…

Хочу ответить на этот последний выпад – не дождетесь, господа! Среди черной жижи клевет прорывались голоса: «Никита Сергеевич! Мы вас любим! Держитесь!!! Не отступайте! Победа

будет за вами и вашей командой!!!»

30 марта огромное пространство Гостиного Двора наполнилось кинематографистами, не только московскими и питерскими, но и из дальних регионов: члены СК Татарстана, Якутии, Урала, Самары, Саратова, Донского Союза, Сибирского, Северо-Кавказского и других. Прибыли представители СК своих стран: Белоруссии, Армении, Украины… Всего собралось 2570 членов Союза кинематографистов. Кворум был, и Никита Сергеевич открыл съезд.

Почетные места под горячие аплодисменты зала заняли старейшины: Генрих Боровик, Вера Васильева, Владлен Давыдов, Зинаида Кириенко, Владимир Наумов, Вадим Юсов, Михаил Ножкин, Инна Макарова.

На моем ряду сидели дорогие моему сердцу люди: Николай Губенко и Жанна Болотова, Элизбар Караваев, мой двоюродный брат Андрей Малюков, драматург Эдуард Володарский…

По традиции съезд почтил память кинематографистов, ушедших из жизни за пять лет. Последний съезд был в октябре 2004 года. На двух огромных экранах под музыку поплыли имена без регалий. Среди них: Пуговкин, Мордюкова, Хмельницкий… Этих великих оплакивал весь народ, но о других… мы ничего не знали – это были гримеры и звукооператоры, художники и кинооператоры… То и дело по залу проносился чей-то скорбный вздох. Только по этой нескончаемой ленте узнавали о тех, кто ушел… Так я узнала, что ушла моя гример по фильму «Солярис»… Знакомые фамилии вспыхивали, и мы прощались, прощались со своей юностью, со своими друзьями, коллегами… На глазах многих были слезы…

Какими никчемными стали в этот момент дрязги, когда наши товарищи уходили в вечность.

Никита Сергеевич Михалков более двух часов докладывал съезду о той бескомпромиссной многолетней борьбе, которую ему приходилось вести за сохранение Союза кинематографистов, когда разрушились практически все Союзы, за сохранение его собственности и отстаивание понятия чести и достоинства. Своим убедительным докладом Михалков вскрыл некоторые финансовые махинации, которые проводила сравнительно небольшая, но влиятельная группа кинематографистов. Но была еще одна, более серьезная опасность.

Из доклада председателя СК Н.С. Михалкова: «Это попытка рейдерскйм путем ввести в Союз кинематографистов либерально-атлантическую диктатуру с далеко идущими последствиями. Вот цитата одного из невидимых идеологов – Дмитрия Быкова, опубликовано в “Русской жизни” 25 марта 2009 года:

“Вырисовывается следующая, более чем вероятная перспектива. После краха последней корпорации творцов, кризис русской государственности тоже окажется близок к разрешению, а сама эта государственность – к разрушению”.

Вот чего добиваются, в конце концов, от нас, – подытожил Михалков. – Но, друзья мои, есть такое понятие “Родину защищать”. Сегодня это касается не только военных, это касается нас с вами.

Два замечательных человека определили, что такое счастье и свобода. Один сказал, что “счастье – это, когда ты смел и прав”. А другой сказал, что “свобода – это абсолютное доверие Богу”. Я свободен и счастлив, чего и вам желаю!»

Михалков закончил. Зал буквально взорвался аплодисментами. Один за другим кинематографисты стали подниматься с мест и приветствовали Никиту Сергеевича стоя. Я видела, что в этот момент творилось с ним. Он понял, что одержал победу, но он также понял, что все эти люди, собранные со всей страны, доверяют только ему и не отпустят. И вновь – тяжкий крест председателя Союза кинематографистов ляжет на его плечи. В глазах Михалкова была почти непередаваемая словами тоска и слезы благодарности. Он был не один, но он снова будет разрывать свое живое человеческое сердце между созданием фильмов и обилием проблем в кризисные годы всего нашего кинематографа.

В конце первого дня съезда Михалков был вновь избран председателем Союза кинематографистов решением большинства участников съезда.

В середине второго дня был зачитан список молодых актеров, режиссёров, композиторов кино, желающих вступить в Союз кинематографистов. Среди них были: Марат Башаров, Артем Михалков, Игорь Петренко, Любовь Толкалина, Филипп Янковский, Дмитрий Дюжев, Федор Бондарчук, Иван Бурляев.

Съезд утвердил поданный список, и в рядах Союза кинематографистов появились молодые, но уже зарекомендовавшие себя, люди. Никита Сергеевич поздравил молодых коллег и предложил нескольким выступить. Среди выступающих был и мой сын Иван Бурляев. Он обратился к залу: «Я композитор. Я просто скажу о своем ощущении. Представьте себе, где-то целый день мотаешься и потом подходишь к дому своему, и там огни горят, ты подходишь к дому, и тебе открывают дверь. Вот это чувство сейчас у меня. Мне очень приятно, я надеюсь, мы дома».

Да, Ванюша, кинематограф – наш дом, и там горят волшебные огни творчества. Но в этом же доме есть углы и

закоулки, где тлеет зависть к успеху, откровенная злоба и жажда первенства.

Мне было ясно одно: в труднейший кризисный год на нас, кинематографистах, определенные разрушительные силы хотели разыграть привычную для слабой интеллигенции карту раскола, подрыва авторитета крупнейшей личности. Интересно, что и на этом съезде были выступления отдельных персон, которые вспоминали V съезд, где громились авторитеты советского периода, с удовольствием. Их мнение было непоколебимо. То, что подобный съезд и надругательство над именем Бондарчука привели впоследствии Сергея Федоровича к концу жизни, их удовлетворяло. Мертвый художник не опасен! Маленькие и злые… Их цель – разъединить, расчленить.

Если Сергей Федорович после V съезда кинематографистов предсказал распад Союза социалистических республик и падение культуры, то по некоему сценарию после развала и распада нынешнего Союза кинематографистов, видимо, планировался дальнейший развал и расчленение нашей страны, тем более, что момент кризиса всегда взрывоопасен. Что ж, на войне как на войне!

Общими усилиями правду удалось отстоять и в данном случае главную победу в этом сражении, конечно, играла объединяющая личность Никиты Сергеевича Михалкова.

Свет нездешней жизни. Молитва

В канун Пасхи я, вместе с моей дочерью Машенькой, поехала, чтобы освятить пасху: крашеные яйца и куличи. За окном нашей дачи пронеслась метель и покрыла все снегом, но когда мы подъехали к нашей церкви около станции Перхушково, брызнуло солнце. По примеру многих прихожан мы разложили пасху на столах возле церкви. Появился молодой священник и стал освящать куличи с такой радостью, что все собравшиеся стали улыбаться. Подойдя к нам и освятив наши куличи, молодой священник вдруг шепнул мне: «Наталья Сергеевна, не уходите, подождите меня». – Шепнул и пошел дальше окроплять святой водой пасху прихожан. Через несколько минут мы со священником отошли в сторону. И вот, что я услышала. «Дорогая Наталья Сергеевна, я давно мечтал познакомиться с вами. Пятнадцать лет я молюсь за вас, Николая Петровича Бурляева и Андрея Арсеньевича Тарковского. Дело в том, что, посмотрев фильмы Тарковского с вашим участием, я принял тогда, пятнадцать лет назад, решение стать монахом». На меня смотрел человек, излучавший радость. Я поблагодарила его. «Мне очень, очень нужна ваша молитва, – призналась я. – Мы заканчиваем фильм о Николае Васильевиче Гоголе, помолитесь о нас».

Эта неожиданная встреча перед Пасхой внесла в мою жизнь свет нездешней жизни. Все совершается по Божьему Промыслу. И незримая молитва совершает чудеса. Христос Воскресе! Светлые пасхальные дни. Моя семья продолжает жить и творить. Моя мамочка готовится к очередным выступлениям. Мой сын Иван начинает писать музыку для фильма о Гоголе. У его жены Юлии недавно была премьера в «Геликон-Опере». Она впервые исполнила роль Татьяны в опере Чайковского «Евгений Онегин». Юленька смогла разучить сложнейшую партию, несмотря на ежедневные заботы о маленьких детях. Мы были на этом спектакле с Иваном, дочерью Машей и ее женихом Игорем. Никогда я не воспринимала оперу с таким волнением.

За окном обильными хлопьями идет снег, падая на подснежники и крокусы. Дочка собирается на гастроли с театром. Мы с моим мужем Игорем заканчиваем работу над текстами для озвучания фильма. Позвонила сыну, а там детские голоса. Поговорила с внучкой Настенькой… «Бабочка, приезжай, я жду». Приеду, мои дорогие…

Гоголь (продолжение)

Озвучание

Тихо и мелодично звонили церковные колокола, этот неутомимый и чистый звук поникал через окно, за которым кудесничали мы со звукорежиссером Алексеем Петрушиным. Студия «Акцент», где мы работали, полностью озвучивая наш фильм, располагается за городом в одном из коттеджей дачного поселка, а рядом – небольшая церковь. Поэтому все рабочие дни шли под неустанный аккомпанемент колоколов.

Алексей Петрушин, влюбленный в киноматериал, наслаждался работой с актерами, которые, в свою очередь, были под обаянием нашего звукорежиссера. В первый же день пришел Евгений Редько. В считанные дни ему пришлось в маленькой темной комнате у экрана и микрофона вновь пережить все перипетии жизни Гоголя. Актер работал самозабвенно. В трагических моментах Алеша поднимал большой палец и тихо говорил «отлично», в комических сценах наш звукооператор заразительно хохотал. Как потом выяснилось, сцены, отмеченные хохотом Алеши, вызывали такую же, но еще более усиленную, реакцию зрительного зала. Так что наш Алексей был и нашим первым и очень добродушным зрителем…

Спустя два дня пришла моя Машенька. Ее Виельгорская очень выиграла от правильного озвучания. Чтобы поднять настроение юной артистки, Алеша с ней своеобразно шутил. Бывает, что актер во время озвучания не справляется с синхроном, понимая это, говорит посторонние слова. Эти слова, особенно смешные, Алеша отлавливал и давал потом послушать, тем самым разряжая обстановку.

Следующей актрисой была Анастасия Заворотнюк. К нашему с Алексеем удивлению, Настя невероятно переживала, понимая, что озвучанием можно или улучшить, или уничтожить уже сыгранное. Услышав колокольный звон, Настя вошла в павильон и, перекрестившись, начала работать. Сцен достаточно много, но Настя прорабатывала каждый нюанс, каждую реплику. Через несколько часов ее сомнения исчезли без следа. Мы справились с озвучанием Смирновой-Россет в исполнении Насти за один день. Вечером, когда мы прощались, Анастасия подарила мне огромный букет роз. «Вы даже не представляете, что вы для меня сделали, дорогая Наталья Сергеевна», – произнесла Настя очень искренне, почти по-детски. «Нет, Настенька, это ты для нас очень многое

сделала, своим сердцем и душой, создала образ замечательной женщины, которую полюбят, дай Бог, миллионы зрителей, как любил и ценил ее Гоголь. Только вот гонорар с последних съемок мы так тебе и не выплатили, пока нечем, но мы помним…» – «Наталья Сергеевна, – прервала меня Настя, – вы мне ничего не должны!» – «Но как же – мы ведь не заплатили тебе…» – «Вы мне ничего не должны», – еще тверже сказала Настя. Я поняла, что спорить бесполезно, и обняла ее.

Безусловно, если бы не самоотверженный труд наших актеров и всей нашей киногруппы, мы бы не сняли фильм.

Одной из последних на озвучание приехала Валентина Теличкина. Ее певучий голос, абсолютная органика покоряли. Дело шло к завершению, когда Валентина робко попросила: «Наташа, мне так жаль, что мы не сняли из-за этого кризиса мою любимую сцену, где она хвастает своим сыном…» – «Да, и мне, Валентина, очень жаль», – вздохнула я. – «А нельзя как-нибудь это поставить, ну хоть за кадром?» – едва надеясь на чудо, спросила Валентина. Мы стали думать в три головы и придумали! Отговорив свой монолог, о том, что Николушке, то есть Гоголю, передался ее страшный дар «видеть сквозь оболочку тела», мы продолжили ее признания Данилевскому на планах озера: «Скажу вам, Сашенька, по секрету, – говорит матушка Гоголя, – это ведь Николай изобрел железную дорогу, и телеграф, и корабли с паром… Только он почему-то не любит об этом говорить…» Мы были очень довольны, что нам удалось вставить этот текст, он исторически подтвержден. Действительно, матушка Гоголя, в пылу неимоверной материнской любви, считала, что все значительные открытия связаны только с ее Никошей.

Мы завершили озвучание. Теперь предстояла работа композитора. Иван очень переживал. Чтобы заработать деньги на содержание своей семьи, он работал день и ночь, закончив один проект, брался за другой. К моменту работы над Гоголем у него в компьютере была совершенно другая работа, продюсеры торопили. А тут – Гоголь. Но Ивану все же удалось выкроить окно для нашего фильма. Работал быстро, сказалась наша творческая совместимость, сотрудничаем давно, и поэтому понимаем друг друга с полуслова.

Если фильм о Пушкине мы снимали все на глазах друг друга и иногда при прямом сотрудничестве с Иваном, фильм о Гоголе создавался без его прямого участия. Посмотрев весь смонтированный материал, Иван сказал: «А фильм-то, кажется, получается!» Он очень переживал за результат, зная какие трудности мы преодолевали.

Иван написал музыку к началу и финалу, разложил

оркестровку на синтезаторе, написал красивую тему для Смирновой-Россет. Я приняла материал, и мы поставили музыку в фильм, когда Максим Задоя, еще один звукорежиссер, подложил все необходимые шумы. Сказалось постоянное колокольное напоминание: через весь фильм проходят эти колокольные звоны, говоря с нами о вечном.

Золотой Витязь

Еще три месяца назад я согласилась участвовать в фестивале «Золотой Витязь». Наш фильм очень подходил по теме, девиз фестиваля: «За нравственные идеалы, за возвышение души человека». О том, что фильм о Гоголе впервые покажут на «Золотом Витязе», было сообщено прессе. В конкурсе он стоял в последний день показов: 30 мая. Но вот успеем ли мы хотя бы пока еще в цифре, на диске, а не на пленке, было неясно. Оставались считанные дни, фестиваль уже шел, когда я поздно вечером приехала к Ване, чтобы принять оставшуюся музыку.

– Бабочка пришла! – восторженно крикнула Настенька, за ней появился Никита. Я немного поиграла с ними и вошла к Ивану. На нем не было лица. Оказывается, вышел из строя один из трех жестких дисков, и на экране компьютера появилась угрожающая надпись на английском языке. Смысл ее заключался в том, что при малейшем неверном движении или выходе из строя еще одного диска, вся память, то есть все написанное Ваней за годы, может быть уничтожено. Мы обзвонили всех знакомых, связанных с компьютерами, они только подтвердили наши самые страшные опасения. Ночью нам пришла в голову спасительная мысль привезти из Ново-Дарьино рейд-массив, где были собраны наши фильмы. В течение последующих десяти часов, потихоньку, шаг за шагом, вся информация, хранившаяся в Ванином компьютере, перешла в рейд-массив, и он продолжил работу над музыкой. Из-за всех этих происшествий я увидела после перезаписи свой готовый фильм на маленьком экранчике ОТК студии «Акцент» за два часа до отхода поезда в Липецк. Мы оказались в одном купе с Валентиной Теличкиной, рядом с нами в другом купе ехала Настя Заворотнюк. Я призналась им, что до конца не уверена за качество просмотра, так как Николай Бурляев на мой вопрос «какой в Липецке проектор» сказал: «Старенький, а экран большой». Я с ужасом представила огромный зал, большой экран и где-то окошечко с нашим изображением. А еще DVD имеют обыкновение останавливаться. Я давно так не нервничала. Мы прибыли 30 мая в шесть часов утра. Как только мне

предоставилась возможность пройти в зал, где должен через несколько часов демонстрироваться наш фильм, я попросила поставить наш диск с фильмом и показать его на экране. К моему удивлению, изображение было во весь огромный экран, и не такое уж плохое, только общие планы чуть-чуть размыты.

Вечером этого же дня наша киногруппа: я, Анастасия Заворотнюк, Валентина Теличкина, Маша Бурляева, Инга Шатова, Николай Бурляев и Иван Бурляев представили фильм на сцене. Зал был переполнен. Я попросила зрителей быть снисходительными к нашему новорожденному фильму и призналась, что буду смотреть его на большом экране со зрителями впервые. После представления фильма нас посадили в центр зала, погас свет… И начался первый просмотр. Со мною рядом сидела Анастасия Заворотнюк. Чувствовалось, что она переживает не меньше меня. Нашего Евгения Редько – исполнителя главной роли – так и не отпустили на два дня из театра. Но он был с нами, на экране. Реакция зала была ощутима: если смеялись, то от души, если плакали – всем миром. Пошли титры, раздались аплодисменты… Пока шли титры, а они у нас длинные, никто не покинул зал. Но вот и титр «конец фильма». В зале зажгли свет. И тут началось непредсказуемое – зал не только аплодировал стоя, но со всех сторон к нам стали тянуться руки, нет, не за автографами, как это часто бывает, а просто – чтобы молча дотронуться и встретиться взглядом. Такого на моей памяти еще не было. Мы вышли, ошарашенные, из зала. Дальше плохо помню – навалилась смертельная усталость последних дней, а может быть и лет…

По итогам работы международного жюри Гран-при получил фильм В. Бортко «Тарас Бульба», а наша картина была удостоена награды «Золотой Витязь». Дипломами: «За лучшую операторскую работу» отмечена Маша Соловьева, «За лучшую женскую роль второго плана» – Мария Бурляева. Еще фильм был награжден призом парламентского собрания Союза Беларуси и России. И самым трогательным для меня в этой церемонии было вручение Специального Приза Липецко-Елецкой Епархии – «Святой Тихон». Этот удивительный приз был мне лично вручен седовласым преосвещеннейшим епископом Липецким и Елецким Никоном. После его поздравления, принимая к себе фигурку из бронзы Святого Тихона, глядя на своего первого и такого доброжелательного зрителя, я призналась всем, что мечтаю снять художественный фильм о Сергии Радонежском. Зал подхватил мои слова аплодисментами. А в голове мелькнуло: кризис, где взять средства?.. На все воля Божья.

Московский кинофестиваль

19 июня 2009 года в кинотеатре «Пушкинский» прошла торжественная церемония открытия XXXI Московского Международного кинофестиваля. Мы шли по зеленой, в этот раз, дорожке с моей мамочкой, обе в длинных платьях от Зайцева. К нам и другим актерам тянулись руки с автографами, щелкали фотоаппараты, снимали кинокамеры. Как всегда у входа в кинотеатр гостей и участников фестиваля встречали Никита Сергеевич Михалков с супругой Татьяной. Мы расцеловались, я спросила Татьяну о дочках Анне и Насте. «Снимаются обе», – улыбнулась она. – «И это прекрасно», – ответила я. Зная эту семью много лет, я порадовалась, что Михалковы находят в себе силы стоять плечом к плечу в ответственные моменты жизни, несмотря на шквал желтой прессы, несмотря на явные угрозы физической расправы над членами семьи. Они – Михалковы – вместе.

Войдя в зал и посадив маму рядом с Евгенией Симоновой и ее супругом, я оглядела зал и, увидев брата, Федора Бондарчука, подошла к нему. Мы обнялись. «Федя, я наконец-то посмотрела оба твои фильма „Обитаемый остров“ и фильм о фильме, и хочу поздравить тебя, проделана огромная тяжелейшая работа и тебе по плечу самые сложные задачи…» Федя улыбнулся и показал глазами на кого-то. Только тут я признала в худенькой, как мне показалось вначале – незнакомой, девушке мою сестру Алену Бондарчук. «Господи, я тебя и не узнала, так ты помолодела», – сказала я Алёне. Подскочили журналисты. Федя обнял нас – своих двух сестер. И фотографы застрекотали своими аппаратами. Всех попросили занять свои места, и Михалков открыл фестиваль. Зрители и участники кинофестиваля минутой молчания почтили память ушедшего от нас Олега Янковского. Посмертно он был удостоен приза за вклад в киноискусство имени Станиславского «Я верю». Приз был вручен сыну Янковского – Филиппу. Затем состоялся просмотр фильма Павла Лунгина «Царь», где Олег Янковский сыграл свою последнюю роль. Фильм очень тяжелый по восприятию. Мамонов блестяще играет царя Ивана Грозного, Олег Янковский – патриарха, восставшего духом на тирана. Несмотря на физическую гибель, он одерживает духовную победу. Это, несомненно, лучшая роль великого артиста, отдавшего до конца всего себя в служении людям. Браво, Олег! И до встречи в мирах иных.

На следующий день, 20 июня, в Доме кино, в русской внеконкурсной программе был показан наш фильм «Гоголь. Ближайший». Зал наполнился до отказа, и на сцену вышла внушительная команда исполнителей главных ролей и членов

киногруппы. Представляя фильм вместе с моим вторым режиссёром Дмитрием Пищулиным, я прежде всего сказала, что сегодня очень волнуюсь не только из-за просмотра в зрительном зале Дома кино, но и потому, что в этом зале впервые наш фильм будет смотреть моя мама – народная артистка СССР Инна Макарова. Зал буквально взорвался аплодисментами, и Инне Владимировне пришлось встать.

Впервые вместе с нами на сцене был Евгений Редько. Неожиданностью для зала было то, что именно 20 июня у нашего второго режиссера – Дмитрия Пищулина, была свадьба и все гости, и сами молодожены пришли на показ фильма. Невеста была вызвана на сцену. А моему мужу Игорю Днестрянскому удалось снять на видео момент, когда под крики зала «горько» молодожены расцеловались. Во время просмотра я сидела рядом с Анастасией Заворотнюк и ее супругом Петром. Он меня поразил своей реакцией на каждый нюанс фильма. Я порадовалась за Настю, что ее муж обладает такой отзывчивой душой. После просмотра Петр взял меня за руку: «Это замечательный фильм и… спасибо вам за Настю». «Спасибо вам, Петр, – ответила я. – Берегите Настю». Нас окружили зрители, долго не давая выйти из кинозала. Говорили, что захотели вновь читать Гоголя, что фильм обязательно нужно показывать в школах и многое другое. Но я отметила для себя двоих. Православный священник из Молдовы сказал о фильме: «Это кинематографическая проповедь, и она очень нужна людям». Но более всего мне хотелось услышать мою маму. Она сидела в холле на диванчике, худенькая и взволнованная, окруженная зрителями и фотокорреспондентами. «Мамочка, ну как?» – спросила я ее. – «Грандиозно, – тихо произнесла она. – Я никогда не видела ничего подобного ни об одном гениальном человеке».

Через несколько дней мама даже записала свои мысли специально для этой книги. Вот они: «Я увидела то, что не видела и не почувствовала нигде раньше. В немногих сценах я увидела и услышала Украину такой, какой читала только у Гоголя. И Россию, Оптину Пустынь и людей – это драгоценно. Я увидела прекрасную и драматическую жизнь гениального человека в исполнении Евгения Редько. И там есть Дух Времени. Правильно кто-то сказал из зрителей – “как в церковь сходили”. Какое исключительное ощущение после просмотра фильма в наши времена».

Спасибо тебе, мамочка, за эти слова. Теперь я сильна и способна выдержать все нападки кинокритиков и просто недобрых людей. Конечно, наш фильм в какой-то степени беззащитен, прежде всего, перед теми, для которых понятия

Родины, Бога, Гения, Судьбы не существует.

Ново-Дарьино

У нас новый член семьи – маленькая белая собачка Умка. Ее приобрела моя дочь. Понимая, что непреодолимая тяга взять щенка и нянчить его вызвана возрастом Маши, я приняла Умку. Тем более, что наш Барон (ретривер) от нее без ума.

31 июля моя дочь Машенька расписалась в ЗАГСе с гражданином Беларуси Игорем Васильевым и взяла его фамилию. В нашем полку прибыло. Игорь – сын известного белорусского актера Виктора Васильева. В своем молодом возрасте Игорь уже член Союза кинематографистов Беларуси, снялся в нескольких фильмах. Встретились они в Артеке в прошлом году. А в этом году Игорь поступает во ВГИК на режиссерский факультет. Дай Бог.

Поспела земляника. А на моем письменном столе появился роман Дмитрия Балашова «Похвала Сергию». Хватит ли сил, чтобы, пробив инертную массу, объединить людей в создании самого сокровенного для меня фильма о Великом Печальнике Земли Русской – Сергии Радонежском. Но на все воля Божья.

Сколько же их осталось, моих единственных дней?

Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,
Дороги мокнут, с крыш течет,
И солнце греется на льдине.

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

Фото

Анна Ивановна Герман, моя бабушка. Известная в Сибири писательница, исследовательница Горного Алтая

Инна Макарова, моя мама. На берегу Оби, 1942

Владимир Степанович Макаров, мой дедушка. Он прожил свою яркую жизнь за тридцать пять лет

Вы будете смеяться, но я хорошо помню свое рождение. С родителями, 1951

Я, конечно, и не подозревала, что родилась у известных актеров – Инны Макаровой и Сергея Бондарчука

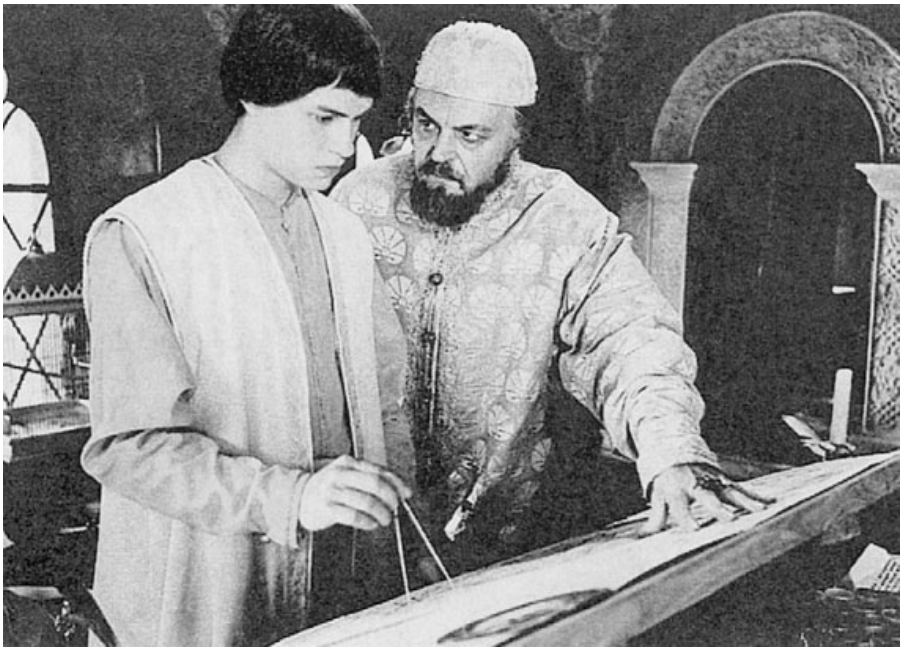
Перед тем как уйти, папа нарисовал мой портрет. Видимо, хотел взять с собой. 1958

Сергей Бондарчук в роли Отелло. С Инной Макаровой в перерыве между съемками

«Война и мир». Пьер Безухов

«Судьба человека»

Две актрисы – мать и дочь – на фоне своих портретов из фильмов «Солярис» и «Безответная любовь»



Сергей Бондарчук и его сын Федор в фильме «Борис Годунов»

Две сестры – Наташа и Алена Бондарчук

Учитель и ученица. Сергей Апполинариевич Герасимов и Наталья Бондарчук. ВГИК, 1985

«Художник должен быть одержим стремлением усовершенствовать мир», – убеждал нас учитель. Курс Сергея Герасимова, 1975

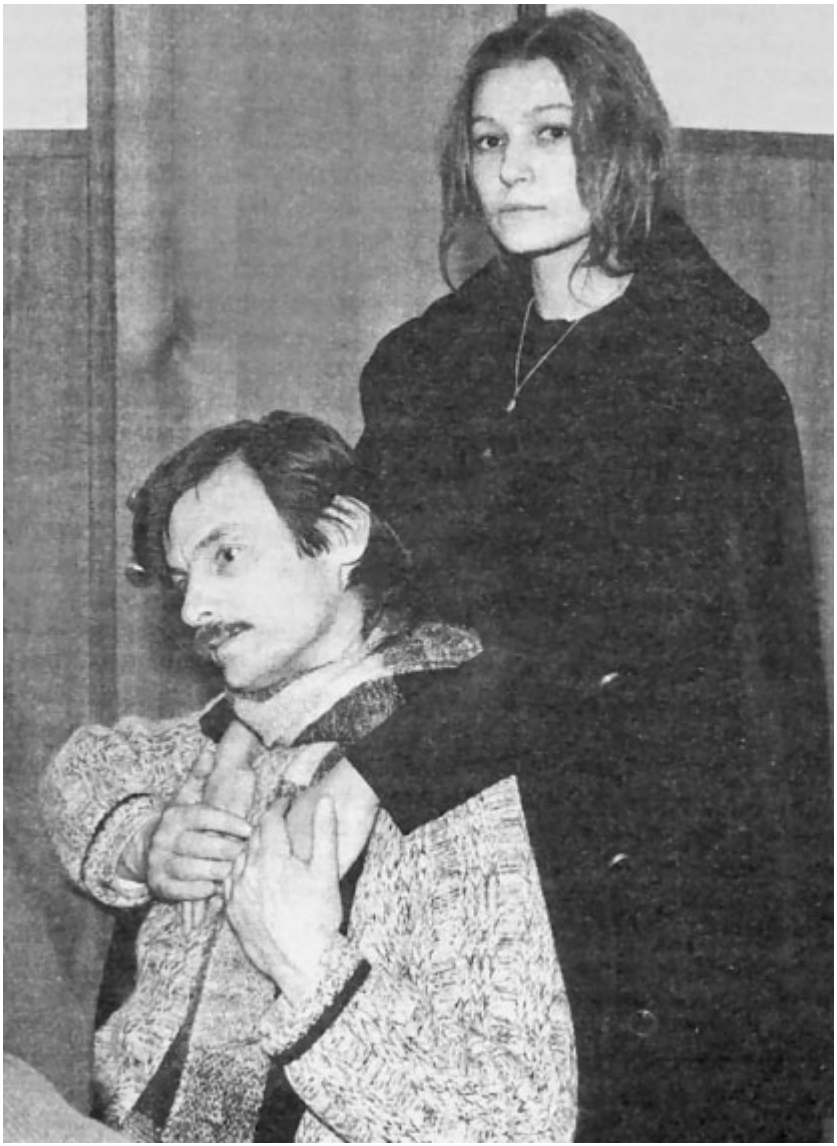
Три режиссера дипломного фильма «Пошехонская старина»: Игорь Хуциев, Николай Бурляев, Наталья Бондарчук

Увидев меня в «Солярисе», Николай Бурляев заявил: «Эта женщина будет со мной». С мужем, сыном Ваней и собачкой Чудиком. 1979

На роль Нади в фильме «Ты и я» Лариса Шепитько утвердила меня без проб

На планете «Солярис». Режиссер Андрей Тарковский помогает мне войти в образ Хари

У зеркала. Хари и Крис Кельвин (Донатас Банионис)



Дорогой мой человек. В монтажной Мосфильма. 1971

Д. Баниопис, Н. Бондарчук, А. Тарковский. На знаменитой лестнице в Каннах

На Каннском кинофестивале «Солярис» получил Специальный приз. 1972

Мария Волконская – фильм «Звезда пленительного счастья». Режиссер В. Мотыль

В спектакле по роману Стендаля «Красное и черное» я сыграла мадам де Реналь. Через несколько лет С. Герасимов поставил

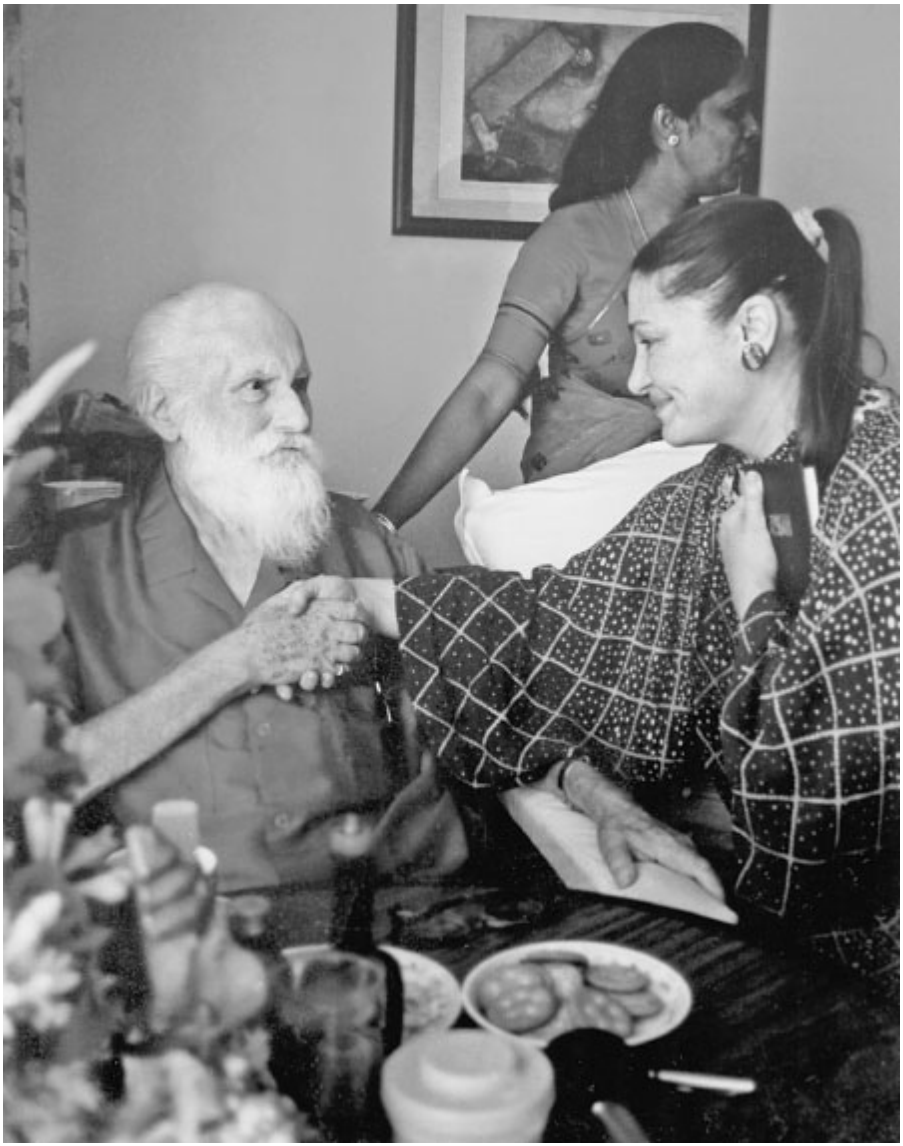
фильм. На съемочной площадке, 1975

В роли Матрены в фильме «Пошехонская старина». Книга Салтыкова-Щедрина была настольной в нашем доме

Последняя встреча с Олегом Янковским. Слева – Марина Арсеньевна Тарковская. Лондон, декабрь 2008

«Бродяга – я», любил шутить Радж Капур. Дели, 1977

С Федерико Феллини. Рим, 1975



К наследию Рерихов я пришла к тридцати годам. Мне хотелось найти подтверждение внутреннему убеждению, что жизнь бесконечна. Незабываемая встреча со Святославом Николаевичем Рерихом. Бангалор, 1992

С мужем Игорем Днестрянским в долине Кулу. Индия, 1996

На съемках фильма «Детство Бемби». Семья оленей: Агни – Наталья Бондарчук, КорольЕОлень – Марис Лиепа, Бемби – Ваня Бурляев. 1985

Я в роли «атамамши» с моими любимыми разбойниками – юными артистами театра «Бемби». 1987

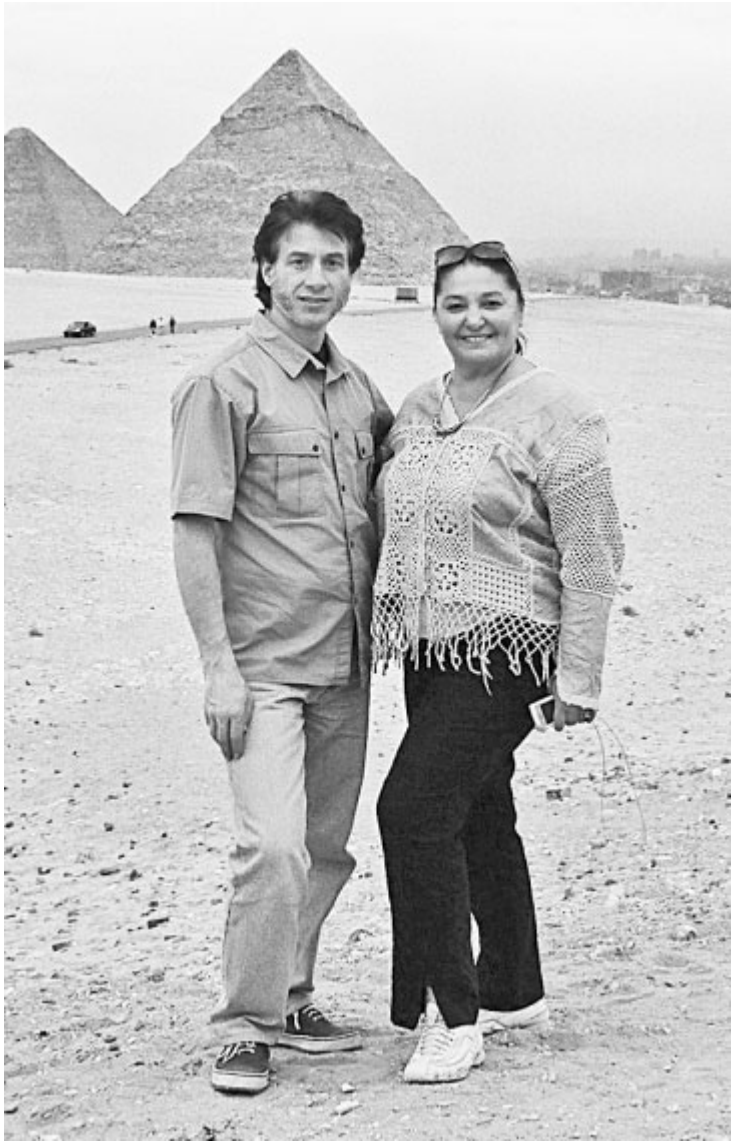
Маша и Ваня – молодые творческие личности. Они во всем меня поддерживают. Мы вместе и дома и на съемочной площадке

С сыном Иваном на премьере фильма «Пушкин. Последняя дуэль»

Мария Бурляева в роли Анны Виельгорской («Гоголь. Ближайший»)

Встречаем новый 2008 год. С Машей, Ваней, женой Вани – Юлей и внуком Никитой

С внучкой Настей мы любим рисовать… одной кисточкой



2007 год мы встретили в Египте. Солнце 1 января!

«Кто любит Венецию, тот часть Венеции». Начало пути к Гоголю

Сбылась моя мечта. Иерусалим, у Стены плача

Открытие музея Тарковского на его родине. Город Юрьевец

Кинофестиваль в Каннах, 2007

В фильме «Лермонтов» (1985) я сыграла мать поэта, а режиссер фильма Николай Бурляев – самого Лермонтова. В роли маленького Миши – наш сын Ваня

«Любовь и правда Федора Тютчева» (2003). Поэт (Н. Бурляев) и его жена Эрнестина (Н. Бондарчук)

Игорь Днестрянский в роли Пушкина в фильме «Одна любовь души моей». 1999

В гостях у Марии и Александра Пушкиных (последних прямых потомков Александра Сергеевича). Брюссель, 2008

На съемках фильма «Одна любовь души моей». Слева направо: Борис Хмельницкий, Александр Михайлов, Валерий Сторожик, Наталья Бондарчук, Станислав Любшин, Юрий Нифонтов

«Пушкин. Последняя дуэль». В роли поэта – Сергей Безруков. Съемочный день окончен. Поздравляю!

Анна Снаткина – Натали Пушкина, Инна Макарова – Екатерина Загряжская

Сцена дуэли. Безруков блестяще сыграл желание продолжить поединок невзирая на мучительную боль. Данзас – Андрей Ильин.

Оператор-постановщик Мария Соловьева и режиссер Наталья Бондарчук на выборе натуры в Риме. 2008

Премьера фильма «Пушкин. Последняя дуэль». С сокурсником Анатолием Переверзевым и Анжелой Данзас (потомком Данзаса). Париж, 2007

Дом-музей Волконских в Иркутске. С Евгением Ячменевым. Он долгое время был директором музея

«Гоголь. Ближайший». В главной роли – Евгений Редько. Полтава, 2008

В родительском доме в Васильевке (ныне – Гоголево). В роли

матери – Валентина Теличкина

Гоголь и А.О. Смирнова-Россет (Анастасия Заворотнюк)

В руках режиссера портфель, принадлежащий Николаю Васильевичу Гоголю

Международный кинофестиваль «Золотой витязь». За фильм «Гоголь. Ближайший» режиссеру были вручены призы «Золотой витязь» и «Святой Тихон». Май 2009

Освящение первого съемочного дня фильма «Гоголь.

Ближайший». Середниково, май 2008

Вновь на Алтае. Лето 2007

notes

Примечания

1

Его величество *(фр.)*.